

Вниманию оптовых покупателей!

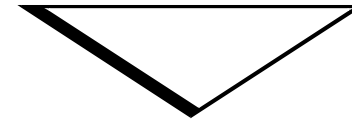
Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться в интернете на сайте
www.100top.ru

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Период всемирной истории после Первой Мировой войны принято считать безвременьем. Великие потрясения начала века — унесшая 10 миллионов человеческих жизней «империалистическая бойня» 1914—1918 годов и Октябрьская революция в России, увеличившая эту цифру вдвое, — остались позади, а до нового мирового конфликта было еще далеко. Обескровленная Европа восстанавливала силы.

Философия капитализма после суровых уроков, преподанных ей левыми экстремистами в 1917—1918 годах, стала проникать в массовое сознание. Активно разрабатывались социальные программы, стали популярными политическая терпимость и пацифизм, росло количество республик. Убывало влияние экстремистов, стихала забастовочная борьба, снижались военные расходы. Смягчение политического климата наблюдалось и в Советской России, где на короткое время воцарился компромиссный нэп.

В первой половине 1930-х годов картина радикально изменилась. На смену послевоенному хозяйственному подъему пришел всемирный кризис. С приходом к власти германских нацистов на европейской политической арене вновь замаячил призрак войны. Развитие индустриализации и коллективизации дало возможность СССР активизировать внешнюю политику. Последовал «второй тур войн и революций» — вооруженные столкновения в Китае, нападение Италии на Эфиопию, противоборство на советско-японских рубежах, боливийско-парагвайская война...

Но, пожалуй, самым ярким пятном в мировой истории осталась вспыхнувшая тогда же гражданская война в Испании. Разразившаяся в небольшой захолустной стране, испанская война вскоре надолго приковала к себе внимание всего международно-

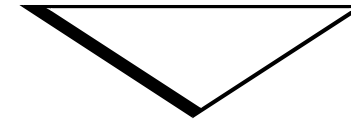
го сообщества. После ее окончания прошло больше полувека, но книгами об этой войне по-прежнему пополняются библиотечные полки городов в самых разных уголках земного шара.

Пройдем вдоль полок. Книги на английском, французском, русском, итальянском, польском, венгерском языках. ...Бросаются в глаза заголовки: «Жизнь и смерть Испанской республики», «Дайте мне битву», «Драма непокорного народа», «Испания, Испания!», «Испания в огне». Далее — «Испанская ярость», «Испанский ветер», «Испанский дневник», «Испанский лабиринт», «Конвульсии Испании». И еще — «986 дней борьбы», «Поле боя — Испания», «Борьба за Мадрид», «Герника!» «Эбро и Сегре», «Я был сталинским министром». Две «Битвы за свободу». Несколько «Испанских трагедий». Десятки «Испанских войн». Ряд заголовков, словно сошедших с обложек современных детективов — «Великий камуфляж», «Большой крестовый поход», «Жестокие годы», «Кровь в небе», «Последнее великое дело», «Политические каннибалы», «Последний оптимист», «Рана в сердце».

Испанской гражданской войне посвящали свои сочинения знаменитые писатели — Джордж Оруэлл и Эрнест Хемингуэй, Антуан де Сент-Экзюпери и Андре Мальро, Артур Кестлер и Бертольд Брехт. В постановке кинокартин об испанских событиях словно состязались советские киностудии («Бархатный сезон», «Добровольцы», «Киевлянка», «Парень из нашего города», «Псевдоним — Лукач», «Это мгновение»), французские режиссеры («Надежда», «Война закончилась», «Товар для Каталонии», «Умереть в Мадриде») и Голливуд («По ком звонит колокол»). Сотни работ ей посвятили гражданские и военные историки, социологи и журналисты.

Эта книга о том, как появилась «испанская легенда» и в чем специфика испанской гражданской войны, и о том, как через много лет бывшие враги пришли к примирению.

ГЛАВА 1

НАКАНУНЕ ГРОЗЫ

У Испании громкое и славное средневековое прошлое. VIII век начался с драматических событий — нашествия мусульман-арабов (мавров), неожиданным нападением захвативших Пиренейский полуостров. Крупнейшие центры страны — Севилья, Кордова, Толедо, Валенсия, Малага надолго оказались под чужеземным владычеством. Испанцы сумели отстоять лишь малонаселенные горные области — Астурию и Леон. Именно из этой небольшой части Испании развернулась знаменитая освободительная война — Реконкиста. Она длилась добрую половину тысячелетия и завершилась к началу XVI века триумфальным взятием Гренады.

Многовековая борьба с чужеземцами-мусульманами наложила сильнейший отпечаток на испанский характер, усилив в нем черты воинственности, нетерпимости и пренебрежения к культуре.

Победы над арабами сопровождались объединением разрозненных испанских земель — Арагона, Кастилии, Леона, Наварры и др. в Испанское королевство. Его столицей стал старинный кастильский город Толедо. Позже столицу перенесли в только что основанный в 50 километров от Толедо Мадрид. В политической жизни королевства укрепилась гегемония Кастилии, а кастильское наречие стало национальным языком.

В XVI веке Испания переживала невиданный подъем. Она превратилась в великую державу, захватившую обширные владения как за океанами (Южную Америку, Филиппины, Молуккские острова), так и в Европе (Нидерланды, Южную Италию). Прекрасно оснащенная и обученная испанская армия одно время считалась сильнейшей среди европейских. Под руководством отлич-

ных военачальников — Гонсалеса из Кордовы, Спинолы, Хуана Австрийского она наводила страх на половину континента. Состоявший из первоклассных галионов и обладавший хорошими кадрами испанский флот преобладал в Атлантике и доставлял из Нового Света золото и серебро.

Однако именно военное и колониальное могущество сыграло с Испанским королевством дурную шутку. Сменявшие друг друга короли и королевы — сперва Габсбурги, затем Бурбоны — тратили на вооруженные силы и колонии львиную долю доходов. Несоразмерно высокие налоги (до трети стоимости любой сделки) душили ремесла, торговлю и сельское хозяйство. Королевство долго сохраняло колоссальную заокеанскую империю, но так и не смогло создать сбалансированной, динамичной экономики. В этом плане оно безнадежно отстало не только от великих держав — Англии, Швеции и Франции, но даже и от небольшой Саксонии и крошечной Голландии. Народ оставался бедным, буржуазия — неразвитой. Спутники капитализма — промышленность и финансы почти отсутствовали. Поэтому даже в эпоху расцвета испанского могущества иностранцы насмешливо говорили о «героической лени» испанцев.

Из-за экономического отставания Испанского королевства в XVII веке стали слабеть и его вооруженные силы. Флот проигрывал одну войну за другой. Армия терпела поражения от французов. Страна, по выражению историков, «покатилась по наклонной плоскости». К XVIII веку в борьбе с окрепшими соседями Испания лишилась Нидерландов, Италии и Гибралтара, а в начале XIX столетия от власти испанской короны освободились страны Южной Америки.

В эпоху наполеоновских войн королевство едва не лишилось суверенитета. Как и в годы арабского нашествия, вражеские войска оккупировали страну — на престол взошел чужеземный монарх. Но испанцы поразили тогда весь мир, изгнав могущественных захватчиков в результате тяжелейшей освободительной войны 1808—1814 годов. Однако былая мощь страны уже окончательно стала достоянием истории.

После 1815 года Испанское королевство более не приглашали на международные конгрессы, перекраивавшие европейскую

территорию. Испанию стали называть средней, а то и малой державой.

В экономической и духовной области королевство оставалось в заколдованном круге натурального деревенского хозяйства, крестьянского малоземелья, неграмотности и огромного влияния католической церкви. Движущие силы испанского общества во главе с крайне малочисленной интеллигенцией тщетно пытались по примеру Франции и Англии направить страну по пути модернизации. Но сопротивление феодально-религиозной Испании казалось непреодолимым. С 1808 до 1873 года в королевстве произошло пять (!) революций, и все они были подавлены силами реакции. Всякий раз это сопровождалось пытками, виселицами и расстрелами. Виднейший испанский революционер XIX века, благородный офицер-конституционалист Риэго, овладевший властью без боя и настоявший на неприкосновенности короля, после победы «сил порядка» по воле того же самого монарха был подвергнут истязаниям и публично казнен в центре Мадрида.

Подавление пяти революций вооружило правящие классы королевства богатым опытом слежки, провокаций и расправ. Казнь Риэго сделала его мучеником в глазах медленно зарождавшегося конституционно-республиканского движения.

Конец XIX века принес королевству новое унижение. В короткой, спровоцированной Соединенными Штатами войне 1898 года испанцы лишились Кубы и Филиппин. Испанские гарнизоны не устояли против поддержанных американцами повстанцев. Испанский флот погиб почти полностью, не успев нанести потерь неприятелю.

О недееспособности вооруженных сил Испанского королевства и отсутствии заинтересованности испанского общества в победе свидетельствовали многочисленные факты. Генералитет и адмиралитет доносили с театра военных действий в Мадрид, что артиллеристы не умеют и не хотят учиться стрелять, что моряки, пехотинцы и кавалеристы не проявляют ни малейшей инициативы. Минеры в Манильской бухте поставили заграждения, но не удосужились проверить, исправны ли мины. Многие корабли имели течь еще до начала сражений. Армия и флот понесли потери главным образом не убитыми, а пленными и пропавшими без вес-

ти. Капитуляция Гаваны, Манилы, Гуантанамо произошла при абсолютном бездействии солдат и матросов. В самой Испании интеллигенция, буржуазия и трудящиеся тоже отнеслись к войне с равнодушием. Разгром королевства был очевиден. Горечь поражения не могла смягчить 20-миллионная компенсация, уплаченная Вашингтоном Мадриду, тем более что испанскому обществу не досталось и малой толики из этой суммы.

В XX век Испания вступила застойной полуфеодальной страной с глубокими социальными контрастами и напряженными межклассовыми отношениями. Королевство раздирали внутренние противоречия. В первой трети столетия нигде в Европе общественная атмосфера не была накалена так, как в Испании.

В стране сохранялась традиционная монархия во главе с королем Альфонсо XIII Бурбоном (1902—1931). Король Альфонс не отличался ни умом, ни характером, ни физической силой, ни красотой. Человек с внешностью повесы из оперетки, заносчивый, мало вмешивавшийся в государственные дела, он не вызывал у подданных любви или страха, восторга или презрения. Неудивительно, что при таком суверене главной опорой монархии была армия и силы безопасности. Недалекость королевской семьи и придворных чинов являлась одной из причин, по которым все сильнее развивалось оппозиционно-республиканское движение.

Общая картина испанского общества выглядела к 1931 году так. Немногочисленные, оснащенные новой техникой заводы Барселоны и Бильбао — и мотыжная обработка сухой каменистой земли. Бескрайние просторы необработанных помещичьих латифундий — и микроскопические клочки крестьянских земель. Батрак, сраженный пулей жандарма при попытке набрать желудей на помещичьей земле, — и гигантское безнаказанное казнокрадство военных и гражданских чинов. Экономическое господство баскских банкиров и каталонских промышленников — и запрещение баскского языка и каталонских плясок. Народ, больше всего на свете любящий свободу и независимость, — и экономическое иго иностранного капитала. Революционнейший пролетариат Западной Европы — и одно из самых реакционных ее государств.

Экономическая и политическая власть до 1931 года принадлежала помещикам. К ним относилось около 100 тысяч семей из

25 миллионов испанцев, или 2% населения. Некоторым из этих семей принадлежало по 20 — 30 тысяч гектаров земли. Испанские помещики, среди которых выделялись гранды — герцоги Лерма, Мединасели, маркизы Санта-Круссы и Эрреро, графы Романосы и др., отличались алчностью и бессердечием. Часть из них не платила батракам вовсе, заставляя их работать только за харчи и кров. Землевладельцы Старой Кастилии однажды даже выдвинули идею — не они должны платить батракам, а те должны доплачивать нанимателям. По крылатому выражению, возникшему в то время, крупные землевладельцы Испании из всего римского права усвоили только одно — принцип неприкосновенности своей собственности. Их руководящей идеей на протяжении нескольких веков было противодействие любой земельной и налоговой реформе.

Крайним консерватизмом и меркантильностью отличалось испанское духовенство. Из его рядов, в отличие от Франции, Италии, Англии, никогда не выходило бунтарей и мятежников. В стране существовало несметное количество соборов, церквей и монастырей, не менее 100 тысяч священников, монахов и монахинь. Сохранялись созданные в Средние века многочисленные духовные ордена францисканцев, доминиканцев, иезуитов и др. Все духовные лица находились на государственном содержании. Католическая церковь Испании активно участвовала в цензуре печати, театральных постановок, позже кинофильмов, всецело контролировала начальную школу.

«Деньги не пахнут», — гласит старая истина. В Испанском королевстве стал популярным эквивалент данной поговорки: «Золото — хороший католик». Вопреки наставлениям Нового Завета церковная знать охотно занималась экономической деятельностью. Особенно этим отличались иезуиты, давно изгнанные из многих стран, но беспрепятственно действовавшие за Пиренеями со времен основания ордена испанским монахом Игнатием Лойолой.

Как было выяснено после 1931 года, святые отцы владели (через подставных лиц) апельсиновыми плантациями в Валенсии и Андалузии, частью рудников Бискайи, столичным трамваем, Северными железными дорогами, торговлей свежей рыбой и не-

сколькими кабаре. Они пользовались влиянием в двух ведущих банках королевства — Испанском и Уркихо. По данным видного знатока Испании, кембриджского профессора Дж. Бренана, церкви принадлежала треть всего капитала, вложенного в испанскую экономику.

Оборотной стороной процветания помещиков и духовенства был крайне низкий жизненный уровень простого народа. Испанские трудящиеся жили вчетверо, а то и впятеро хуже их собратьев в Западной и Северной Европе. Социальный контраст был вопиющим.

Перенаселенные и грязные пролетарские предместья Барселоны и Севильи поражали отсутствием элементарных удобств. Еще хуже было положение сельских тружеников: немалая часть испанского батрачества обитала в сараях и в пещерах, ночуя на гнилой соломе, питались впроголодь — батраки считали удачным днем тот, когда удавалось хотя бы один раз вдоволь поесть. Массовыми народными болезнями, как и в Средневековье, оставались рахит и туберкулез.

Около половины испанцев не знали, что такое отдельная кровать или столовый прибор. Во многих отдаленных деревнях население никогда не видело паровоза и телефона. Школ в королевстве было ничтожно мало, почти все они были плохо оборудованы и нуждались в ремонте, поэтому большая часть населения была неграмотной. Армейские новобранцы не просто не могли написать письмо домой, но даже не имели представления о том, что такое почтовый конверт и тем более что нужно делать с маркой.

Усилиями Испанского банка курс песеты при Бурбонах был устойчивым. Королевство не знало инфляции. Но в то время как основа испанской кухни — оливковое масло стоило две песеты литр, а килограмм мяса — до четырех песет, рабочие получали от 3 до 5 песет в день, а работницы — до полутора (член директорского совета фабрики или рудника получал почти в сто раз больше).

Основным методом, который использовала монархия в борьбе против трудящихся, оставались репрессии. Социальные преобразования, превентивные уступки народу Испанское королев-

ство обычно заменяло в лучшем случае тюрьмами, в худшем — пулями. Правящие круги королевства не утруждали себя сложными парламентскими дебатами или созданием комиссий по социальным вопросам. Часто происходили похищения и убийства руководителей забастовок или деятелей крестьянского протеста, расстрелы народных демонстраций. Владельцы андалузских рудников при невмешательстве провинциальных губернаторов публично объявляли награду за доставку к ним профсоюзного активиста «живым или мертвым». В массовом сознании рядовых испанцев слово «государство» обычно являлось синонимом слов «жестокость», «насилие» и «несправедливость».

Роль прокурора и палача испанской деревни и рабочих предместий выполняла гражданская гвардия — военизированная конная полиция. Оснащенные винтовками и саблями гвардейцы открывали огонь без предупреждения по всем, кто казался ей подозрительным, без учета возраста и пола. Говорили, что они ведут «гражданскую войну против народа». Служившие объектом повышенной ненависти народа и презрения со стороны интеллигенции, гражданские гвардейцы никогда не привлекались к судебной ответственности. Их силами в короткий срок были разгромлены многие забастовки и народные волнения.

О способах устранения политических противников в Испанском королевстве метко выразился генерал Нарваэс, разгромивший две испанские революции. *«У меня нет врагов, — заявил он на предсмертном ложе священнику. — Я их расстрелял».*

Испанская буржуазия (15% населения) отличалась слабостью и неоднородностью. В ней существовало глубокое противоречие между горсткой привилегированных финансистов Бильбао и Мадрида, блокировавшихся с помещичьей олигархией, и промышленниками Каталонии и Валенсии.

В руках финансистов находился Испанский банк с внушительным золотым запасом. Более половины его акционеров были крупными помещиками со связями при дворе. Банк выделял кредиты под непомерно высокие проценты, что крайне затрудняло капиталистическое развитие страны.

Непривилегированные испанские предприниматели не могли получить у себя на родине дешевого кредита и потому вынуж-

денно обращались к французским, британским и германским банкирам. Появился мрачный афоризм: «Испанские деньги — самые дорогие в Европе». Королевство гордилось пятым по величине золотым запасом в мире, в то время как в его хилой экономике росла доля иностранных капиталов — английских, франко-бельгийских, швейцарских, германских и даже канадских. Правда, вместе с инвестициями прибывала современная западная технология: иностранцы помогли Испании развить добычу руд и металлургию, создать машиностроительный сектор и телефонную связь. Но национальному капиталу было невозможно состязаться с более богатыми и опытными транснациональными компаниями, вроде «Сименса» и «Канадиензы», которые без труда заняли прочные позиции в самых прибыльных сферах производства. Сильно страдавшие от недальновидной и собственнической политики правительства и финансовых заправил, торгово-промышленные круги Испании вынуждены были находиться в постоянной оппозиции к собственным банкирам и к поддерживавшей их монархии.

Оппозиционность буржуазии подкреплялась ее «неиспанским» составом. Как говорилось выше, в торгово-промышленных кругах страны был очень велик удельный вес басков и каталонцев — народов, испытывавших гнет со стороны монархии. Приморские окраины королевства — Бискайя и Каталония стали к XX веку самыми зажиточными его районами. По уровню жизни они сильно опережали внутренние области страны, особенно застойную сельскую Кастилию. Крупнейшим городом страны, ее экономической и культурной метрополией стала каталонская столица — Барселона, прозванная «испанским Нью-Йорком». Центром тяжелой индустрии благодаря английским инвестициям и технологии был Бильбао.

Но все рычаги государственной власти по-прежнему оставались в руках неповоротливого и алчного кастильского дворянства. Королевские чиновники из Кастилии распоряжались на землях басков и каталонцев, а язык и культура Бискайи и Каталонии подвергались постоянным притеснениям.

В результате сложилось парадоксальное положение — в экономически передовых Бискайе и Каталонии, где успешнее всего

складывались современные товарно-денежные отношения и трудящиеся жили не так плохо, недовольство монархией Бурбонов носило наиболее острый и массовый характер.

В остальной Испании очаги капитализма — города развивались медленно. К 1931 году в них жило не более 20% испанцев. Несмотря на развитие промышленности, появление телеграфа, телефона и железных дорог, на строительство метрополитена и возведение небоскребов, на выпуск в Барселоне «Испано-Сьюизы» — самой роскошной легковой машины 20-х годов, королевство по составу населения и его миропониманию оставалось в основном сельским, аграрным. Пронизанная противоречиями страна жила до 1931 года по-феодалному неторопливо. Иностранцы отмечали, что у работников испанских госучреждений и сферы услуг самое распространенное выражение — «маньяна» (завтра). «Маньяна пор ла маньяна» (подождите до завтра) звучало на каждом шагу.

Большую роль в жизни королевства играла армия. Она давно не одерживала заметных побед (Наполеона изгнали партизаны и английские полки герцога Веллингтона, а не испанские регулярные войска), зато имела привычку вмешиваться в политику. В XIX веке испанская армия, борясь с революционерами-конституционалистами, совершила несколько государственных переворотов и довольно долгое время находилась у власти. Об этих временах испанские историки выражались коротко и мрачно: «Артиллеристы брались управлять государством».

Опираясь на армию, Бурбоны одновременно опасались ее и потому наделили военщину весомыми привилегиями. Офицерство получало солидные оклады и пенсию после отставки (чего не имели штатские) и было неподсудно обычному суду. Как и в Средние века, военные чины оставались высокопоставленными, а военная карьера, независимо от наличия заслуг или отсутствия таковых, — высокооплачиваемой и почетной.

Под нажимом широкомасштабных мыслящих армейских кругов королевство с 60-х годов XIX века вело колониальную войну в Марокко. Затяжная Марокканская война поглощала немалое количество средств и длительное время сопровождалась неудачами. Она породила целое поколение «африканистов» — касту вы-

сокооплачиваемых и привыкших к кровопролитию фронтовиков. «Африканисты» откровенно презирали всех штатских, гражданскую экономику, партийную политику, парламент и прочие атрибуты гражданского общества.

К 1931 году 120-тысячные испанские вооруженные силы окончательно застыли в своем положении «государства в государстве». Их оснащение и подготовка оставались на непозволительно низком уровне. Военные обучались по безнадежно устаревшим уставам, в которых не было места инициативе и самостоятельности. Это открылось в 20-х годах во время поражения, понесенного королевством от слабо вооруженных марокканских племен в битве при Аннуале. Из-за некомпетентного вмешательства короля и неповоротливости командования страна потеряла тогда около 30 000 убитыми, ранеными и пленными. После Аннуала Испания видела один выход — просить военной помощи у старой соперницы — Франции. В итоге к 1927 году посредством бомбежек и подкупа племенных вождей удалось «умиротворить» меньшую и беднейшую часть Марокко, прилегающую к Гибралтару. Большая же часть марокканских земель досталась Франции.

Давно превратившиеся в огромную генеральскую и адмиральскую кормушку армия и флот были перегружены командными кадрами. На каждые восемь солдат приходилось по офицеру. Генералов в мирное время насчитывалось свыше 200 человек — больше, чем огромная армия США имела во время войны. Среди испанского высшего командного состава подавляющее большинство составляли отставшие в развитии военного дела старики, так и не извлекшие уроков из разгрома 1898 года и поражений в Марокко.

Давно прошли времена, когда испанские дворяне охотно служили рядовыми и питались за одним столом с офицерами. К XX веку офицеров и нижние чины разделяла пропасть. Последние были полностью бесправными и воспитывались в духе слепого повиновения не монарху или стране, а непосредственному начальнику. Свирепая дисциплина и незнакомые новобранцам в их прежней жизни блага — бесплатное трехразовое питание и сон на кроватях — делали испанских солдат послушным орудием кадрового офицерства.

Политическую жизнь королевства характеризовало сильнейшее распыление общественных сил. Внутренние разногласия присутствовали и среди правящих монархистов, и среди полулегальной республиканской оппозиции.

Испанские монархисты давно разделились на легитимистов — приверженцев Альфонса XIII и карлистов, которые поддерживали притязания одного из отпрысков королевской династии — лишённого прав на престол принца Дона Карлоса. Опорой легитимистов была Кастилия, а карлистов — Наварра и Арагон. Легитимисты стояли у руля власти, недовольные карлисты — в оппозиции.

Общей чертой всех испанских монархистов было ревностное отстаивание прав католической церкви.

Республиканская же оппозиция включала несколько «чистых» республиканских партий, опиравшихся на Валенсию и Галисию, и социалистов, центрами которых были Мадрид и Астурия. Республиканцы ратовали за умеренные политико-правовые преобразования (расширение избирательного права, смягчение уголовного кодекса), тогда как социалисты требовали еще и социальных реформ. Левые социалисты настаивали на социалистической революции. У республиканских сил общим было, напротив, полное отрицание религии и церкви.

Ущемленные в языково-культурных правах Бискайя и Каталония считались вотчиной местных националистов. Причем баскские националисты — ревностные католики держались особняком по отношению к остальным политическим силам. Басков не устраивали ни централизаторы-монархисты, ни безбожники-республиканцы. Каталонские же националисты, равнодушные к религии, иногда союзничали с республиканскими партиями.

В довершение всего немалую часть испанского общества увлекли идеи анархизма, занесенные в страну в XIX веке эмиссаром нашего соотечественника — Михаила Бакунина (испанцы называли его Мигелем). Затем появились последователи еще одного русского теоретика анархизма — князя Петра Кропоткина. Главными центрами испанского анархизма стали Барселона, Сарагосса и Севилья. Если республиканцы опирались на интеллигенцию и часть буржуазии, а социалисты — на квалифицирован-

ных рабочих, то анархисты увлекли за собой самую низкооплачиваемую часть городских трудящихся.

Анархисты не считали себя политической партией. Их руководящее ядро — подпольная Федерация анархистов Иберии туманно именовалась «специфической организацией». Полулегальный анархистский профцентр — Национальная конфедерация труда, соперничавший с социалистическим Всеобщим союзом трудящихся, тоже отрицал участие в политике. Главной установкой ФАИ — НКТ была «принципиальная враждебность» к помещичье-буржуазному государству, частной собственности и религии.

С начала XX века, невзирая на постоянные полицейские репрессии, испанский анархизм был на подъеме. Трудящимся нравилась физическая смелость боевиков ФАИ и их готовность к вооруженному насилию. Рабочие-анархисты на последние гроши покупали старые револьверы и без колебаний пускали их в ход. Активистов ФАИ недаром прозвали «пистолерос» — в отличие от республиканцев и социалистов они были способны на самопожертвование. Громкие деяния создавали им ореол смельчаков и борцов за правое дело.

Борясь с крайне непопулярной жестокой и продажной государственной властью, анархисты накануне парламентских выборов призывали «ломать урны, жечь бюллетени, разбивать головы избирательным чиновникам». Они периодически объявляли «освободительную революцию», устраивали стачки и баррикадные бои, пускали горящие трамваи по улицам крупных городов. Популярнейший подпольщик, боевик ФАИ, поклонник Нестора Махно барселонский металлист Буэнавентура Дуррути, которого враги называли не иначе как бандитом, а друзья — народным героем и международным революционером, был объявлен в розыск в десяти с лишним странах от Германии до Латинской Америки. Особенно он прославился когда сидя после ареста в тюрьме, сумел организовать похищение следователя, судьи и документов по своему делу.

Партиям и течениям была свойственна нетерпимость к инакомыслящим, диктатура вождей и неспособность к межпартийным компромиссам. Политические симпатии испанца с точностью можно было определить по партийной газете, которую он

предпочитал. Монархисты читали только «АБЦ», республиканцы — только «Политику» и «Эль соль», анархисты боготворили «Солидарidad obrera». Правые социалисты были верны «Эль социалиста», умеренные — «Аделанте». Левые социалисты считали истиной в последней инстанции газету «Кларидад». Считалось, что монархиста даже под страхом казни невозможно заставить взять в руки «Аделанте» или коммунистическую «Мундо obrero», а республиканец ни за что не прикоснется к махрово монархической «АБЦ».

Политические раздоры нередко принимали и более опасные формы. Отвергавшие монархию анархисты призывали рабочих бойкотировать выборы, несмотря на то что на выборах проявлялись реальные возможности нанести поражение монархической реакции. «Пистолерос» из ФАИ сводили счеты не только с силами безопасности, но и друг с другом. В социалистической партии притчей во языцех стали публичные потасовки между приверженцами ее виднейших вождей — кастильца Ларго Кабальеро и северянина Индалесио Прието, первый из которых рассуждал о революции, а второй ее всецело отвергал. Драки между монархистами и республиканцами не затихали даже в парламенте. Это неудивительно, если речи некоторых пылких республиканцев содержали такие пассажи в адрес привычного порядка вещей, дорогого монархистам:

«Современные юные варвары! (оратор, вероятно, обращался к молодежи. — С.Д.). Уничтожьте и вышвырните декадентскую цивилизацию... Разрушите ее храмы, сорвите покровы с ее монахинь и обрухайте их! Сражайтесь, убивайте и умирайте!»

Однако надо признать, что и среди единомышленников автор этих строк — «радикал-республиканец» Алехандро Леррус считался демагогом.

А вот изречение умеренного и уравновешенного республиканца Мануэля Асаньи, которого демагогом не считали. Оно гораздо учтивее и благопристойнее, но тоже бескомпромиссно:

«Лучше сжечь все испанские церкви, чем причинить вред хоть одному республиканцу».

Внутренняя слабость оппозиции намного продлила существование обветшалой старой монархии, хотя заскоруждые легитими-

сты во главе с малоспособным королем были уже не в состоянии грамотно руководить страной. Сложившаяся ситуация тянулась много десятилетий. Философ Ортега-и-Гассет называл королевство «Беспозвоночной Испанией».

Всемирный экономический кризис 1929 года стал причиной заметных перемен. Перепроизводство продовольствия на Западе ухудшило положение аграриев — помещиков и крестьянства, а рост и без того высокого уровня безработицы сильно обострил отношения между рабочим классом и государством.

Авторитет Альфонса XIII и его советников в очередной раз пострадал, а республиканские партии на короткое время пришли к соглашению с социалистами. В Сан-Себастьяне — дорогом курорте на испано-французской границе — в 1930 году вожди оппозиции заключили полуофициальный пакт о сотрудничестве. Результат не заставил себя ждать.

На апрельских муниципальных выборах 1931 года республиканская оппозиция, как обычно, проиграла монархистам в консервативной сельской местности, однако, в отличие от прошлых лет, одержала решительную победу в крупных городах, включая столицу. Исход выборов в органы местного самоуправления имел самые неожиданные последствия.

12 апреля республиканцы тысячами высыпали на улицы Валенсии, празднуя несомненный успех. Владельцы ресторанов бесплатно угощали демонстрантов вином. В толпе зазвучали возгласы «Долой Альфонса!», «К черту монархию и попов!». Через несколько часов подобный клич раздался в Барселоне, Мадриде, Овьедо. Демонстранты занимали муниципалитеты и вместо двухцветных золотисто-красных монархических знамен развешивали республиканские — красно-золотисто-фиолетовые.

Демонстрации не были остановлены. Все происходило слишком быстро. В полиции царило замешательство, а гражданской гвардии в городах не было. Силы безопасности королевства были приучены к проведению репрессий в пролетарских районах. Однако волнения на сей раз происходили в уважаемых городских кварталах, населенных солидной публикой, к противостоянию с которой карательный аппарат и армия психологически не были готовы.

В это время через французскую границу в страну беспрепятственно въехали вернувшиеся из изгнания деятели оппозиции во главе с социалистом Прието, республиканцем Кейпо де Льяно и вождями карлистов. Положение выходило из-под контроля властей. Когда на второй день событий король вызвал генерального директора безопасности, героя Марокканской войны генерала Хосе Санкурхо и осведомился, гарантирует ли он восстановление порядка, тот молча опустил голову.

Альфонс XIII понял, что лишился всякой опоры. Во дворец уже доносился гул толпы. Король не хотел участи Людовика XVI или Николая II. Он составил прощальный манифест к народу и на автомобиле вместе с семьей и несколькими придворными спешно покинул Мадрид. Из Картахены на борту крейсера «Принц Астурии» семья Бурбонов отплыла во Францию.

В манифесте монарх писал: *«Воскресные выборы показали, что я более не пользуюсь народной любовью. Я решил не делать ничего, чтобы мои соотечественники не выступили друг против друга в братоубийственной войне. Я слагаю с себя королевские привилегии и отчитаюсь в моих поступках перед историей».*

Обещание так и осталось невыполненным — Альфонс XIII не оставил после себя воспоминаний или дневников. Он обосновался во Франции, где провел остаток жизни, играя через подставных лиц на бирже.

Отъезд короля позволил оппозиционерам 14 апреля 1931 года мирно провозгласить учреждение Республики с трехцветным флагом и «Гимном Риэго». В Мадриде образовалось временное республиканско-социалистическое правительство. Всего за три апрельских дня без единого выстрела монархия перестала существовать. Поразительно легкая и скорая победа республиканцев над монархистами стала прелюдией к дальнейшим кровавым и трагическим событиям.

Вскоре прошли внеочередные выборы в кортесы (парламент), принесшие бывшей оппозиции огромное большинство. Крупнейшей фракцией кортесов стала социалистическая — 116 депутатов из 490. Почти 300 мест получили различные республиканские партии. Монархистам досталось менее 70 мест.

Кортесы в короткий срок выработали и утвердили республиканскую конституцию. Главными составителями конституции 1931 года были социалист Хулиан Бестейро, член Мадридского муниципалитета, и деятель республиканского движения, видный философ, ректор Саламанкского университета Мигель Унамуно. На них заметно повлияла германская Веймарская конституция и первая советская конституция 1918 года. Испанская конституция 1931 года стала поэтому одной из наиболее радикальных конституций XX века.

Испания провозглашалась «демократической Республикой трудящихся всех классов». Закреплялось равенство всех перед законом. Феодалные титулы и звания объявлялись утратившими силу. Вводилось всеобщее избирательное право для мужчин и женщин старше 23 лет. Республика отказывалась от войн и обязывалась проводить миролюбивую внешнюю политику.

Властные полномочия делились между однопалатными кортесами, правительством и президентом. Президент Республики избирался на 5 лет коллегией из депутатов кортесов, университетских профессоров и муниципальных уполномоченных. Президент получал право роспуска кортесов и назначения внеочередных выборов «в чрезвычайных обстоятельствах». Он назначал премьер-министра, но без права его увольнения. Тот в свою очередь назначал и увольнял остальных министров. Правительство несло ответственность перед кортесами, а не перед президентом. Члены правительства (но не президент) были обязаны быть депутатами. Утрата депутатского мандата автоматически означала утрату министерского поста. Если президент в течение срока действия своих полномочий дважды распускал кортесы, депутаты были вправе расследовать действия президента и даже сместить его.

В целях охраны соблюдения закона был создан Трибунал конституционных гарантий — прообраз конституционного суда. Половина его членов назначалась президентом — остальная половина избиралась кортесами.

Большое место в конституции занимали статьи, посвященные отношениям между церковью, обществом и государством. Они носили откровенно антирелигиозный характер. Церковь отделя-

лась от государства, священники лишались своих окладов. Теперь им предстояло существовать на пожертвования паствы. Орден иезуитов был закрыт. Все прочие религиозные сообщества (доминиканцы, францисканцы и т.д.) обязаны были регистрироваться в министерстве юстиции, причем последнее имело право отказать в регистрации. Церкви также запрещалось заниматься предпринимательством, она обязывалась ежегодно подавать декларации о доходах.

Образование в Республике предписывалось строить на «идеалах человеческой солидарности». Священникам всех конфессий запрещалось преподавать в школах и вузах, из них удалялись про-религиозные предметы. Началось внедрение светской школы.

Конституция 1931 года содержала небывало широкий в испанской истории перечень прав и свобод человека (в том числе право на труд, образование, участие в делах государства, достойную жизнь, социальную помощь, забастовку и даже на развод).

Вслед за Советской Россией Республика провозгласила земельную реформу под многообещающим девизом «Землю тем, кто на ней трудится». Аграрный закон 1932 года уточнил: излишки помещичьих земель (свыше 560 акров — порядка 200 гектаров) отчуждаются за выкуп и становятся государственной собственностью. Размеры выкупа в одностороннем порядке определяли государственные чиновники. Отчужденные земли безвозмездно передавались в пользование (но не в собственность) малоземельному крестьянству.

И по тогдашним, и по современным оценкам, данная конституция при бесспорно честных намерениях ее прогрессивных и бескорыстных составителей была слишком идеологизированной и политизированной. Она дышала неприязнью к прошлому страны и ко всему, что было с ним связано — церкви, семье, традиционной морали. Она изобиловала расплывчатыми формулировками, которые внушали большинству испанцев иллюзии о скором и безболезненном решении наиболее болезненных вопросов. Многие ее статьи о разделении властей были откровенно надуманными и потому в дальнейшем оказались нежизнеспособными.

Асуа, Бестейро и Унамуно всеми силами стремились помочь сглаживанию опаснейших социальных контрастов и мирному об-

новлению отечества. Но теория, как водится, резко расходилась с практикой. Годы «Республики трудящихся всех классов» стали годами постепенного приближения страны к братоубийственной войне. И даже парламентская Республика, созданная конституцией 1931 года, не смогла этому помешать.

Республиканцам — философам, журналистам, университетским преподавателям, этим вечным оппозиционерам, катастрофически не хватало опыта государственного управления. Недоставало им, конечно, и навыков политического компромисса, необходимых при демократии и особенно — при парламентском государственном строе. Зато процветали партийные и межпартийные интриги. Тяжкое наследие «беспозвоночной Испании» никак не удавалось преодолеть.

За пять лет Испанская Республика пережила свыше двадцати правительственных кризисов. Сменилось шесть премьер-министров и несколько десятков министров. В зависимости от исхода парламентских выборов в кортесах и в кабинете министров преобладали то левые республиканцы вроде Кироги и Маргинеса Баррио, то правые деятели республиканского движения, мало отличавшиеся от монархистов — Алехандро Леррус, Хиль Роблес и Кальво Сотело. Социалисты и каталонские националисты то были партнерами республиканских партий, то оказывались в положении гонимых полулегалов. Все это отнюдь не способствовало повышению качества государственного управления.

Нейтральные отношения Республики с профсоюзами сменились «Испанским Октябрем» — Астурийским восстанием 1934 года, во время которого против выступивших с оружием в руках анархистов, социалистов и коммунистов действовали гражданская гвардия, наемные марокканцы, Иностраннный легион, флот и авиация.

Входившие в число отцов-основателей Республики кастилец Франсиско Ларго Кабальеро и каталонец Луис Компанис успели за пять лет приобщиться к власти, затем принять участие в восстании 1934 года против Республики, побывать под судом по обвинению в мятеже и быть этим судом оправданными.

Стратегия вождей Республики — оседлать политический центр и провести среднюю линию между требованиями разных

классов — была бы уместна в зажиточной и благоустроенной стране. Но поскольку Испанию терзала вопиющая бедность, огромное количество безработных и засилье политических экстремистов, такая политика только накалила страсти.

Умеренная, проводимая низкими темпами земельная реформа по мысли республиканцев должна была утихомирить грандов и крестьян. Вместо этого крестьянство было крайне недовольно медленностью реформы (за пять лет в руки 100 тысяч крестьян перешло около 800 тысяч гектаров малоплодородных или вовсе бесплодных земель). Гранды же, у которых Республика отбирала меньшую (и худшую) часть их угодий, возмущались «скудостью» выкупа и принудительностью отчуждения, расценивая это как грабеж. Очень скоро испанские помещики перешли на антиреспубликанские позиции.

Отделение церкви от государства и школы от церкви вызвало отрицательную реакцию духовенства. Она усиливалась по мере развертывания при Республике развязной и крикливой антирелигиозной пропаганды, поощряемой вождями республиканцев, преклонявшимися перед светской Французской Республикой. Их кумирами были одиозные среди верующих личности: Вольтер, Мирабо, Дантон, Клемансо.

Пример показывал закоренелый враг католической иерархии, премьер-министр Асанья. В кортесах и на митингах он твердил, что решительных мер против религии и церкви требует «общественное здоровье». На местном уровне развернулись массовые антицерковные бесчинства. Тон в них обычно задавали анархисты, но от них мало отставали каталонские националисты, социалисты и коммунисты.

Погромы и поджоги храмов и монастырей, их осквернение, сожжение икон, оскорбления верующих и духовенства, изнасилование монахинь («превращение в невест революции») имели место и при монархии. Однако в то время бесчинства быстро и жестоко пресекались силами правопорядка. Теперь же власти большей частью бездействовали, потворствуя безбожникам. Полиция и пожарные команды откровенно медлили с выездом к пылающим храмам.

Духовенство и большая часть верующих масс, особенно в глубинке, в короткий срок превратились во врагов Республики. Верующие все чаще слушали рассуждения приходских священников о захвате власти «сатанинскими силами».

Правители Республики не могли да и не хотели налаживать сотрудничество с влиятельными военными кругами. Такая возможность была, когда бывший король из эмиграции — и это делало ему честь — призвал военных к верности новому строю. Почти все офицеры тогда присягнули Республике. Но Республика заняла столь решительную антимилитаристскую позицию, что ее можно было истолковать как антипатриотическую и антиармейскую. Правительство снизило военные расходы, урезало военные пенсии, аннулировало служебные преимущества «африканистов», уволило со службы часть престарелых офицеров. Оно запретило богослужения в армии и закрыло созданную при Альфонсе XIII единственную в стране Сарагосскую военную академию. Высвободившиеся (не особенно большие) средства Республика направила на нужды образования и социальной помощи.

Многие из предпринятых мер были необходимыми и назревшими. Но их претворяли в жизнь безо всяких предварительных объяснений, в спешке. Многие испанские военные поэтому увидели в политике нового правительства сознательное и незаслуженное оскорбление вооруженных сил. К тому же почти все офицеры были дворянского происхождения, и их вместе с градами страшила грядущая земельная реформа. Солдат же, выходцев из глубинки, раздражала антирелигиозная политика новой власти.

Пацифистская Республика стала непопулярной в армии. Военные стали первыми, кто открыто бросил вызов новому строю.

В 1932 году группа офицеров и грандов-монархистов во главе с «африканистом» генералом Санкурхо подняла мятеж в Мадриде и Севилье. Выступление было слабо подготовлено и плохо законспирировано. Республиканские силы правопорядка подавили его за сутки. После небольших стычек малочисленные мятежники сдались или бежали в Португалию. Арестованный Санкурхо вместе со 140 сообщниками предстал перед судом и был приговорен к казни, но помилован президентом Саморой, заключен

в тюрьму, а затем выслан за границу. Его соратники отправились в ссылку в Западную Сахару.

«Санкурхиада» на первый взгляд была триумфом Республики. Премьер-министр Асанья с сигарой в зубах, всем своим видом выражая равнодушие, величественно наблюдал с балкона за перестрелкой в центре столицы. Но при ближайшем рассмотрении блеск победы меркнул.

Антиреспубликанские силы получили вождя с репутацией смелого и бескорыстного «старого солдата». Республиканское правительство помилованием мятежного генерала рассчитывало образумить оппозицию. Но оно только поощрило ее. Враги Республики радостно говорили: *«Не посмели расстрелять Санкурхо! Здорово нас боятся»*.

Республике так и не удалось упрочить свой авторитет. Уверенная победа республиканцев и социалистов на выборах 1931 года сменилась их разгромом на внеочередных выборах двумя годами позже. К власти пришел правореспубликанский кабинет Лерруса — Роблеса, который остановил земельную реформу, отменил пособия безработным, нарушив конституцию, восстановил цензуру и взял курс на примирение с церковными и военными кругами. Антицерковные бесчинства снова стали подавлять, и они сразу пошли на спад. Среди министров Лерруса были три крайне правых республиканца, которых левые круги необоснованно считали фашистами. На их назначение профсоюзные центры ВСТ и НКТ ответили восстанием 1934 года. Позже его прозвали «генеральной репетицией гражданской войны».

Плохо вооруженные повстанцы сразу же были разбиты в Мадриде и Каталонии, но смогли овладеть всей шахтерской Астурией, где провозгласили Советскую власть и продержались две недели. Подавление «Астурийской Советской республики», во время которого отличились офицеры-«африканисты» Годед, Франко и Ягуэ, обошлось Испании в 3000 погибших и 30 000 арестованных.

Зверства марокканцев в восставшей Астурии (разрушение пленных саблями, убийства журналистов, изнасилования малолетних) должны были деморализовать левых республиканцев. Но репрессии дали противоположный результат. Странники рес-

публиканской демократии временно сплотились. Они добились от президента Саморы отмены чрезвычайного положения и упразднения цензуры. В конце 1935 года леводемократические силы подписали пакт о создании избирательного блока — Народного фронта.

Кто из испанцев выдвинул идею Народного фронта, теперь уже не совсем ясно. В соседней Франции ее предложили коммунисты. Марксистские авторы уверяют, что и в Испании это сделала компартия, действовавшая в духе Коммунистического интернационала. Другие источники указывают на левых республиканцев, опасавшихся мести монархистов, третьи — на социалиста Прието, всегда отличавшегося гибкостью в политических действиях.

В Народный фронт вошли: две левореспубликанские партии, социалисты, каталонские и баскские националисты, синдикалистская партия, компартия, близкая к троцкистам марксистско-ленинская рабочая партия (ПОУМ). Противостояли Народному фронту свыше десяти правоцентристских партий и движений. Большинство из них накануне выборов объединились в Национальный фронт. Исключение составила появившаяся в 1933 году Испанская фаланга, лидеры которой во главе с Хосе Антонио Примо де Риверой всецело отвергали предвыборные комбинации.

Вне фронтов остались также анархистские ФАИ и НКТ. Впрочем, часть анархистских групп Астурии-Арагона и Валенсии отказалась от бойкотирования выборов и призвала трудящихся голосовать за Народный фронт.

Программа Народного фронта отражала страх его участников перед наступлением подлинной и мнимой реакции. Программа требовала соблюдения законности, освобождения политзаключенных, борьбы с безработицей, расширения социального страхования и решения земельного вопроса.

Среди кандидатов от фронта выделялись находившийся в зените славы Асанья, Ларго Кабальеро, Компанис и Прието. Обращало на себя внимание отсутствие в избирательных списках фронта двух отцов-основателей Республики — Бестейро и Унамуну. Они усмотрели в Народном фронте черты экстремизма. Вне На-

ционального фронта осталась Испанская фаланга и несколько мелких, быстро терявших влияние правореспубликанских групп.

Программа Национального фронта обещала стране «закон и порядок, твердую власть, труд и мораль». Виднейшими кандидатами фронта были Леррус, Роблес и Сотело. С ними соперничал Хосе Антонио Примо де Ривера.

Парламентские выборы 1936 года протекали в накаленной обстановке. Для охраны порядка было выделено до 40 000 полицейских и гражданских гвардейцев. Банки и посольства охранялись усиленными патрулями карабинеров. В ходе избирательной кампании проходили вспышки насилия, в отдаленных деревнях имелись убитые и раненые. Предвыборная полемика все более напоминала перебранку. Оба фронта обвиняли друг друга в нагнетании напряженности и разрушении страны.

Голоса избирателей разделились между двумя избирательными коалициями почти поровну. Национальный фронт и его союзники получили в совокупности несколько больше голосов, чем Народный фронт, — 4,4 млн против 4,2 млн. Однако мажоритарная избирательная система заметно исказила итоги народного голосования. Из 473 депутатских мест Народному фронту досталось 268, а Национальному — 205.

Все основные кандидаты Народного фронта прошли в кортесы. У Национального фронта потерпели поражение опытный политик Леррус и Примо де Ривера, но Роблес и Сотело были избраны надежным большинством.

Всего в кортесы попало рекордное количество партий и группировок — 19. По количеству депутатских мест (90) всех опередили социалисты. Впрочем, от них очень мало отстал блок Хилия Роблеса «Испанская конфедерация автономных правых». Ему досталось 86 мандатов. Левая Республиканская партия Асаньи получила 80 мест. Некоторого успеха добились компартия (16 мест) и троцкисты (1 место). Прочие мандаты достались мелким партиям. Испанская фаланга лишилась единственного мандата, полученного в 1933 году.

Лишившийся парламентского большинства правый кабинет Портелы Вальядареса сложил полномочия. Соблюдавший конституцию Портела отверг предложение генералов Годеда и Франко

объявить военное положение и передал власть победителям. Со стоялось беспрецедентное доселе событие — внутренне разнородный Народный фронт легально пришел к власти. Испания показала пример Франции, где Народному фронту суждено было выиграть выборы тремя месяцами позже. Много лет спустя созданный по испанскому образцу Народный фронт победил на выборах в Чили...

Главой нового правительства с согласия президента Республики вторично стал Мануэль Асанья. Левые республиканцы взяли на себя полномочия исполнительной власти. Другие партии Народного фронта, не вошедшие в правительство, обещали премьер-министру полную поддержку.

Новое правительство немедленно объявило политическую амнистию. Оно восстановило автономию Каталонии, упраздненную Леррусом, расширило права профсоюзов и ускорило проведение земельной реформы. Министры, назначенные Асаньей, и уполномоченные правительства — провинциальные губернаторы призывали испанцев «к спокойствию и умеренности». Но обстановка в стране все более напоминала хаос.

На первый план неумолимо выходили левые экстремисты всех направлений — от социалистов и коммунистов до анархистов и троцкистов. Свои действия они именовали «осуществлением программы Народного фронта».

Даже идеологизированные историки, сознательно смягчающие многие факты, не могли скрыть правды о волне экстремистского насилия («высших формах политической борьбы»), захлестнувшей Испанию. Сразу после оглашения итогов выборов народ начал брать приступом тюрьмы и освобождать политзаключенных. (Вместе с ними на свободе оказались и уголовники, что никак не способствовало воцарению спокойствия.) Из-за границы возвращались левые экстремисты, сумевшие эмигрировать после восстания 1934 года. Амнистированные несли с собой заряд ненависти ко всем противникам Народного фронта. Бывшие эмигранты везли еще и инструкции Коминтерна...

Ходили слухи, что из Москвы в Испанию под чужими фамилиями прибывают эмиссары Сталина с заданием совершить государственный переворот. Правые газеты уверяли, что ими руково-

дит венгерский коммунист Бела Кун — незадачливый глава венгерских Советов 1919 года и палач белых офицеров в Крыму 1920 года. На Западе он не без оснований пользовался славой второго Робеспьера. Позже выяснилось, что Кун тогда не покидал пределов СССР. Современные публикации, однако, подтверждают, что Коминтерн уже с 1932 года проявлял возрастающий интерес к событиям в Испании, увеличивал финансирование испанской компартии, активно инструктировал ее руководителей и т.д.

Несмотря на отсутствие в Мадриде советского посольства, страна была наводнена пропагандистскими брошюрами о процветании социализма в СССР и счастливой жизни советских трудящихся. Работу Коминтерна в Испании весной 1936 года возглавляли сразу три законспирированных международных революционера, давно бежавших с родины и существовавших на деньги советского народа — аргентинец Виктор Кодовилья, итальянец Пальмиро Тольятти и венгр Дьердь Гере.

Возможно, именно благодаря стараниям новых лидеров малозаметная и слабая ранее испанская компартия выбралась на политическую авансцену. Теперь она имела парламентскую фракцию, уверенно наращивала влияние в городах и впервые развернула массовую агитацию в деревне.

Ряды компартии стали пополняться за счет других партий и организаций.

«Коммунисты расширяли влияние во всех сферах, — свидетельствует испанский либеральный публицист Фернан Мануэль. — Их пропаганда достигала самых глухих сел. Старосты деревень встречали их с возгласом «Салют!» и поднятым сжатым кулаком».

Каждая неделя отсрочки реакцией удара по Республике приводила в ряды компартии массы новых членов. Левые социалисты, обескураженные аморфностью и беспорядочностью политики своей партии, часто шли к коммунистам, у которых революционность сочеталась с великолепной дисциплиной. Сыновья старых анархистов, привлеченные военной действенностью компартии, стали отходить от идеологии отцов, чтобы вступить в молодую, со свежей кровью партию.

Компартия захватила идейное руководство в массовой «Объединенной социалистической молодежи» и ее военных

формированиях. Под ее влиянием оказались левые социалисты вроде Альвареса дель Вайо. Их становилось все труднее отличить от коммунистов. Дель Вайо в марте 1936 года даже выезжал в столицу международного коммунизма — Москву, где встречался с высокопоставленным советским журналистом М.Е. Кольцовым (Фридляндом). Последнему предстояло вскоре прибыть в Испанию, а дель Вайо — стать министром. Только ли с Кольцовым виделся в Москве дель Вайо, очень близкий к Ларго Кабальеро, до сих пор остается загадкой...

Но дни наибольшего могущества испанских коммунистов были еще впереди.

Под влиянием левых экстремистов рабочие повсеместно начали выходить на улицы. Возобновились сильнейшие антицерковные бесчинства: ежемесячно подвергалось нападению до 40 храмов, дня не проходило без поджога какой-либо церкви. В стране начались массовые забастовки, политические демонстрации и крестьянские волнения, вызванные «провокациями реакционеров». Останавливались заводы и железные дороги, пустыли строительные леса, закрывались магазины. Летом 1936 года в Мадриде бастовали строители, трамвайщики, официанты и даже тореадоры.

Почти все стачки (95%) завершались победой рабочих. Они добились от хозяев сокращения рабочего дня при сохранении прежних ставок, введения страхования работников, улучшения условий труда и восстановления на рабочих местах всех уволенных после 1931 года.

С весны 1936 года забастовки стали переходить в захват рабочими предприятий, закрытых владельцами. В руки профсоюзов перешло несколько андалузских рудников и судоверфей, пивоваренный завод, мадридский трамвай. С апреля — мая крестьяне Андалузии, Валенсии и Каталонии под влиянием городских агитаторов в ряде мест приступили к присвоению и разделу помещичьих земель. Кое-где в подражание Советской России появились первые коллективные хозяйства. Испании Народного фронта суждено было познать насильственную коллективизацию без социализма.

Часть предпринимателей пыталась остановить самоуправство рабочего класса локаутами — массовыми увольнениями. Финансово-промышленная верхушка переводила капиталы за рубеж, обесценивая собственную песету. Некоторые, в том числе Хуан Марч, сразу после февральских выборов покинули страну.

Гранды Андалузии и Кастилии давали батракам расчет, оставляя поля и сады невозделанными или, наоборот, необрунными, провоцируя рост безработицы и цен. Газеты монархистов и листовки Испанской фаланги предсказывали «гибель родины» и открыто нагнетали ненависть и презрение к Республике. Крайне враждебную к Народному фронту позицию заняло и духовенство.

На короткое время ударной силой противников Народного фронта стала 15-тысячная Испанская фаланга, боевики которой с 1934 года проходили выучку в фашистской Италии. Девиз этой численно небольшой, но смело действовавшей военизированной организации звучал так: *«Мы знаем только одну диалектику — диалектику револьверов»*. Вождь фалангистов Примо де Ривера, восхищавшийся политикой Муссолини, открыто призывал установить тоталитарную диктатуру. Он собирался пойти дальше монархистов и консервативных республиканцев Лерруса или Роблеса.

«Мы заставим государство служить национальным, а не партийным интересам. Чтобы добиться наших целей, мы безжалостно раздавим интересы классов, партий, групп, индивидуумов», — гласила программа Фаланги — так называемые «27 пунктов».

Холеному и образованному «сеньору» Примо де Ривере от имени народа отвечал бывший каменщик, никогда не сидевший за партой, лидер Всеобщего союза трудящихся Франсиско Ларго Кабальеро, живший в бедном доме рабочего района Мадрида. Ранее он был правым социалистом и сторонником частичных реформ. Теперь поклонники называли его «испанским Лениным и Сталиным», и он гремел на митингах:

«Массы хотят революции, и она будет. Массы ждут наших действий. Властью мы овладеем любыми средствами. Народы Испании выразят свою волю. У нас будет диктатура пролетариата».

Решимость Фаланги столкнулась с ничуть не меньшей решимостью и ожесточением левых экстремистов. С мая 1936 года в испанских городах развернулся массовый политический террор. Вслед за револьверами в ход шли гранаты, динамитные заряды и ручные пулеметы. За три месяца, по официальным данным, было убито более 250 человек и совершено свыше тысячи покушений на убийство.

Сегодня трудно с полной уверенностью сказать, кому принадлежал первый выстрел — левым или правым, пришедшему к власти Народному фронту или не имевшей доступа к рычагам управления Фаланге. Жестокие потери несли те и другие.

В апреле «неизвестные» бросили бомбу на трибуну, с которой к мадридцам собирался обратиться с торжественной речью только что избранный президентом Республики Мануэль Асанья. В суматохе был застрелен офицер сил безопасности. На его похоронах состоялась массовая драка, в которой погиб двоюродный брат лидера Фаланги Примо де Риверы. В июне от пуль террористов в числе других испанцев погиб мадридский судья Педрегаль, только что приговоривший к 30 годам тюрьмы одного из членов Фаланги, который застрелил подростка-социалиста. Затем в Валенсии из проезжавшего на большой скорости автомобиля были расстреляны два фалангиста, отдыхавшие в кафе. Вскоре «неизвестные» совершили покушение на Ларго Кабальеро. В его жилище, двери которого всегда были открыты для всех желающих, была обнаружена бомба. Взрыв удалось предотвратить. Тогда же подверглись разгрому редакции многих правых газет. В одних районах страны фалангисты стрельбой из-за угла срывали демонстрации Народного фронта. В других — сторонники Республики силой разгоняли любые собрания монархистов и фаланги. Сильные драки происходили даже на кладбищах, чего ранее противоборствующие стороны себе не позволяли.

Силы безопасности если и вмешивались, то лишь в пользу сторонников Народного фронта. К середине июля было арестовано почти 6000 фалангистов и монархистов. Среди арестованных были фалангисты Примо де Ривера и Фернандо Куэста, монархист полковник Варела и молодой депутат, свояк генерала Франко — Серрано Суньер.

Арест Примо де Риверы нанес сильный удар Фаланге, лишившейся вождя. Несмотря на то что Примо удалось уличить только в незаконном хранении оружия, следователь отклонил все требования освободить арестованного под залог или подписку о невыезде. Зато ни один социалист или коммунист и почти ни один анархист не попал за решетку. Народный фронт попирает закон, который ранее требовал защищать.

Министерство внутренних дел закрыло несколько правых газет, но не запретило ни одной левой. Между тем в ряде мест — особенно в Астурии, Валенсии, Каталонии, власть постепенно ускользала из рук госаппарата, шаг за шагом переходя в руки профсоюзов, комитетов Народного фронта, стачечных комитетов и других «общественных организаций». Гражданские губернаторы и мэры городов больше походили на декоративные фигурки. Они едва успевали фиксировать события и все менее влияли на их ход.

В условиях ослабления государственной власти и ее откровенной пристрастности политическое насилие тем временем быстро набирало обороты. Оно постепенно превращалось из следствия политических явлений в их причину.

Характеризуя ситуацию, правый республиканец Хиль Роблес обоснованно говорил в кортесах в июне 1936 года: *«Страна может существовать при республике или монархии, с парламентским или президентским строем, при коммунизме или при фашизме. Но она не может жить в анархии. Теперь же у нас в Испании — анархия и похороны демократии».*

13 июля группа «неизвестных» в столице среди бела дня изрешетила пулями офицера-республиканца лейтенанта Кастильо, который месяцем раньше застрелил фалангиста. Похороны лейтенанта превратились в многолюдную политическую демонстрацию. Многие из присутствующих поклялись отомстить за гибель Кастильо. Политическая борьба стала переходить в кровавую месть.

Через два дня Испанию ошеломило новое трагическое известие. Группа офицеров сил безопасности, мстивших за Кастильо, похитила вождя Национального фронта депутата кортесов Кальво Сотело из его квартиры в фешенебельном районе Мадрида. Уходя под конвоем, Кальво успокоил домашних: *«Я скоро вернусь,*

если только эти господа не вышибут мне мозги». Его тело было найдено на другой день в кладбищенском морге.

Похороны Сотело и Кастильо повлекли за собой новые беспорядки в Мадриде и Сан-Себастьяне, завершившиеся пятью убитыми и огромным количеством раненых.

На календаре было 14 июля 1936 года. «Дело Кальво Сотело» обнажило опаснейшее явление. Политизация органов государственной безопасности достигла такого уровня, что вместо поддержания правопорядка они сами начали совершать уголовно наказуемые деяния. Правительство же не могло (или не хотело) держать их в повиновении. Убийцы Сотело были раскрыты, но большинство тут же непонятным образом пропали из поля зрения властей. Арестован был только один из них, но и он не понес наказания. Документы следствия вслед за виновниками преступления тоже вскоре бесследно исчезли из МВД...

Деятели Национального фронта громко обвиняли в причастности к убийству премьер-министра Касареса Кирогу, сменившего на этом посту Асанью. Обвинение осталось недоказанным, но подозрения сохраняются до сих пор. Богач, верующий монархист, бывший министр Альфонса XIII Кальво Сотело и выходец из бедноты, безбожник-республиканец Касарес Кирога давно уже определили свои отношения, как испанскую вендетту. Существуют и другие недоказанные версии — вдохновителями убийства якобы были коммунисты и левые социалисты. Косвенно эти версии подтверждают некоторые факты. Наутро после убийства правительство распорядилось закрыть штаб-квартиры монархических партий — легитимистов и карлистов (хотя они были пострадавшей стороной!), компартия и социалистические профсоюзы выразили действиям правительства полную поддержку, анархисты же воздержались от комментариев. Из всех деятелей Народного фронта только правый социалист Индалесио Прието открыто осудил убийство.

Уцелевшие правые газеты объявили о полной неспособности Народного фронта управлять Испанией. Многие депутаты-монархисты объявили бойкот кортесов и покинули Мадрид. Республиканским лидерам — «правительству крови, грязи и позора» они в очередной раз предсказали судьбу Керенского в России. В свою

очередь вожди Республики уверяли, что происки монархическо-клерикальной реакции мешают им поддерживать правопорядок в стране.

Борьба Народного фронта с монархистами, церковью и Фалангой отвлекла его внимание от еще одного противника — армии, которая между тем готовилась к открытой конфронтации с Республикой.

Кадровые военные образовали в 1935 году полулегальный «Испанский военный союз» — нечто среднее между офицерским клубом и профессиональной ассоциацией. Главной своей задачей Союз поставил ни больше ни меньше — «спасение родины». Возглавлял его живший в изгнании в Лиссабоне Санкурхо, где он проводил результативные переговоры с вождями монархистов. После того как монархисты и Фаланга не смогли остановить того, что офицерство именovalo «разрушением Испании», а марксисты — «складыванием революционной ситуации», Союз активизировался.

В феврале 1936 года члены Союза — генералы Гоед и Франко тайно пытались сорвать передачу власти кабинету Народного фронта. Слухи об их намерениях проникли в печать, и левые партии потребовали суда над заговорщиками. Асанья и Кирога не стали провоцировать нового скандала и без суда отправили генералов с понижением в почетную ссылку на окраины государства. Гоеда военное министерство перевело на Балеарские острова (900 км от Мадрида), а Франко — на еще более отдаленные Канары (2000 км от Мадрида). Еще одного деятеля Союза — генерала Эмилио Молу направили из столицы в Наварру, группу ненадежных офицеров — в Марокко. Мадридское командование и военное министерство пополнили военными, чья верность Республике не вызвала сомнений. Заместителем военного министра назначили безбожника и к тому же приятеля Асаньи — полковника Эрнандеса Сарабию, командующим расквартированной в столице 1-й дивизией — тоже безбожника генерала Хосе Миаху.

С апреля 1936 года Союз серьезно занялся подпольной работой. Отныне офицерство взяло курс на государственный переворот и отстранение штатских от власти. Душой Союза стал генерал Мола. Дальновидный военный с богатым служебным опы-

том, он побывал ранее и на марокканском фронте, и в кресле министра внутренних дел, пробовал силы в военной теории. В небольшой аналитической книге «Опыты» (1932) Мола настаивал на замене неоднородной и слабо вооруженной испанской армии менее многочисленными, но обильно оснащенными новой техникой и тщательно обученными войсками, построенными на контрактной основе. Он выдвинул подобные идеи раньше немца Гудериана и француза де Голля.

Эмилио Мола стал главным координатором подготовки военного мятежа. Этот человек, с неброской внешностью, в очках с дешевой оправой, с постоянной усталостью на лице, скорее похожий не на военного, а на школьного учителя или бухгалтера, провел массу телефонных и телеграфных переговоров со всеми военными округами страны, с офицерством каждого корпуса и каждой дивизии. Он разослал участвовавшим в заговоре генералам, полковникам и майорам ясные и исчерпывающие предписания, что, кому и когда предпринимать. Мола достиг понимания с офицерами флота. Он встречался с вождями монархического движения Кастилии и Наварры, добиваясь единства действий. Соратники с уважением именовали Мола «Директором». Главным его уполномоченным был неутомимый андалузец полковник Варела.

Как рассчитывал Мола, военный мятеж по условному сигналу должен был начаться сразу во всех концах страны от Пиренеев до Марокко. Выступление намечалось на 17 часов 17 июля. Основная роль отводилась марокканским войскам и Иностранному легиону, вспомогательная — гражданской гвардии, Фаланге и ополчению наваррских и кастильских монархистов. Флоту надлежало перебросить находившиеся в Марокко войска в саму Испанию. Всем присоединившимся военным заговорщики обещали немедленное повышение в чине на одну ступень и прибавку к пенсии после отставки.

Всех штатских политиков следовало немедленно сместить, а при попытке сопротивления — лишить жизни. Партийных деятелей независимо от пристрастий надлежало арестовать и подвергнуть «показательным наказаниям».

Мадрид планировал провести согласованные удары сразу по нескольким направлениям. После захвата хотя бы части страны в Испанию должен был прибыть Санкурхо, чтобы принять верховное командование восстанием. Всякие переговоры с правительством исключались.

В отличие от «санкурхиады» 1932 года военный заговор 1936 года был тщательно законспирирован, и все же некоторые сведения о нем достигли сторонников Республики. Осведомителями правительства были коммунисты и немногочисленные демократически настроенные военные. Так, из Кадикса о готовящемся мятеже военному министерству сообщил командир крейсера «Республика». В первой половине июля сведения были переданы президенту и премьер-министру. В качестве ведущих заговорщиков были верно названы Мола, Варела, Годед, Франко и Ягуэ. Однако вожди Республики уклонялись от решительных контрмер. Делегации встревоженных коммунистов Кирога шуточно ответил: «Вам всюду мерещатся фашисты». И серьезно добавил: «Есть пословица — чтобы поймать зайца, ждут, чтобы он выскочил. Пока армия не восстала, нет причин беспокоить ее».

Президент в Национальном дворце пошел дальше, посетовав: «Я устал от разговоров о мятеже, и меня подмывает назначить Ягуэ начальником моей дворцовой охраны».

Историки и публицисты с упоением писали о «слепоте» республиканских правителей, об их неумении сопоставить факты. Но левые республиканцы были опьянены триумфом над «санкурхиадой» и уверены в провале нового мятежа.

Ключом к разгадке следует считать разговор генерала Франко с Асаньей в марте, когда генерал уезжал на Канары. Разговор происходил по телефону — премьер Республики и ее будущий президент отказал генералу в приеме. Несмотря на это, собеседники были довольно откровенны. Франко в учтивой форме угрозил Республике тяжкими последствиями, но тут же намекнул, что готов сотрудничать, если ему сохранят прежний пост или дадут равноценный: «Зря вы отсылаете меня. В Мадриде я был бы куда полезнее армии и правопорядку». Ответ премьера, тоже содержащий замаскированную угрозу, указывал на его понятливость: «Я не боюсь развития событий. О заговоре Санкурхо я был

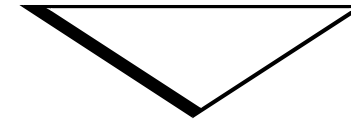
осведомлен и мог предотвратить его мятеж. Я предпочел, чтобы он сам рухнул».

16 июля прибывший в Бургос Эмилио Мола был встречен дивизионным командиром генералом Батетом. Выяснилось, что верный конституции Батет и близкие к нему офицеры догадываются о заговоре. Генерал доверительно сообщил «Директору» о намерениях анархистских «пистолерос» убить его, и учтиво посоветовал Моле покинуть Наварру, что означало оставить службу. Батет потребовал также от Мола честного слова, что тот не выступит против Республики.

Вечером в Памплоне Молу навестил его брат, который привез из Барселоны тревожные известия — восстание в Каталонии может провалиться. Но «Директор» выразил уверенность в победе, и Рамон Мола выехал обратно в Барселону.

В этот же день Франко на спортивном самолете тайно вылетел в Испанское Марокко.

ГЛАВА 2

«НАД ВСЕЙ ИСПАНИЕЙ НЕБО ЧИСТОЕ»

Эта романтическая фраза попала во все учебники истории, энциклопедии и аналитические работы. Если верить многочисленным авторам, именно она, переданная в эфир из марокканского городка Сеуты (по другим сведениям — из Мадрида), послужила сигналом к началу военного мятежа и гражданской войны в Испании. Но в первоисточниках — архивах радиостанций найти ее не удалось, как и не удалось выяснить, кто мог передать ее в эфир.

Настоящим сигналом к восстанию военных считается разосланная 16 июля из Памплоны телеграфная директива Мола. Она была замаскирована под лаконичную коммерческую телеграмму: *«Семнадцатого в семнадцать. Директор»*.

Восстание в Испанском Марокко вспыхнуло на час раньше предписанного срока. Офицеры-заговорщики гарнизона Мелильи, опасаясь раскрытия их планов командующим войсками Восточного Марокко генералом Ромералесом, вывели войска на улицу. Здесь, в старинном, но малопримечательном африканском портовом городе, которым Испания владела с XV века, суждено было начаться испанской гражданской войне. Грянули первые выстрелы. Через два-три часа сопротивление сторонников правительства прекратилось. Всех пленных восставшие расстреляли на месте. Погиб и генерал Ромералес, отказавшийся подать в отставку. Победители тут же составили списки «враждебных элементов» — республиканцев, профсоюзников, масонов и приступили к арестам.

Вечером 17 июля жителям пропахшей порохом, заполненной солдатами Мелильи уже не верилось, что еще в полдень генерал Ромералес, прохаживаясь по улицам, уверенно говорил адъютанту:

«Видите, ничего не происходит. Мы можем спать спокойно!»

Из Мелильи восстание с огромной скоростью распространилось по всему Испанскому Марокко. Сеуту восставшие захватили без боя. Бои шли в Тетуане и Лараче. Против армии выступили рабочие, полиция и летчики майора Лапуэнте. Но на стороне восставших были неожиданность нападения, численное превосходство и продуманный план действий. Восставшими войсками расторопно распорядились не знавшие сомнений «африканисты» — майор Кастехон и полковник Ягуэ. К 19 июля в их руках было все Испанское Марокко. Схваченный мятежниками Лапуэнте был казнен. Его не спасло даже родство с самим генералом Франко (они были двоюродными братьями).

С захватом очередного города мятежники давали телеграммы сообщникам с заранее условленным, стандартным текстом — *«Все спокойно. Никаких новостей»*.

Утром 19 июля к мятежникам присоединились гарнизоны Канарских островов. Восставшие захватили столицу архипелага — безмятежный курортный Лас-Пальмас. Провинциальный губернатор сдался. Из Лас-Пальмаса Франко передал по радио короткий манифест, составленный в пафосно-патриотических, но крайне уклончивых выражениях. В нем ничего не говорилось о планируемой диктатуре, заканчивался он вполне демократическим лозунгом, неожиданным в устах кадрового военного: «Свобода, равенство и братство».

Днем 18 июля в Сеуте восставшие приступили к посадке Иностранного легиона на суда. Эсминец «Чуррука», экипаж которого не подозревал о мятеже, уже перевез через Гибралтарский пролив одно подразделение легиона в морские ворота Южной Испании — Кадикс.

Высадка мятежников в Кадиксе означала, что восстание стало распространяться по метрополии. Перед ними лежала густонаселенная плодородная Андалузия.

В Мадриде Кирога и его министры, извещенные республиканцами Мелильи о восстании, были уверены, что имеют дело с новой «санкурхиадой». Главных врагов они по-прежнему видели в монархистах и фалангистах. Поэтому военное министерство ог-

раничилось тем, что послало из портов Андалузии к берегам Марокко часть военного флота и авиации. Кораблям и самолетам приказано было бомбардировать и блокировать мятежные гавани.

По приказу из Мадрида звено правительственных самолетов совершило 18 июля налет на захваченный Тетуан. Операция была плохо подготовлена и вызвала жертвы среди гражданских лиц. Восставшие обвинили Республику в зверствах и пообещали действовать аналогично. Это обещание было выполнено...

Премьер-министр между тем шутил с собравшимися в своей приемной военными и штатскими насчет восстания в далекой Африке (*«кажется, заяц наконец выскочил»*) и вторично отклонил требование крайне левых вооружить народ. *«Каждый вручивший оружие рабочим будет расстрелян»*, — твердо заявил глава правительства. Сходным образом были настроены и все провинциальные губернаторы и муниципальные деятели.

Даже когда гарнизон мятежников окружал муниципалитет или резиденцию губернатора в очередном городе, внутри здания правительства рассуждали по-гамлетовски: *«Если не вооружить народ, что станет с Республикой? Но если его вооружить, как потом удержат его в узде?»*

Первая сводка войны, которой суждено было бушевать три года и покрыть страну могилами, была передана по мадридскому радио утром 18 июля. Она шла после сводки погоды и была короткой, иронической и успокаивающей:

«В некоторых районах протектората (Марокко. — С.Д.) отмечено повстанческое движение. На полуострове никто, решительно никто к этому сумасшедшему заговору не присоединился. Сил правительства вполне достаточно для его скорого подавления».

Между тем окрыленные успехом в Африке заговорщики выступили во всей Андалузии. Ключом к ней были портовый Кадикс и промышленная Севилья.

Небольшим Кадиксом восставшие овладели на рассвете 18 июля за несколько часов. Удачей мятежников стало освобождение из кадиксской тюрьмы видного заговорщика полковника Варелы, вскоре ставшего известным фронтовым командиром восставших.

В Севилье местный гарнизон поначалу бездействовал, а африканские войска не прибыли. Солдаты и особенно офицеры хорошо помнили о провале «санкурхиады» и опасались отпора многочисленного пролетариата, среди которого господствовали воинственно настроенные анархисты и коммунисты.

Катализатором переворота в Севилье стали действия бывшего республиканца, генерального директора карабинеров Кейпо де Льяно. Участник восстаний против короля, он был на хорошем счету у правительства и пользовался полным доверием в военном министерстве. О его позднем присоединении к заговору Санкурхо — Мола никто из республиканцев не подозревал. Недавно прибывший в Севилью, Кейпо не имел в городе связей. В его распоряжении числились всего четыре верных офицера. Но именно с ними бравый, двухметрового роста усатый генерал совершил немислимое: он последовательно арестовал всех колебавшихся офицеров во главе с начальником гарнизона, назначил новых полковых командиров, объявил военное положение и вывел войска на улицы. Солдаты беспрекословно повиновались зычным командам Кейпо.

Отпор мятежному гарнизону возглавили профсоюзы. По их призыву у резиденции провинциального губернатора вскоре собралось свыше 6000 сторонников Народного фронта, требовавших оружия (у собравшихся было менее ста ружей и револьверов). Губернатор же или плохо понимал ситуацию, или был соучастником заговора. Лишь к вечеру он разрешил раздать народу всего 300 винтовок. За это время армия успела занять центр города вместе с радиостанцией. В вечерних и ночных боях наступательные действия отважных, но не знавших военного дела рабочих не имели успеха. Осознав свою беспомощность, они подожгли несколько церквей и шелковую фабрику, принадлежавшую ненавистному аристократу Луке де Тене.

Тем временем Кейпо де Льяно выступил по радио. От имени восставших он провозгласил борьбу за спасение Испании и пригрозил уничтожить всех сопротивляющихся. Он дал свою версию прогноза событий: «*Через 36 часов Республика издохнет*».

К утру 19 июля над домом губернатора появился белый флаг. К этому времени Народный фронт удерживал только пролетар-

ские предместья Триану и Ла-Макарену и телефонную станцию. По предместьям, откуда Народный фронт ждал подкреплений, мятежники открыли артиллерийский огонь. Занятая юными добровольцами-анархистами телефонная станция продержалась 4 дня, а перестрелки в предместьях продолжались до середины августа. Но это уже не меняло сути дела — восставшие овладели столицей Андалузии.

В соседней Кордове офицеры-заговорщики, ободренные радиоречью Кейпо де Льяно, к 19 июля под угрозой применения артиллерии заставили провинциального губернатора сдаться без боя. Безоружные и захваченные врасплох республиканцы на другой день вступили в борьбу с войсками, но, как и в Севилье, не смогли овладеть положением. Бои на окраинах Кордовы не затихали свыше двух недель.

Далее к востоку при аналогичных условиях малочисленные восставшие без труда овладели Гренадой и Альбасете. В Альбасете не было гарнизона, но его захватила ненавидевшая Народный фронт гражданская гвардия.

Полный успех ждал восставших в Наварре и Старой Кастилии. Воинственные наваррские монархисты, которыми кишела провинция, давно ждали сигнала, чтобы подняться против «безбожной городской Республики». Республиканские власти были быстро смещены и арестованы. Сопrotивления почти не было. В столице Наварры — Памплоне ценой переворота 17—18 июля стал один убитый и несколько раненых. Сотни добровольцев-монархистов в красных беретах стекались в Памплону, избирали командиров, получали приказы Мола и со старинным кличем «Бог, родина и король!» отправлялись воевать против Республики.

В Кастилии старинные консервативные (и непромышленные) города Бургос, Вальядолид и Саламанка перешли в руки восставших после коротких боев. Победа восставших тут, как и в Наварре, с первых минут не вызвала сомнений. «*У нас даже камни — националисты*», — с гордостью рассказывали позже бургосцы работникам международного Красного Креста. Верный Республике, опытный и хладнокровный каталонец генерал Батет ничего

не смог изменить. Солдаты его дивизии быстро подчинились офицерам-заговорщикам.

По приказу Мола восставшие схватили и без суда расстреляли Батета. Испытывавший угрызения совести «Директор» позже оправдывался так: *«Благо родины выше моего слова»*.

В другом кастильском городе — Вальядолиде малочисленные рабочие-социалисты смело вступили в бой с войсками и фалангистами. Дивизионный командир Молеро поступил подобно Ромералесу и Батету — лишился подчиненных ему войск, но остался на стороне Республики. Вместе с адъютантом он забаррикадировался в кабинете. Напрасно заговорщик генерал Саликет, явившись к Молеро под охраной, предлагал ему примкнуть к восстанию. Между генералами и их охранниками произошла жаркая схватка. Молеро и его адъютант, а также два офицера из свиты Саликета погибли.

Подобно Наварре, Старая Кастилия дала восставшим немало добровольцев, многие из которых явились на сборные пункты с оружием. Над регионом торжественно звонили колокола и звучал запрещенный Республикой монархический гимн «Орнаменди».

В соседнем Арагоне перспективы восстания не казались такими благоприятными. Столица края и его крупнейший город — Сарагосса являлась цитаделью анархистских профсоюзов. Военный губернатор — престарелый генерал Виргилио Кабанельяс не состоял в заговоре. Более того, он имел репутацию лояльного республиканца. Поэтому Мола считал Сарагосу таким же «безнадежным городом», как Барселону с Севильей и Овьедо.

Но в городе, знаменитом со времен наполеоновских войн, как и в Севилье, дело решилось в пользу восставших. Кабанельяс, поколебавшись, присоединился к заговорщикам (ходили слухи, что один из них — некий молодой офицер приставил к виску генерала револьвер и дал минуту на размышление). На рассвете 19 июля по его приказу гарнизон и гражданская гвардия захватили все решающие пункты Сарагоссы. Запоздалое противодействие ошеломленных сторонников Республики не имело успеха.

К 19 июля в руки восставших войск и фалангистов перешли остальные города Арагона — Теруэль, Уэска и Хака. Их захват

означал, что территория, захваченная восставшими, достигла границ Каталонии. Кроме того, овладев Теруэлем, мятежники создали себе важный опорный пункт на дальних подступах к Валенсии — оплоту Республики.

Из Наварры, Старой Кастилии и Арагона восстание проникло в сердце страны — Новую Кастилию. К 19 июля мятежники без труда овладели дальними пригородами столицы — Авилай, Гвадалахарой, Сеговией, Сигуэнсой и Толедо. Шли только вторые сутки восстания, а Мадрид уже был в полукольце.

На северо-западе — в Галисии план Мола тоже с успехом воплощался в жизнь. Столица края — Ла-Корунья и большая часть военно-морской крепости Эль-Ферроля сразу оказались в руках восставших. Правда, борьба за Эль-Ферроль затянулась. Мятежникам решительно сопротивлялись портовые рабочие и моряки двух стоявших в ремонте больших военных кораблей — линкора «Эспанья» и крейсера «Альмиранте Сервера». Их экипажи были лишены возможности выйти в открытое море. Но они огнем из тяжелых орудий несколько дней не давали восставшим овладеть гаванью.

Моряки-республиканцы еще несколько дней сражались с мятежниками на палубах, мостиках, в трюмах и в каютах кораблей. Бои в Эль-Ферроле длились до 25 июля. Их исход был решен пробившимися на корабли фалангистами.

Неожиданная удача ждала восставших к востоку от Галисии — в Астурии. Военный губернатор столицы края — Овьедо, один из заговорщиков полковник Аранда заверил местных шахтеров в верности гарнизона Народному фронту. Себя Аранда назвал «мечом Республики». Он поощрил их на марш через Леон и Кастилию — на помощь Мадриду, откуда звонил Прието, прося революционный Север о помощи. Полковник даже снабдил слабо экипированных шахтеров несколькими сотнями винтовок, патронами и тремя пулеметами. Те с благодарностью приняли оружие.

Сразу же после ухода горняцкого ополчения на юг Аранда поднял восстание и молниеносно захватил Овьедо с его оружейным заводом. Горняки, успевшие занять Леон и вторгнуться с севера в Старую Кастилию, повернули обратно, в Астурию.

Соединение астурийцев с мадридскими республиканцами, столь опасное для планов восставших, было сорвано. До Мадрида добралась только незначительная группа шахтеров-динамитчиков. Вскоре и Леон был занят восставшими. Аранда оказал важную услугу Моле.

Словом, до полудня 19 июля мятежники выполняли план восстания и захвата власти с минимальными трудностями. В восстании участвовало 80% вооруженных сил страны, весь их унтер-офицерский состав и около 70% офицеров. Из 50 провинциальных центров страны 35 уже находилось в руках восставших, еще в четырех шли бои. Двадцать две провинции и Марокко были прочно заняты восставшими.

Дело, казалось, близилось к концу. Военное восстание побеждало. Пораженный его размахом и действенностью, подавленный массовыми демонстрациями мадридцев с плакатами «Оружия!», Касарес Кирога в ночь с 18 на 19 июля сложил полномочия. Его обещание скоро подавить «абсурдный мятеж» оказалось безответственной болтовней. К этому времени мадридское радио сообщало о занятии восставшими Канарских и Балеарских островов, Наварры, Арагона, Галисии и половины Кастилии. А только что подтвердившие по телефону верность «законной власти» военачальники вроде Кабанельяса и Аранды выступили против Республики.

Президент пытался остановить разворачивающуюся в стране междоусобицу. В третьем часу ночи он поручил создание нового кабинета умеренному республиканцу Мартинесу Баррио, который слыл мастером компромиссов. Баррио сразу же по телефону сделал смелый шаг — он предложил вождям монархистов и генералу Моле войти в состав коалиционного правительства и остановить таким образом кровопролитие. Мола намечался в военные министры, правый республиканец Санчес Роман (отказавшийся подписать пакт Народного фронта) — в министры без портфеля, монархистам новый премьер предложил министерства сельского хозяйства, рыболовства, юстиции.

Но современники встретили усилия Мартинеса Баррио враждебно. Его телефон всю ночь работал напрасно. Мола из Памплоны и вожди монархистов из Бургоса с презрением отказались от министерских постов, а у левых партий и мадридских профсо-

юзов известие о возможном соглашении с восставшими вызвало бурю гнева. Радио и телефон сообщали о новых успехах мятежников. Стали поступать сведения о подозрительных происшествиях в казармах Мадрида и Барселоны. На окраинах столицы и в Барселонском порту рабочие уже начали захватывать оружие.

Компромисс не состоялся. Он не мог состояться в обстановке массового недовольства и непримиримости, воцарившейся в стране.

Через 8 часов, ушедших на бесплодные политические комбинации, Мартинес Баррио также вручил президенту прошение об отставке. С тех пор его прозвали «восьмичасовым премьером».

После новых консультаций, теперь уже только с партиями Народного фронта, было создано левореспубликанское правительство Хосе Хираля. После полудня 19 июля оно новым декретом санкционировало вооружение народа. Рабочие, студенты и прочие лица мирных профессий, предъявляя профсоюзные билеты, получали винтовки, патроны и пулеметы.

Те, кому не хватило настоящего оружия (а имевшееся нередко было в неисправном состоянии), вооружались на законном основании чем попало — охотничьими ружьями, отобранными у фалангистов револьверами, брусками со вбитыми в них гвоздями. Привычные к обращению со взрывчаткой андалузские и астурийские шахтеры обычно вооружались смертоносным оружием ближнего боя — динамитными шашками. Разрушительная сила шашки была равна связке гранат. Всего за несколько дней вооружилось от 500 до 600 тысяч сторонников Народного фронта.

Трудящиеся повсеместно и стихийно создали отряды народной милиции (ополчения). Улицы и дороги во многих местах оказались в полной власти вооруженных дружинников-милисианос. Частный и муниципальный транспорт был реквизирован. Многочисленные отряды добровольцев на грузовиках, автобусах и на поездах двинулись к очагам восстания. Старинными мушкетами и музейными алебардами вооружались крестьяне, ничего не понимавшие в политике и идеологии, но узнавшие от прохожих, что «идет война против гражданской гвардии».

Такого всенародного подъема страна не помнила со времен нашествия Бонапарта.

Вооружение испанского народа — граждан, не состоявших на военной службе и в партизанских отрядах, стало в мировой истории второй подобной мерой после Парижской коммуны.

Можно сколько угодно говорить о «вынужденности» такого шага, об отсутствии у кабинета Хиралья элементарного выбора. Но непреложным фактом остается следующее. Либеральный республиканец, доктор химии Хираль оказался решительнее и последовательнее наших большевиков, которые лишь обещали «всеобщее вооружение народа», но, получив реальную власть, объявили собственный лозунг утопией.

«Раздача оружия народу полностью изменила положение, потребовала пересмотра всех прежних планов», — грустно комментировал позже враг Республики — фалангистский публицист Мануэль Аснар, автор многотомной «Истории испанской войны».

В большинстве провинций эта мера уже запоздала. Оружие, которое не хотели раздавать рабочим, было захвачено восставшими. Всюду, где они к 20 июля победили, народ не был вооружен.

Зато мятежникам нигде не удалось одержать победы над вооруженным гражданским обществом. Последующие три недели до 10 августа стали временем триумфа вооруженного испанского народа.

19 июля повстанцы выступили в обеих столицах Испании — Мадриде и Барселоне. В Мадриде у восстания было несколько очагов — казармы Монтанья, Карабанчеля, Викальваро и Хетафе. Все они размещались на юго-западных окраинах города и имели визуальную связь. Самым опасным очагом был первый (до 14 000 штыков и сабель). Но руководитель восставших — бывший работник военного министерства генерал Фанхуль, видя улицы столицы заполненными народом, долго не решался выступить.

Генерал оказался духовным собратом тех, против кого восстал — Кирог и Асаньи. Он напрасно потерял по крайней мере сутки. В это время в Мадриде против правительства действовали только малочисленные снайперы-фалангисты. Между тем верные Республике силы безопасности при поддержке милиции без труда подавили восставших в Викальваро и Карабанчеле. Затем настал черед Монтаньи.

Поздним вечером 19 июля огромная масса наспех вооружившихся мадридцев — не менее 50 000 человек осадила размещенные на высоком холме и потому удобные для обороны казармы. К винтовкам у многих республиканцев не было патронов, а у других отсутствовали затворы. Восставшие же встретили мадридцев густым пулеметным и минометным огнем, нанесям милисианос большой урон, но не обратившим их в бегство, чего ждал Фанхуль. Толпа была столь плотной, что хорошо вооруженные мятежники физически не могли вырваться из казарм.

С рассветом 20 июля бой возобновился. Он шел не менее шести часов. Из Викальваро привезли захваченные там пушки, однако 3-дюймовые и даже 6-дюймовые снаряды не могли разрушить массивные старинные стены военного городка. К тому же значительная часть снарядов не разрывалась.

Тогда в борьбу вступили ВВС. Правда, их участие было скромным. В воздух поднялся бомбардировщик «Бреге-19», пилотируемый республиканским военным — майором Идальго де Сиснеросом. Он нес небольшие бомбы весом до 10 кг. Когда они стали разрываться во дворе казарм, восставшие подняли белый флаг.

В полдень разъяренная толпа выломала ворота казарм и ворвалась внутрь, учинив расправу над защитниками Монтаньи. Несколько офицеров сбросили с верхних этажей на мостовую. Сержантов тоже шадиди далеко не всегда. Раненый генерал Фанхуль, переодевшись в форму рядового, пытался скрыться, но был опознан и схвачен.

Последней вспышкой восстания в столице была недолгая схватка между небольшой группой снайперов-фалангистов и сторонниками Народного фронта в самом центре города, на площади Пуэрта -дель-Соль. Фалангисты частью погибли, частью скрылись в богатых кварталах Мадрида у родственников.

Из всех находившихся в Мадриде и вовлеченных в заговор армейских частей только саперный батальон из казарм Эль-Пардо избежал участи защитников Монтаньи. Саперы обязались защищать Республику и беспрепятственно покинули столицу, сообщив мадридцам, что идут отражать наступление мятежников из Наварры. На самом деле они ушли в Старую Кастилию и там влились в войска Мола.

Один из расквартированных в Мадриде пехотных полков и бронедивизион офицерам не удалось поднять на борьбу. Убедившись в своей бессилии, командиры бежали из казарм, покинув солдат. Эти части остались в казармах и не приняли участия в первых боях. Они не собирались восставать, но и не хотели сражаться против других армейских подразделений. Полностью верными правительству остались летчики и техники всех столичных аэродромов — Барахаса, Куатро-Вьентоса и Хетафе.

В Барселоне дела восставших поначалу шли хорошо. Глава каталонского правительства Компанис отказался вооружить народ. Мятежники находились под руководством смелого и решительного генерала Годада, уже захватившего Майорку и затем прилетевшего в Барселону на гидроплане. Солдатам раздали коньяк и сказали, что им поручено подавить «анархистское восстание».

На рассвете 20 июля восставшие полки (до 10 000 штыков и сабель) сделали в Барселоне то, что не удалось более многочисленным войскам Фанхуля в Мадриде.

Силы Годада всего за один-два часа овладели центром «испанского Нью-Йорка». Были заняты телефонная станция, главное управление порта, вокзал, площадь Каталонии и гостиница «Колумб». Однако к полудню произошел перелом. Для захвата решающих пунктов двухмиллионного города у Годада недоставало живой силы и артиллерии. Большая часть Барселоны осталась в руках республиканцев. Десятки тысяч рабочих-анархистов успели захватить часть военных складов и кое-как вооружиться. Они решительными бросками блокировали городские магистрали и сдавили восставших в центре города.

Гражданская гвардия Каталонии и стоявшие в порту суда береговой охраны вопреки призывам заговорщиков поддержали правительство, а не восставших. После полудня колонны милиции и силы безопасности перешли в контрнаступление и в жестоких боях загнали мятежников обратно в военные городки Атаранасас и Маэстранса, лишив их всякой надежды на успех. Теперь даже Годад не знал, что предпринять. Его молниеносная победа на Балеарах также молниеносно сменилась провалом в Каталонии.

Ночью казармы были взяты штурмом, во время которого анархисты, зачастую шедшие в бой со старыми наганами и ножами

на пулеметы, лишились крупного боевика-«пистолерос» Аскасо, а восставшие — брата «Директора», Рамона Моля.

Республиканцы потеряли в сражении в общей сложности 200 убитых и до 3000 раненых. Потери восставших были несколько меньше. Генералы Годад и Бурриель попали в руки республиканцев и были преданы суду. Добычей победителей стало также свыше 100 000 единиц разнообразного оружия.

Победители заставили Годада выступить по радио. Побежденный генерал, неумолимый враг Народного фронта сдержанно заявил перед микрофоном: *«Я не достиг успеха. Те, кто намерен продолжать борьбу, не должны более рассчитывать на меня»*. Его обращение торжествующие республиканцы транслировали несколько суток на всех волнах.

В Барселоне, как и в Мадриде, часть побежденных офицеров республиканцы расстреляли на месте. С остальных пленных срывали погоны, избивали и в растерзанном виде волокли по площадям и бульварам в импровизированные трибуналы.

Провалом завершилось военное восстание в Валенсии. В третьем по населенности испанском городе и его окрестностях республиканские настроения были как нигде сильны, и валенсийцы были начеку. Сочувствовавшие Республике местные офицеры 18 июля, не ожидая разрешения Мадрида, передали профсоюзам большое количество винтовок и даже две танкетки. Участник заговора генерал Гонсалес Карраско и его офицеры не отважились поэтому вывести войска из казарм, которые вскоре были окружены республиканцами. Боев не последовало. Вместо них начались очередные антицерковные бесчинства — сторонники Народного фронта разрушили одиннадцать храмов и дворец архиепископа. Прибывший в город «восьмичасовой премьер» Мартинес Баррио по телефону установил контакт с восставшими и 24 июля убедил их сложить оружие.

Полной неудачей завершились попытки восставшего офицера овладеть индустриальным Бильбао и Картахеной с ее военно-морской базой. После незначительных боев очаги восстания в обоих приморских центрах были устранены отрядами милисианос и верными правительству силами безопасности.

Поражением повстанцев стало подавление народной милицией их сторонников еще в двух приморских городах — Малаге и

Сан-Себастьяне. Малага была важным портом Южной Испании. Еще важнее было значение Сан-Себастьяна. Этот курортный город и порт вместе с восточным пригородом — Ируном прикрывал доступ к железной дороге из Бискайи во Францию. В Сан-Себастьяне не было гарнизона. Против Республики восстала только гражданская гвардия. Но республиканцы в уличных схватках вскоре одолели ее и загнали остатки в один из отелей.

Знавшие, что победители питают к ним лютую ненависть, окруженные гвардейцы наотрез отказались сложить оружие. К тому же они рассчитывали на помощь из Наварры. Но генерал Мола уже двинул наваррских рекете на юг, к Мадриду. Присланный им из Эль-Ферроля спешно отремонтированный крейсер «Альмиранте Сервера» бомбардировал город, но этим лишь ожесточил республиканцев. К 28 июля все было кончено — гостиница разрушена при помощи динамита, осажденные перебиты.

Повсеместно (кроме Овьедо) планы восставших были сорваны в Астурии. Ополчение шахтеров осадило гарнизон полковника Аранды в Овьедо, полностью отрезав его от основных сил Мола. Астурийцы даже предприняли наступление на юг и на запад — в Леон и Галисию, вгрызаясь в территорию, захваченную восставшими в первые часы борьбы.

Рядом с Астурией — в Галисии положение мятежников оказалось крайне шатким. Они захватили только города, а сельская местность оказалась в руках крестьянства, которое, в отличие от Кастилии, было настроено в пользу Народного фронта.

К 20 июля определилось со всей очевидностью, что восставшие территории напоминают собой «острова в республиканском море». Очаги мятежа были многочисленны, но разобщены. Самыми важными и территориально протяженными среди них были Марокко и Старая Кастилия. Восставшие отстояли Севилью, Кордову и Гренаду на юге, Алькасар в центре и Овьедо на севере, а также Балеарские и Канарские острова. Связь между этими девятью очагами восстания поддерживалась только по радио и по воздуху. Находившиеся в них войска не могли взаимодействовать друг с другом.

Планы Санкурхо и Мола были рассчитаны на молниеносность и скоротечность борьбы. Вскоре мятежники ощутили нехватку бо-

епоприпасов. На радиозапросы с Юга о помощи патронами Мола из Памплоны должен был ответить:

«Послать патроны не могу. У меня всего 26 000 штук на всю Северную армию».

Северная армия повстанцев насчитывала не менее 15 000 человек — получалось по два-три патрона на человека!

А почти все заводы боеприпасов находились на республиканской территории — в Каталонии, Кастилии и Бискайе. Исключением был лишь оружейный завод в Овьедо, но получить оттуда какую-либо помощь было невозможно.

Между тем 19—21 июля разыгрались важные события на море. Они сильно повлияли на дальнейший ход борьбы. 19 июля матросы следовавших к берегам Марокко крейсера «Либертад» и эсминца «Санчес» узнали у корабельных радистов, что офицеры намереваются передать корабли в распоряжение восставших. Экипаж «Санчеса» самовольно высыпал на палубу и потребовал объяснений у окруженного офицерами командира: *«Чьи приказы вы выполняете?»* Командир эсминца вынужден был раскрыть карты — он и офицеры решили подчиниться приказам «спасителя родины» генерала Франко.

«Мы не можем подчиниться приказу правительства, — аргументировал командир, — ведь по этому приказу мы обязаны стрелять в наших братьев в Мелилье. У кого из вас поднимется на это рука?»

Ему с убийственной ясностью ответило несколько голосов:

«У нас в Астурии тоже были братья, но вы безжалостно стреляли в них два года назад».

«Да что с ними говорить!» — крикнул командир или кто-то из офицеров.

Этот крик решил судьбу корабля и всей флотилии эсминцев. По всему «Санчесу» загрели голоса: *«Никакого участия в восстании! В Испанию!»* Офицеров мгновенно разоружили и заперли в каютах. Экипаж обстрелял Мелилью и взял курс на север, по пути рассылая радиogramмы всему флоту. Его примеру тут же последовали эсминцы «Альмиранте Вальдес» и «Чуррука». Офицеры «Чурруки» оказали сопротивление и большей частью были сброшены в море, то же самое произошло на двух крейсерах —

«Либертад» и «Сервантес» и на линейном корабле «Король Хайме I».

Самые кровавые события разыгрались на линкоре. Члены командного состава не вступали в дискуссии с экипажем, а сразу выхватили револьверы. Часть из них оставались на командном мостике, часть забаррикадировались в кают-компаниях и сражались до последнего. Матросы в ответ открыли пулеметный огонь. Почти все офицеры погибли на месте.

Став хозяевами огромного (16 тысяче-тонного) корабля с 12-дюймовой артиллерией, нижние чины радировали в Мадрид: *«Экипаж — морскому министру. После ожесточенной схватки сломали сопротивление офицеров. Верны законному правительству Республики. Укажите, как поступить с погибшими»*. Ответ из столицы гласил: *«Морской министр — экипажу «Хайме I». Приветствуем моряков, верных Республике. Павших похоронить в море со всей торжественностью»*.

Одновременно морское министерство сместило офицеров, передав их полномочия инженер-механикам, не замешанным в восстании. Однако после предательства кадрового командного состава нижние чины уже не доверяли никому. Властью на кораблях, почти лишенных офицеров, стали выборные судовые комитеты.

Схваток не произошло только на крейсере «Мендес Нуньес», стоявшем в момент восстания у берегов Западной Африки, в Рио-де-Оро. На его борту враждующие стороны повели себя по-джентельменски. Всех противников Республики экипаж крейсера высадил на берег и повел корабль в метрополию. Вскоре почти весь флот собрался в Малаге. Арестованных офицеров, за небольшим исключением, отправили в тюрьмы.

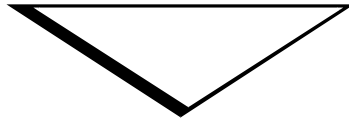
Мятежникам тем временем удалось захватить в занятых ими гаванях линейный корабль «Эспанья», крейсера «Альмиранте Сервера» и «Наварра», эсминец «Веласко» и одну подводную лодку. Однако все доставшиеся им крупные корабли в этот момент стояли на капитальном ремонте. В полной боеготовности находился только «Веласко», но, разумеется, он был не в состоянии в одиночку противостоять республиканскому флоту, насчитывавшему свыше 30 единиц, а точнее — линейный корабль, 3 крейсера, 15 эсминцев и 12 подводных лодок. *«Весь флот у красных», —*

мрачно радировали друг другу восставшие генералы. Республиканский флот приступил к блокаде Гибралтара. Корабли стали наносить огневые удары по захваченным противниками портам Андалузии и Марокко.

С «отступничеством флота» стратегический план мятежников был разрушен в важнейшей части. Республика теперь господствовала на море. 13-километровая водная гладь Гибралтарского пролива стала непреодолимой преградой. Отборные марокканские части и Иностранный легион отныне не могли попасть в метрополию.

После создания кабинета Хиралья, взявшего курс на подавление восстания, Республика восстановила господство и в воздухе: огромная часть испанских ВВС не поддержала мятежа. Большинство летчиков и все авиамеханики сочувствовали Народному фронту. На каждый самолет восставших приходилось 4—5 правительственных. Мятежникам приходилось пользоваться услугами добровольцев-аристократов из аэроклубов. Республиканцы приступили к бомбардировкам многих пунктов, занятых восставшими — Авила, Сеговии, Уэски, Уэльвы. На воздушные удары мятежникам было почти нечем ответить.

В довершение всех бед они лишились признанного верховного вождя. 20 июля генерал Санкурхо, долго томившийся бездействием в Лиссабоне, вылетел в Бургос на двухместной авиетке, пилотируемой добровольцем-монархистом. Стартуя с тесного неудобного аэродрома, окруженного деревьями, маломощная авиетка потерпела катастрофу. Летчик был ранен, а Санкурхо погиб. Его гибель заметно усилила замешательство, царившее в среде мятежников. Их положение все ухудшалось, а о возможных перспективах говорить пока не приходилось.

ОТ ГИБРАЛТАРА ДО МАДРИДА

Воодушевленные победой в обеих столицах и на море, республиканцы оправились от первоначального шока и перешли к наступлению.

К 22 июля двигавшиеся к Мадриду с севера войска Мола и наваррские монархисты — рекете, всего около 10 000 человек, прошли, не встретив сопротивления, Старую Кастилию и преодолели Гвадаррамский хребет. Восставшие находились всего в 40 километрах от столицы, но в тот же день получили сильные встречные удары от мадридских дружинников, которые значительно превосходили их по численности.

После нескольких дней упорных боев у горных проходов Альто дель Леона и Сомосьерры подопечные Мола начали отступление. Местами им пришлось отступить на 20 километров. Неумело, но яростно атакующие республиканцы угрожали отбить перевалы и вторгнуться в Старую Кастилию. Их было в 4—5 раз больше, чем мятежников. Их ряды непрерывно пополнялись подкреплением. У Мола же резервов не было. Повстанцы, утратив часть занятой территории, включая Сигуэнсу, с трудом удержали проходы и перекрывавшие выход на равнину города Авилу и Севовию.

К 27 июля бои затихли. Ценой серьезных потерь республиканцы все же достигли успеха, хотя и неполного. Разбить силы Мола не удалось, однако попытка восставших овладеть столицей с севера тоже обернулась провалом.

Мола изменил направление удара. 5 августа он направил силы на Мадрид с запада, но и это нападение захлебнулось через пять дней. На Гвадарраме стал образовываться позиционный фронт.

Другие колонны милисианос, выехав на автобусах из столицы на юг, освободили от восставших Толедо, обезопасив Мадрид с этого направления. Малочисленные толедские мятежники были загнаны в возвышающуюся над городом старинную крепость Алькасар, где находилось военное училище. Алькасару суждено было пережить очередную осаду.

Одновременно почти 40-тысячная республиканская милиция предприняла наступление из Барселоны на Арагон и Кастилию. Колонны анархистов, социалистов и каталонских националистов быстро подавили мятеж в восточной Каталонии и вторглись в Арагон. Мелкие отряды фалангистов, пытавшиеся помешать каталонцам, были истреблены. Республиканская Каталония надолго оказалась в безопасности.

К 1 августа прочно владевшие инициативой каталонцы заняли половину Нижнего Арагона. Авангарды республиканцев вклинивались между Сарагоссой, Хакой и Уэской, нарушая их коммуникации и обходя с двух-трех сторон. Каталонские командиры уже поговаривали о походе на Бургос.

Южнее валенсийская милиция с боями дошла до находящегося высоко в горах Теруэля и окружила его с трех сторон, почти отрезав от остальной мятежной территории. Далее на юге милиция из Мурсии и Картахены обложила с разных направлений Гренаду и Кордову. В начале августа летучие отряды республиканцев проникли в западную Андалузию до самого Кадикса. Они угрожали основным базам восстания.

В ходе неподготовленного, но бурного и решительного наступления республиканцы отбили у восставших пять провинциальных центров — Альбасете, Валенсию, Сан-Себастьян, Сигуэнсу, Толедо.

К августу 1936 года участники и наблюдатели борьбы могли подвести итоги. Восставшие удерживали четвертую часть Испании с ее наиболее бедными и малонаселенными сельскими районами. Эти полуфеодальные местности горожане именовали «северой Испанией». Из десяти крупнейших городов в их руках находилось только два — Сарагосса на севере и Севилья на юге. Вопреки всем планам мятежники не сумели за пять-шесть дней овладеть столицами. Вместо этого они утратили военную инициати-

ву, не имели более общепризнанного вождя и испытывали недостаток боевого снабжения и денег. Восполнять потери становилось все труднее. Их ударная сила — колониальные войска оставались изолированными в Африке.

Положение повстанцев на второй неделе борьбы выглядело бесперспективным. Правая печать Европы и Америки, ранее предсказывавшая мятежу скорую победу, теперь уныло подсчитывала, сколько времени продержатся восставшие, прежде чем окончательно проиграть. «Директор» восстания Мола 26 июля заявил соратникам, что победить не удастся. Нужно достойно завершить борьбу. Вероятно, он имел в виду самоубийство или отход на португальскую территорию. (Заметим, что вариант с отступлением во Францию даже не был предложен. В «безбожной» Французской Республике с ее Народным фронтом восставшие видели безусловно враждебную державу.)

Но мятежники сохраняли дисциплину и продолжали подчиняться приказам Мола, Кейпо де Льяно и Франко. У них пока хватало съестных припасов. Их поддерживали политические союзники — монархисты и Фаланга. Перебежчиков было мало, а приток добровольцев из «серой Испании» продолжался.

Франко в Марокко и Кейпо де Льяно в Андалузии призывали восставших продолжать борьбу. Они во многом рассчитывали на помощь из-за рубежа. Прежде всего предстояло ликвидировать блокаду Испанского Марокко, установленную республиканским флотом.

Уже в середине 20-х чисел июля 1936 года в Рим и Берлин прибыли делегаты мятежников — испанцы Висенте Гойкоэчеа, Луис Болин и маркиз Лука де Тена и немецкие подданные Бернгардт и Лангенгейм. Испанцы были уполномочены Молой, немцы — Франко. Всех их ждал холодный прием.

На переданной Муссолини просьбе испанских мятежников о весьма скромной военной поддержке (они просили «дюжину грузовых самолетов с летчиками») дуче коротко начертал: «В архив». Итальянский фашизм к этому времени отпраздновал победу над Эфиопией, но никак не мог подавить сопротивления эфиопских партизан.

Не лучше первых посланцев из Бургоса приняли в министерстве иностранных дел Третьего рейха. Старый политик, служивший ранее Веймарской республике, министр Константин фон Нейрат и его сотрудники были против любых военных авантюр, да еще вдали от рейха. Правда, МИД Германии не препятствовал разведке рейха — СД и абверу держать в Испании агентуру и с весны 1936 года поставлять монархистам небольшие партии легкого стрелкового оружия. Но теперь речь шла не о шпионаже, а о прямом и, вероятно, крупномасштабном военном вмешательстве. Отчаянные просьбы испанцев помочь хотя бы боеприпасами даже не были переданы из МИДа Гитлеру.

Но Франко догадался обратиться с посланием к старому знакомому — начальнику абвера адмиралу Канарису, которого знал с 1916 года. Канарис тут же связался с эмиссарами восставших и посоветовал им действовать не по дипломатическим, а по партийным каналам. На этот раз письма из Бургоса и Сеуты быстро попали к фюреру, который советовался насчет дальнейших действий с тогдашним своим любимцем — Герингом.

Авантюрист по натуре, бывший летчик, не привыкший думать о последствиях, Геринг через десять лет на Нюрнбергском процессе показывал: «...*Фюрер задумался над вопросом о поддержке. Я настоял, чтобы помощь была оказана при любых условиях*».

Изменилась и позиция порывистого дуче. Сдержанность уступила место необузданному честолюбию и стремлению к экспансии. К тому же министр иностранных дел Италии — зять Муссолини, беззаботный авантюрист граф Чиано был сторонником военного вмешательства. Как и Гитлера, итальянских правителей заинтересовали природные богатства Испании и ее стратегическое расположение в Атлантике, на стыке Европы и Африки.

Оба диктатора были уверены — если они окажут поддержку восстанию, Испания затем окажется в их власти.

Фюрер и дуче действовали оперативно. В германском министерстве авиации был образован «Штаб В», в итальянском военном министерстве — «комиссия военных операций в Испании».

27 июля из Италии на аэродром Таблада в Андалузии перелетели десять итальянских трехмоторных бомбардировщиков «Са-

войя-Маркетти-81». На другой день в Хересе-де-ла-Фронтера в той же Андалузии совершили посадку двадцать германских «Юнкерсов-52». Пилоты были переодеты в форму испанского Иностранного легиона, а прежние опознавательные знаки на самолетах стерты.

Машины имели по три мотора, были похожи внешне на испанские и могли применяться как при бомбежках, так и при перевозке грузов и войск. Испанцы часто называли их «тримоторес». 28 июля из Гамбурга в Кадикс отплыл транспорт «Усарамо» с грузом снарядов, патронов и бомб. Германско-итальянская интервенция началась.

В эти же дни кабинет Хиралья обратился с аналогичной просьбой к дружественной Франции, где у власти с мая 1936 года тоже стоял Народный фронт. Как и восставшие, Хираль просил о немногом. Он рассчитывал на покупку 800 пулеметов, нескольких батарей зенитной артиллерии, сотни-другой средних бомбардировщиков «Бреге-200» и «Марсель Блох-210».

Между Французской и Испанской республиками действовало торговое соглашение, позволявшее Испании покупать у северной соседки оружие на 100 миллионов франков (20 миллионов фунтов стерлингов) в год. Хираль не сомневался, что покупка состоится. Поэтому одновременно с его письмом во Французский банк были переведены необходимые деньги, а в Париж экстренно выехала парламентская делегация, состоящая из социалиста Фернандо де лос Риоса, коммунистки Долорес Ибаррури и республиканца Марселино Доминго. Делегация была наделена полномочиями, позволяющими окончательно оформить покупку и информировать французскую общественность о событиях в Испании.

В Париже события развергались диаметрально противоположно переговорам в Риме и Берлине. Первой реакцией французского правительства было согласие на сделку. Ее поддержали премьер-министр, военный министр и особенно пылко — министр авиации, левый социалист Пьер Кот. Единственным требованием Парижа было держать сделку в секрете — Народный фронт выступал за всеобщий мир и против торговли оружием. Но секретарь и военный атташе испанского посольства сочувствовали

мятежу. Они отказались подписать необходимые бумаги (чеки на оплату), подали в отставку и тут же предали всю историю гласности. Корреспондентам они сообщили, что не стали участвовать в покупке вооружения, «которое будет использовано против их народа».

Разразился политический скандал. Авторитет французского правительства, официально отвергавшего войну и секретную дипломатию, сильно пострадал, и в Народном фронте наметился раскол. Глава французского кабинета заколебался и под влиянием консервативных британцев изменил позицию.

25 июля французское правительство несмотря на возражения министра авиации, объявило ошеломленным испанским делегатам и репортерам о переходе Народного фронта Франции к политике «невмешательства в испанские дела». Торговое соглашение было разорвано. Оружие, заказанное Республикой до начала мятежа, но еще не отправленное в Испанию, теперь могло быть переправлено туда только через третьи страны. Переведенные в Париж денежные средства Республики замораживались. «Ради сохранения мира и безопасности» Франция приглашала все европейские державы присоединиться к «невмешательству».

Правительство Хиралья активно возражало против решения французов. На пресс-конференции в Мадриде премьер-министр гневно говорил: *«Некоторые наши заказы были сделаны до 18 июля. Почему они не должны выполняться? Только потому, что заговорщики напали на нас?»* Но Мадрид не заявил официального протеста французам, опасаясь толкнуть неустойчивое французское правительство в лагерь открытых врагов Республики. Позже новый министр иностранных дел Республики Альварес дель Вайо с горечью говорил: *«Так называемое невмешательство на деле является собой прямое и непосредственное вмешательство на стороне мятежников»*.

Тем не менее Пьер Кот считал себя вправе поставлять самолеты Республике. Он и его сторонники в госаппарате и в комитетах Народного фронта быстро и втайне от репортеров перебрали в Каталонию первую партию самолетов — 12 истребителей и пять бомбардировщиков. Перегоняли их французские пилоты. Это были устаревшие и слабо вооруженные машины 20-х годов,

которыми была перенасыщена французская авиация — «Ньюпор-372», «Луар-46», «Потез-54». Летчики и механики называли их «телятами на пяти ногах». Ценности они почти не имели. Но узнавший в последний момент об операции французский премьер-министр мгновенно приказал снять с самолетов вооружение и бомбосбрасыватели и запретил Коту дальнейшие действия. А многие парижские и марсельские газеты начали против министра авиации кампанию, обвиняя его в разжигании войны.

8 августа Франция с согласия Англии, не дожидаясь ответа других стран, окончательно наложила эмбарго на вывоз всех военных материалов в Испанию «до окончания внутренней борьбы». Однако на протяжении всей войны она продолжала поставлять в Республику гуманитарные грузы — продовольствие, горючее, медикаменты, одежду, автомобили и т.д. Их вывоз и транзит никоим образом не ограничивались французскими властями.

Пацифисты и изоляционисты западных демократий были довольны французской декларацией 8 августа. Испанские же республиканцы расценили данный акт Парижа как удар в спину, а восставшие — как ложный маневр «гнилой демократии».

24 августа было подписано общеевропейское соглашение о «невмешательстве». Его участники обязались не продавать Испании военных материалов, равно как и не пропускать их через свою территорию. Но соглашение имело существенные пробелы. Оно не запрещало посылать иностранные войска в Испанию, оставляло открытым вопрос о механизме контроля над ситуацией. 9 сентября под эгидой Лиги Наций в Лондоне открылся международный «Комитет невмешательства в испанские дела» с участием 27 государств. Его задачей было проведение в жизнь данного соглашения. Но в распоряжении Комитета не было инспекторов.

Соглашение о «невмешательстве» успокоило пацифистскую (очень влиятельную в то время) часть западного общественного мнения. Не сразу было замечено, что оно изобиловало недоработками, не предусматривало ни малейших санкций против нарушителей и потому не стало преградой на пути вмешательства тоталитарных держав в испанскую войну.

Итак, противники — республиканцы и мятежники — почти в один и тот же день обратились за рубеж с просьбой о поддержке. Причем восставшие сразу попросили прислать иностранных военных на испанскую землю. Пройдет совсем немного времени, и республиканские власти тоже обратятся за границу со сходной просьбой. Масштабы военных действий расширились.

Вернемся в начало августа 1936 года. Испанская Республика начинала третью неделю войны оптимистически. «Августовский оптимизм» республиканцев сплошь и рядом переходил в полнейшую беззаботность. Республика в июле удержала густонаселенные городские районы страны с большой долей рабочих и интеллигенции — «красную Испанию». Она олицетворяла законную власть: в ее руках оставался Мадрид с органами центральной власти, чиновным аппаратом и золотым запасом. Республиканцы господствовали на море и в воздухе, они контролировали почти все предприятия военной промышленности, не испытывали недостатка в живой силе и имели численное превосходство на всех фронтах. Казалось, у Республики есть решительно все, чтобы наконец-то подавить восстание.

Однако уязвимыми сторонами армии Народного фронта оказалось отсутствие элементарного порядка и дисциплины. Как только республиканцы одержали несколько побед в первую неделю войны, они сразу утратили надпартийное единство действий, стихийно сложившееся 18—20 июля. Каждая партия (а их было свыше десятка) и каждый профцентр снова пытались проводить совершенно самостоятельную политику. При этом все республиканцы — от уличного мальчишки-газетчика до премьер-министра Хиралья были уверены, что окончательная победа над восставшими гарантирована и об исходе войны не следует беспокоиться. На фронтах Республики и в ее тылу царил «героическая импровизация», по определению ее поклонников, или полный хаос, по мнению скептиков.

После 18 июля республиканский госаппарат надолго перестал существовать. Одни чиновники бежали в Бургос, других пришлось группами увольнять из-за их абсолютной ненадежности. Остатки аппарата продолжали функционировать по инерции, не имея уже ни власти, ни влияния. Та же участь постигла муниципалите-

ты. Все органы власти после вооружения народа были оттеснены самозванными комитетами.

Об этих событиях иностранные наблюдатели (даже сторонники Народного фронта!) писали с восторгом и с испугом одновременно: *«Испанское государство рухнуло, развалившись на куски. Народ мог все себе позволить — он стал хозяином»*.

Правительство Хиралья в несколько дней превратилось в орган номинальной власти. В его распоряжении не было даже транспорта и средств связи — их реквизирует социалистический Всеобщий союз трудящихся. Много другое было реквизировано анархистами и коммунистами. Из 28 республиканских провинций Хиралью подчинялось всего несколько, да и те лишь на бумаге.

Испанская Республика на глазах превратилась в скопление мелких самостоятельных республик.

Фактически отделилась от собственно Испании богатая Каталония. Председатель каталонского парламента Компанис самовольно провозгласил себя каталонским президентом. Но анархистские профсоюзы, овладевшие заводами и оружием, не подчинялись и Компанису с его Хенералидадом. Перестали подчиняться Мадриду отрезанные восставшими от основной республиканской территории северные провинции. На юго-востоке Республики появилось региональное правительство со столицей в Валенсии во главе с Маргинесом Баррио. Официально оно именовалось «резервным» — ему следовало исполнять обязанности центрального правительства, если Мадрид будет захвачен неприятелем.

Республика не имела ни военного министерства, ни генерального штаба. Более половины работников было арестовано, уволено или скрывалось. От двух внушительных органов осталась горсть офицеров в капитанском и майорском звании, напуганных народной стихией и неспособных руководить военными действиями.

Формальное наличие в кабинете Хиралья военного министра — престарелого генерала Сарабии не меняло дела. Приятель Асаньи и Маргинеса Баррио, сделавший на этом карьеру и не обладавший прочими талантами, Сарабия в полном смысле слова был

министром без министерства. Не было у военного министра и действенной связи с фронтом и с военной промышленностью.

По этим причинам наступление республиканцев на опорные пункты мятежа довольно скоро выдохлось. К 10 августа на всех направлениях они были разбиты малочисленными, но хорошо обученными, дисциплинированными и метко стрелявшими врагами.

В Андалузии республиканцы тщетно осаждали Гренаду и Кордову, в Арагоне — Сарагосу, Теруэль, Уэску и Хаку, в Астурии — Овьедо, в Кастилии — Алькасар и Сеговию. Осада Овьедо и Сарагоссы при этом продолжалась полтора года! Между тем почти все названные города не были крупными экономическими или коммуникационными центрами. Теруэль, например, находится в горах, в глухой местности, то же относится к Хаке. Население Уэски не превышало на тот момент 10 000 человек, еще меньше насчитывала захолустная, затерянная среди Пиренеев Хака. Гренада и Кордова считались заурядными провинциальными столицами (по 50 000—60 000 жителей).

Пожалуй, только промышленная Сарагосса — точка пересечения нескольких шоссе и железных дорог, стоила того, чтобы вести из-за нее длительную борьбу.

Упрямое намерение предводителей милиции непременно и сразу овладеть всеми названными пунктами надолго приковало к их стенам в общей сложности более половины республиканского «вооруженного народа», но так и не дало Республике побед.

Между тем в Средиземном море и Гибралтарском проливе события разворачивались не в пользу Республики. С 28 июля прибывшие в Андалузию германские и итальянские пилоты начали совершать боевые вылеты. В их распоряжении было тогда не более 40 машин, но это были новые, не изношенные самолеты, хорошо снабженные всем необходимым. Меньшая часть иностранных летчиков получила задание прорвать блокаду Марокко, большая — перебросить колониальные войска в метрополию. Над проливом заработал первый в истории воздушный мост. Непрерывной вереницей «Юнкерсы» и «Савойи» вылетали из Сеуты и Тетуана и приземлялись в Хересе, доставляя марокканцев, легионеров, оружие, снаряжение. Они редко встречали противодей-

ствии — республиканские ВВС в Андалузии почти отсутствовали. По самолетам Гитлера и Муссолини стреляла только зенитная артиллерия республиканских кораблей, дежуривших в проливе.

Трудности работавшего несколько недель воздушного моста были главным образом техническими и психологическими — плохое оборудование испанских аэродромов, непривычка африканских наемников к воздушным перелетам (многие арабы впервые видели самолеты), языковой барьер. Проблемой оказался также перевоз лошадей марокканской кавалерии. Кони не умещались в тогдашних самолетах с их тесными отсеками. Лошадей удалось переправить из Африки только после прорыва морской блокады Марокко.

Этот пункт был осуществлен к 5 августа немецкими летчиками. «Юнкерсы» несколько раз атаковали республиканские блокадные силы. Каждый раз они отгесняли республиканские эсминцы к Малаге, но те возвращались. И только когда «тримоторес» без потерь прорвались через неточный зенитный огонь неприятеля и 250-килограммовыми бомбами подбили линкор «Хайме I» и крейсер «Сервантес», убив и ранив около 50 человек, результат был налицо. Прямые попадания в крупнейшие корабли Республики вызвали замешательство команд и судовых комитетов. Ремонт линкора в Картахене занял полмесяца.

5 августа первый караван судов с войсками и грузами (в том числе с лошадьми) из Марокко благополучно пересек Гибралтар и бросил якорь в Альхесирасе. Все доставленное восставшие экстренно выгрузили на берег и вывезли из порта. Наутро Альхесирас поплатился за дерзость — республиканский флот подверг городок сильной бомбардировке, вызвав пожары и разрушения и потопив канонерку восставших. Но, наказав Альхесирас, главные силы республиканцев окончательно отошли на восток — в Малагу и Альмерию.

Судовые комитеты оставили дежурить в проливе небольшие силы — несколько эсминцев и подводных лодок. От последних, впрочем, совсем не было проку — они были неспособны бороться с авиацией. Трем же эсминцам трудно было противодействовать осмелевшим мятежникам. Блокада Марокко ослабевала. Ска-

зывалось плохое техническое состояние большинства кораблей, отсутствие офицеров, полнейший упадок дисциплины и бесплодное ожидание поддержки с суши и с воздуха.

В августе — сентябре восставшие шаг за шагом наращивали количество морских перевозок из Марокко. В Испанию было переброшено не менее 15 000 арабских кавалеристов и легионеров. Через пролив на самолете перебравшись Франко, Ягуэ, Кастехон и другие ранее блокированные в протекторате «африканисты».

Довольно многочисленный республиканский флот, пока не имевший серьезных противников на море («Альмиранте Сервера» и «Веласко» действовали далеко — в Бискайском заливе), не смог противостоять воздушной угрозе. Впервые в военной истории выяснилось, что морское превосходство может быть полностью нейтрализовано воздушным превосходством.

К этому времени восставшие почувствовали, что основная опасность позади. Несмотря на массу неудач, они удержали большую часть занятых территорий и заручились иностранной поддержкой. В их распоряжении теперь находилось техническое новшество — дальняя радиосвязь, позволявшая разрозненным группировкам мятежников согласовывать действия. Португалия заняла по отношению к ним дружескую позицию, позволяя пользоваться ее дорогами, складами и телефонами. Блокада Марокко была снята — отборные колониальные войска вступили на материк. «Вооруженный народ» Республики оказался не столь опасным противником, как могло показаться 20—30 июля. Восставшие перешли в общее наступление.

После обмена радиошифровками Мола и Франко договорились не наступать в Кастилии и Андалузии по кратчайшему маршруту Кордова — Пособланко — Сьюдад-Реаль — Толедо. Большинство кастильского крестьянства, правда, сочувствовало восставшим, однако Моле путь на юг преграждал Гвадаррамский хребет, на котором прочно закрепились большие силы неприятеля. В Андалузии аналогичное положение занимал хребет Сьерра-Морена, проходы через который были в руках стойких республиканцев-шахтеров из Пособланко и Пеньяррой.

Наступать было решено вдоль португальской границы — через отдаленную и слабонаселенную пастушескую Эстремадуру,

лишенную городских центров, пролетариата и интеллигенции. Соединение армий Севера и Юга планировалось в долине реки Тахо, откуда восставшие должны были повернуть на восток и следовать к столице. Вспомогательные удары малыми силами наносились на севере по Сан-Себастьяну, в центре — на Гвадарраме, а на Юге — между Кордовой и Гренадой.

Выполнять план первой начала Африканская армия. 3 августа ее передовые части на грузовиках выступили из Кадикса и Севильи. Вскоре они вторглись в Эстремадуру. 5 августа в борьбу включилась Северная армия. Войска Мола повели демонстративное наступление на Мадрид с запада, со стороны Авилы и Сеговии. Длившееся пять суток наступление не принесло восставшим видимого выигрыша. К 11 августа их силы были уже на исходе. Но войска Мола тем не менее нанесли дружинникам заметный урон и вновь сковали силы Республики на всем 200-километровом Гвадаррамском фронте. Республиканцы еще два месяца оставались под гипнозом возможности нового удара врага по столице. В этом отношении расчет Мола был очень точным.

Одновременно Мола двинул часть Северной армии из Саламанки на юг и усилил атаки против Бискайи на севере, стремясь выйти к Бискайскому заливу и отрезать республиканский Север от Франции.

Его войска и наваррские рекете продвигались из Старой Кастилии в двух направлениях с трудом, неся ощутимые потери. У Мола не было марокканской кавалерии и германо-итальянской техники. Его войска были измотаны боями на Гвадарраме. А противостояли ему решительно настроенные и неплохо оснащенные баски. Лишь к концу августа Северная армия дошла до окрестностей Сан-Себастьяна, где снова надолго была остановлена республиканцами.

Наступление небольшой (12 000 человек), но свежей, отдохнувшей Африканской армии через Эстремадуру, напротив, протекало в быстром темпе. Ей прокладывали дорогу три десятка иностранных бомбардировщиков, метко стреляющая и безжалостная марокканская кавалерия и моторизованная пехота Иностранного легиона. Им противостояли лишь разрозненные и нестойкие крестьянские ополчения, все снаряжение которых ограничи-

валось дробовиками. Радио, телефон и даже телеграф в Эстремадуре был в диковинку, поэтому республиканцы не имели возможности связаться друг с другом.

Войска генералы Варелы налетами захватывали затерянные в предгорьях небольшие села и деревни, крошечные городки. Следовали повальные обыски, объявление военного положения, аресты подозрительных лиц. 10 августа армия заняла Мериду — за неделю она продвинулась на 300 километров.

Республика недооценивала Франко и долго не реагировала на события в Эстремадуре. Республиканцы были увлечены отвоеванием Андалузии и Арагона. Кроме того, каталонцы 6 августа затеяли еще одно наступление — на Балеарские острова, чтобы отобрать у восставших крупнейшие острова архипелага — Майорку и Ивису.

В Балеарской экспедиции участвовало до четверти вооруженных сил Каталонии. Сверх того, она связала часть сил флота. По требованию Компаниса в походе участвовало несколько посланных из Картахены эсминцев. Поначалу операция разворачивалась удачно. 7 августа каталонцы после короткой схватки овладели двумя островами — Ивисой и Форментерой. Но после этого они долго отмечали победу и на Майорке высадились только на десятый день операции. Правда, высадка все же прошла успешно: десант захватил большой плацдарм и двинулся к провинциальной столице — Пальме-де-Майорка.

Однако на помощь полукругленным в Пальме восставшим пришли несколько итальянских военных самолетов. Их обстрелы и бомбежки с бреющего полета внесли панику в ряды десантников, которые потребовали возвращения домой. На сей раз из Картахены прибыли крупные корабли — линкор и крейсер, которые были нужнее не в конце, а в начале операции.

8 сентября десант, бросив часть вооружения, оставил Майорку и отплыл назад в Каталонию. Ивису вскоре вторично заняли восставшие. Майорка осталась за республиканцами.

Но пока они топтались в Арагоне, Кастилии и на Балеарах, восставшие ворвались в Эстремадуру. 10 августа авангарды Африканской армии под командованием Ягуэ заняли Мериду, откуда Франко смог переговорить с Молой по телефону. Затем армия

повернула на северо-запад и 12 августа достигла единственного оплота Республики в Эстремадуре — старинного, обнесенного обветшалыми крепостными стенами городка Бадахоса близ португальской границы на автостраде Мадрид — Лиссабон. Здесь армия впервые вынуждена была остановиться.

Главными пехотными силами Франко и Ягуэ блокировали Бадахос, а часть кавалерии под командованием Варелы ушла в дальний рейд на восток — в Андалузию. Целью рейда было выручить мятежников, оборонявшихся в Кордове и Гренаде, и отвлечь внимание неприятеля от Эстремадурского фронта.

Бадахос удерживало 5000 дружинников. К ним на помощь двигалось еще 2000 человек подкрепления. Но у республиканцев оставалось мало оружия, и их силы были разобщены. К тому же Бадахос только что пережил мятеж гражданской гвардии, на подавление которого защитникам пришлось потратить немало энергии.

Африканская армия сильным ударом отбросила и рассеяла отряд, стремившийся соединиться с бадахосцами. Обезопасив себя извне, 14 августа Ягуэ бросил Иностраннный легион на приступ. Утром 15 августа после жаркого боя Бадахос пал. Улицы городка были завалены трупами его защитников. Только несколькими из них удалось прорваться в Португалию. На арене для боя быков победители устроили расправу с врагами, расстреляв не менее 200 пленных.

Бадахосское кровопролитие подтвердило, что угрозы восставших в адрес противника («если нужно, расстрелять половину Испании», «убивать, убивать и убивать») вполне серьезны.

Победа при Бадахосе отдала в руки мятежников всю западную половину Эстремадуры. Они полностью контролировали автостраду Мадрид — Лиссабон, а через территорию западной соседки — дружественной Португалии к восставшим пошел еще один поток военных грузов из Германии.

Только потеряв западную Эстремадуру, правительство Хирала стало осознавать масштабы опасности, которую несла Африканская армия. К португальской границе и в долину Тахо была направлена почти 10-тысячная колонна милиции во главе с генералом Рикельме, которого считали героем Гвадаррамы, и авиаэс-

кадрилья. Летчики разыскали одну из колонн Африканской армии и нанесли ей порядочный урон. Но на земле дружинники не имели ни малейшего успеха. Кавалерия Ягуэ без труда разбила колонну Рикельме, беспорядочные остатки которой вернулись обратно в Кастилию.

23 августа, совершив за неделю бросок еще на 120 километров, войска Ягуэ вышли в долину Тахо, оказавшись у границ Новой Кастилии и выйдя на подступы к Талавере-де-ла-Рейне. До Мадрида оставалось менее 150 километров.

В эти же дни генерал Варела добился заметных успехов на Андалузском фронте. Благодаря неожиданным атакам его кавалерия разгромила 10-тысячные силы дружинников республиканского генерала Миахи, заседавшего на Кордову. Недисциплинированные войска Миахи обратились в бегство, почти не сопротивляясь и норовя убить собственных командиров. 23 августа республиканцы сняли осаду Кордовы.

Варела достиг существенного успеха. Часть мятежной территории глубже вклинилась в «красную Андалузию». Между Гренадой, Кордовой и Севильей была установлена прямая сухопутная связь. Весь Южный фронт восставших был консолидирован. Мятежники угрожали республиканской Малаге, охватив ее с севера.

Тогда же передовые части Африканской и Северной армий восставших встретились у Касереса на севере Эстремадуры. Франко по настоянию Мола прислал ему подкрепление — 2000 марокканцев и звено только что прибывших в Испанию итальянских военно-транспортных самолетов «Капрони-101», отличившихся в Эфиопии.

Получив помощь и медленно отесняя басков на северо-запад, Мола 26 августа приступил к штурму Ируна. Против 2000 мятежников во главе с отличным полевым командиром — полковником Беорлеги сражалось 3000 басков, у которых почти не было снарядов и патронов. Беорлеги имел несколько артиллерийских батарей и несколько броневиков, а также танкетки. Со стороны моря ему помогал крейсер «Альмиранте Сервера».

Ирун пылал. Его жители уходили частью на запад — в Бильбао, частью на восток — через пограничную реку Бидассоа во

Францию. Штыковые контратаки басков не помогали. В ходе их погибла половина защитников. 3 сентября полуразрушенный поселок был взят. Последними его покинули неутомимые анархисты, которые перед отступлением успели расстрелять часть политзаключенных в местной тюрьме.

Падение Ируна получило сильный международный отклик: север Республики лишился сухопутных связей с соседними государствами.

Взятием Ируна Беорлеги предрешил участь «летней столицы Испании» — Сан-Себастьяна. Защитники города пытались нейтрализовать неприятеля, публично расстреливая группы политзаключенных после каждого обстрела города. Однако это лишь ожесточило восставших, которые уже вели войну на уничтожение.

Город пал 13 сентября. Наварра и Старая Кастилия отпраздновали победу. Затем части Молы были остановлены басками на реке Деве, после чего эта линия фронта надолго стабилизировалась.

Из франкистских источников известно, что победы Молы стоили его Северной армии 30-процентных потерь. Среди погибших мятежников значился полковник Беорлеги, убитый под Сан-Себастьяном.

Но основные бои шли в Новой Кастилии. Талаверу-де-ла-Рейну, перекрывавшую с запада вход в долину Тахо, республиканцы намеревались оборонять до последнего. При умелых действиях так оно и получилось бы. Талавера окружена холмами, облегчающими ее защиту. С севера и юга городок прикрывают горные хребты. Из Кастилии республиканцы успели подтянуть артиллерию и бронепоезда. Обороняло Талаверу до 10 000 дружинников, что почти равнялось численности всей Африканской армии.

Но если Ирун продержался 8 дней, то Талавера — всего два. Авиация повстанцев короткой бомбежкой и обстрелом вызвала замешательство дружинников, не бывавших ранее под бомбами. Три кавалерийские колонны Ягуэ, привыкшие действовать в предгорьях, тем временем обошли Талаверу с разных сторон и захватили аэродром и железнодорожную станцию, угрожая окружить дружинников. Воинственные вопли мавров окончательно подорвали дух защитников города.

4 сентября милиция оставила Талаверу, отступление очень напоминало бегство. Африканской армии досталось немало трофеев.

Важнее судьбы Талаверы было прочное соединение Африканской и Северной армий: отныне территории, контролируемые Молой и Франко, слились в единый массив, координация действий мятежных сил значительно улучшилась. Явственно обозначилась изоляция республиканского Севера.

Восставшие одержали новую крупную победу, которая существенно повлияла на весь ход войны.

Поражения сразу на нескольких фронтах подорвали положение кабинета Хиралья. Он подвергся насмешкам и издевательствам как «правительство комедии и позора». 1—2 сентября в Мадриде массовая молодежная демонстрация потребовала его смены. 4 сентября — в день оставления Талаверы — Хираль вышел в отставку. Премьерство этого неплохого политика, к которому была столь несправедлива судьба, продолжалось 47 дней. Впрочем, его карьера не была закончена.

Подходящим преемником Хиралья многим наблюдателям казался умеренный социалист, осведомленный и гибкий политик — Индалесио Прието. Он давно стремился стать премьером, но не находил опоры в массах, в частности в профцентрах. Взгляды Прието считались слишком умеренными и в рядах анархистов, коммунистов и большинства социалистов. Уступив давлению слева, президент назначил премьер-министром популярного, но не самого одаренного социалиста — руководителя ВСТ Ларго Кабальеро.

Простонародное происхождение, бытовая честность и простота, трудовые мозоли и пребывание в тюрьме создали Ларго авторитет в массах, которого так не хватало Прието. Несмотря на солидный возраст (67 лет), Ларго выглядел свежим и бодрым, а его рабочий день составлял не менее 11 часов.

«Испанский Ленин» в отличие от российского образовал коалиционный кабинет из шести социалистов, четырех республиканцев, двух коммунистов, каталонца и баска. Министром иностранных дел он назначил левого социалиста Альвареса дель Вайо, министром финансов — умеренного социалиста Хуана Негрина.

Старый соперник Ларго — Прието получил портфель министра флота и авиации, портфель военного министра премьер взял себе. Коммунисты стали министрами сельского хозяйства и народного просвещения. Впервые в истории Запада представители коммунистов вошли в правительство.

Ларго в отличие от Хиралья помпезно обставил свой приход к власти. Около двух недель премьер-министр принимал поздравления всевозможных общественных организаций, в программной речи в кортесах он пообещал «с героической народной милицией закончить войну в два месяца» и объявил кабинет «правительством победы». Портреты Ларго с этим пышным девизом появились во многих общественных местах. Вскоре выяснилось, что истины в подобных словах не больше, чем в военных сводках Касареса Кироги.

Ларго, однако, принял ряд военных контрмер. Многие из них были назревшими. Был укомплектован штат военного министерства и генерального штаба. Начальником последнего стал генерал Кабрера. Вместо бывшего тыловика Рикельме на Центральный фронт был назначен воевавший ранее в Марокко генерал Асенсио Торрадо. Расправы над пленными офицерами были ограничены, а затем и вовсе прекращены. Пообещав «защитить Мадрид на Тахо», премьер успокоил тыловое население. Он санкционировал помощь отрезанному Северу, двинув в Атлантику основные силы флота.

По образцу Французской революции и русской гражданской войны Ларго учредил во фронтовых частях военных комиссаров. Тут не обошлось без влияния советских офицеров и дипломатов.

7 октября правительство санкционировало принятие предложенной коммунистами земельной реформы — все помещичьи земли без выкупа передавались в распоряжение крестьянства и батрачества. Провозглашалось равноправие обоих способов обработки земли — индивидуального и коллективного. Государство обещало крестьянам поддержку кредитами, машинами и удобрениями. Некоторые из этих обещаний действительно были выполнены.

«Испанский Ленин» сделал два таких шага, на которые и не думали идти Кирога или Хираль. Совсем не будучи марксистом-

ленинцем, настроенно относясь к советскому социализму, он тем не менее обменялся послами с СССР и затем обратился в Москву с секретной просьбой о помощи оружием и военными специалистами. Во многом на эту меру нерешительного и медлительного по природе Ларго толкнул гнев против «невмешательства».

6 октября премьер-министр после пятидневной оппозиции согласился с предложением коммунистов и Коминтерна о создании из иностранных добровольцев «интернациональных бригад». Первоначальные его отказы объяснялись недоверием к коммунистам, неприязнью высокомерного кастильца Ларго к иностранному вмешательству и далеко шедшими требованиями сторонников интербригад.

Интернациональные бригады получали отдельное командование и право экстерриториальности. Их бойцы не подчинялись испанской армии и милиции и были, сверх того, неподсудны испанскому правосудию.

Штаб-квартирой интербригад был сделан Альбасете, находящийся в глубине Кастилии, а куратором интербригадцев Ларго назначил осторожного и гибкого Мартинеса Баррио. Фактическим же руководителем бригад стал их генеральный комиссар — французский коммунист родом из Каталонии, герой морского мятежа 1919 года, отбывший несколько лет в каторжной тюрьме, Андре Марти. Звание этого бывшего корабельного писаря, ни дня не служившего в армии, было по настоянию СССР и французской компартии приравнено к генеральскому.

Качество же руководства войной не улучшилось. Республиканцы продолжали воевать беззаботно и бессистемно. Ларго и многими его приверженцами прочно владел «августовский оптимизм». Правительственный декрет 16 октября о создании регулярной армии откровенно и безнаказанно саботировали почти все организации Народного фронта, не заинтересованные в роспуске собственных военных отрядов. Да и сам премьер-министр открыто говорил, что народная милиция имеет право на существование. (Он даже ссылался на «Государство и революцию» Ленина.) Недаром в его декрете ничего не говорилось о наборе в армию, о мобилизациях и др.

«Защиту Мадрида на Тахо» Ларго и сотрудники военного министерства и генштаба толковали как направление против Варелы и Ягуэ большого количества скверно снабженных и дурно управляемых, а потому нестойких дружинников. Премьер и генерал Асен시오 Торрадо запрещали строить укрепления, ибо испанцы, по их словам, «не привыкли прятаться от врага... Они привыкли сражаться в открытом поле и с открытой грудью. Такова психология испанского воина».

Неуклонное приближение неприятеля к Мадриду, падение Толедо озадачило и испугало многих, но не «испанского Ленина». Более того, Ларго не раз объявлял, что обладание столицей имеет «только нравственное значение» и что вероятное падение Мадрида вовсе не будет означать конца Республики. («Наша борьба непобедима. Ибо она — всюду и везде».)

Не предательство, как иногда полагали, было тому причиной. Ларго, Асен시오 Торрадо и Кабрера возвели в культ антифранцузскую войну 1808 года. Тогда сила испанского сопротивления вопреки здравому смыслу была в недисциплинированности и отсутствии у испанцев единого руководящего центра. Тогда занятие Мадрида неприятелем всколыхнуло страну и вызвало массовые восстания. Тогда разрозненные отряды небритых, пьяных и почти невооруженных голодранцев-партизан, полууголовные вожаки которых к тому же враждовали друг с другом, проиграли немало боев, однако выиграли войну.

Ларго и его приверженцы были уверены, что данный сценарий может и должен быть повторен. О том, что условия вооруженной борьбы успели значительно измениться, что появились пулеметы, дальнобойная артиллерия, авиация, бронетанковые силы, радиосвязь и т.д., — об этом премьер Республики и его окружение не хотели и слушать. Станным образом они не хотели видеть и другого, еще более очевидного факта — с Республикой воюют не чужеземцы, как при вторжении Бонапарта, а соотечественники, прекрасно ориентирующиеся в местных условиях.

Перелома в военных действиях «правительству победы» создать не удалось. Пока Асен시오 Торрадо готовил восточнее Талаверы встречный удар, а его офицеры собирали сведения о неприятеле, мятежники снова рванулись вперед.

Борьба на Центральном фронте протекала с растущим преимуществом восставших. Республика из наступающей стороны все более превращалась в обороняющуюся. И оборону нельзя было назвать успешной.

Дружинники Центрального фронта в большинстве мест бежали, стоило только звену «тримоторес» сбросить по бомбе или авангардам Варелы и Ягуэ открыть пушечный или пулеметный огонь. Вдобавок у восставших появился новый козырь — Муссолини прислал четыре десятка вертких и быстрых итальянских танкеток «Ансальдо», рассчитанных на бои в горах и легко преодолевавших склоны и спуски. Они внесли большой вклад в победу над Эфиопией. Лязг их гусениц и рокот моторов наводил панику на дружинников, ранее не видевших танков. С прибытием «Ансальдо» народную милицию охватила танкобоязнь.

Иностранная печать писала: *«Со времени сдачи Талаверы дружинники Центрального фронта находятся словно в лихорадке... Они не пытаются держаться: они беспорядочно бегут... Они произвольно меняют позиции, и их, естественно, не могут найти санитарные машины и продовольственные транспорты. Дружинникам стыдно, но им также голодно».*

Однако республиканцы не размыкали кольца, в котором с июля держали Алькасар. Окружив крепость баррикадами, они упорно стремились овладеть им то артогнем, то приступом, то переговорами. Но более половины долго лежавших на складах снарядов не разрывалось из-за испортившихся взрывателей, как и при осаде Монтаньи. Штурмы не имели успеха из-за несогласованности действий дружинников — многие из них попросту ленились карабкаться на крутой холм перед крепостью. Переговоры тоже провалились. Глава гарнизона полковник Москардо был смел и упрям, а большинство его сил составляли гражданские гвардейцы, предпочитавшие смерть капитуляции.

Осажденные, которых было всего около 500 человек — почти вдесятеро меньше, чем осаждающих, питались сухарями и кониной и сильно страдали от нехватки питьевой воды. Но они были укрыты высокими прочными стенами и сражались за существование. А дружинники ездили в Толедо не побеждать, а развлекаться — «пострелять по мятежникам».

Попытки дружинников овладеть Алькасаром поражали топорностью и неуклюжестью. Сделать подкоп и взорвать стены Алькасара динамитом не удалось из-за скального грунта, который было трудно долбить, и неопытности подрывников. Ничего не дал и фантастический проект захвата крепости: энтузиасты-анархисты предлагали облить каменные стены бензином(!), затем поджечь стены и выкурить осажденных. Единственным плодом этой экспериментальной операции стали многочисленные ожоги и ранения ее участников.

Между тем осажденных воодушевляло радио. Они слушали радиообращения из Бургоса и Саламанки, которые поддерживали их боевой дух. В середине сентября над Алькасаром стали появляться самолеты мятежников. Сброшенные ими листовки содержали обещания скорой выручки защитников города.

Действительно, Франко в двадцатых числах сентября вопреки требованиям соратников — Кинделана и Ягуэ и настояниям иностранных офицеров остановил продвижение войск к Мадриду и повернул часть сил на юг. Он руководствовался четкими стратегическими соображениями: восставшим был очень нужен толедский патронный завод — один из крупнейших в стране. Кроме того, в преддверии борьбы за Мадрид было неразумно оставлять большую республиканскую группировку у себя на фланге.

27 сентября восставшие вышли к окраинам Толедо и открыли пушечный огонь по городу, вокзалу и Мадридскому шоссе. Дружинники расстреляли командиров, пытавшихся наладить оборону, спешно погрузились в автобусы и скрылись с места сражения. Часть удирала на захваченных у больницы санитарных машинах. Колонны, сея вокруг панику, откатывались до самого Аранхуэса, который до конца войны так и не был занят мятежниками. Поезда на Мадрид брались в полном смысле с бою, с применением пулеметов и гранат.

Пленных при взятии Толедо не было. Брошенные в толедской больнице раненые республиканцы были зверски перерезаны марокканцами. Ягуэ позже доказывал, что в госпитале прятались и здоровые дружинники, стрелявшие по кавалеристам.

Единственная мало-мальски дисциплинированная колонна Эмиля Клебера и Энрике Листера оставила город с боем и закре-

пилась восточнее него. Ягуэ ее не преследовал — его задача состояла только во взятии Толедо.

Полуразрушенный Алькасар был свободен. Навстречу генералитету во главе с Франко горделиво вышел изможденный и заросший бородой Москардо и его офицеры. Полковник рапортовал командующему: *«В Алькасаре все спокойно, мой генерал!»*. После этой фразы он тут же был повышен в чине и отправлен в отпуск. Освобождение стойких защитников Алькасара стало визитной карточкой восставших. До Мадрида им оставалось 70 километров.

Республика утратила один из важнейших центров военной промышленности и потерпела морально-политическое поражение.

Борьба на море тоже развивалась с перевесом восставших. В сентябре они завершили строительство новейшего крейсера «Канариас» и ввели его в строй. Полным ходом шла работа над не уступавшим ему по техническим данным «Балеаресом». Республиканский флот в это время по приказу морского министерства был направлен через Гибралтарский пролив в Северный поход с задачей помочь отрезанным Бискайе и Астурии. Инициатором этой непродуманной и очень рискованной операции был депутат от Бискайи морской министр Прието.

Флотом по-прежнему распоряжались некомпетентные и своевольные матросские комитеты. Правда, на корабли позволили вернуться некоторым уцелевшим офицерам. Был даже назначен командующий — капитан второго ранга Мигель де Буиса, единственный родовитый моряк, оставшийся верным Республике. Но ему официально «помогали» (т.е. постоянно вмешивались во все действия) комитеты, не несшие ответственности перед правительством. Командование Буисы было марионеточным. Члены экипажей отличались храбростью, но подготовка их по-прежнему оставалась желать лучшего, а единственный линейный корабль был лишь наскоро отремонтирован.

Правда, такой флот во главе с линкором «Хайме I» и крейсерами избежал печальной участи «Непобедимой Армады» 1588 года. Он проделал маршрут в 1500 километров, половина которого пролегла во враждебных водах, благополучно добрался до пунктов назначения — Сантандера и Бильбао. Моряки дос-

тавили плохо оснащенным защитникам Севера 3000 единиц оружия. Крейсера и линкор в ряде мест обстреляли побережье, занятые мятежниками. Эсминцы уничтожили выставленные восставшими минные заграждения, и подступы к Бильбао, Сантандеру и Хихону на несколько месяцев стали безопасными. Операция нанесла восставшим некоторый урон и оказала баскам и астурийцам весомую моральную помощь. Но мятежники не применили воспользоваться уходом флота на север.

Не уверенные в собственных, в спешке набранных матросах, восставшие не рискнули сразиться с главными силами и довольствовались нападением на слабейшие отряды.

19 сентября эсминец «Веласко» потопил у Эль-Ферроля республиканскую подводную лодку с неисправным механизмом. 29 сентября крейсера восставших — старый «Альмиранте Сервера» и новый «Канариас» вошли в Гибралтарский пролив и напали на дежурившие там эсминцы неприятеля. Те были застигнуты врасплох неожиданным ударом превосходящих сил. В неравном бою республиканский «Фернандес», вышедший в торпедную атаку на «Канариас», был потоплен. А его собрата «Гравину», несколько часов отстреливавшегося от «Серверы», крейсер подбил, отрезал от базы и вынудил укрыться в нейтральной Касабланке. (Впрочем, после ремонта «Гравина» сумел дойти до Картахены.)

У берегов Марокко и Андалузии после этого боя доминирующую позицию заняли малочисленные, но грамотно руководимые адмиралом Виерной морские силы восставших.

Методом проб и ошибок республиканские моряки установили, что базироваться в незащищенных с воздуха и плохо оборудованных северных портах чрезвычайно неудобно и рискованно. К тому же у республиканского флота появилась новая серьезная задача — прикрытия военных перевозок из СССР. Морское министерство радиосифровкой предписало Буисе следовать обратно в хорошо укрепленную Картахену, что и было выполнено к 14 октября. В Бискайском заливе Буиса оставил два эсминца и три подводные лодки.

Плавания республиканского флота вдоль португальских берегов ухудшило отношение Португалии к Народному фронту. Оно

было расценено в Лиссабоне как признак агрессии. Как раз в сентябре Ларго публично заявил: после победы «Португалия войдет в марксистскую Испанию». Вскоре португальское правительство первым из всех прочих держав официально разорвало все отношения с Мадридом и признало восставших законной властью.

Мятежники почти не препятствовали обратному прорыву противника через Гибралтар, их корабли опасались столкновения с многочисленной торпедной флотилией республиканцев. По пути к флоту присоединился эсминец «Гравина», отремонтированный в Касабланке. Но сразу после возвращения республиканского флота в Средиземное море неприятель нанес ему новый урон. «Неизвестная» подводная лодка 17 октября прямо на рейде Картахены подорвала торпедой крейсер «Мигель Сервантес». Корабль с огромной подводной пробоиной вынужден был встать на ремонт. Четверть крупных кораблей Республики надолго выбыла из строя. Господство республиканцев на море сменилось ненадежным равновесием сил. Победы мятежников на суше и на море привели к консолидации их власти.

30 сентября в окрестностях Сарагоссы генералитет восставших собрался на выборы верховного вождя взамен Санкурхо. Присутствовали Мола, Саликет, Понте, Франко, Хиль Юсте, Кинделан, Кабанельяс, Варела, Кейпо и Ягуэ. Самым старшим по служебному стажу, чину и званию был дивизионный генерал Кабанельяс, а наибольшие заслуги перед восстанием были у Мола. Но Кабанельяс был стар и нездоров и имел (как Кейпо и Мола) репутацию республиканца. У Варелы и Саликета, напротив, была слава ярых монархистов. Предприимчивому и удачливому «радио-генералу» Кейпо было уже около добрых 70 лет, что тоже уменьшило его шансы на избрание.

После дискуссии состоялось открытое голосование, принесшее шестью голосами против двух победу 44-летнему генералу Франко. Против него голосовали Кабанельяс и Мола, не питавший симпатий к Франко Кейпо де Льяно тем не менее поддержал его. Подобно генералу Врангелю в России, Франко получил пост руководителя путем выборов.

Победитель получил звание «каудильо» — неточный перевод немецкого «фюрера» и итальянского «дуче». Ранее подобного сло-

ва в испанском языке не было, вождей и предводителей именовали «хефе» или «команданте». Отныне восставшие имели настоящего вождя. Ему вручили неограниченные полномочия. Каудильо соединил в своих руках руководство государством, правительством и армией. 1 октября Франко образовал в Бургосе временное правительство Испании — «Государственную исполнительную хунту» из трех человек. Отныне восставшие имели единую систему органов власти, временную столицу и выборного верховного предводителя. Мятеж закончился. Он перешел в затяжную гражданскую войну.

С этого момента историки получают возможность называть мятежников 18 июля так, как они сами называли себя — националистами.

Власть над половиной Испании попала в руки необычного военного: маленького роста, полный, с высоким голосом, красивыми черными глазами и тщательно подстриженными черными усами, он напоминал не кадрового офицера, а злодея из латиноамериканской мелодрамы. Франсиско Франко был испанцем, выросшим среди кельтского населения сумрачной Галисии. От темпераментных, общительных андалузцев, валенсианцев и кастильцев его всегда отличала сдержанность, замкнутость и сосредоточенность. Этот человек как будто излучал холод. У него были знакомые, но не друзья. Он держал на расстоянии даже родных братьев и сестер. Он всегда был исправным служакой без определенных политических взглядов, и его не причисляли к монархистам или республиканцам.

Добровольцем Франко воевал в Марокко, где прославился завидным самообладанием, переходившим порой в бесчеловечность. Будучи еще в чине майора, он приказал расстрелять перед строем солдата-марокканца, вывалившего ему под ноги котелок с дрянной едой в знак протеста против плохого питания. После расстрела Франко невозмутимым голосом распорядился: «*Питание улучшить*». В 1934 году он вместе с Ягуэ хладнокровно руководил разгромом «Астурийской Советской республики». Зверства его марокканцев были отмечены всей левой печатью, в том числе советской. С тех пор Франко говорил знакомым: «*Советы*

приговорили меня» и всюду усматривал «коммунистическую опасность».

Когда годом позже президент Алькала Самора, разрешивший ввод Африканской армии в Астурию, по-дружески сказал Франко: «*В Испании нет коммунизма, генерал*», тот важно ответил: «*Я знаю одно — коммунизма нет и не будет там, где я*».

Отправленный Народным фронтом на Канарские острова, Франко держался неопределенно и не дал эмиссарам Санкурхо и Мола ясного ответа на вопрос, участвует ли он в «движении». Часть современников и историков считала, что хитрый «Франкито», как его называли ровесники, готов был остаться на стороне Республики, если бы та возвысила его. Известна сердитая реплика генерала Санкурхо в Лиссабоне накануне восстания: «*С Франкито или без него, но мы выступаем!*»

18 июля Франко захватил Канары, но не торопился попасть в Испанское Марокко. Его самолет сделал сначала две остановки во французской его части. В Тетуане генерал оказался, только когда все бои в протекторате закончились. Тем не менее он внес немалый вклад в развитие восстания, сумев договориться о внешней поддержке с Канарисом и через него — с Гитлером. В Андалузии Франко заразил многих полной и спокойной уверенностью в конечном успехе предприятия. Корреспондент лондонской газеты «Дейли мейл» Кардозо был поражен его циничной невозмутимостью. Генерал сухо объяснил недоверчивому иностранцу, что мятежники победят любой ценой. Репортер переспросил: «*Даже если придется расстрелять половину Испании?*» Франко посмотрел на него и ровным голосом ответил: «*Я повторяю, любой ценой*».

Успех сопутствовал каудильо. Под его властью находилась уже половина страны — 26 провинций. Военная инициатива прочно закрепилась за националистами. Их вооруженные силы росли на суше, на море и в воздухе. Осенняя мобилизация в националистической Испании прошла с успехом. Не прекращался и приток добровольцев из Наварры и Старой Кастилии.

Международная обстановка улучшалась. На Британских островах проводились сборы денег в помощь националистам, отдельные взносы измерялись тысячами фунтов стерлингов. Португа-

лия и несколько латиноамериканских стран готовились официально признать «новые власти Испании». Республика же два месяца была блокирована облучением «невмешательства».

Октябрь 1936 года вошел в историю как время наращивания иностранной помощи националистам.

В Кадиксе высадился германский военный отряд из 6000 человек — «Легион Кондор». Его костяк составляли штабные офицеры-советники и пилоты ВВС, были также танкисты, артиллеристы, специалисты в области связи и моряки. Среди германских штабных офицеров прибыли видные аналитики и администраторы — теоретик и практик бронетанковых войск полковник Вильгельм фон Тома, майор Риттер фон Ксиландер. Среди авиаторов выделялся компетентный и решительный подполковник Вольфрам фон Рихтгофен. Количество прибывших к Франко через Кадикс и Севилью итальянских военных достигало 3000.

Через Испанию и Португалию прибывала германская техника — самолеты, зенитная и противотанковая артиллерия, радиооборудование, бронеединицы и грузовики. В Средиземном море под предлогом спасения из Испании немецких подданных обосновались два новейших германских военных корабля — «карманного линкора» — «Граф Шпее» и «Дойчланд» и три крейсера. Германия и Италия помогли националистам также боеприпасами — от винтовочных патронов до бомб и торпед.

Наконец националисты получили то, чего им катастрофически не хватало в августе и сентябре — материально-техническое превосходство над республиканцами. Оно органически дополнило организационно-административное превосходство, бывшее у националистов с первых минут восстания.

Получив власть, каудильо сосредоточил внимание и силы националистов на овладении Кастилией и Мадридом. Здесь по его мысли вскоре должен был решиться исход борьбы. Он целенаправленно стал оголять фронты Андалузии, Арагона, Бискайи и Эстремадуры, снимая оттуда технику и часть живой силы и направляя их на Центральный фронт.

Франко допустил только одно исключение из своей стратегии. Вслед за Алькасаром он собирался выручить Овьедо, где изнемогавшие солдаты Аранды из последних сил отбивали очеред-

ной республиканский штурм. Шахтерское ополчение уже ворвалось в город и занимало квартал за кварталом. Из Галисии на восток была брошена отборная пехотная колонна, которая в трудных боях пробила коридор в окружении Овьедо и 17 октября соединилась с остатками его гарнизона. Республиканцы отступили в предместья, однако осады не сняли. У Аранды в строю к этому времени из прежних 4000 человек осталось всего 600. Их заменили свежими силами. В пропаганде националистов произведенный в генералы Аранда стал героем наподобие Москардо.

В суматохе подготовки «финального удара» — генерального наступления на Мадрид командование националистов не упустило из виду сведения печати и агентуры о прорыве Республикой установленной вокруг нее блокады.

В сентябре на республиканской территории было отмечено появление не говоривших по-испански иностранцев в штатском, но обычно с военной выправкой. Они селились в небольших, но хороших гостиницах на отдаленных улицах Мадрида, Альбасете и Картахены. Оттуда они направлялись в военно-учебные центры и на аэродромы. Так в Республике появились военные из СССР — советники и военные специалисты. Главным военным советником был назначен «генерал Гришин». Под таким псевдонимом скрывался видный чекист, бывший латышский стрелок, а тогда руководитель советской военной разведки Я.К. Берзин. Военным аташе советского посольства стал В.Е. Горев, имевший звание командира бригады. В Барселону прибыл советский генеральный консул — В.А. Антонов-Овсеенко. По линии Коминтерна в Мадрид приехал международный революционер, бывший подданный Австро-Венгрии Э. Клебер (М. Штерн). Все названные лица были ветеранами гражданской войны в России. Антонов-Овсеенко в свое время арестовывал Временное правительство, а Клебер, сверх того, имел опыт революционных войн в Турции и в Китае.

В октябре уполномоченные Коминтерна в Европе и Америке приступили к вербовке добровольцев и к развертыванию интернациональных бригад в отдаленном кастильском городке Альбасете. Там были экстренно оборудованы казармы, полигоны, закрытые столовые. Руководство интернациональными бригадами Коминтерн доверил троице, состоящей из генерального комисса-

ра Андре Марти и двух итальянских политических эмигрантов — коммуниста Луиджи Лонго и республиканца Джузеппе ди Витторио.

Перевалочными пунктами следования интербригадцев в Испанию стали Париж, Тулуза и пиренейская граница.

При создании интербригад был использован опыт гражданской войны в России. Как известно, в состав РККА входили тогда иностранные военные части из немцев, австрийцев, венгров, китайцев.

Советское вмешательство, шедшее по двум линиям: официально — советской и коминтерновской, вскоре стало невозможно скрывать не только от агентуры Франко, но и от международного сообщества. 7 октября советский посол в Лондоне многозначительно сообщил Международному комитету невмешательства, что СССР считает себя связанным данной политикой не в большей мере, чем любая другая держава (имелись в виду Португалия и Италия). Он потребовал международного расследования обстановки, сложившейся на испано-португальской границе. Рассерженный португальский посол покинул заседание и долго бойкотировал Комитет, а итальянский посол мгновенно выдвинул встречные обвинения в адрес СССР и Франции. Те решительно отвергли любые обвинения. С этого дня бурные сцены в Комитете невмешательства стали повседневным явлением.

Одновременно первые советские транспорты с военными грузами — «игреки», вышедшие из Севастополя, Одессы и Феодосии, миновали Черноморские проливы. Среди них были «Андреев», «Зырянин», «Комсомол», «Турксиб». 13—14 октября они встали под разгрузку в Картахене и Аликанте. Один транспорт с советским оружием даже прорвался в Бильбао. Как и в Лиссабоне, Виго и Кадиксе, разгрузка адресованных Республике военных грузов шла днем и ночью.

В целях маскировки после возвращения из Испании транспорты иногда делали один-два заграничных рейса с сугубо мирными грузами — лесом, зерном, рудой и т.д. В декабре 1936 года «Канариас» задержал в западном Средиземноморье транспорт «Комсомол», который, по официальным данным, вез марганцевую руду в Бельгию. Инцидент получил широкую огласку. Советские газе-

ты, радио и собрания трудящихся осудили «пиратское нападение» националистов на безоружное судно торгового флота невоюющей страны.

Однако стоит обратить внимание, что экипаж «Комсомола» затопил свой пароход. Вряд ли имело смысл делать это, если он вез указанный в судовых документах груз, — марганцевая руда не считалась тогда военной контрабандой. Ряд других советских судов, следовавших в третьи страны, был тогда же захвачен националистами, отведен в Сеуту, но отпущен после досмотра. Характерно, что их команды не стремились затопить суда, а советские СМИ не уделяли этим эпизодам внимания. «Комсомол» затонул на большой глубине, его не пытались затем поднять или обследовать, и что было в его трюмах в данном случае, трудно сказать с полной определенностью.

27 октября собранные в Картахене при участии советских авиаинженеров двадцать скоростных бомбардировщиков «СБ» приступили к налетам на узлы коммуникаций и снабжения националистов — Саламанку, Севилью, Касерес, Талаверу, над которыми давно уже не появлялись ВВС Республики. Чуть позже были доставлены первые партии винтовок, истребителей, бронемашин и танков. Война все более выходила из границ Испании — она приобретала международный масштаб и характер.

15 октября националисты начали генеральное наступление на Мадрид. Его взятие Франко открыто приурочил к 7 ноября, по выражению бургосских радиокомментаторов, «чтобы омрачить этот марксистский праздник». Руководить взятием столицы был назначен генерал Мола. «Директор» разместил штаб в Авиле, всего в 60 км от столицы и пообещал по радио: «Седьмого ноября я выпью кофе на Гран Виа». Он горделиво заявил: «Четыре колонны — со мной, а пятая — в Мадриде». Изречение Молы указывало на стирание привычных граней между фронтом и тылом. С тех пор выражением «пятая колонна» стали обозначать скрытых и хорошо организованных тыловых врагов...

Под ударами кавалерии, артиллерии и танкеток колонны дружинников, не умевшие и не хотевшие «зарываться в землю», в панике побежали. В некоторых колоннах командиры расстреливали бежавших. Этим прославились в особенности Энрике

Листер и Хуан Модесто. В других частях, наоборот, дружинники убивали офицеров старой армии, подозревая их в измене.

Всего за два дня националисты прошли почти половину расстояния, отделявшего их от столицы — 30 километров, и 18 октября вырвались к первой, недостроенной линии столичных укреплений. Впервые из уст Асенцио Торрадо прозвучало предложение оставить столицу без дальнейших боев. Заявив премьеру, что «все бежит и Мадрида не удержать», генерал так спрогнозировал события: решающий поединок сторон произойдет восточнее столицы. С полным основанием обругав плохо сражавшуюся милицию, он пообещал создать на юго-востоке сильную регулярную армию и после этого взять Мадрид обратно. Но компартия и советские специалисты дружно отвергли предложение и настояли на встречном ударе.

20 октября наскоро собранные, скудные республиканские резервы предприняли на ходу спланированное местное наступление против националистов у Ильескаса. «Русская помощь идет! Она близко!» — с таким кличем комиссары вели бойцов в самоубийственные атаки против армии Варелы. Националисты были задержаны на два дня. Но потери их были невелики и потому быстро восполнимы, а наступавшая группировка растратила силы и утратила боеспособность.

26 октября Африканская армия совершила прорыв на соседнем участке, и вторая линия мадридских укреплений осталась позади. Теперь бои шли уже в ближних предместьях столицы. 28 октября в бой вступила первая партия советской бронетехники. Общее руководство осуществлял комдив Д.Г. Павлов, непосредственное — батальонный командир П.М. Арман (Тылтынь). Следующим утром несколько колонн во главе с полтора десятками танков «Т-26» перешли в наступление у пригородной деревни Сесеньи. Всего в операции участвовало 20% сил республиканского Центрального фронта. Танкисты ворвались в деревню, где захватили врасплох и разгромили эскадрон марокканской кавалерии. Затем они совершили 15-километровый рейд на юг, уничтожив пехотный батальон националистов. Экстренно прибывшая к Сесенье итальянская танковая полурота из 8 машин понесла большие потери и быстро исчезла с поля боя. Но дружинники,

для которых танки были диковинкой, оказались не в состоянии закрепить неожиданный тактический успех. В свою очередь танковое командование, оставшись без поддержки пехоты и артиллерии, через несколько часов отдало приказ к отступлению.

Газеты Республики трубили о победе, они писали чуть ли не о тотальном крушении похода националистов на Мадрид, в то время как успех был локальным и кратковременным. Удар бронетехники после захвата Сесеньи не повлиял на ход событий: итальянцы лишились всего трех танкеток. Уничтожить большинство малозаметных и подвижных «Ансальдо» на медлительных «Т-26» по объективным причинам не удалось. Стал очевиден пробел в подготовке советских танкистов, они были обучены стрелять только с места и потому немалую часть времени в бою растрачивали напрасно. Большого успеха достигли республиканские артиллеристы, которые на другом участке фронта под руководством советского офицера Н.Н. Воронова подбили сразу пять «Ансальдо».

В боях у Сесеньи выявилось значительное превосходство советского бронетанкового оружия над итальянским. Однако разбить или отбросить Африканскую армию не удалось. Она была остановлена только на сутки, хотя ее танки сильно уступали по техническим данным.

В первых числах ноября, когда националисты возобновили наступление, печать и эфир Мадрида наполнились тревожными сообщениями всех партий Народного фронта. Суть была в одном — «Столица в опасности». Олимпийское спокойствие сохраняли только Ларго и его сторонники, правительство так и не обратилось к народу. Вместо этого невозмутимый военный министр издал... запрет увеличивать численность дружинников Центрального фронта.

Обстановка в Мадриде становилась напряженной: появились сотни беженцев, очереди за продовольствием угрожающе удлинялись. С середины октября националисты приступили к бомбардировкам столицы. Часть зажиточной публики покинула город. Ее примеру последовал и президент Асанья. 19 октября газеты сообщили, что он обосновался в Барселоне. К ноябрю Мадрид оставили иностранные послы (кроме советского). Выполнять их

полномочия остались поверенные в делах, вторые секретари или же только технический персонал посольств.

«Пятая колонна», насчитывавшая, по позднейшим подсчетам, не менее 40 000 человек, приступила к решительным действиям. В сумерках на улицах все чаще гремели выстрелы из окон и с крыш, взрывались гранаты. На стенах зданий среди плакатов Народного фронта появлялись листовки националистов и девиз Фаланги «Воспрянь, Испания!» Ночами по городу носились «машины-призраки» с сиренами, слепившие патрульным дружинникам глаза фарами и на бешеной скорости исчезающие за поворотом. Нередко из таких машин обстреливали прохожих.

Население пролетарских кварталов в ярости вершило самосуд над подлинными и мнимыми вражескими агентами. Группы разъяренных мадридцев вламывались в квартиры или особняки, откуда, по их мнению, доносилась стрельба. Ворвавшись в дом, они ломали и крушили все на своем пути, людей нещадно избивали и уводили в тюрьмы, а здание поджигали.

Многие предусмотрительные владельцы столичных магазинов выставляли в витринах таблички с текстом: «Предприятие предано режиму...», после последнего слова оставляя свободное место. «Сменой вех», как правило, занимались граждане, которые в июле приветствовали подавление мятежа в Монтанье.

В ноябре часть отрядов милиции сражалась с завидным упорством. Несколько дней шла жестокая борьба вокруг пригородных поселков Вальдеморо и Торрехона. Националисты дважды захватывали их и дважды под натиском неприятеля оставляли. Но прочие колонны отступали или откровенно разбежались. *«Постепенная, но неумолимая деморализация охватывала фронт»*, — писал один из участников событий. Другой фиксировал: *«...даже коммунистические войска Модесто и Листера тают и расплзаются»*. Остальные части безразличной толпой шагают к городу. Единственной на всем Центральном фронте надежной единицей оказывалась лишь советская танковая рота, количество машин в которой сократилось до десяти.

Танкисты Дмитрия Павлова и Поля Армана валились с ног от усталости. У них не было смены, им приходилось самим заботиться о пополнении запасов. Рота круглосуточно перемещалась

вдоль Центрального фронта, затыкая то и дело появлявшиеся в нем многочисленные бреши. Ночами «Т-26» изображали из себя артиллерию, наугад стреляя в сторону вражеских позиций. Наблюдатели отмечали, что там, где в данный момент действовали танки Армана, республиканская пехота была настроена бодро и держалась стойко. Но стоило танковой роте уйти — и пехота вскоре оставляла позицию.

4 ноября националисты овладели Хетафе в 10 километрах от города. Мадрид лишился одного из аэродромов. Вскоре Африканская армия, преследуя расстроенного неприятеля, без боя захватила две господствующие высоты — гору Ангелов в 20 километрах южнее Мадрида и холм Гарабитас к западу от него, с которых хорошо просматривалась вся столица. На Гарабитасе националисты немедленно начали установку артиллерии.

Во взятом после короткого боя Хетафе довольный генерал Варела устроил штаб-квартиру и сообщил корреспондентам: *«Сообщите всему миру — Мадрид берем на этой неделе»*, а через день небрежно бросил: *«Мадрид все равно что взят»*. По сообщениям международной печати, Варела в эти дни даже в постели не снимал орденов и перчаток, чтобы не пропустить торжественного момента взятия столицы.

«Падение Мадрида будет означать потрясающее и унижающее поражение Москвы», — торжествовали правые европейские и американские газеты. В Африканской армии готовились к празднествам в честь взятия столицы. Радио Бургоса и Саламанки ввело рубрику «Последние часы Мадрида» и сообщало слушателям подробное расписание праздника. Оно прежде всего предполагало въезд каудильо в столицу «на белом коне». Генерал Мола намеревался проехать на автомобиле по Гран Виа и произнести затем перед микрофоном слова: «Я — здесь».

Итальянское радио и дикторы Лиссабона 6 ноября сообщили, что националисты уже занимают Мадрид. Военный корреспондент британского «Обсервера» Генри Бакли позже рассказывал, что когда он в эти дни позвонил в редакцию и стал рассказывать об обстановке в республиканской столице, его удивленно перебили: *«А откуда вы говорите?» «Из Мадрида»*. — *«Стран-*

но. Из полученных нами сообщений видно, что Франко уже в центре города».

Натиск солдат Мола и Варелы не ослабевал, с каждым шагом они приближались к цели. 5—6 ноября стрельба загрела в Карабанчеле и Леганесе, где находились конечные остановки мадридского трамвая. Части Африканской армии все же просочились в пределы столицы, их не остановило даже неожиданное вступление в бой утром 5 ноября советских истребителей «И-15» и «И-16», самоотверженно атаковавших бомбовозы неприятеля. «Курносые» и «Мухи», как прозвали эти машины испанцы, пресекали тогда в зародыше очередную бомбардировку столицы, чем привели мадридцев в восторг. Отражен был и налет 6 ноября. Германские и итальянские летчики впервые с начала войны встретили достойного противника.

Между тем наземные силы Франко подтягивали резервы и занимали исходные позиции для «финального удара». А республиканское командование умудрилось потерять связь с уцелевшими отрядами милиции, плохо снабженными и беспорядочно разбросанными вдоль ее западной и южной окраин.

«Если только не произойдет чуда, — писал 6 ноября славящийся трезвостью и продуманностью анализа лондонский еженедельник «Экономист», — то франкисты возьмут Мадрид».

Позже многие военные эксперты упрекали Франко и Мола в медлительности. По их мнению, 5—6 ноября у националистов были все шансы на плечах отступавшего неприятеля ворваться в Мадрид и овладеть им.

Но, во-первых, они вышли к столице на очень узком фронте и только с юга. Оба их фланга были порядочно растянуты и обнажены. Во-вторых, у Африканской армии перед самым Мадридом ухудшилось боевое снабжение. Причиной стали ежедневные удары «воздушных крейсеров» республиканских ВВС по ее базам и коммуникациям.

Франко и Мола решили действовать наверняка. Живой силы у них было гораздо меньше, чем у республиканцев. Штурм миллионного города без должного количества боеприпасов, горючего и оружия они считали авантюрой.

Коммуникации Африканской армии удалось наладить к 7 ноября. Вечером 6 ноября, когда передовые части националистов

отделяли от центра столицы всего два-три километра, правительство покинуло город и направилось в Валенсию. Мера, пожалуй, была оправданной — Мадрид превращался во фронтный город. Оставаясь в нем, правительство не могло рассчитывать на свободу действий.

Нужно отдать должное Ларго Кабальеро, который до последней минуты противился отъезду, понимая, что ситуация слишком напоминает трусливое бегство. Долгое время часть историков так и расценивала данные действия. Например, коллектив авторов советского учебника «Новейшая история», выходявшего под грифом Высшей партшколы, писали: «Члены правительства, за исключением коммунистов, в панике сбежали из Мадрида». Только в 1968 году из воспоминаний участника событий, советского военного деятеля К.А. Мерецкова стало ясно, что правительство не бежало, на его отъезде настояли военные советники из СССР. Из других источников — скажем из «Испанского дневника» М.Е. Кольцова — видно, что министры-коммунисты и анархисты возражали против отъезда, но подчинились воле правительства и уехали вместе с остальными.

Стоит обратить внимание на расхождения в первоисточниках. Почти все авторы настаивают, что отъезд был осуществлен вечером 6 ноября сразу после очередного заседания кабинета и заснул врасплох даже министров и генералов. Однако Мерецков сообщает, что ему пришлось специально ездить домой к премьеру, разбудить его и посоветовать эвакуироваться. А Ларго соблюдал четкий распорядок дня — подъем в 9 утра и отход ко сну в 10 вечера. Привычки спать днем у него не было, поэтому если премьер будили, то дело было уже ночью, причем ночью с 5 на 6 ноября. Стало быть, или премьер-министр еще полдня хранил решение об отъезде втайне от коллег, или заседания кабинета 6 ноября не было вовсе.

Все источники сходятся только в одном — отъезд правительства проходил в беспорядке. От народа его скрыли, дабы не вызывать паники, а высокопоставленных чиновников оповещали как попало. Начальнику генштаба майору Эстраде, например, сообщили, что кабинет уезжает, но не сказали, когда и куда.

Как часто бывает, тайна перестала быть тайной уже через два-три часа. Несколько человек видели, как правительственный лимузин Ларго выехал из военного министерства по направлению к восточной окраине. В городе началось сильное замешательство, тысячи граждан, в особенности беженцев, плотной толпой двинулись на восток к Валенсийскому шоссе. Остановить людской поток было некому, министр внутренних дел Галарса, отвечавший за поддержание правопорядка, выехал раньше всех.

Покинули столицу также почти все чиновники министерств, командующий Центральным фронтом, начальник генштаба, командующий штурмовой гвардией, начальник городской полиции, советский посол и т.д. (По свидетельству Эмиля Клебера, посол СССР тоже не верил в возможность отстоять город.) Уехали и руководители почти всех партий. Мадрид оставался в беспомощном положении.

Обязанность отстаивать столицу Ларго и Асенсио Торрадо возложили на Хунту (комитет) обороны Мадрида, которую еще нужно было создать. Премьер-министр назначил только председателя Хунты — малоспособного 58-летнего генерала Миаху, который разделил с нерадивыми дружинниками вину за поражение под Кордовой. Ему Асенсио Торрадо вручил пакет с приказом главы правительства «защищать город любой ценой». Требование звучало внушительно и грозно, но после вскрытия пакета, оказалось, что в приказе есть оговорка: если отстоять Мадрид не удастся, то... оставить столицу и отступить на Куэнку. Указание высшим начальством путей отхода накануне битвы закономерно настраивает не на борьбу «любой ценой», а именно на отступление. Вполне логичным в этой ситуации выглядит решение командующего фронтом генерала Посаса, который уехав в Таранкон, тут же отдал дружинникам Гвадаррамского фронта (около 15000 человек) приказ поворачивать назад. Если уж планировалось оставить Мадрид, то удерживать Гвадарраму не имело смысла — ее защитники рисковали быть уничтоженными внезапным ударом с юга.

В распоряжении Хунты, которую сердито называли «мифическим органом», не было ни войск, ни транспорта, ни аппарата. Не было ей дано и оперативной самостоятельности — Ларго подчинил Хунту командованию Центрального фронта. Единственное,

что было в распоряжении растерянного Миахи к ночи 7 ноября, — изобилие пустых служебных помещений во всех министерствах.

Находившийся в центре событий Кольцов вспоминал: *«У подъезда военного министерства нет караула, а все окна освещены... Анфилада комнат. Широко раскрыты все двери, сияют люстры, на столах брошены карты, документы, сводки, карандаши, исписанные блокноты. Кабинет военного министра, его стол. Тикают часы на камине. Десять часов сорок минут. Ни души.*

Дальше — генштаб, его отделы, штаб Центрального фронта, его отделы, главное интендантство, его отделы — анфилада комнат... Ни души. Как в заколдованном царстве.

На площадке сидят два старичка-служителя в ливреях, чисто выбритые. Такими я их никогда не видел. Они сидят, положив руки на колени, и ждут, пока их звонком позовет начальство — старое или новое, все равно какое».

Злые языки в мадридских гостиных говорили, что Миахе доверили войти в историю, сдав неприятелю Мадрид.

По совпадающим сведениям всех первоисточников, вакуум власти был заполнен усилиями пришедших Миахе на помощь трех сил — коммунистов, социалистической молодежи и беспартийных кадровых военных. В считанные часы Хунта обороны была образована и приступила к работе. Ее состав отражал состав кабинета, однако идейно преобладали в ней коммунисты. Вдохновляющей силой Хунты, по определению британского историка Хью Томаса, первое время был находившийся в Испании уже четвертый месяц советский гражданин — корреспондент «Правды» Кольцов, игравший роль политического советника. Обосновалась Хунта в здании военного министерства. Немногим было известно, что в подвалах того же здания разместился «генерал Гришин» ...

К рассвету 7 ноября защитники столицы воссоздали ядро генштаба. Оно включало двух подполковников — Рохо и Фонтану, двух майоров — Касадо и Матальяну и не имевшего военного звания коммуниста Ортегу. Начальником штаба назначили Рохо.

Поскольку Хунта получила свободу действий, лимиты на численность военных сил отпали. Радиостанция Мадрида каждые две

минуты призывала мадридцев встать на защиту родного города. Агитаторы Хунты всю ночь на 7 ноября обходили дома и вербовали добровольцев. «Ночная мобилизация» дала неожиданно хороший результат — около 12 000 новобранцев. Приказано было отключить большинство городских телефонов и усилить затемнение. Остатки разбитых колонн Хунта заменяла свежими силами. Мадридская молодежь под обстрелом воздвигала прочные цементированные баррикады.

Старые танки «Рено» и «Шнейдер» были направлены на дежурство к мостам через реку Мансанарес. На Гран Виа сосредоточили небольшую группу старых броневикулов — единственный резерв Республики.

Миаха собрал в военном министерстве командиров милиции и профсоюзных работников. Взволнованный, похожий на Санчо Пансу, генерал оказался неплохим оратором. В краткой, пересыпанной крепкими народными выражениями речи он объявил о решимости Хунты сражаться в Мадриде и потребовал за сутки найти еще 40 000 новобранцев.

План Моля и Варелы состоял в том, чтобы решающий удар нанести с запада, через пригородные парки Каса-дель-Кампо и Западный, где республиканская оборона отсутствует и откуда ближе всего добраться до городского центра. Овладение парками позволяло развить наступление через Университетский городок, непосредственно вторгаясь в пределы Мадрида. Вспомогательный, отвлекающий удар националисты планировали провести на юге столицы, наступая через наполовину занятый Карабанчель.

Атаки националистов начались в 6 часов хмурым и дождливым утром 7 ноября. От 10 000 до 12 000 уверенных в победе националистов, имевших в достатке патронов и снарядов, наступали на 40 000 почти не имевших боеприпасов республиканцев. У Варелы имелось 50—60 танков и бронемашин — вдвое больше, чем у Миахи, и в два-три раза больше самолетов. На весь Мадрид имелось не более 500 снарядов (менее десяти штук на пушку) и патронов на три часа боя. Поэтому 50 республиканских орудий почти все время молчали, а командиры пехотных колонн раздавали дружинникам холостые патроны под видом боевых.

Туман и дождевая мгла к счастью для защитников несколько суток не позволяли националистам использовать авиацию, а текущая по западной окраине Мадрида и имеющая каменистые берега речка Мансанарес сильно ограничивала использование бронетехники, что практически уравнивало шансы сторон.

Поначалу удары Африканской армии напоминали разведку боем, но сила их непрерывно нарастала. 7—12 ноября вошли в историю как время решающих боев за Мадрид.

Инициатива полностью была у националистов, республиканцы едва успевали отбиваться. «Одна за другой уходили к фронту пестрые толпы, чтобы растаять под огнем. Они шли на смерть добровольно, готовые погибнуть за идею», — писала позже газета «Таймс». В Карабанчеле и в Каса-дель-Кампо шли упорнейшие бои. «Мятежники засыпали огнем... Грохот взрывов не смолкает. На набережных бушуют настоящие огненные вихри», — писали очевидцы. Часть баррикад была разрушена.

9 ноября у националистов, казалось, появился серьезный шанс. Марокканская кавалерия Ягуэ, дождавшись обеденного времени дружинников, разгромила сторожевую охрану Толедского моста и ринулась прямо к центру города. В здании военного министерства поднялась паника. Генерала Миаху члены Хунты силой волокли к автомобилю. Но прочие командиры Африканской армии, скованные на других участках, были не готовы поддержать Ягуэ. Республиканцы сумели закрыть прорыв и отбросить кавалерию, потрепав ее пулеметным огнем. Паника улеглась.

Ценой жестоких потерь необученные и кое-как оснащенные мадридцы тормозили наступление врага. Звучали мрачные приказы: «Оружие брать у мертвых, не теряя ни секунды». Мадрид расходовал последние боеприпасы. Связи с правительством в Валенсии не было. О резервах не было ни слуху ни духу. На взволнованные телеграммы Миахи о необходимости помощи военный министр через несколько суток отбил брезгливый ответ — «Хунта обороны Мадрида пытается прикрыть свое поражение».

За три самых напряженных дня фронтального штурма столицы единственным подкреплением, полученным республиканцами, стала 11-я и 12-я интернациональные бригады (в совокупности — 8000 штыков). Парадным строем, отбивая шаг, под звуки

военных маршей они прошли по городу с востока на запад. Вид хорошо обмундированных и вооруженных новыми винтовками интербригадцев заметно поднял боевой дух мадридцев.

Интернациональные бригады тут же были направлены в самую гущу событий — на поляны и в перелески парка Каса-дель-Кампо, где не было ни траншей, ни окопов, ни даже наблюдательных пунктов. Интербригадцы тем не менее вступили в бой дружно и с воодушевлением, озадачив тем самым националистов.

К 10—11 ноября Мола и Варела убедились, что фронтальный штурм столицы проваливается. Окрыленная легкими победами в Эстремадуре и имевшая богатейший опыт боев в горах и долинах, но не в мегаполисе, Африканская армия пробуксовывала на мадридских окраинах, плохо знакомых и непонятных ее солдатам и даже генералам. Ударные ее соединения не смогли сокрушить вражескую оборону. На глазах сокращались боезапасы артиллерии и количество наступающих.

Не сумев прорваться в Карабанчеле, националистическое командование заметалось. Оно обрушило серию ударов на Каса-дель-Кампо, потом вторично атаковало Карабанчель, затем снова перенесло основные усилия к северу. Националисты медленно теснили неприятеля, но так и не продвинулись дальше Мансанареса, несмотря на отважные и решительные атаки. У мостов их встречали пулеметные и танковые заслоны, а переправа вброд оборачивалась огромными потерями.

Количество мостов через Мансанарес, годных к переправе, с каждым сражением сокращалось. Сеговийский мост по ошибке разрушили германские бомбардировщики, старавшиеся уничтожить республиканский заслон на восточном берегу реки. Французский мост дружинники взорвали, когда на него яростным броском ворвались пехота и конница националистов.

Все удлинявшийся фронт наступления Варелы достиг к середине ноября 20 километров, что ухудшило положение националистов, как более малочисленной стороны. (По данным националистов, в штурме с их стороны участвовало не более 8000 человек.) Полной неожиданностью для них также оказалось воодушевление республиканцев, с которым те отстаивали столицу. В полнокруженном, полыхавшем пожарами Мадриде на смену расте-

рянности и беззаботности пришли собранность, решимость и духовный подъем.

Летописец событий Генри Бакли писал:

«7 ноября Мадрид лишился правительства. Мадридцы вполне могли выразить собственную волю, какой бы она ни была в тот день... Я не люблю громких фраз «Народ — то», «Народ — се», но это была ситуация, в которой твердая решимость большинства народа привела ко временной его победе».

А вот мнение участника военных действий — тогда подполковника, позже генерала Висенте Рохо:

«Перемена была громадной. Казалось, правительство, уехав в Валенсию, взяло с собой плащ пессимизма и неверия. Мадрид хотел сражаться. Он был лишен организации, укреплений, вождей, военных навыков. Зато он в избытке обладал воодушевлением... И это была величайшая из всех сил, находившихся в нашем распоряжении».

Почти то же самое другими словами выразил французский наблюдатель войны, правый журналист Луи Делапре:

«Мадрид больше не спит и не ест досыта. Мадрид живет впроголодь и топчет печи обломками мебели... но Мадрид держится и будет держаться».

Через несколько дней Делапре, вылетевший в Париж, погиб. По мнению французских дипломатов, журналист погиб в авиакатастрофе. По мнению республиканцев, гражданский самолет, на котором летел журналист, был сбит истребителем националистов...

Хунта обороны постепенно наводила порядок в городе. Она приступила к конфискации оружия у частных лиц, увеличила количество постов и патрулей, упорядочила уличную торговлю, наладила карточное снабжение мадридцев, вывезла из города часть мирного населения. К декабрю в городе стало меньше едоков и больше защитников.

В осажденной столице Хунта ввела нечто подобное круговой поруке. По радио периодически объявляли, что жители каждого дома отвечают за террористические акты, совершенные любым из его жильцов. Бессудные расправы над членами «пятой колонны» не пресекались. Повсеместно создавались домовые коми-

теты, члены которых несли вахту в подъездах. В результате, через одну-две недели в городе стало спокойнее, чем до начала штурма.

Хунта перехватила и отменила приказ Посаса об отводе войск с Гвадаррамы, выполнение которого позволило бы Моле безнаказанно двинуться к столице с севера. Вместо этого с бездействовавшего Гвадаррамского фронта часть отрядов удалось перебросить на Центральный фронт, где республиканцы несли жестокие потери.

Прибытие двух интербригад и энергичные действия танкистов и летчиков несколько изменили ситуацию в пользу республиканцев. 13 ноября они по инициативе советских военных и политических советников нанесли первый за полмесяца контрудар юго-западнее Мадрида, стараясь окружить ударную группировку националистов. Удалось собрать 6000 штыков и немало только что прибывшей из Картахены бронетехники — свыше 50 танков и бронемашин, что было равноценно бронетанковой бригаде.

В штабе Миахи и в окружении Берзина и Горева на наступление возлагали большие надежды. Одни приводили в пример «чудо на Марне» 1914 года — внезапный и успешный удар французов по надвигавшимся на Париж германским войскам. Другие вспоминали «чудо на Висле» 1920 года — отражение польскими войсками наступления Красной армии на Варшаву.

Окружение националистов Рохо планировал замкнуть у Хетафе и у географического центра Испании — возвышающейся над окрестностями горы Ангелов. Поскольку в Хетафе находился командный пункт Варелы, захват городка мог дезорганизовать все управление Африканской армией.

Смело задуманный, но слабо подготовленный удар завершился провалом. План был хорошим только на бумаге. Его составители больше надеялись на успех, чем руководствовались расчетом. Артогонь республиканцев из-за нехватки орудий и снарядов закономерно оказался очень слабым. Плохо действовала бронетехника, превосходство в которой казалось Хунте обороны гарантией успеха.

За рычагами танков впервые в жизни оказались кое-как обученные добровольцы из мадридских таксистов. Многие танки

попросту заблудились среди каменистых холмов и неприятельских укреплений. Бригада понесла потери (главным образом в авариях) и большей частью не дошла до назначенного района. Часть бронемашин с испанскими водителями самовольно повернула назад из-за легко устранимых технических поломок.

Не оправдала надежд штаба и 12-я интербригада, обессиленная кровавыми боями на Мансанаресе и не получившая отдыха перед наступлением на Хетафе. Ее усталая пехота залегла, едва националисты открыли огонь, и не продвигалась вперед. К вечеру наступление захлебнулось. Усилиями советских танкистов мятежников удалось отеснить на два-три километра.

На следующее утро националисты нанесли с юга удар под основание наметившегося республиканского клина и окончательно отразили наступление. Однако нападение на Хетафе отвлекло внимание штаба Варелы, и натиск националистов на Мадрид с запада сразу уменьшился.

Середина месяца прошла под знаком невиданных воздушных бомбардировок Мадрида. 16—19 ноября налеты германо-итальянских «легионариев» на центр города были особенно сильными. Они сбрасывали бомбы всех калибров и типов — от мелких зажигательных до новейших 300- и 500-килограммовых фугасных, которые прямыми попаданиями разрушали многоэтажные дома.

Когда же ВВС республики нанесли бомбардировщикам заметный урон в дневных боях, те перешли к ночным налетам.

Все бомбовые рекорды Первой мировой с ее эпизодическими налетами на Париж и Лондон были побиты. Трое суток в Мадриде стоял гром взрывов, треск пламени и звон бьющихся оконных стекол. Ревели сирены пожарных машин, угрожающе росло количество бездомных и душевнобольных. 16 ноября было ранено и убито свыше 500 человек, 19-го — более 1000. Среди раненых оказались три британских дипломата. Один из них во время перевязки сказал репортерам:

«Ночные бомбардировки центральной части открытого города — отвратительное преступление».

Сочувствовавший мадридцам Луи Делапре писал:

«Христос сказал: «Отец, прости их, ибо не ведают, что творят. Но в данном случае их никто не простит, ибо они прекрасно ведают, что творят».

Однако вся официальная Европа продолжала придерживаться политики «невмешательства». Аккредитованные в Мадриде послы и поверенные в делах Франции и Англии опубликовали ноту протеста против воздушных налетов, в которой звучали фразы: «беззащитное население», «ужасы бомбежек», «принципы человечности». Но нога была направлена не правительству Франко в Бургос и даже не в штаб-квартиру Лиги Наций в Женеве, а лишь в редакции мадридских газет.

За три дня было разрушено до ста зданий и пострадало еще несколько десятков. Бомбы поразили старинный дворец герцога Альбы, превращенный в музей, сгорел крупнейший рынок на площади Кармен, пострадала «Телефоника» — двадцатиэтажное здание центральной телефонной станции, превратилось в руины несколько медицинских центров.

В середине месяца в Мадрид с Арагонского фронта прибыло неожиданное подкрепление — хорошо оснащенная анархистская колонна Дуррути из 4000 человек. Ее приход говорил о многом.

Со стороны лидеров ФАИ появление колонны в Мадриде было платой за их допуск в министерские кресла. Так и не взявшему Сарагосу Буэнавентуре Дуррути дорого дался этот шаг. На помощь «коммунистическому» Мадриду он двинулся вопреки прямому запрету оппозиционно настроенного «совета обороны Арагона». В Мадриде Дуррути — ранее непримиримый критик советских порядков — единственным из анархистских командиров принял к себе в колонну военного советника из СССР.

Его действия поддержали видные анархисты — ставшие министрами Гарсиа Оливер и Федерика Монсени. Казалось, испанские анархисты отступают от завещанных Бакуниным и Штирнером догматов о враждебности к государству и партиям. Но это было очередной иллюзией.

Анархисты-арагонцы и каталонцы, уже два месяца «делавшие революцию», а не воевавшие, были тем не менее уверены в успехе. Они сразу потребовали себе отдельный участок фронта, «чтобы другие партии не приписали себе их заслуги» и безапелляци-

онно заявляли, что спасут столицу, а затем вернуться в Арагон и пойдут на Бургос. Но, оказавшись в «мадридском пекле», встретившись с марокканцами и побывав под артогнем, они стали утрачивать тягу к борьбе. Кроме того, в Хунте обороны Мадрида, где был всего один анархист — тяжело болевший после фронтового ранения Пестанья, добрая воля арагонцев не нашла должного отклика. Хунта не поставила их на довольствие и не снабжала, а собственного интендантства привыкшие все отбирать у населения анархисты не имели. Грабить же прифронтовые, полуразрушенные западные окраины столицы было бесполезно. В итоге уже 17 ноября арагонцы отказались наступать и большинством голосов потребовали перевода в тыл.

На митинговавших анархистов генерал Варела вскоре обрушил удар «Легиона Кондора» и Иностранного легиона. Националисты отбросили колонну Дуррути, переправились через Мансарес и овладели Университетским городком. В республиканской обороне образовалась опасная прореха.

Через обнаженный Университетский городок Иностраннный легион беспрепятственно хлынул в пределы столицы, вторично вызвав в ней панику. Марокканцы одним броском с боем прошли в глубь городских кварталов более километра, упорно пробиваясь к площади Испании. На передовую срочно приехал Миаха. Его нередко обвиняли в ограниченности, пассивности, тщеславии и даже во внешнем сходстве с совой, но в этот день ему суждено было стать единственным испанским генералом, сражавшимся в гуще рядовых дружинников. *«Труссы! — кричал он растерянным бойцам. — Не смей отступать! Умрите вместе с вашим генералом!»* Подоспевшие интербригады уничтожили авангард националистов, не допустив его к площади, и отбросили его остатки за пределы городской черты.

В Университетском городке несколько дней шло настоящее побоище. Борьба, как позже в Сталинграде, шла за каждый этаж, каждую лестницу, каждую комнату. Гранатные схватки перемежались с рукопашными. Стрельба и брань с обеих сторон не прекращались даже ночью. Применялись самые неожиданные тактические приемы.

Так, немцы, саперы 12-й интербригады, с поистине тевтонским хладнокровием набили взрывчаткой с подожженным бикфордовым шнуром лифт и отправили его этажом выше. Взрыв нанес большие потери засевающим наверху марокканцам. Детище Республики — отстроенный перед самой войной город полностью превратился в развалины...

Мадридцы в ходе боев локализовали прорыв и затем старались сбросить неприятеля в Мансанарес. Интербригады атаковали по пять-шесть раз в день. Но войска Ягуэ, всегда отличавшиеся хорошей выучкой, хотя и голодали, но держались стойко и не оставляли своих позиций. Их удалось выбить только с территории отдельных факультетов. «Клин Ягуэ» так и не удалось ликвидировать.

К 23 ноября фронт замер. Университетский городок и Касадель-Кампо оказались разделены между противниками. Шесть факультетов Университетского городка и большую часть парка удерживали националисты, три факультета и меньшую часть Касадель-Кампо — республиканцы. Карабанчель почти целиком остался за националистами, Западный парк — за республиканцами.

Возмущенный Дуррути, которому пришлось выслушать гневные упреки Миахи и его соратников, попытался двинуть колонну в наступление на другом участке фронта — в Западном парке. Но 20 ноября голодные анархисты снова отступили. Пытавшийся остановить их криками *«Назад! Вы позорите ФАИ!»*, Буэнавентура Дуррути был смертельно ранен и скончался на следующий день.

По официальному сообщению, крупнейшего деятеля испанского анархизма сразил ...«нечаянный выстрел» из его собственной винтовки или из винтовки его телохранителя. По неофициальной, но распространенной версии, выстрел был умышленным — Дуррути сознательно застрелили «бесконтрольные» анархисты. Такое мнение разделял, в частности, хорошо осведомленный наблюдатель событий Эрнест Хемингуэй.

«Дуррути был застрелен во имя славной «организованной не дисциплинированности», убит своими за то, что он хотел, чтобы они атаковали», — с горечью написал он в романе «По ком звонит колокол».

Буэнавентуру Дуррути торжественно хоронили в Барселоне. Похоронную процессию составляли не менее 200 000 человек. Поэты-анархисты пылко обещали появление «легионов новых Дуррути». Подобным прогнозам не суждено было сбыться. Равноценной замены отважному и авторитетному Дуррути, в тяжелые моменты заставлявшему повиноваться (без расстрелов и штрафбатов) отпетых уголовников, у испанского анархизма не нашлось.

Колонну же Дуррути, лишившуюся после гибели вождя остатков боеспособности, Хунта обороны отвела в тыл, где анархистов разоружили. Почти все они беспрепятственно отправились обратно в Арагон и Каталонию, вместо них в столицу прибыли новые пополнения — коммунистические и социалистические колонны с Гвадаррамского фронта и из Каталонии, колонна военных моряков из Картахены. Продолжала поступать советская военная техника, шла продовольственная помощь из Западной Европы, особенно из Франции.

23 ноября, когда Центральный фронт застыл в окровавленных окопах, в Хетафе состоялось совещание высшего командования националистов с участием Франко, Мола и Варелы. Настроение было мрачным. Вожди «крестового похода» констатировали полный крах фронтальных атак Мадрида. Согласованный в августе стратегический план завершился полным крахом. Каудильо приказал Моле возвращаться в Памплону командовать Северным фронтом, а заносчивого Варелу отправил в отпуск. Командование Центральным фронтом перешло к верному франкисту — безынициативному генералу Саликету. Он получил новые указания: обойти и окружить столицу.

25 ноября националисты нанесли последний удар по всей линии Центрального фронта. Сильно поредевшая Африканская армия еще раз попыталась преодолеть Мансанарес. Ничего, кроме дополнительных потерь, ей это не принесло, оборона неприятеля уже была прочно спаяна. Затем Саликет получил сведения о готовящемся нападении республиканской пехоты на Талаверу. Националисты перешли к обороне.

Обе стороны усиленно рыли окопы и обносили передний край ключей проволокой. На окраинах Мадрида развернулась тран-

шейная и подземно-минная война. На пятом месяце боев маневренный период испанской гражданской войны закончился. Оборона уплотнилась и надолго восторжествовала над наступлением. Военные действия стали медлительными, позиционными.

Собственно, ноябрьская борьба в Мадриде в военном отношении закончилась вничью. Но республиканцы ощущали облегчение и радостный подъем, тогда как националисты — разочарование и усталость. После победоносного похода от Гибралтара до Кастилии они потерпели поражение у самых стен города, к которому так стремились. Скрыть это было невозможно. Передача бургосского радио «Последние часы Мадрида» была переименована в «Последние дни Мадрида», а затем и вовсе прекращена. Африканскую армию переименовали в армию Центра.

Творцы побед националистов в предполье Мадрида — brave воины генерал Ягуэ и подполковник Кастехон не таясь говорили в эти дни иностранным репортерам: *«Восстав, мы теперь разбиты... Мы подавлены и не удержимся ни в одной части страны, если красные по-настоящему атакуют нас».*

Кастехон говорил такое в госпитале — он воевал в атаке и теперь лежал с простреленным бедром.

Мануэль Аснар после войны писал о Мадридском сражении: *«Боеспособность врагов выросла в неожиданной степени... Перемены были слишком быстрыми. Потери росли в пропорциях, доселе неведомых. Участники боев вспоминают о них как о цепи кошмаров. Никто не предполагал, что защита города окажется столь упорной и что такой будет сила ответных ударов».*

У националистов были веские основания для пессимизма. Осенние потери националистов — около 10 000 раненых и убитых — были намного меньше республиканских (около 40 000 человек). Но в пересчете на каждого военного потери националистов были куда болезненнее и опаснее. Республиканцы лишались необученных и неопытных дружинников — националисты теряли квалифицированные солдатские и офицерские кадры.

Под Мадридом сильно пострадала отборная марокканская кавалерия. Ее наездников вербовали и перевозили в Испанию тысячами, обещая скорую победу, богатую добычу и награды. Вме-

сто этого к декабрю 1936 года две трети марокканцев Африканской армии — отличных наездников и стрелков погибло или было из строя. Уцелевшие арабы были крайне недовольны. Чтобы предотвратить возможный бунт, националистическое командование спешно оборудовало под Мадридом «дома отдыха» и доставило из Африки большую партию арабских проституток. Из остальных соединений националистов сильнее всего пострадали наваррские рекете.

Основательно были потрепаны националистические бронесилы, танки которых качественно уступали республиканским, существенные потери понесла авиация. Проиграв сражение на берегах Мансанареса, националисты утратили военную инициативу.

«В мадридской мясорубке были перемолоты лучшие силы Африканской армии», — позже подводили итоги историки.

Мадридская битва выявила ряд героев. У республиканцев прославились полевые командиры Кампесино (Валентино Гонсалес, в прошлом уголовник, прозванный «испанским Котовским»), Клебер (Манфред Штерн), Листер, Лукач (Матэ Залка), Модесто. Известность получили Миаха и Горев. О способностях «Гориса» не без уважения отзывались в лагере националистов.

У националистов хорошо проявили себя мастера атак и обороны полковник Асенсио (однофамилец республиканского генерала) и подполковник Кастехон, осталась на прежней высоте репутация генерала Ягуэ.

За парадным фасадом Мадридской битвы — «битвы за всех угнетенных, за человеческие права» скрывалась расправа почти с 8000 политзаключенных из столичных тюрем. 7 ноября их вывезли из Мадрида и без суда тайно расстреляли в уединенной местности юго-восточнее города. Правительство опасалось, что заключенные поднимут восстание и захватят город. Очень немногим из них удалось бежать. Руководили операцией 20-летние лидеры «социалистической молодежи» Сантьяго Каррильо и Хосе Касорла. Среди ее вдохновителей были также советские граждане — Кольцов, Берзин и уполномоченный НКВД в Испании Орлов-Фельдбин. Расправу позже списали на «бесконтрольных» анархистов.

Характерной чертой явилось нежелание самих испанцев без суда перебить 8000 безоружных и не приговоренных к смерти сограждан — понадобилась инициатива иностранцев.

Показательна и дальнейшая судьба вдохновителей и руководителей расправы. Кольцов и Берзин вскоре были казнены на родине. Орлов-Фельдбин через два года бежал в США, где под чужим именем прожил почти тридцать лет, опасаясь за свою жизнь. Касорлу в 1939 году расстреляли соотечественники. Карьеру сделал только Каррильо, ему суждено было через четверть века возглавить испанскую компартию.

В эти же дни в тыловом Аликанте судили Хосе Антонио Примо де Риверу. Попытки националистов устроить ему побег были плохо спланированы и провалились в самом начале. Ходили слухи, что каудильо больше заинтересован в мертвом Хосе Антонио. Предложение Примо отправить его в Саламанку с «миссией мира» и с оставлением его родственников в Республике в качестве заложников было отклонено кабинетом Ларго.

Судебное разбирательство было необъективным. Вещественных доказательств поддержки подсудимым мятежа 18 июля суду предъявлено не было. Подсудимому не мешали обстоятельно защищать себя, но из свидетелей на процессе присутствовали только свидетели обвинения. Главный обвинитель мотивировал необходимость казни Примо де Риверы расстрелом националистами попавшего в их руки Ларго Кабальеро-младшего. Доказательством последнего факта служили... газетные заметки.

Полностью идеологизированный процесс завершился, как и предполагалось, смертным приговором. 20 ноября сохранявшего до последнего присутствие духа Примо де Риверу расстреляли. Националисты позже утверждали, что Ларго-младший был к тому времени жив, но его расстреляли в отместку за казнь Примо.

После Мадридской битвы ободренные республиканцы начали готовиться (как и предвидели Ягуэ и Кастехон) к ответному наступлению. К счастью националистов, Республика была пока не в силах полноценно использовать собственный военный потенциал. Республиканцы по-прежнему не имели крепкого тыла. Рубеж 1936 и 1937 годов был временем, когда анархистская «ос-

вободительная революция», в зародыше подавленная в рядах националистов, достигла на республиканской территории апогея.

«*Этическое совершенствование!*», «*Нравственные ценности революции!*», «*Уничтожаем централизаторский дух!*», «*Боремся за федерализм!*», «*Наша революция чисто испанского типа и не копирует зарубежные образцы!*», — гласили заголовки многих газет Республики в дни жестоких сражений на Центральном фронте и на Севере.

Когда истекали кровью Мадрид и Овьедо, в центре внимания каталонских анархистов стоял вопрос — коллективизировать или муниципализировать городских коров. Когда на фронте дружинники и интербригадовцы, танкисты и летчики порой сутками не выходили из боя, профсоюзники в тылу требовали (и добивались!) большего сокращения рабочей недели, а часть работников ходили в учреждения и на фабрики только раз в неделю — за получкой.

Перешедшие под управление рабочих коллективов промышленные предприятия работали на кого угодно, только не на нужды фронта. 250 заводов и фабрик промышленной Каталонии при их переводе на военный лад были способны производить в необходимом количестве обмундирование, легкое и тяжелое вооружение и боеприпасы. Но они под руководством комитетов НКТ продолжали выпускать исключительно товары массового спроса — кровати, металлическую мебель, утюги и др., которые легче и прибыльнее было сбывать. В лучшем случае крупные современные заводы вместо тяжелого вооружения производили холодное оружие, револьверы и гранаты. Фронт к весне 1937 года получал не более 2000 артиллерийских снарядов в день, при том что потребности были в 15 раз больше. Экипажу республиканского орудия разрешалось поэтому выпускать в день не более десяти снарядов.

В коллективизированной республиканской промышленности утвердился расточительный и одновременно хищный «профсоюзный капитализм», который его приверженцы именовали «новой экономикой». Каждая фабрика работала теперь на свой страх и риск. Рабочую неделю урезали до 36 часов. Многочисленные политические митинги проходили в рабочее время. Массовыми явлениями стали самовольный уход с рабочего места, прогулы.

Печать — от умеренно республиканской до анархистской — была наводнена сообщениями: *«Непроизводительные расходы стали больше, чем до июля, а производительность упала... Расплодилось множество паразитирующих бюрократов... слишком много контрольных комитетов. Профсоюзные уполномоченные слишком много разъезжают и гуляют... Теперь вместо одного буржуа имеются 7 или 8...»* Часть подобных горьких выводов принадлежала министрам-анархистам — творцам «новой экономики».

Почти все обобщественные предприятия проходили при этом один и тот же процесс эволюции. Сначала гордо афишировали независимость от всего окружающего мира, особенно от государственных органов, а через несколько месяцев ... просили о государственной помощи. Ведь прежних бессердечных, но опытных управляющих и инженеров не осталось — они бежали к националистам или были перебиты.

В руках же неумелых или бесчестных новых хозяев производственные фонды (оборудование, сырье, энергия, зарплата) расходовались быстро и без должной отдачи. Выделявшиеся министерством промышленности кредиты исчезали словно в бездонной бочке, что давало повод к новым суждениям о банкротстве государства. Продажа оборудования и закрытие предприятий неизбежно оборачивались ростом безработицы.

«Все в промышленности запуталось до такой степени, что даже я не знаю, что предпринять», — заявил премьер-министр Республики первой военной зимой.

Сельское хозяйство Центра и Юга Испании было в состоянии прокормить армию и города, но оно оказалось наполовину парализованным откровенными грабежами со стороны всевозможных партийных и профсоюзных инстанций и «бесконтрольных». В Арагоне и Каталонии у крестьян отнимали все продукты и конфисковывали деньги. Деньги затем торжественно сжигали, празднуя «победу над капитализмом и эксплуатацией». Продовольствие же затем попадало на черный рынок.

«Рокфеллер, ты не сможешь купить чашки кофе, если приедешь к нам!» — ликовали анархисты Каспе в Арагоне. Позднейшие исследователи отмечали, что это было чистой правдой, — ник-

то не мог бы выпить кофе в дочиста ограбленном экстремистами Каспе. И таких поселений в республике были сотни и сотни.

Существовали вопиющие диспропорции в распределении продовольствия. Если жителям осажденного Мадрида приходилось питаться сухарями и консервами, а в Астурии, в окопах под Овьедо не хватало и этого, то в Валенсии, Малаге, Мурсии без затруднений можно было по завышенным ценам приобрести колбасу, кур, овощи, рыбу, даже крабов и омаров. В то же время села, ограбленные комитетами, жили впроголодь — даже хуже, чем при монархии. Крестьянство отвечало сокращением посевных площадей, уходом на территорию националистов и вооруженным сопротивлением. Часть полей в демократической Республике заросла сорняками.

Несмотря на исчезновение помещиков, истребление их управляющих и аграрную реформу, обстановка в деревне настолько накалилась, что министр сельского хозяйства Республики официально предупреждал правительство об опасности перехода крестьянства на сторону неприятеля и назревании гражданской войны в республиканском тылу.

«В Республике крестьяне могут пахать, сеять и гадать, кто их потом ограбит», — констатировала хорошо осведомленная английская «Таймс». Все это поразительно напоминало обстановку в Советской России начала 20-х годов — с развалом промышленности, засильем «заградительных отрядов» и бесчисленными крестьянскими волнениями.

Из-за полной неразберихи в тылу и на фронте Республика была вынуждена заказывать за границей не только оружие, боеприпасы и горючее (что еще можно было оправдать), но и обмундирование, армейскую обувь, автомобили, зерно, консервы, лекарства, удобрения и многое другое. Драматическим фоном внутренней ситуации служили фронты Республики, где одна винтовка приходилась на двух бойцов, и моря, где гибли испанские и советские корабли, зачастую доставлявшие республиканцам то, что последние сами были в состоянии производить.

Государственный аппарат Республики оставался полуразрушенным (его отсутствие частично компенсировал раздувшийся

аппарат партий Народного фронта), а военный аппарат работал «со скрипом», с подозрительной и чудовищной медлительностью.

Республиканский генеральный штаб влачил жалкое существование, оставаясь безвластным совещательным органом. Высший военный совет больше не собирался — Ларго находил его излишним. О военном и морском министерстве многие фронтовики угрюмо говорили, что неизвестно, какую из воюющих сторон они поддерживают. (По сравнению с этими инстанциями Хунта обороны Мадрида могла показаться собранием патриотов и военных талантов.) Общий план войны отсутствовал. Офицерские кадры Республики оставались малочисленными и (несмотря на массовые расстрелы, а возможно как раз благодаря им) засоренными вражескими агентами.

Первую армейскую мобилизацию Республика объявила только в феврале 1937 года — на полгода позже, чем националисты. Невероятно, но факт: в то время как новобранцы попадали на фронт безоружными, чиновники военного министерства много недель мариновали на складах то поступившие из СССР 1000 пулеметов, то партию дефицитнейших зениток — военный министр не мог решить, кому их отдать. Другие чиновники того же министерства отправляли призывников по домам, аргументируя это нехваткой оружия. Когда валенсийские рабочие по собственной инициативе изготовили сорок хороших бронеавтомобилей, военное министерство отказалось их принять и оплатить, ссылаясь на отсутствие заказа броневинов. Конечно, причиной этому были не только безразличие и халатность чиновничества — не обошлось без вредительства в министерстве и в генеральном штабе.

Правительство Ларго Кабальеро в полном соответствии с позицией премьера так и не создало единого централизованного командования. Газета Ларго «Кларидад» вещала: «Единое командование коренится в личности военного министра». Каждый из шести республиканских фронтов поэтому действовал сам по себе. Связи с фронтами, кроме Центрального, у военного министерства не было.

Переименованные в батальоны, полки и бригады дружинников по-прежнему напоминали цыганский табор, а не армию.

Вот сделанное очевидцем описание порядков в колонне. У всех членов — свободное перемещение вдоль фронта. Трижды в неделю общее собрание дружинников решает, на какой участок фронта отправиться. Обязательного подчинения меньшинства большинству при этом нет. Перед каждым походом вместо командира избирается «ответственный», а вместо комиссара — «доверенное лицо». «Ответственного» каждый раз выбирают заново, чтобы не было пропасти между бойцами и командирами и злоупотребления властью. Устройства оружия и техники почти никто не знает, разведки не ведет. Колонна штурмовала с потерями здание, в котором оказались свои («Мы думали, что этот сектор занят фашистами»). Дружинники неумело обращались с минометом, последовал взрыв — 12 погибших, десятки раненых.

За семь недель колонна так и не вступила в настоящий бой с противником. А между тем ее бойцы были готовы умереть за Республику.

При таком положении вещей длительный паралич сковал Арагонский, Андалузский и Гвадаррамский фронты. Вожди арагонских колонн в начале войны все неудачи объясняли отсутствием оружия и боеприпасов и клялись, что с двумя миллионами патронов возьмут Сарагосу. К весне они получили 13 миллионов патронов, 750 пулеметов, 50 гранатометов, 24 000 снарядов. Но охваченная с двух сторон Сарагосса, взятие которой, по признанию националистов, сильно повлияло бы на ход войны, осталась в руках войск Кабанельяса.

«Противник не смущается большим численным превосходством наших войск, командование которых не имеет авторитета и не может стать выше вечных комитетских дискуссий, продолжающихся даже в бою. Фронт организован хаотически, а его подчинение высшему командованию сугубо номинальное», — говорилось в материалах разведывательного отдела генштаба республиканской армии.

В результате возможное и назначенное на декабрь 1936 года общее наступление сил Республики так и не состоялось. Оно вылилось в разрозненные операции на отдельных направлениях четырех разных фронтов.

На Центральном фронте стратегически верное наступление 28 ноября малочисленных сил дружинников на узел врага — Талаверу было сорвано уже на следующий день атакой националистов северо-западнее столицы. Националисты стремились обойти Мадрид с севера и парализовать его водоснабжение. Этой цели они не добились, но Талаверу удержали. А едва республиканцы остановили Саликега, захватившего еще кусок окрестностей столицы, как тот ударил по западным окраинам Мадрида, в парке Эль Пардо, и надолго связал руки всем республиканским силам Центрального фронта. Отбить лежавшие у самой линии фронта Талаверу и Толедо республиканцам так и не удалось.

На Северном фронте получившие советское оружие баски под командованием генерала Льяно де ла Энкомиенды 28 ноября перешли в неожиданное наступление на Витторию. Имея почти 10-кратное численное превосходство, они впрямую угрожали оплоту националистов — монархической Наварре. Поскольку почти все наваррские рекете держали фронт в Кастилии, у Виттории баскам противостояло всего 600 националистов. По настоянию Мола Франко направил против наступающих весь «Легион Кондора», благодаря чему Виттория устояла. Зато бомбежки Мадрида надолго прекратились, и на Центральном фронте националисты утратили инициативу. Но Наварра по-прежнему оставалась в их руках. Бои затихли только к 15 декабря. Потери басков были гораздо значительнее.

26 декабря — 2 января республиканцы попытались привести в движение бездействовавший Арагонский фронт — безуспешно штурмовали Теруэль. Для этого они нерасчетливо сняли две бригады из-под Мадрида, оборона которого была, несомненно, важнее взятия Теруэля. Отражение небольшого по масштабам и длительности наступления стало серьезным моральным успехом националистов — Теруэль наряду с Сарагоссой, Кордовой и Овьедо считался теперь неприступной крепостью.

В Андалузии националисты под руководством Кейпо де Льяно сами развернули 15 декабря наступление в районе Кордовы, чтобы завладеть рудниками у Монторо. Город пал в первый же день операции, и отбить его республиканцам не удалось. Чтобы остановить войска Кейпо, к Монторо срочно пришлось перебро-

сить подкрепление — только что сформированную 13-ю интербригаду.

Сражение под Кордовой протекало крайне беспорядочно. Командование обеих сторон вскоре умудрилось потерять контроль над большинством частей. С 24 декабря на восточном фланге наступали республиканцы, старавшиеся вернуть Монторо, тогда как на западном продолжали рваться вперед националисты. В итоге к 2 января, когда силы сторон истощились, националисты удержали Кордову и Монторо, а их противники — большую часть рудников.

Националистическая Испания за месяц оправилась от шока, причиненного ей ноябрьским поражением под Мадридом. Вторая по счету мобилизация прошла с успехом. Армия националистов становилась все более многочисленной: она жадно впитывала в себя наваррских рекете, фалангистов, гражданскую гвардию. К весне 1937 года националистическая армия насчитывала около 300 000 человек вместо 120 000 в начале войны. При этом стремительно росла доля обученных резервов, чью подготовку облегчало наличие в войсках националистов большой прослойки унтер-офицеров, цементировавших армию. Серьезную помощь в обучении кадров националистам оказывали также германские военные советники.

Обучение новобранцев у националистов длилось три месяца — гораздо дольше, чем у республиканцев, которые ограничивались одной-двумя неделями. Республиканские учебные центры обучали и наступлению и обороне, но тому и другому скомканно и поверхностно, большей частью учили шагистике с палками вместо оружия. У националистов дело обстояло гораздо солиднее: большинство подразделений обучали только наступлению, остальные — исключительно обороне. Солдаты Франко тренировались с холостыми патронами, но, по крайней мере, с настоящим оружием. Кроме того, новичков приучали к мгновенному исполнению приказов.

Штаб каудильо дальновидно размещал резервы в Кастилии, где они прикрывали жизненные центры националистов — Бургос и Саламанку и откуда их при необходимости было нетрудно перебросить на любой фронт.

Росла зарубежная помощь — политическая, дипломатическая и военная. Уже 8 ноября Германия и Италия признали националистов законным правительством Испании. Вскоре в Саламанке открылись их посольства. Гитлер и Муссолини после препирательств с Франко по дипломатическим каналам согласились «пока» помогать ему в основном в кредит, с расчетом рассчитаться после войны. Меньшую часть вооружения они поставляли на коммерческих началах.

Декабрь 1936 года отмечен был высадкой в Кадиксе 40-тысячного итальянского «добровольческого» корпуса из четырех дивизий во главе с генералами Бергенцоли, Нуволони, Коппи и Росси. Командовал корпусом генерал Роатта, в прошлом глава итальянской военной разведки (в Испании он носил псевдоним «Манчини»).

Итальянский добровольческий корпус стал ответом фашизма на интернациональные бригады Республики. Правда, вопреки заверениям многих левых публицистов и историков, состоял он вовсе не из кадровых военных частей (они оставались в колониях), а из подразделений фашистской милиции, отличавшейся невысоким уровнем подготовки. Но, в отличие от интербригад, итальянские дивизии прибывали в Испанию с готовой армейской инфраструктурой — артиллерией, транспортом, бронетехникой и средствами связи.

Третий рейх прислал националистам бронетанковый корпус, укомплектованный машинами «Т-1» (первоначально их было 50—60 штук), и наладил обучение испанских танкистов. Командовал германскими танкистами в Испании полковник Вильгельм фон Тома — будущий герой Африканского корпуса Роммеля. Немецкие танкисты, однако, в отличие от пилотов люфтваффе не участвовали в боях, а только передавали опыт националистам.

«Легионом Кондора» руководил сперва генерал Рихтгофен, затем его сменил генерал Шперрле. Пехотных же соединений Гитлер в отличие от Муссолини в Испанию не направлял.

Благодаря внешней поддержке укреплялся националистический флот. С помощью немецких инженеров-кораблестроителей националисты в январе ввели в строй второй новейший крейсер — «Балеарес». Флаг на нем поднял командующий флотом адмирал

Виерна. У итальянцев националисты приобрели целый отряд кораблей — четыре эсминца («Мелилья», «Сеута», «Теруэль» и «Уэска»), минные заградители «Нептун» и «Юпитер», флотилию торпедных катеров (20 штук) и позже — две подводные лодки.

На Центральном фронте к новому году инициативу ненадолго перехватили республиканцы. Хунта обороны Мадрида 29 декабря повторила наступление южнее столицы, рассчитывая, как и 13 ноября, обойти и отсечь далеко выдвинутый вперед левый фланг противника. Операция протекала неплохо, дружинники отбросили заслоны националистов и через день вышли к опорному пункту войск Варелы — пригородному поселку Брунете, но вмешалось командование Центрального фронта. Генерал Посас приказал Хунте прервать операцию и наступать севернее столицы, на Гвадарраме, совсем с другой целью — снять угрозу столичному водоснабжению. Под нажимом Посаса резервы были сняты из-под Брунете и направлены на Гвадарраму.

Новогоднее наступление республиканцев на Гвадарраме северо-восточнее столицы имело локальный успех и привело к территориальному выигрышу. Опасность захвата неприятелем горных водохранилищ Лосойя-Буйтраго была предотвращена. 3 января генерал Варела немецкими танками (45 машин), авиацией и марокканской пехотой нанес Мадриду удар с тыла. Он воспользовался занятостью врага на Гвадарраме, прорвал оборону мадридцев с запада, у шоссе на Ла-Корунью и устремился вдоль автострады к столице, загигая свой левый фланг на север. Он угрожал вторгнуться в столицу и одновременно — отрезать Гвадаррамский фронт от Центрального.

«Удар на Гвадарраме ничего не дал. А ведь ради него было остановлено наступление на Брунете. Чья-то рука путает карты в республиканских штабах», — писал один из наблюдателей событий.

В продолжавшиеся десять дней бои вскоре втянулись все свободные силы противников. Из-за сквернейшей зимней погоды сражение было прозвано «туманным». Республиканские силы Барсело, Кампесино и Дурана, отвыкшие от боев в сельской местности, вступали в бой беспорядочно и вскоре утратили связь друг с другом. Один из республиканских батальонов в густом тумане пропал без вести.

«Туманное сражение», или сражение у Махадаонды, распалось на ряд местных схваток. Перевес оставался на стороне Варелы. Авангарды националистов продвинулись на 10—15 километров и дошли до первых столичных кварталов вдоль шоссе Мадрид — Ла-Корунья. Там их встретили республиканские резервы — две вызванные из Андалузии интербригады с двумя танковыми батальонами. Ситуация менялась на глазах.

10-тонные «Т-26» и недавно прибывшие пушечные советские бронемшины «БА-6» почти без потерь за два дня уничтожили более половины шедших к Мадриду первенцев нацистского танкостроения — пулеметные и тонкобронные 6-тонные «Т-1». Марокканцы в отсутствие броневой и воздушной поддержки не проявили ожидаемого натиска. Наступление Варелы захлебнулось.

Часть германских танков попала в руки республиканцев, причем несколько — в целом виде. «Туманное сражение» обнажило вопиющий недостаток «Т-1» — плохую обзорность и отсутствие рессор. Танковые экипажи не имели оптических приборов и страдали от жестокой тряски, это мешало стрелять и не позволяло ориентироваться на местности. Карты и даже компасы были бесполезны. Часть танкистов Варелы из-за этого оказалась в плену.

«Туманное сражение» обошлось каждой из сторон почти в 15 000 раненых и убитых. Полукольцо националистов вокруг столицы сжалось теснее, но полностью овладеть им националисты снова не сумели. Их преимуществу в военном планировании и качестве руководства войсками республиканцы противопоставили лучшее тяжелое вооружение — в данном случае бронетанковое — и патриотический подъем в войсках, вызванный спасением Мадрида.

Удача сопутствовала националистам в Андалузии, где они решили овладеть великолепным морским портом и промышленным центром — Малагой. Подобно Мадриду, Малага давно была охвачена с двух сторон территорией националистов. Националистические Кордова и Гренада нависали над ней с севера, а Севилья — с запада. Из-за нехватки дорог в горных хребтах Малага была почти отрезана от остальной Республики и не получала достаточного количества необходимых средств. Единственное шоссе

Малага — Картахена простреливалось националистами у Мотриля с господствующих высот.

Защищали Малагу 12 000 слепо веривших в победу и свои силы, но слабо обученных дружинников. Почти половина из них были безоружными — имелось всего несколько пулеметов и 16 орудий. Регулярных войск и интербригад в регионе не было совсем. В воздухе господствовали националисты, практически не встречавшие сопротивления.

Командовал защитниками Малаги старый полковник Вильяльба, недавно переведенный из Каталонии, не знакомый с местными условиями и потому не пользовавшийся доверием у дружинников и населения.

Штаб Кейпо де Льяно тщательно проработал план операции против Малаги. Заранее было налажено взаимодействие сухопутных, морских и воздушных сил. Неподалеку без спешки сосредоточились итальянские дивизии. Националисты перешли в наступление 17 января малыми силами с запада и с северо-востока. Они быстро заняли не охраняемые врагом горные проходы, окружили город и ввели неприятеля в заблуждение в направлении главного удара. Затем последовала предусмотренная планом пауза. Националисты подтягивали тылы.

Главные события разыгрались после 3 февраля. Кейпо и Ротта ввели в сражение итальянскую дивизию «Литторио» и флот. Со стороны моря открыла огонь националистическая эскадра из «Балеареса», «Канариаса», «Серверы» и двух эсминцев. Изредка ее заставляло отступить звено республиканских ВВС из шести бомбардировщиков. Кейпо со штабом находился на «Балеаресе», откуда было удобнее наблюдать за ходом событий и координировать действия на суше и на море.

Эскадра итальянского флота из семи крейсеров и шести эсминцев патрулировала в это время море между Малагой и Картахеной. Она не сделала ни одного артиллерийского выстрела и не выпустила торпед, но препятствовала республиканским кораблям прийти на выручку атакованной с трех сторон Малаге.

Появление сорока танкеток «Ансальдо» окончательно сломило сопротивление республиканцев, у которых было в наличии всего четыре старых броневых автомобиля. Дружинники, кроме од-

ной-двух колонн, 4—5 февраля ударились в бегство. Их командный состав во главе с Вильяльбой капитулировал ранее подчиненных. Немногие смельчаки гибли, задерживая неприятеля. Офицеры штаба Вильяльбы перешли на сторону националистов. Известие о предательстве командования не могло не усилить всеобщего замешательства.

8 февраля итальянцы и националисты вступили в покинутую противником Малагу и, не дав республиканцам опомниться, двинулись дальше — к Альмерии. Только на рубеже Гренада — Мотриль направленная из Кастилии 14-я интербригада Вальтера контратаками закрыла прорыв и восстановила фронт.

Сражение у Малаги было весомой победой националистов. Они ценой небольших потерь отвоевали у численно превосходящего врага еще одну часть плодородной Андалузии с большим, благоустроенным и стратегически важным портом. За 20 дней боев в неудобной для наступления предгорной и горной местности они продвинулись на добрых 160 километров — в среднем почти по 10 километров в сутки. Их разнородные силы грамотно взаимодействовали на суше, море и в воздухе.

Улучшились условия базирования и функционирования националистического флота. Он окончательно утвердился в Гибралтаре и занял доминирующую позицию в Средиземном море вплоть до самой Альмерии, что помогло националистам поддерживать связь по морю с Майоркой и усилить дальнюю морскую блокаду неприятельских берегов. Опасность взятия республиканцами Гренады теперь исключалась: город отныне можно было атаковать не с трех сторон, а только с одной. В более выгодном положении оказалась националистическая Кордова, укрепился весь Южный фронт националистов.

Поражение под Малагой вызвало бурную реакцию в Республике. По требованию общественности военный министр передал в руки военному трибуналу Вильяльбу и начальника генерального штаба Кабрера. На суде выяснилось, что полковник неоднократно и тщетно добивался присылки ему подкреплений, в чем ему постоянно отказывали военный министр и генштаб. Доверявший сотрудникам министерства Ларго был уверен, что войск в Андалузии достаточно. А Кабрера накануне сражения уверял, что

оставление Малаги неизбежно и даже полезно, «ибо оно позволит сократить протяженность фронта».

Суд, естественно, не посмел покарать «испанского Ленина», но Кабрера был снят с поста, а Вильяльбу приговорили к тюремному заключению. Обоим в дальнейшем было запрещено занимать командные военные посты.

Победа националистов на Юге совпала с новой битвой в центральной части Испании.

После ничейного «туманного сражения» Асенсио Торрадо по поручению Ларго руководил в Леванте обучением двадцати свежих, только что набранных бригад республиканской армии. По мысли «испанского Ленина», именно они (а не защитники Мадрида) должны были стать ядром регулярных войск, побеждающих Франко.

Военное министерство оставило наконец несбыточный проект наступления Республики на всех фронтах. Оно разработало в январе 1937 года план менее масштабной, но осуществимой решительной операции окружения и разгрома врага у стен столицы глубокими обходными маневрами на флангах. Мадридские части должны были отвлекающими действиями сковать неприятеля.

План, восходивший к ноябрьскому плану Горева — Рохо, имел под собой серьезные основания. Он был оправдан положением линии фронта, которое позволяло республиканцам обойти войска Варелы и обрушиться с севера и с юга на их фланги и в случае удачи даже тыл.

Авторы плана учитывали усталость националистических ударных войск, их обескровленность и обилие свежих сил у Республики, качественное превосходство советской военной техники. Руководить сражением должен был командующий Центральным фронтом генерал Посас. Его советником был «Купер» — комкор Г.И. Кулик, овеянный славой гражданской войны в России, «победитель при Царицыне».

Однако готовилась операция чрезвычайно медленно. Ее назначили на 27 января, затем перенесли на 1 февраля, затем — на 12 февраля. Мешали трудности на железных дорогах, медленное освоение новобранцами советского оружия, поразительная беззаботность. Очень многие были уверены, что после ноябрьских

боев у Мадрида Республика «обречена на победу» и нет необходимости торопиться. За январь план операции успели «проболтать». О нем знала вся Валенсия. За столиком ресторана доморощенные стратеги обсуждали его в деталях. Поэтому не было ничего удивительного в том, что о плане узнали и националисты.

Франко и Варела быстро перегруппировали резервы. Поскольку после Махадаонды внимание мадридского командования было приковано к северу и северо-западу, националисты решили атаковать юго-восточнее столицы, в долине реки Харамы, и отрезать Мадрид от остальной Испании.

Опередив неприятеля на шесть суток, националисты пятью мобильными бригадами 6 февраля перешли в наступление. В авангарде привычно шли марокканцы и Иностраннный легион. Участвовали также два небольших «добровольческих легиона» — португальский и ирландский. Пехоту и кавалерию поддерживали 6-дюймовые батареи. Впервые в сражении участвовали также новейшие германские 88-миллиметровые зенитки, едва закончившие полигонные испытания в рейхе.

Танков и броневиков у наступающих на сей раз не было. Соединения «Ансальдо» и «Т-1» после жестокого урона, понесенного в Мадриде и Махадаонде, находились на ремонте и отдыхе. Тем не менее слаженными действиями националисты сразу проделали бреши в растянутой неприятельской обороне и веерообразно устремились на восток и юго-восток. Они быстро овладели высотами — Ла-Мараньосой и Пингарроном и к 8 февраля взяли под обстрел автостраду Мадрид — Валенсия, намереваясь перекрыть ее.

Снабжение столицы было нарушено. Генштаб Республики, уверенно готовившийся наступать, несколько дней был в трансе. В Валенсии снова заговорили о невозможности удержать столицу.

Отступавший генерал Посас рассчитывал остановить неприятеля у мостов через Хараму. Харамы, как и Мансанарес, широка, но протекает в долине с крутыми и высокими берегами. Переправа через нее без мостов крайне затруднена, а каждый мост охраняла целая рота, вооруженная пулеметами. Однако марокканцы в ночь на 8 февраля тайно пробрались к мостам, пользуясь

небрежностью республиканцев в сторожевой службе. Бесшумно, одним холодным оружием арабы в темноте уничтожили охрану и завладели мостами. Националисты переправились на восточный берег реки. Не имея в тылу оборонительных рубежей, Центральный фронт все более подавался назад.

Перепуганный фронтовой штаб несколько раз просил помощи, в том числе у Хунты обороны Мадрида. Наконец 11 февраля Миаха прислал 11-ю дивизию Листера. Она на несколько дней стала стержнем республиканского сопротивления. Затем военное министерство двинуло подкрепления из Леванта, в том числе находившуюся на отдыхе бронетанковую бригаду Павлова. К Хараме стянули почти всю республиканскую авиацию — до 130 машин. Над долиной реки произошли грандиозные воздушные бои, шедшие в несколько ярусов.

С 14 февраля силы националистов начали иссякать. Встречные удары противника учащались и усиливались. Высоты переходили из рук в руки. Особенно сильный удар марокканцам Ягуэ нанес 15—16 февраля майор Модесто. Советская бронетанковая бригада заставила националистов понести тяжелые потери. Ее командир Павлов стал героем сражения.

Под сильным натиском неприятельской авиации, танков и пехоты марокканцы впервые за всю войну побежали. Генерал Варела оставил часть захваченной территории и с трудом удержал Пингаррон и небольшой плацдарм на восточном берегу Харамы.

К 27 февраля Харамское сражение затихло. Наступление Варелы оказалось не особенно плодотворным. За неделю упорных наступательных боев националистам удалось отбросить неприятеля на 10—14 километров к востоку. Темп операции составлял не более 2 километров в день. Окружить Мадрид так и не удалось. Между южным и северным авангардами националистов зияла пропасть почти в 70 километров. А единственная автострада, связывавшая столицу с остальной Республикой, теперь тоже не могла работать с полной нагрузкой, так как оказалась под артиллерийским огнем националистов.

Обеим сторонам битва на Хараме стоила очень дорого — почти по 20 000 человек ранеными и погибшими. У националистов сильно поредели марокканские части и Иностраннный легион,

лишившись половины бойцов. Харам предвещала гибель этим элитарным частям Франко. Ровно столько же потеряли республиканские интернациональные бригады. Их роль и значение в военных действиях в дальнейшем тоже значительно уменьшились. Потери ирландского и португальского легионов были еще внушительнее, и они вскоре были распущены. Немногие уцелевшие бойцы вернулись на родину.

Любопытным явлением Харамского сражения были новые тактические приемы наступающих, выработанные германскими военными советниками. Франко и Варела отказались от ведущей роли бронетехники при прорыве фронта. Вместо «Ансальдо» и «Т-1» в первых рядах пехоты и конницы наступали противотанковые и зенитные батареи. Их огнем националисты нанесли ощутимый урон танкам и ВВС врага, а также его пехоте. Впервые зенитная артиллерия была использована не против воздушных, а против наземных целей.

На Хараме националисты применили только что изобретенное противотанковое средство — бутылки с зажигательной смесью. В дальнейшем им суждено было войти в историю под названием «молотовского коктейля»... Ими ловко пользовались марокканцы, метавшие бутылки с деревьев в оливковых рощах. Поэтому вскоре республиканские танкисты взяли за правило, въезжая в рощу, сначала обстреливать из пулеметов кроны деревьев.

Харама принесла националистам только успех, а не настоящую победу. По мнению Муссолини и итальянского командования, такой итог после трехнедельной операции, сопровождавшейся большими потерями, объяснялся трусостью и бездарностью националистов. Дуче и генерал Роатта настояли после Харамы на самостоятельной операции итальянского корпуса против Мадрида. План новой операции итальянцы составляли наспех, в радостном возбуждении после взятия Малаги. Роатта с одобрения из Рима взялся овладеть испанской столицей с северо-востока — через Гвадаррамский хребет. Для этого он стянул к Сигуэнсе весь добровольческий корпус — четыре дивизии с громкими названиями «Литторио» («Отважная»), «Черные перья», «Черное пламя» и «Так хочет Бог». Дивизии считались моторизованными — они

имели 2000 грузовиков и тягачей «Фиат» и «Изогга-Фраскини», а также 400 мотоциклов.

В общей сложности корпус насчитывал около 40 000 человек, 250 орудий, 140 бронеединиц. С воздуха его поддерживало не менее 120 самолетов «легионарной авиации» и националистических ВВС. Задача корпуса состояла во фронтальном ударе через Сигуэнсу и Гвадалахару на Мадрид с овладением последним. Предстояло пройти до 80 километров со скоростью 20—30 километров в сутки. Столица должна была пасть не позднее 15 марта. Противодействие противника и возможное ухудшение погоды в расчет не принимались. Роатта в приказе корпусу оптимистически писал: *«Сегодня — в Гвадалахаре, завтра — в Алькала-де-Энарес, послезавтра — в Мадриде!»* Националистам план операции отводил сугубо вспомогательную роль. Им предписывалось провести отвлекающие атаки в Андалузии, на Хараме и у Сеговии и силами «пятой колонны» поднять восстание во временной республиканской столице — Валенсии.

В Риме были настолько уверены в победе и скором падении Мадрида, что Муссолини и Чиано решили возвести на вакантный испанский престол итальянского принца — родственника короля Виктора-Эммануила III герцога Аостского. Итальянский МИД вступил на этот счет в переговоры с Франко и испанскими монархистами.

В ходе операции солдатам добровольческого корпуса огласили телеграмму дуче:

«С борта крейсера «Пола», на котором я следую в Ливию, я шлю приветствия моим легионерам. Пусть знают легионеры, что я пристально слежу за их действиями, которые несомненно увенчаются победой».

Переброска корпуса по шоссе через всю Испанию — из Андалузии в Кастилию была выполнена организованно и в секрете от неприятеля.

Место удара было избрано удачно. Республиканская разведка работала неважно. Она не определила места назначения переброски итальянских дивизий и тем более не сумела раскрыть замысел их руководства. Внимание Хунты обороны Мадрида, командова-

ния Центрального фронта и военного министерства было все еще приковано к Хараме.

Гвадаррамский фронт Республики, на котором в июле 1936 года решалась судьба столицы, с тех пор стал спокойным и отошел на второй план. Лучшие отряды были с него сняты. К марту 1937 года на направлении главного удара Роатты оборону держала растянутая в одну линию на 80-километровом фронте 12-я дивизия из 10 000 бойцов, со скудными запасами, почти без артиллерии и с малым количеством пулеметов. Ее позиции были плохо укреплены, командиры и бойцы беззаботно полагали, что предгорья и горы — лучшее укрепление. В дивизии не было ни одной бронеединицы.

8 марта 1937 года итальянские дивизии начали авиационную, артиллерийскую и минометную подготовку. Связь 12-й дивизии со столицей они прервали сразу и надолго. Через час танки и мотопехота пошли в атаку, последовательно расправляясь с малочисленными очагами вражеского сопротивления. Еще через несколько часов у Сеговии двинулась в наступление дивизия генерала Москардо.

Из-за нарушения связи тревожные вести с линии фронта попали в Мадрид через несколько часов, а в Валенсию — только в конце дня. Сначала в обеих столицах считали, что к Мадриду подступает всего одна дивизия и опасность невелика. Лишь к 10 марта выяснилось, что наступающих дивизий не меньше четырех.

В военном министерстве и генштабе в очередной раз воцарилась растерянность. После побоища на Хараме подготовленных резервов не осталось, а по итогам поражения под Малагой нуждался в поддержке Андалузский фронт. Обсуждался вопрос: есть ли смысл отставать столицу, уже охваченную врагом с трех сторон?

В это время итальянцы усилили нажим. 12-я дивизия с заметными потерями отступала на юг. Но, в отличие от защитников Малаги, ее бойцы не обратились в бегство и сражались много лучше, чем ожидали итальянские военачальники.

За три дня «добровольческий корпус», имея четырехкратное количественное превосходство и двигаясь исключительно по шоссе, продвинулся на 30 километров, преодолев около половины рас-

стояния, отделявшего итальянцев от цели. Линия фронта образовала глубокий мешок, обращенный на юг.

У Хунты обороны Мадрида было гораздо меньше ресурсов, чем у фронтового командования в Таранконе или у военного министерства в Валенсии. Но в Мадриде по крайней мере реагировали быстрее и точнее. Исправляя собственные и чужие промахи, Горев, Рохо и Миаха спешно развернули свободные части на северо-восток.

К 12 марта пяти дивизиям Роатты и Москардо противостояли две республиканские дивизии — анархиста Сиприано Меры и коммуниста Энрике Листера плюс кавалерийский полк (всего около 20 000 человек), бронетанковая бригада из 54 танков и 16 броневых автомобилей. В бригаде было несколько только что построенных по советской лицензии средних танков «Т-28» с противоснарядным бронированием и с 75-миллиметровыми орудиями, намного превосходивших почти все зарубежные образцы. Воздушные силы (70—75 машин) были разношерстными — от новых советских «воздушных крейсеров» СБ до старых гражданских «Бреге» и «Потезов», изношенных и с трудом способных нести несколько мелких бомб или один пулемет.

Прибытие подкреплений и сквернейшая погода — ливни со снегопадом, потом туманы — помогли республиканцам к 15 марта окончательно остановить противника. Итальянская авиация прекратила налеты и отставалась на аэродромах, а артиллерия корпуса завязла в грязи. График наступательной операции был нарушен. Наступления националистов в Андалузии и на Хараме не последовало — по официальному объяснению националистов, ввиду необходимости восполнения понесенных ранее потерь. Москардо же действовал, по мнению итальянцев, слишком нерешительно. Роатта не понимал, что герой Алькасара никак не мог действовать по-другому — его недавно созданная и плохо вооруженная дивизия не была способна к победоносному наступлению по плохим предгорным дорогам.

Боеспособность «добровольческого корпуса», только недавно находившегося в солнечной Андалузии, за считанные дни боев в холодной Кастилии заметно снизилась (многие солдаты были облачены в легкое тропическое обмундирование). Появились по-

раженцы и дезертиры. Стремительно росло количество самострелов и самоубийств.

В тяжелых условиях против наступающих обернулось их же количественное превосходство: дивизии растянулись вдоль автостреды на 20 километров и откровенно мешали друг другу. Снабжение войск ухудшилось, итальянская пехота шла в атаку все более вяло. Победа ускользала из рук.

15 марта озабоченный Роатта ввел в бой последний резерв — ранее не применявшиеся в Европе огнемётные «Ансальдо». Однако их короткий успех через несколько часов был нейтрализован подоспевшими пушечными танками республиканцев. С наступлением темноты Роатта разрешил дивизионным командирам прекратить бесплодные атаки.

Трое суток в предгорьях между Гвадалахарой и Сигуэнсой шли позиционные бои. Инициатива и превосходство постепенно переходили к республиканцам, пехоту которых эффективно прикрывали танки и ВВС. Большую пользу принес батальон имени Гарибальди, в котором сражались итальянцы-антифашисты. Бойцы батальона взяли в плен нескольких офицеров корпуса, у которых были получены исчерпывающие сведения о составе дивизий Роатты и плане наступления.

18 марта республиканские силы перешли в ответное наступление. Вскоре после начала авиационной подготовки итальянская пехота дрогнула и, не дожидаясь приказа, стала покидать позиции. Введенные в брешь «Т-26» и «Т-28» превратили отход в бегство. К вечеру дивизия «Так хочет Бог» была полностью разбита, а фронт корпуса оказался прорванным. Деморализованные пехотинцы сдавались без сопротивления целыми группами. 19 марта Роатта, оценив размеры поражения, приказал всему корпусу как можно скорее отходить на север.

Отступление итальянцев проходило в возрастающей сумятице, под непрерывными ударами с воздуха. На автострате сразу образовались заторы, растерянное итальянское командование было бессильно бороться с ними. Пользуясь бездействием «легионарной авиации», которая не решалась взлетать с раскисших аэродромов Сории, республиканские ВВС совершали по 6—7 вылетов ежедневно.

Бомбардировщики, штурмовики и истребители образовали над Сарагосским шоссе смертоносный «воздушный конвейер». Он действовал несколько суток. Бомбежки с большой высоты чередовались со штурмовыми налетами с бреющего полета.

Республиканские летчики каждый раз рапортовали, что головные самолеты очередной эскадрильи итальянцы встречают ружейно-пулеметным огнем. Но огонь удавалось быстро подавить, и всякое сопротивление исчезало. Отбомбившиеся пилоты на обратном пути видели одно и то же — опрокинутые орудия и танки, пылающие грузовики, разбегавшуюся в разные стороны пехоту. Отступавшие бросали много исправной техники, водители покидали автомобили, оставляя ключи зажигания в замках.

19—20 марта поражение корпуса стало очевидным. Оторваться от противника итальянцам не удавалось. Роатте пришлось обратиться к Москардо и в штаб Франко с просьбой о непосредственной помощи. Итальянские офицеры ободряли подавленных солдат: *«Придут марокканцы, и все переменится»*. Рассуждения о превосходстве фашистского оружия над испанским прекратились.

В критический момент итальянские фашистские командиры обратились за помощью к тем, кого после Мадрида, Малаги и Харамы сами же презрительно объявили неспособными побеждать. Вскоре физически истощенных и нравственно потрясенных итальянцев стали сменять испанские части.

К 22 марта республиканцы вернули большую часть территории, занятой корпусом ранее. Республиканские танковые авангарды дважды доходили до Сигуэнсы. Были шансы продолжать преследование расстроенного итальянского корпуса, овладеть Сигуэнсой и, возможно, ворваться в Арагон. Но переутомленные пехотинцы и танкисты физически не могли продолжать операцию — не было свежих резервов, боеприпасов, автотранспорта. Высшие республиканские штабы не осознавали размеров собственного успеха и не видели перспектив его развития. И 22 марта немногочисленные испано-марокканские части Москардо, совсем не имевшие тяжелого вооружения, плотным огнем остановили продвижение республиканцев.

Самое известное сражение испанской войны завершилось выдающимся успехом республиканской армии.

Добровольческий корпус потерял почти 10 000 человек ранеными, убитыми и пропавшими без вести, оставил на поле сражения 500 пулеметов, почти треть артиллерии — до 80 орудий и минометов, около 50 бронеединиц, 12 самолетов, около 300 автомашин. Среди трофеев значилось свыше ста тонн бензина, разнообразная штабная документация, приказы по корпусу, знамя одного из полков. В общей сложности итальянцы оставили на поле боя около половины материальной части. Текст приветственной телеграммы Муссолини legionерам тоже стал добычей победителей.

Потери республиканцев оказались гораздо меньше — около 6000 человек и несколько пулеметов. Если ранее республиканцы брали в плен лишь отдельных вражеских солдат, то теперь им досталось сразу около 1000 военнопленных. (Судьба пленных осталась неизвестной, часть авторов полагает, что они вскоре были расстреляны, но доказательств тому не обнаружено.) Впервые республиканцы меньшими силами и ценой меньших потерь взяли верх в полевом сражении.

Правда, победа Республики была неполной. Не удалось уничтожить или пленить хотя бы одну из вражеских дивизий. Хотя итальянцы в беспорядке отступили, к 22 марта они все еще контролировали две трети района, занятого в начале операции. Следовательно, территориальный успех при Гвадалахаре был на стороне Роатты.

Зато нравственно-психологический успех всецело был у республиканцев. На республиканской территории — в Кастилии и Леванте после сражения несколько дней проходили празднества, тогда как на легионеров Роатты обрушились упреки, насмешки и издевательства.

Гвадалахара стала подлинным триумфом бронетанковых и воздушных сил Республики. Львиная доля потерь, нанесенных итальянцам, была причинена им танкистами и пилотами. Особенно велик был вклад ВВС республики. Хотя в Гвадалахарском сражении участвовало вдвое меньше республиканских самолетов,

чем на Хараме, именно они разгромили отступавшие вражеские дивизии, лишив их подобия дисциплины.

Битва стала позором итальянского фашизма. Тревожным фактом стали не только бездарность и неповоротливость генералитета и ощутимые потери корпуса, но и низкая боеспособность фашистов в сравнении с итальянскими же антифашистами. Гвадалахара стала провозвестницей скандальных поражений фашистской Италии на фронтах Второй мировой войны.

Вернувшийся из Ливии разгневанный дуче по вполне понятным причинам тут же сместил и отозвал Роатту и по менее понятным — послал в Саламанке. Военное министерство отозвало генералов Коппи, Нуволони и Росси. Все они больше никогда не возвращались в Испанию.

Переговоры о возведении на испанский престол герцога Аостского были прерваны, и Муссолини более к ним не возвращался. Официальные источники фашистской Италии объясняли «частичную неудачу» при Гвадалахаре плохой погодой и «огромным численным превосходством красных». Сообщалось, в частности, что в битве участвовало свыше 750 (!) республиканских самолетов.

Видные политики фашистской Италии позже вспоминали о днях Гвадалахары:

«Многие тогда начали дрожать... У некоторых из нас появились седые волосы».

Итальянскому командованию пришлось расформировать две особенно оскандалившиеся дивизии — «Так хочет бог» и «Черное пламя». Большую часть их состава отправили на родину, где солдат и офицеров ждали соответствующие санкции — понижение в звании, выговоры, увольнение из фашистской милиции.

Плодом сражения стал одновременный подъем патриотизма в обеих частях Испании — республиканской и националистической. Авторитет легионеров Муссолини катастрофически падал. Многие националисты, особенно Варела и «радиогенерал» Кейпо де Льяно, не скрывали своего удовольствия. Каудильо не потрудился выразить союзникам сожаления. Вместо этого обычно сдержанный Франко весьма откровенно сказал итальянскому послу: *«Красные хорошо борются за идею, хотя их идея — еретическая. Они знают, как нужно умирать».*

Часть полевых командиров националистической армии во главе с отличившимся в Эстремадуре и Кастилии полковником Монастиерио открыто, не боясь доносов, поднимала в дни Гвадалахары тосты «за испанский героизм, какого бы цвета он ни был».

Во многих городах и селениях националистической Испании после Гвадалахарского сражения появились настенные надписи: *«Испания — не Эфиопия»; «Испанцы, хоть и красные, храбры».*

Через много лет после гражданской войны ветераны-националисты с гордостью отзывались о Гвадалахарской битве: *«Там мы разбили войска Муссолини».*

В демократических кругах всех стран царило оживление. Гвадалахарские события ставили выше ноябрьского Мадридского сражения. В мировой печати итальянские легионеры, их генералитет и дуче стали объектом многочисленных карикатур. Сторонники Республики не уставали восторгаться победой, теряя чувство меры.

Обычно сдержанный Прието писал после Гвадалахары в «Аделанте»: *«Через несколько недель у нас будет фантастически огромная армия. Мы быстро выиграем войну».*

Даже такой скептик, как Хемингуэй, побывав на поле битвы, уверял окружающих, что сражение при Гвадалахаре бесспорно займет видное место во всемирной военной истории и его занесут на страницы учебников.

В массовом сознании всех антитоталитарных сил победа при Гвадалахаре неразрывно слилась с обороной Мадрида. Эти сражения советские историки называли поражением международной реакции и «провозвестниками побед у Москвы и Сталинграда, красного знамени над рейхстагом».

Листовки и брошюры приверженцев Республики голословно утверждали, что республиканская армия при Гвадалахаре доказала способность побеждать «регулярные дивизии итальянской армии». Подобные оценки тиражировались в ряде стран еще спустя 30—40 лет.

А между тем из трофейных документов «добровольческого корпуса» республиканцы быстро могли установить, что им при Гвадалахаре противостояла всего одна регулярная дивизия — «Литторио», ранее воевавшая в Эфиопии. (Кстати, как раз она до

конца операции оставалась боеспособной.) Три прочие состояли вовсе не из кадровых военных, а из членов итальянской фашистской милиции, т.е. из вооруженных членов фашистской партии, не имевших до Испании фронтового опыта. Военная их подготовка была поверхностной. Ни в Эфиопии, ни даже под Малагой подавляющая часть их солдат и офицеров ранее не сражалась. Низкие боевые качества таких дивизий и их беспорядочное отступление можно было считать закономерностью.

Пропаганда республиканцев и их сторонников старательно замалчивала и негативную роль испанских националистов в операции. Раздраженные высокомерием итальянского генералитета, Варела и Кейпо не использовали всех возможностей, чтобы выполнить идею плана о согласованном ударе по Республике с трех стратегических направлений.

Южная армия националистов перешла в намеченное наступление только на десятый день сражения, когда Роатта уже завяз под Гвадалахарой в тщетных попытках взломать неприятельскую оборону. А Варела оттянул новый цикл атак на Хараме до конца марта.

Кейпо де Льяно пошел в наступление ранее Варелы — 17 марта. Целью операции было содействие Роатте и захват ценных (ртутных) рудников у Пособланко и Альмадена. В распоряжении «радиогенерала» были не особенно большие силы — 16 000 солдат, 40 орудий и три десятка самолетов. Однако националисты были воодушевлены взятием Малаги. У республиканцев, только что разгромленных в этом сражении, сил было еще меньше — 12 000 человек, необученных и почти без техники. Резервы были полностью истощены. Андалузский фронт считался в это время слабейшим из всех республиканских фронтов. По опытности и выучке бойцов и командиров он уступал даже Северному фронту.

Фронтное руководство (генерал Монхе) было предупреждено разведкой о готовящемся вражеском наступлении, но для его отражения мер принять не могло. Дружинники отказывались рыть окопы и траншеи, к тому же не было лопат и колючей проволоки.

Националисты без труда прорвали крайне несовершенную и неплотную оборону неприятеля и двинулись на северо-запад. Несколько колонн противника они наголову разбили в первые же

дни сражения. Отбросив республиканцев на 30—40 километров, Кейпо выходил в тыл Альмадену с богатой добывающей промышленностью. У националистов благодаря этому появилась возможность отрезать от остальной республики не только Альмаден, но и всю восточную Эстремадуру.

Встрепенувшееся республиканское командование лихорадочно изыскивало резервы, перебросив из Кастилии две пехотные бригады (5000 человек), 40 бронемашин и танков, две авиаэскадрильи и затем рискнув снять две бригады с охраны Средиземноморского побережья. Из Эстремадуры были также подтянуты три бронепоезда.

24 марта республиканцы перешли в ответное наступление. Оно развивалось медленными темпами. И все же качественное превосходство Республики в тяжелом вооружении и количественное — в живой силе принесло внушительные плоды. На западном фланге войска националистов были разбиты.

Реалистически оценивая угрозу, Кейпо с 27 марта начал отступление на всем фронте. Но используя утомление республиканцев и равенство сил в воздухе, националисты успели вызвать подкрепление из Кордовы, выделить сильный арьергард и (в отличие от Гвадалахары) главными силами оторваться от преследования.

11 апреля Пособланкское сражение закончилось на тех же рубежах, где и началось. Потери сторон были почти одинаковыми. При Пособланко ранее удачливый Кейпо де Льяно — триумфатор Севильи и Малаги потерпел первое поражение. Андалузский фронт республики оказался на сей раз столь же прочным, что и Центральный. Впервые в полевой операции республиканцы одержали полную победу над марокканской конницей и пехотой. Если Харама была лебединой песней марокканских войск Франко, то Пособланко ознаменовало их закат.

После Пособланко и Гвадалахары военная обстановка на основном театре военных действий изменилась в пользу Республики. Националисты на целый год вынуждены были отказаться от активных действий на этой территории. Находившиеся в Испании итальянские войска более не предпринимали самостоятельных операций.

Гвадалахара, доказавшая, что на испанских фронтах сражаются целые иностранные дивизии, побудила Международный комитет невмешательства принять резолюции о запрещении выезда зарубежных добровольцев в Испанию. СССР игнорировал резолюцию, а Италия открыто нарушала ее положение.

Тогда в апреле 1937 года Комитет учредил всеобъемлющую систему морского контроля в омывающих Пиренейский полуостров водах. (СССР отказался в ней участвовать.) Контрольную службу в Бискайском заливе Комитет возложил на британский военный флот, в Средиземноморье — на французский, германский и итальянский. Всем судам, следовавшим в Испанию, было предписано брать на борт международных контролеров, которые проверяли наличие добровольцев и военной контрабанды на борту. Эти условия тоже выполняли далеко не все страны. Тогда Комитет учредил еще сухопутный контроль на пиренейской границе Испании.

Международный контроль за границами страны, охваченной внутренней борьбой, был принципиально новым явлением. К подобным мерам не прибегали во время предыдущих гражданских войн. Неожиданным было и согласие обеих воюющих сторон на такой контроль.

Политика невмешательства расширялась, обрастая все новыми межгосударственными соглашениями. Но они по-прежнему не предусматривали определенных санкций против нарушителей. Поэтому международный контроль на испанских границах, особенно морской, оставался мало действенным. Транспорты с офицерами, солдатами и военными грузами из Италии, Германии и Советского Союза международных контролеров не брали, плавали отдаленными маршрутами, меняли названия, ставили фальшивые трубы и мачты.

Вслед за сухопутным театром войны националисты потерпели поражение на море. В Бискайском заливе у Сантандера погиб несший блокадную службу линейный корабль «Эспанья». Он вместе с «Веласко» 29 апреля вознамерился захватить английские пароходы под коммерческим флагом, несмотря на появление английского эсминца и его требование оставить пароходы в покое.

Видя упорство националистов, английский командир угрожал применением силы.

Во время назревавшего международного конфликта корабли националистов подверглись налету республиканских бомбардировщиков. Как раз в эти минуты на «Эспанье» произошел взрыв порохового погреба. Через 15 минут линкор оказался под водой.

Подозревая присутствие подводных лодок, «Веласко» поднял из воды только офицеров линкора и покинул место происшествия. С 1914 года такой образ действий не вызывал осуждений. Британский эсминец помощи тонущим тоже не оказал — вероятно, руководствуясь пресловутыми принципами «невмешательства». В катастрофе погибло около 200 человек, прочих позже подобрали рыбаки. Флот адмирала Виерны лишился крупнейшего корабля. Соотношение сил на море изменилось в пользу Республики.

О причинах гибели «Эспаньи» существуют разноречивые сведения. Мадридское радио в официальной военной сводке сообщило о потоплении линкора республиканскими бомбардировщиками. Однако вес единственной (!) бомбы, поразившей корабль, авторы-республиканцы определяют в слишком большом диапазоне — от 50 до 300 килограммов. Подобные сенсационные и одновременно сбивчивые сведения вызывают у аналитиков законное недоверие. Во-первых, ни один другой линкор за всю историю не погиб после одного-единственного бомбового попадания. Во-вторых, республиканские ВВС никогда не имели бомб тяжелее 100-килограммовых. В-третьих, если бомба была 50-килограммовой, она не была способна уничтожить даже крейсера или эсминца.

Республиканскую версию катастрофы «Эспаньи» поэтому приходится полностью отбросить. С ней не был согласен и командующий ВВС Республики Сиснерос, писавший: «Республиканская авиация и без того имеет достаточно заслуг, чтобы не приписывать себе потопление этого линкора».

По версии националистов, «Эспанья» погиб, став жертвой несогласованности и халатности. Он подорвался на минном поле, установленном самими националистами. Командир корабля не имел точных данных о минах. Эта версия, думается, ближе всего к истине.

Из-за военных поражений ухудшилось положение в националистическом тылу. Возросло количество подпольных и партизанских групп, участились взрывы на железных дорогах и складах. Очагом партизанских действий стала Эстремадура. На военных предприятиях Кадикса и Толедо были выявлены вредители.

Стремясь к внутривластной консолидации и укреплению собственной власти, каудильо весной 1937 года принудительно объединил все политические группы и течения националистической Испании от правых республиканцев до монархистов в блок под эгидой Фаланги. Однако главой пополненной и реформированной Фаланги Франко провозгласил самого себя. Это понравилось огромному большинству кадровых военных, видевших в фалангистах всего лишь «испорченных тыловых барчуков», но вызвало негативную реакцию многих монархистов и, естественно, части фалангистов во главе с заместителем Примо де Риверы — 28-летним Мануэлем Эдильей.

На улицах наваррских и кастильских городов в середине апреля вспыхнули потасовки между сторонниками и противниками Франко, а фалангисты-оппозиционеры открыто призвали испанцев подчиняться только тем указам каудильо, которые санкционированы Эдильей.

Франко нанес ответный удар. Через десять дней политической неопределенности Эдилья и двадцать его ближайших приверженцев по распоряжению каудильо были 27 апреля взяты под арест и преданы суду, который приговорил их к смертной казни.

Когда молодой фалангист Дионисио Ридруэхо нашел возможность побывать у каудильо и заявить протест против арестов и смертных приговоров, Франко удивился: *«Арестовали Эдилью? Мне даже не доложили... Впрочем, против него, наверное, нашли что-нибудь криминальное»*. Трудно не вспомнить эпизоды из русской истории с сакраментальным изречением: «Против него у органов есть материал».

Впрочем, когда его брат — Николас Франко напомнил, что необязательно «творить мучеников», каудильо согласился на смягчение приговора. Казнь фалангистам заменили различными сроками заключения. Всех прочих фалангистов Франко подверг административному наказанию — запретил им под страхом смер-

ной казни находится в Саламанке, вынудив перебраться в Вальядолид.

С тех пор в рядах Испанской фаланги и среди монархистов еще много лет продолжалось глухое брожение, направленное против Франко и армейской верхушки. Периодически оно принимало форму протестов, иногда — характер заговоров. Многие втихомолку угрюмо повторяли: «*Франко умертвил Фалангу. Ее не воскресить*».

Фалангисты и монархисты оказались почти такими же союзниками военных кругов, как анархисты, баски, каталонцы и коммунисты — союзниками Республики.

Однако Франко был куда последовательнее и безжалостнее демократов Асаньи, Ларго и Хирала. Как и подобает военачальнику, он подавлял открыто оппозиционные действия на основании законов военного времени. Военные неудачи и борьба с внутренней оппозицией побудили Франко весной 1937 года надолго отказаться от намерений овладеть Мадридом, которым он упрямо следовал с момента прибытия из Марокко. Теперь штаб каудильо в согласии с германскими военными советниками перенес центр тяжести войны на Север, направив войска против Астурии, Бискайи и Сантандера.

Республиканский Север был территориально невелик — всего 25 000 квадратных километров с 2 миллионами жителей. Он тянулся в длину на добрых 300 километров, но в ширину — всего на 45—50. С первых дней войны Север был отрезан от остальной Республики 200-километровой полосой восставших провинций и поддерживал с нею связи только по воздуху и морю, поэтому постоянно испытывал сильнейшую нехватку продовольствия, одежды и обуви. Лишь частично ее удавалось смягчить покупкой продуктов и товаров во Франции и Англии и гуманитарными поставками под контролем Лиги Наций. Националистическая морская блокада существенно затрудняла снабжение фронта и тыла.

К тому же на небольшой территории — вдвое меньше Бельгии — действовали одновременно автономное правительство Бискайи, Совет Астурии и Леона и Сантандерский комитет. В Бискайе политическое большинство составляли баскские националисты, в Астурии — коммунисты и социалисты, в Сантандере —

буржуазные республиканцы. Их органы власти считали себя суверенными и то не хотели, то не могли координировать действий. В частности, правительство Агирре, несмотря на войну, предпочитало покупать уголь в Англии, а не в близлежащей Астурии. Астурийцы нуждались в бискайской руде, но баски по-прежнему вывозили ее в ту же Англию.

Армии и мобилизаций на Севере не было. Воевали колонны добровольцев-дружинников.

На первый взгляд самой легкой добычей на Северном фронте националистам должна была показаться плохо вооруженная и голодавшая Астурия, в теле которой к тому же сидела заноза в виде Овьедо. Но в Саламанке объективно оценивали стойкость и решимость астурийских горняков — вернейших приверженцев Республики. К тому же в пролетарско-крестьянской Астурии почти отсутствовала «пятая колонна».

В результате астурийцы в феврале — марте 1937 года вновь штурмовали Овьедо, отвлекая часть националистических резервов с Центрального фронта. Шахтерам удалось вторично замкнуть окружение города, боеприпасы продовольствия пришлось доставлять по воздуху. Атаки были прекращены только после окончания Харамского сражения. Это был редчайший пример необычной военной ситуации, когда не сильная сторона спасает слабую, а напротив — слабейший выручает сильнейшего.

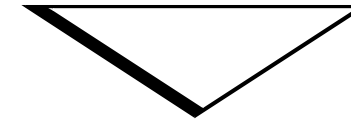
Националисты решили завоевывать северные провинции в направлении с востока на запад, начав с зажиточной и консервативной Бискайи с развитой тяжелой индустрией и удобными гаванями. Овладение Бискайей сразу сулило националистам значительный внешнеэкономический и внешнеполитический выигрыш. Буржуазия Бильбао была прочно связана с английским рынком и банкирами Сити, Англия ежегодно вывозила из Бискайи сотни тысяч тонн дешевой железной руды.

Во вторую очередь планировалось завоевание консервативного и во многом монархического Сантандера со смешанным испанско-баскским населением и активной «пятой колонной». Непокорная Астурия в шкале военных приоритетов значилась на третьем месте.

Подготовку к наступлению на Севере генерал Мола начал уже в январе. К 10 марта националисты отбили последние атаки астурийцев на Овьедо. К 15 марта на аэродромах Наварры и Старой Кастилии сосредоточились восстановивший силы после Харамского сражения «Легион Кондора» и до половины авиации националистов. Итальянская авиация подтянулась позже. В Бискайский залив были переведены почти все исправные корабли националистов, кроме «Балеареса» и подводных лодок. Националистический флот заново приступил к минированию подступов к Бильбао и Сантандеру.

На рассвете 31 марта 1937 года рев десятков артиллерийских батарей потряс землю в секторах Алавы и Гипускоа. Пробил решающий час для Бискайи и всего Северного фронта.

ГЛАВА 4

БИТВА ЗА СЕВЕР

Перед началом наступления Мола опубликовал прокламацию-ультиматум. Документ несколько раз передавали по радио и сбрасывали на республиканскую территорию в виде листовок. Он гласил:

«Я намерен быстро закончить войну на Севере. Все лица, сложившие оружие и не виновные в убийствах, сохранят жизнь и собственность. Но если покорность не будет немедленной, я сравняю Бискайю с землей, начиная с военных объектов».

Франко и Мола направили против басков до 50 000 штыков, 200 орудий, 60 бронеединиц, не менее 150 самолетов. В резерве оставались две итальянские дивизии. На море националисты имели два крейсера, четыре эсминца, минный заградитель, около десятка мелких сторожевых судов. Баски противопоставили неприятелю на суше 30 000 человек, около 60 мелкокалиберных пушек, 80 минометов, 12 бронеединиц и 25 самолетов. На море имелось два эсминца, три подводные лодки и несколько вооруженных рыбачьих судов.

Со стороны националистов на поле боя распоряжался заместитель Мола генерал Солчага. Среди фронтового командования выделялись способные полковники, только что произведенные в генералы — Алонсо Вега и Гарсиа Валино. Отдельно действовавшим «Легионом Кондора» командовал генерал Гуго Шперрле.

Северным фронтом республиканцев номинально руководил генерал-республиканец Франсиско Льяно де ла Энкомиенда. Начальником его штаба был коммунист майор Франсиско Сиутат, генеральным комиссаром фронта — герой астурийского восстания 1934 года социалист Гонсалес Пенья.

Генеральным инспектором фронта стал в апреле присланный из Валенсии бывший начальник генштаба беспартийный генерал Кабрера. После Малаги и Харамы его подозревали в предательстве, и его прибытие никак не поправило дел республиканцев. Герой Мадридской битвы Эмиль Клебер не без основания говорил: *«Кабреру отправили на север помогать сдавать врагу Бискайю»*.

Фактически вооруженными силами Бискайи командовал штатский человек — президент Агирре. Бывший предприниматель, владелец шоколадных фабрик, Агирре никогда ранее не интересовался военным делом и, естественно, не мог быть компетентным. Он имел также связи с международным капиталом и потому был вдобавок ненадежен.

После декабрьской операции против Наварры баски не вели (и не могли вести) наступательных операций. Всю зиму они с помощью французских инженеров возводили вокруг Бильбао систему долговременных укреплений — «Синтурон», или Железный пояс. Он должен был сделать баскскую столицу неприступной. Испанская и западная печать окрестила его «маленькой линией Мажино».

Но по многим причинам — недостаток рабочей силы, оборудования, вредительства «пятой колонны» военная ценность «Синтурона» была сомнительной и многими оспаривалась уже при его возведении. Игнорируя существование дальнобойной артиллерии, систему построили слишком близко к Бильбао. Часть ее укреплений неграмотно, без маскировки разместили прямо на гребнях Кантабрийских гор. Западную часть системы, обращенную к Сантандеру, укрепили лучше, чем восточную, откуда как раз грозил основной удар неприятеля.

В довершение всего после окончания работ, в марте, один из руководителей строительства — майор Гойкоэча перебежал к националистам со всеми схемами «Синтурона» и объяснениями к ним. К апрелю упорно трудившиеся баски под воздушными налетами врага успели перестроить лишь некоторые укрепленные узлы. Так или иначе сооружение Железного пояса сделало басков самонадеянными. Их руководство не вело разведки и не зна-

ло замыслов врага. Наступление Мола застало Северный фронт врасплох.

Первый же день сражения ознаменовался разрушением старинного поселка Дуранго, отличавшегося изобилием церквей и монастырей. Он находился на перекрестке дорог и его сочли военным объектом и атаковали «тримоторес». Погибло 228 мирных жителей, в том числе два католических священника и 13 монахинь. *«Дуранго, — пишет Хью Томас, — выпала участь стать первым беззащитным европейским городом, подвергшимся безжалостной воздушной бомбардировке»*. Действительно, его бомбили дольше и сильнее, чем Ирун, Толедо или Бадахос.

Судьба Дуранго стала предзнаменованием дальнейшего образа действий националистов на Северном фронте. Военные наблюдатели писали: *«Война вокруг Бильбао не похожа на борьбу вокруг Мадрида. Она вообще ни на что не похожа»*.

Наступление на Бильбао — это сокрушительный, безнаказанный террор массированной авиации. Если все это изобразить на картине, то под ней нужно сделать надпись: «Горе стране, которая не может обороняться в воздухе».

Воздушный террор стал характерной чертой испанской войны, отличавшей ее от всех предшествующих гражданских войн — американской, русской и даже от Первой мировой войны. На Северном фронте Испании националисты захватили и без труда удерживали господство в воздухе. Их авиация налетала звеньями, эскадрильями, эскадрами. По заранее составленному графику они сменяли друг друга над одним и тем же отрезком фронта, забрасывая его бомбами и полосуя пулеметными очередями до превращения всего, что было внизу, в груды обломков или в море огня. Впервые в человеческой истории самолеты ВВС охотились за отдельными людьми.

Первые удары Солчага и Гарсиа Валино направили на лежавший у самого фронта городок Очандиано в долине реки Девы. В авангарде националистов наступала дивизия «Наварра» из четырех бригад. Ее основу составляли добровольцы рекете, ненавидевшие басков еще больше, чем Республику в целом. Добровольцы баски, в свою очередь, терпеть не могли наваррцев.

Превратившийся в развалины Очандиано пал на шестой день сражения. Льяно де ла Энкомиенда и Агирре отозвали десять баскских батальонов из Астурии, где они готовили вместе с шахтерами очередную операцию против Овьедо. Затем баски нанесли встречные удары и заняли часть оставленной было территории.

Весь апрель наступавшие не могли продвинуться дальше берегов реки Девы. Баски сражались решительно и хладнокровно. К тому же у них было вволю стрелкового оружия, гранат и снарядов. Ежедневно националистам удавалось продвинуться в среднем на 600—700 метров. Это весьма напоминало многомесячные кровавые позиционные бои Первой мировой войны с их бесплодным топтанием противников на месте.

В середине апреля националисты сделали передышку. Причиной послужили ощутимые потери в наваррских бригадах и помощь, которую республиканское руководство пыталось оказать Северу.

Окрыленные победами у Гвадалахары и Пособланко, преувеличивавшие влияние этих побед на боеспособность националистов, военное министерство и генштаб выдвинули идею большого наступления в охваченной партизанским движением Эстремадуре. Ударная группировка должна была выйти к португальской границе и расколоть вражескую территорию надвое.

Но в Эстремадуре был самый минимум дружинников — всего 15 000 человек. Между тем расчеты операторов показывали: для операции необходимо выделить до 80 000 бойцов. Тогда пришлось бы снять много войск с Центрального фронта (около 100 000 бойцов), частично обнажив Мадрид.

Противниками замысла оказались генерал Миаха, Рохо и поддержавшие их военные советники из СССР во главе со сменившим Берзина Куликом. Они не собирались жертвовать недостаточно укрепленной столицей ради выручки Бильбао, который, по их мнению, был защищен «Синтуруном» и должен был продержаться очень долго.

По позднему выражению историков, «Эстремадура стала заложницей Мадрида — центра мировой революции». Миаха и Рохо отказались дать Эстремадурскому фронту свободные войска, а Кулик — самолеты и летчиков, без которых операция, ко-

нечно, состояться не могла. Ценности Бискайи — ключа ко всему Северному фронту — они не хотели признавать.

Со стороны кастильцев Миахи и Рохо, возможно, проявились и застарелая неприязнь к баскам, и пренебрежительное отношение к эстремадурцам.

В начале апреля 1937 года Ларго Кабальеро утвердил другой план действий в целях выручки Северного фронта. План включал среднemasштабные наступления сразу на трех направлениях — под Уэской (с 4 апреля), в Университетском городке на Центральном фронте (с 9 апреля) и у Теруэля с 26 апреля.

Последовательные удары на далеко отстоявших друг от друга направлениях призваны были ввести националистов в заблуждение о намерениях противника, заставить их разбросать силы и средства и в конечном счете отказаться от захвата Бискайи.

В бой было двинуто в общей сложности немало сил — 60 000 штыков и сабель, около 200 орудий и почти вся наличная авиация основной части Республики — до 140 машин. Операция под Уэской продолжалась 10 дней, в Университетском городке — 4, под Теруэлем — 7.

Всего республиканские силы наступали 21 день апреля (из 30), что опровергает легенду об их длительном почивании на лаврах Гвадалахары. Лозунгом наступления стало вместо знаменитого ноябрьского «Но пасаран!» (Они не пройдут!) уверенное «Пасаремос!» (Мы пройдем!).

Однако наступать оказалось гораздо труднее, чем защищаться. Места всех трех операций были избраны крайне неудачно — в горных местностях Арагона или среди разрушенных университетских зданий. Наступления развернули без основательной разведки. Как и прежде, республиканские колонны наступали вразнобой, без взаимодействия различных войск, прямо на хорошо снабженного и тщательно укрепившегося противника.

Между налетами республиканской авиации и атаками наземных сил обычно проходило по несколько часов, что позволяло националистам прийти в себя и подготовиться к отпору. Артиллерия была не прицельно, а обычно «по квадратам», т.е. наугад, и впустую тратила дефицитные снаряды. Человеческие потери Республики в трех операциях оказались в несколько раз больше вражеских — свыше 5000 раненых и убитых.

Апрельские наступательные операции в Кастилии и Арагоне задержали наступление Мола и Солчаги в Бискайе на восемь дней (12—20 апреля). В остальном же они обернулись крахом военного планирования и тактики республиканской армии. Не войска Франко, а силы Республики безрассудно расплылись на больших пространствах и расходовались с очень низким коэффициентом полезного действия. Резервы не националистов, а республиканцев оказались скованными и растраченными.

Особенно болезненной была неудача республики в Каса-дель-Кампо и в Университетском городке, где войсками командовали герои Мадридской и Гвадалахарской битв — Листер и Кампесино. Их участие казалось залогом успеха. Пехота пошла в атаку с эмоциональным подъемом, но танки и ВВС умудрились опоздать и отстать от нее. Часть пехоты, несмотря на это, глубоко вклинилась в расположение националистов, но была окружена и вынуждена была прорываться из кольца ценой жестоких потерь.

Авиация вместо указанных ей объектов по ошибке разбомбила совсем другие. Пехота, а за ней бронетанковые части попали в парке Каса-дель-Кампо на минное поле, о котором Хунта обороны Мадрида не имела сведений. Взрыв националистами минного поля нанес наступающим дополнительный урон.

Наступление провалилось. После него республиканцы не решились наступать в Мадриде около двух лет.

Националисты меньшими силами в очередной раз удержали западные предместья Мадрида, добившись морально-политического успеха. Столица Испании осталась в их осаде. Между тем у националистов в данном сражении совсем не было бронетанковых сил и авиации.

Ларго Кабальеро воспользовался провалом наступления, чтобы свести счеты с Хунтой обороны Мадрида. 24 апреля он распустил ее.

Плохо продуманные и непродуктивные наступления остались малозамеченными и очень скоро были забыты. Их вскоре заслонили известия о более масштабных событиях...

В ходе возобновившегося натиска националистов на Севере 26 апреля был разрушен ранее никому не известный городок Герника. Как и в Дуранго, в расположенной в 30 километрах от Биль-

бао Гернике не было войск и укреплений, но городок считался важной коммуникативной точкой. Кроме того, в нем работала ярмарка, и с воздуха было видно скопление народа, которое можно было с большой высоты принять за войсковую группировку. За один день Гернику бомбили несколько раз. К «Легиону Кондора» присоединилась итальянская «легионарная авиация». Всего в разрушении незащищенного городка участвовало свыше 40 бомбардировщиков — от «тримоторес» до новых «Хейнкелей-111». Невзирая на полное отсутствие противодействия, их прикрывало 20 истребителей — главным образом «Хейнкели-51» и «Фиаты-32». Среди истребителей были и только осваивавшиеся летчиками новые цельнометаллические монопланы «Мессершмитт-109».

Количество раненых и убитых жителей городка и его округа превысило 2500 человек. Среди погибших и пострадавших снова было много детей и священнослужители католической церкви.

Близ Герники в день ее гибели находилось несколько западноевропейских журналистов. Они тут же побывали на месте происшествия, расспрашивали уцелевших жителей и нашли осколки бомб германского производства. Их репортажи немедленно опубликовали крупнейшие информационные агентства разных стран. Среди очевидцев был мэр Герники. Группа баскских священников, многие из которых тоже побывали под бомбами, написала в Ватикан письмо протеста.

Бомбежка вызвала сильнейший отклик во всем международном сообществе. Маленький городок в мгновение ока стал всемирно известным. Каталонец Пабло Пикассо вскоре написал картину «Герника», изобразив в аллегорической форме ужасы военных разрушений. Франко художник изобразил в виде мифического чудовища — Минотавра. «Герника» стала одной из известнейших в истории мировой культуры картин и действенным оружием антивоенной и антитоталитарной пропаганды.

В Саламанке и Бургосе чувствовалось замешательство. Информационная служба каудильо 27 апреля опубликовала бессвязное сообщение, гласившее, что Гернику «разрушили и сожгли отряды Агирре, чтобы свалить вину на националистов». Они якобы закладывали «динамитные заряды». Однако Герника была древней баскской столицей, в ней находился священный дуб, под ко-

торым древние баски некогда заседали и вершили суд. Ни один баск не выполнил бы приказа о разрушении города, если бы Агирре отдал его.

Днем позже националисты официально объявили, что 27 апреля их самолеты не поднимались с аэродромов и, следовательно, физически не могли бомбить городок. Однако Герника погибла 26-го числа. 4 мая дикторы Саламанки добавили: в Гернике «видны следы пожаров после недели артобстрелов и бомбежек». Город бомбили три с половиной часа. Но кто его бомбил — умалчивалось.

Через несколько месяцев информационные службы Франко сделали открытие — бомбили республиканские ВВС. Однако тогда же неназванный штабной офицер националистов поведал английским репортерам, рассказывая об участии жителей Герники: «Мы бомбили их, бомбили и бомбили!» Однако осталось не уточненным, кого же он подразумевал под словом «мы» — германо-итальянских союзников или же именно испанских националистов.

Современные зарубежные историки в большинстве склоняются к выводу, что официальные заверения Франко о непричастности националистов к бомбардировке не были ложью. Из всех публикаций видно, что авиация, подчиненная генералу Кинделану, не участвовала в налете на Гернику.

Прямую ответственность несло командование «Легиона Кондора» во главе с Вольфрамом фон Рихтгофеном и его начальство в рейхе — штаб рейхсмаршала Геринга. Подчиненный только Берлину Рихтгофен, по всей вероятности, не потрудился известить Франко или Молу о намерении уничтожить Гернику. Он поставил их перед свершившимся фактом.

Каудильо же не хватило духу сообщить всему миру, что немецкие и итальянские летчики ему больше не подчиняются. Подобное заявление могло бы стоить ему уважения многих националистов и военной поддержки Гитлера и Муссолини.

Некоторые сражавшиеся в Испании германские пилоты, особенно будущий ас Второй мировой войны Альфред Галланд, выдвинули еще одну версию трагедии. По их словам, Гернику немцы разрушили без приказа, по ошибке из-за плохих бомбовых при-

целов. Однако эта версия тоже повисает в воздухе. Ведь «ошибка» продолжалась несколько часов...

В политическом плане разрушение Герники стало проигрышем испанских националистов и германских нацистов. Оно принесло им ненужные осложнения. Оно окупилось только в узко военном отношении. На другой день после зверского налета наваррские бригады заняли развалины Дуранго и Герники. Подавленные разгромом баскские части без боя оставили выгодные естественные рубежи вокруг городка. Националисты форсировали устье реки Герники и захватили порт Бермео.

Отход республиканцев к Железному поясу ускорялся. Оборона Бискайи дала трещину.

Из Бильбао с мая 1937 года стали уходить пароходы с беженцами. В первую очередь вывозили детей — дошкольников и младших школьников. Часть приняли Франция и Англия (до 4000 человек), часть (5000 детей) — СССР. Соединенные Штаты, демонстрируя преувеличенное уважение к принципам «невмешательства», отказались принять хотя бы одного ребенка, дабы не быть обвиненными в нарушении нейтралитета.

С другой стороны, уничтожение священного города и части гражданского населения временно сплотило басков и повысило их стойкость. Несмотря на введение 27 апреля в сражение итальянских дивизий с новым командующим — отличившимся в Эфиопии генералом Этторе Бастико, несмотря на господство националистов в воздухе, май 1937 года стал лебединой песней сопротивления Бискайи. Войска Солчаги и Бастико двигались вперед еще медленнее, чем в апреле. На помощь Бискайе прибыли подкрепления из Астурии — около десяти пехотных батальонов. В них состояло до 7000 превосходных бойцов-динамитчиков. При всей неприязни религиозных басков к безбожникам-шахтерам, при всех политических колебаниях баскской элиты правительство Агирре не возражало против прибытия астурийцев.

Кое-какую помощь удалось получить из центра. В мае — июне с Мадридского фронта удалось перебросить две истребительные эскадрильи. Оттуда же прибыло несколько военных руководителей с незапятнанной репутацией, отличившихся при обороне столицы и в дни Гвадалахары — полевые командиры Галан, Кри-

тобаль и Нинетти, «Горис» — советский военный советник Горев.

Впрочем, одновременно военное министерство отозвало из Бильбао кастильца и республиканца Льяно де ла Энкомиенду, у которого не сложились отношения с Агирре. Его заменили баском — генералом Гамиром Улибарри, этническое происхождение которого было вполне уместно, но честность и талант которого в отличие от предшественника были под сомнением.

Пока что баскская пехота научилась рыть убежища и укрываться в них. Территорию, уступленную врагу днем, она отбивала в ночных сражениях. Несколько итальянских батальонов у Бермео было окружено басками и с трудом, только через несколько дней, при помощи наваррцев пробило кольцо окружения. Военные летописи Мануэля Аснара пестрят выражениями: *«Очень упорное противодействие противника... большие трудности... Гарсиа Валино отходит ночью на исходные позиции...»*

Теперь все силы Мола и Солчаги были вовлечены в напряженное сражение. У Республики появился хороший шанс атаковать неприятеля на основных фронтах. Однако весна 1937 года сопровождалась по обе стороны фронта нарастанием внутривнутриполитических страстей. Франко справился при помощи военных трибуналов с их выбросом в считанные дни. В Республике борьба затянулась. Республиканцам суждено было пройти через длительный майский политический кризис, который был вызван прежде всего обострением соперничества между анархистами, коммунистами и социалистами. Заметную роль в нем сыграло и вмешательство СССР в ситуацию в Испании.

Ларго и его приверженцы безусловно ценили советскую военную помощь. Премьер-министр разрешал советским гражданам называть себя «товарищем» и принимал советского посла в любое время. Но вместе с тем кабальеристы считали, что полностью расплатились за помощь золотым запасом и испано-советские отношения должны быть равноправными. Тем временем часть военных советников (Кулик), советский посол в Валенсии Розенберг и руководство интербригад (Марти, ди Витторио) порой вели себя в Республике как в колонии или в государстве-сателлите. Они навязывали военному министерству планы операций, добивались

смены неугодных руководителей. Затем по указанию из Москвы они стали открыто требовать запретить «марксистско-ленинскую партию» (ПОУМ), которую в Кремле считали троцкистской организацией.

Постоянные интриги компартии и СССР против маловлиятельного, не опасного Советскому Союзу ПОУМа возмущали Ларго. Ведь ПОУМ был одной из партий, подписавших пакт Народного фронта...

По Республике ходили слухи, доходившие и до премьер-министра, что советские официальные лица, имеющие статус «дипломатических работников» (Орлов-Фельдбин), причастны к тайным арестам и умерщвлению граждан, отрицательно относящихся к компартии и к СССР.

Тревожило и пугало Ларго распространение советско-коммунистического влияния на предприятиях, среди республиканских фронтовых офицеров и даже среди министров. Под этим влиянием оказался ранее верный спутник Ларго, министр иностранных дел Альварес дель Вайо, ставший любимцем советских журналистов и дипломатов, а также испанских коммунистов. В 1937 году Вайо даже стал гостем одного из пленумов ЦК испанской компартии.

Настораживало гордого и строптивого Ларго постоянное повторение коммунистической печатью короткой телеграммы Сталина главе компартии Хосе Диасу, в которой черным по белому значилось: *«Дело Испании — не частное дело испанцев, а всего передового и прогрессивного человечества»*. К «передовому прогрессивному человечеству» советское правительство с 1936 года причисляло себя...

Вряд ли понравилось премьер-министру и его сторонникам и тайное послание Сталина, Молотова и Ворошилова, в котором последние в подозрительно вежливой манере советовали Республике... проводить умеренную внутреннюю политику, не отталкивать крестьянство и городскую мелкую буржуазию.

Послание только ухудшило атмосферу отношений между республиканским правительством и СССР. Во-первых, кастильский простолоудин Ларго не терпел непрошенных советов. Во-вторых, советы из Москвы в корне расходились с линией кабальеристов,

стремившихся к «полной победе социализма» и к диктатуре пролетариата, т.е. к избавлению страны от мелкой буржуазии. *«Почему мелкие буржуа существуют в нашем тылу? Ведь мы боремся против капитализма»*, — писала отражающая взгляды Ларго газета «Аделанте». В-третьих, было подозрительно, что правительство, которое у себя в стране осуществило знаменитый «великий перелом» начала 30-х годов и устранило (часто физически) самостоятельное крестьянство и городских собственников, теперь призывает к терпимости и умеренности, к сохранению многоукладной экономики и т.д.

Второе — и последнее послание Сталина «испанскому Ленину» было в сущности еще нелепее. Оно содержало призыв поскорее объединить социалистическую и коммунистическую партии. Чтобы подсластить пилюлю, Сталин заверял Ларго, что является сторонником его дальнейшего пребывания у власти — пусть Ларго возглавит единую пролетарскую партию!

Советские официальные лица — от Сталина до Орлова-Фельдбина, от Берзина и Кулика до экономического советника посольства Шашевского были осведомлены о гордости Ларго и многих испанцев, но упрямо не хотели принимать ее в расчет. Происходило это вероятно потому, что советские официальные лица давно уже жили в стране, где почти не осталось гордых и самодостаточных граждан, где разрушены были понятия о национальной самобытности и государственном суверенитете, вытесненные «пролетарским интернационализмом», где «гибкость», переходившая в угодничество, успела стать прочным жизненным правилом подавляющего большинства.

В Испании коса нашла на камень. (Как мы увидим позже, нечто подобное произошло с самонадеянными фюрером и дуче, слишком рано возомнившими себя хозяевами другой Испании — националистической.)

В Кремле преувеличивали властолюбие Ларго, о котором так много писали советские дипломаты в секретных донесениях. Полагали, что если пригрозить «испанскому Ленину» смещением, то он, конечно, не захочет расставаться с благами власти и ради их сохранения уступит во всем. Рассуждавшие так судили об окружающих по себе...

Многие работники и посетители военного министерства запомнили надолго драматическую сцену между Ларго и советским послом, разыгравшуюся весной 1937 года. Посол потребовал увольнения генерала Асенцио Торрадо — яркого антикоммуниста, тогдашнего правительственного военного консультанта, негативно относившегося к советским офицерам и к СССР в целом. В разговоре принимал участие и Альварес дель Вайо. После двухчасового жаркого спора дверь кабинета, в котором происходила аудиенция, растворилась, и в приемной услышали громкий голос обычно невозмутимого главы правительства:

«Вон отсюда, вон! Вы должны усвоить, сеньор посол, что испанцы бедны и нуждаются в помощи, но мы не позволим, чтобы иностранный посол навязывал волю главе испанского правительства. А вам, Вайо, надлежит не соглашаться с давлением иностранца на вашего премьер-министра, а заручить себе на носу, что вы — испанец и министр Республики».

Позже в кулуарах премьер жаловался президенту Республики: *«Один из министров предал меня. А ведь он — социалист. Он — министр иностранных дел».*

Подобные сцены несколько раз происходили на заседаниях кабинета между Ларго и министрами-коммунистами. В ответ СССР и компартия усиленно обхаживали республиканскую партию Асаньи и Хираля и правого социалиста Прието. Они добились того, что президент Республики и его партия поддерживали ровные отношения с советским посольством. То же делали такие приетисты как министр финансов Негрина. А сам завзятый реформист Прието, которого «Правда» некогда ругала за «соглашательство и сотрудничество с буржуазией», на официальном приеме в Валенсии весной 1937 года сделал заявление во вполне коммунистическом духе: *«Если победа будет нашей... глубокая связь будет соединять нас с коммунистическими странами. Россия и Испания — клещи, которые с двух противоположных концов Европы будут сжимать капиталистические страны!»*

В конце марта Кремль через руководство Коминтерна потребовал у испанской компартии смены премьер-министра. Добиться согласия ЦК компартии оказалось труднее, чем думали в Москве. Немалая часть коммунистических руководителей, находясь

на содержании Москвы, тем не менее была против прямого вмешательства иностранной державы в испанскую политику.

На апрельском заседании коммунистического политбюро иностранные граждане составили около половины присутствующих. Явились сразу пять эмиссаров Коминтерна — Гере, Кодовилья, Марти, Степанов, Тольятти и два советских дипломата — замещавший отозванного посла поверенный в делах Гайкис и советник посольства Орлов-Фельдбин. Ни один из них не был членом испанской компартии.

Пальмиро Тольятти объявил, что Ларго должен уйти. Большинство испанцев — Ибаррури, Михе, Урибе, Чека промолчали. «Воле Москвы» не побоялись воспротивиться лидер партии Хосе Диас и министр народного просвещения, глава отдела пропаганды ЦК Хесус Эрнандес. Развернулась серьезная полемика. Марти и Степанов заметили, что Ларго неудачлив и что осудила его не Москва, а «история». Андалузец Диас не одобрил их высказывания и в сердцах назвал каталонца Марти бюрократором. Тот взорвался:

«Я — революционер! А вы?»

«Тут все революционеры», — сухо парировал Диас.

«Докажите!» — прорычал Марти.

«Вы — наш гость, — возразил Диас, — и если что-то не нравится, дверь к вашим услугам».

Многие вскочили с мест. Отвыкший от подобных сцен в коммунистическом мире опытный функционер Гере застыл с раскрытым ртом, Кодовилья пытался успокоить Марти, единственная женщина — Ибаррури бегала от одного спорщика к другому с криками «Товарищи, товарищи!». Невозмутимость сохраняли лишь Тольятти и Орлов.

Наконец Диас неохотно произнес, что поддержит предложение, если за него будет большинство. Почти все проголосовали «за». Диас и Эрнандес подчинились воле большинства.

Разрыв СССР с Ларго был ускорен вспыхнувшим 3 мая в Каталонии анархистским восстанием. В тылу разразилась вторая гражданская война. Одним из поводов к восстанию послужило требование коммунистической печати запретить ПОУМ и разоружить анархистские организации, другим — намерение ката-

лонского Хенералидада отобрать у анархистов занятую ими еще 19 июля барселонскую телефонную станцию. Ее операторы на просьбы соединить с каталонским правительством любили отвечать, что такового не существует. Кроме того, их подозревали (хотя и не обвиняли) в прослушивании телефонных разговоров. Еще одним толчком к насилию стало убийство «бесконтрольными» коммунистического партийного функционера и захват ими границы с Францией с изгнанием оттуда карабинеров. Последнее обстоятельство разъярило не только коммунистов, но и каталонский Хенералидад и центральное министерство финансов, которому подчинялись карабинеры.

Первым из противников анархистов на сцену выступил «буржуазный» Хенералидад. 3 мая уполномоченные Компаниса с несколькими штурмовыми гвардейцами явились на телефонную станцию с намерением удалить из нее анархистов. Последние, решив, что с ними хотят физически расправиться, открыли огонь. Многие анархистские профсоюзы и клубы ФАИНКТ, а также ПОУМ охотно поддержали восстание «против опереточного буржуазного Хенералидада». Из тайников были извлечены пулеметы, легкие пушки, бронев автомобили, «которые, будь они на фронте, решили бы участь Сарагоссы, Теруэля и Уэски». На улицах Барселоны, Лериды, Таррагоны появились баррикады и разгорелись серьезные бои. Остановились заводы, прервалось уличное движение.

Часть арагонских дружинников покинула траншеи и повернула в тыл, на помощь собратьям. Арагонский фронт несколько дней был открыт. Но националисты не могли этим воспользоваться — их ударные силы наступали в Бискайе или были прикованы к Мадриду.

Центральное правительство заняло позицию «нейтралитета», что было на руку анархистам. Однако многие каталонские рабочие не поддержали восстания, а коммунистические профсоюзы и каталонские националисты тоже были вооружены. Наступление восставших на ключевые пункты Барселоны через сутки выдохлось. ФАИ — НКТ не дождалась помощи извне. Республиканская авиация генерала Сиснероса перехватила арагонских дружин-

ников. Под угрозой бомбардировки они рассеялись в разные стороны или же вернулись в Арагон.

Анархисты овладели восточной, приморской частью Барселоны и рабочими предместьями. На крышах небоскребов и соборов засели их снайперы. Коммунисты и Компанис прочно удерживали западную половину города.

Восставшие в ходе уличных боев осадили резиденцию президента Асаньи. Правительственные силы должны были его выручать. Главу республики пришлось посадить в танк «Рено» и под пулями снайперов эвакуировать из взбунтовавшейся Барселоны.

Из Валенсии примчались министры-анархисты. Гарсиа Оливер и Фредерика Монсени целые сутки через громкоговорители призывали восставших прекратить огонь, разобрать баррикады и разойтись. К ним мало кто прислушался. Короткое перемирие тут же было нарушено снайперами. Многие анархистские боевики были уверены, что Хенералидад и коммунисты намерены перебить всех восставших и объявить ФАИ — НКТ вне закона.

Масла в огонь подлило появление в Барселонском порту «с дружеским визитом» нескольких британских эсминцев. ФАИ — НКТ увидели в их приходе «мобилизацию сил международной реакции против анархизма».

Тем временем Хенералидад и коммунисты получили подкрепление. Центральное правительство, невзирая на симпатии премьера к анархистам, решило наконец вмешаться. «Вторая гражданская война» в крупнейшем центре страны слишком дорого стоила репутации Республики. 5—6 мая из Валенсии прибыло несколько пехотных бригад. Для их доставки морское министерство выделило все исправные крупные военные корабли — «Хайме I», «Либертад» и «Мендес Нуньес». Военное министерство и МВД прислали также 4000 штурмовых гвардейцев, поручив командование карательной операцией генералу Посасу. По пути в Барселону армия и гвардейцы подавили восстание в нескольких городах Южной Каталонии.

6 мая правительственные и коммунистические силы перешли в наступление. 8 мая последние бойцы ФАИ — НКТ прекратили огонь и помогли разобрать баррикады. Сдача оружия условиями мирного урегулирования не предусматривалась. Братоубийствен-

ная война закончилась. По разным подсчетам она принесла испанцам от 400 до 950 убитых и свыше 2000 раненых. Барселона была местами разрушена, военная экономика Каталонии бездействовала почти полмесяца. Арагонский фронт Республики был обнажен и окончательно дезорганизован, а жизненно необходимая военная помощь Центра Северному фронту надолго отсрочена.

Ларго в Валенсии объявил виновниками кровопролития все борющиеся стороны и отказался продолжить репрессии. Воспользовавшись заминкой, коммунисты нанесли правительству завершающий удар.

15 мая на заседании кабинета они в ультимативной форме потребовали запрещения ПОУМа, отказа Ларго от поста военного министра, снятия министра внутренних дел и разоружения тылового населения. После отказа премьера министры-коммунисты покинули заседание. Вдогонку им прозвучало сухое: «*Продолжаем работать без вас*». Ларго был настроен решительно.

Но произошла неожиданность: вслед за министрами заседание покинули Прието, Хираль, Альварес дель Вайо и ряд других членов правительства. Часть из них при этом объявила виновниками восстания анархистов. Несколько министров аргументировали свои действия невозможностью управлять страной без коммунистов (то есть — без советской помощи). В помещении остались шесть человек, четыре из которых были анархистами.

Во главе с Гарсиа Оливером они предложили премьеру продолжать работу правительства. Но Ларго в критический момент перестал быть «испанским Лениным». На предложение лидеров ФАИ — НКТ он ответил: «*Это диктатура. А я не хочу быть диктатором*». Премьер-министр отправился к президенту Асанье и вручил ему прошение об отставке.

Правительственный кризис длился три дня. Руководство ФАИ — НКТ устно и в печати требовало продолжения премьерства Ларго. Но их политическое влияние после разгрома барселонского восстания резко снизилось. К тому же у анархистов, отрицавших выборы и парламент, не было парламентской фракции, которая наряду с остальными должна была играть центральную роль в формировании кабинета.

Левореспубликанские партии предлагали сделать новым премьером одного из отцов-основателей Республики, депутата и бывшего министра Фернандо де лос Риоса. Правые социалисты выдвигали кандидатуру Прието, левые — Альвареса дель Вайо. Но советские дипломаты через коммунистическую фракцию настаивали на победе своего фаворита — министра финансов Хуана Негрина. Если верить мемуаристам, на тайные переговоры к Негрину отправился Хесус Эрнандес — член коммунистического политбюро, друг Хосе Диаса.

Удивленный Негрин ответил посланцу чужой партии, что он неизвестен и не имеет популярности.

«Популярность можно создать», — заметил Эрнандес.

«Но я же не коммунист».

«Тем лучше. Мы поддерживаем вашу кандидатуру. Вы согласны, доктор?»

«Согласен».

Так выглядела закулисная сторона событий, позднее изложенная Эрнандесом в его воспоминаниях — «Я был сталинским министром в Испании». На другой день большинство депутатских фракций кортесов одобрило кандидатуру Негрина. Многие политики, в частности Прието, пошли на этот шаг из-за застарелой ненависти к Ларго.

17 мая президент утвердил состав второго правительства Народного фронта. Количество министров было сокращено с 18 до 9. Три министра были социалистами, два — республиканцами, два — коммунистами, по одному министру представляло басков и каталонцев. Негрин стал премьером и сохранил за собой пост министра финансов. Прието был повышен — он получил военное министерство. Хираль стал министром иностранных дел.

Анархистам было предложено сохранить два министерских поста, но они отказались их принять, пока пост премьера не занимает «товарищ Франсиско Ларго Кабальеро». Подобно Ларго, испанские анархисты проявили принципиальность и не стали любой ценой цепляться за власть.

Управлять республиканской Испанией пришел плотный, крепко сбитый, веселый человек, в очках, с ученой степенью, сорока пяти лет от роду. Он был ровесником Франко, но сильно отличал-

ся от мрачного каудильо, высокомерного Асаньи и медлительно спартанца Ларго Кабальеро.

Хуан Негрин происходил из зажиточной религиозной семьи с Канарских островов. Родители — городские землевладельцы, единственный брат принял монашеский сан. Негрин считал себя космополитом, он много путешествовал, свободно говорил на нескольких европейских языках, даже немного по-русски. Последним, вероятно, был обязан жене, некоей Михайловой. По одним сведениям — эмигрантке, по другим — советской гражданке.

Любитель вкусной еды и хороших вин, охотно сходившийся с женщинами, менявший жен и любовниц как перчатки, тем не менее Негрин слыл интеллектуалом. По образованию он был физиологом, в молодости стажировался в германских университетах, а также в Ленинграде у академика Павлова.

В годы Республики Негрин, став социалистом и депутатом кортесов, произнес там всего одну речь. Фактически оставив занятия наукой, он превратился в администратора — одного из создателей и спонсоров Университетского городка. В оборудование лабораторий, славившийся щедростью «доктор Негрин» вложил немало собственных средств.

В социалистической партии Негрин считался приетистом. Прието был его политическим наставником. Но он одновременно поддерживал дружеские отношения и с левым Альваресом дель Вайо, а став министром, был лоялен к Ларго. Именно ему осмотрительный премьер-министр доверил осенью 1936 года секретную операцию — отправку золотого запаса в Москву. С тех пор у Негрина были хорошие отношения с советским посольством, которые и помогли ему получить пост главы кабинета.

Компартия, социалисты, республиканские партии, баски и каталонцы выразили доверие новому правительству. Против выступили ФАИ — НКТ и небольшая группа сторонников Ларго Кабальеро. Но они, подобно большинству фалангистов и монархистов по другую сторону фронта, не осмелились предпринять каких-либо действий против нового кабинета, ограничившись лишь угрозами.

К 1 июня кризис завершился. Правительство стало компактнее и дееспособнее. Большинство рычагов государственной вла-

сти осталось в руках социалистов и республиканцев. Но позиции коммунистической партии значительно окрепли. Она нейтрализовала сразу две враждебные могущественные политические силы — анархистов и кабальеристов. Сделано это было во многом руками умеренных социалистов и без формального разрушения Народного фронта. Коммунисты при активной поддержке СССР одержали внутри Испании крупную политическую победу, которая произвела глубокое впечатление на современников.

«Главным орудием падения Ларго была компартия, социалистическая партия следовала руководству коммунистов... Компартия добилась политического превосходства над прочими партиями, менее умелыми и дисциплинированными, и решающего влияния... Общественное мнение лишь теперь осознало, насколько велика роль компартии в испанских событиях», — комментировала международная печать.

В связи с очевидным упрочением позиций коммунистов и СССР в Республике (а также ввиду приближения фронта к железнодорожным богатствам Бискайи) английские правящие круги открыто выдвинули в мае 1937 года идею прекращения огня и примирения националистов с республиканцами. Форейн оффис работал над планом «прекращения военных действий в Испании», а британская дипломатия зондировала почву в Париже, Женеве, Риме и Берлине на предмет его реализации. Несколько английских военных кораблей уже стояло на рейде Барселоны.

«Никакой разумный человек не может ожидать, что мир через соглашение родится из этого хаоса интересов, страстей, ненависти...» — патетически вещала «Таймс» сразу после образования кабинета Негрина. — *Посредничество!.. Где есть воля, там найдется путь.* С республиканской стороны миротворческие усилия предприняли Бестейро (открыто) и Прието (тайно). С согласия Прието и Асаньи отец-основатель Республики Бестейро выезжал в Лондон — официально на коронацию Георга VI, а фактически на переговоры с британскими политиками о мирном урегулировании. Однако в итоге стечения обстоятельств последовало не прекращение огня, а совсем другое.

На седьмой день существования кабинета Негрина — 24 мая произошел международный инцидент: республиканские ВВС во

время налета на Балеарские острова подбили на рейде Пальмы-де-Майорка итальянский легкий крейсер «Кварто» и вспомогательное судно «Барлетта», убив и ранив несколько человек из их экипажа. Итальянское правительство, впрочем, не протестовало, вероятно, до конца не оправившись после «гвадалахарского шока».

Но уже через три дня у Балеарских островов имел место новый, гораздо более драматический инцидент. Республиканские самолеты советского производства «СБ» («Катюши») под командованием советского летчика Н.А. Острякова 26 мая повредили в Пальме германский сторожевик «Альбатрос». Протест командира «Альбатроса» остался без ответа. 29 мая «Катюши» обнаружили на рейде Ивисы неизвестный корабль, очень похожий на «Канариаса», и атаковали его. Несколько бомб попало в цель. Однако корабль оказался германским «карманным линкором» «Дойчланд». 30 человек погибло и умерло от ран и свыше 70 было ранено, бомбы также вызвали серьезные разрушения обеих палуб и машинного отделения. «Дойчланд» ушел на ремонт в Гибралтар.

Германские радиостанции и газеты сообщили на весь мир о «неспровоцированном нападении красных властей Валенсии» на нейтральный корабль. Третий рейх грозил репрессалиями.

Они последовали через два дня. Другой «карманный линкор» — «Граф Шпее» с четырьмя эсминцами получил из Берлина приказ обстрелять Альмерию, числившуюся в списках открытых городов, т.е. городов без гарнизонов и укреплений. По пути германская эскадра встретилась ночью с республиканской, благополучно разошлась с нею и утром 31 мая появилась у Альмерии. Начатый без предупреждения обстрел города из орудий всех калибров продолжался около часа. В Альмерии разорвалось свыше двухсот снарядов, которые разрушили 35 домов и убили 20 человек, ранив свыше ста. В тот же день Германия и Италия сообщили о выходе из системы морского контроля. Через несколько недель то же сделал Советский Союз.

К длинному списку: Бадахос, Ирун, Толедо, Мадрид, Малага, Дуранго, Герника прибавилось новое название — Альмерия.

Разрушение незащищенного города вызвало ярость республиканцев и сорвало планы посредничества и мирного урегулирования. Отражавшие настроения масс газеты Республики в ответ на соболезнующие телеграммы зарубежных пацифистов — «Трудящиеся всех стран оплакивают жертвы этой трусливой агрессии» в сердцах писали:

«Слезы нам не нужны. У нас их давно нет. Пусть плачут декаденты и импотенты. Не оплакивать нас нужно, а изменить отношение к нашему делу» (отказаться от «невмешательства». — С.Д.).

Вернемся к событиям 29 мая и сравним германо-националистическую и республиканско-советскую версию бомбардировки «Дойчланда». Немцы уверяли, что «Дойчланд» нес службу в системе международного морского контроля и зашел в Ивису за топливом. Нападение с воздуха застало его экипаж врасплох, отсюда и большие потери — около 20% всей команды.

Республиканское правительство доказывало, что по правилам, подписанным в лондонском Комитете невмешательства, корабль-контролеры имели право приближаться к испанским берегам не ближе чем на 10 километров, а немцы грубо нарушили правила — линкор стоял всего в 200 метрах от берега. Всем державам-контролерам были заранее назначены порты заправки, заходить же в другие порты им запрещалось (германским кораблям был выделен Алжир).

Кроме того, Балеарские острова входили во французскую зону морского контроля. Следовательно, «карманный линкор» незаконно находился в испанских водах и скорее всего выгружал военные материалы, привезенные националистам.

«Дойчланд» вовсе не был захвачен врасплох — он встретил бомбардировщики зенитным огнем и был нападающей стороной. Бомбежка стала ответным действием республиканцев. Она была правомерной — авиация ответила на обстрел, которому она без предупреждения подверглась в одном из районов военных действий.

Республиканско-советская версия уточняет количество бомб, сброшенных на «Дойчланд». Их было двенадцать, в цель попало

четыре (а не две). Обе версии страдают субъективностью и потому почти полностью исключают друг друга.

Особенно уязвима республиканско-советская версия событий у Ивисы — почти как националистическая версия разрушения Герники. Многоцелевые двухмоторные «Катюши» в республиканско-советской версии названы разведчиками, их задание — также разведывательным. Однако, как видно из объяснений военного министерства Республики, в полет они взяли не менее дюжины бомб среднего калибра, которые были способны подбить большой военный корабль (германские «карманные линкоры» имели водоизмещение около 10 000 тонн).

Парадокс: самолеты «неожиданно» обстреляны неизвестным кораблем из первоклассных германских зениток, но остаются невредимыми, а их экипажи под огнем, без пикирования, с горизонтального полета достигают 33% попаданий в узкий и не особенно длинный (110-метровый) корабль!

В то же время нужно подчеркнуть, что однотрубные и одномачтовые германские «карманные линкоры» и впрямь были очень похожи на «Канариаса» и «Балеареса», давно посаждавших республиканцев. Перепутать их с высоты было легче легкого, а приказы об атаках на националистические крейсера ВМС Республики получали многократно.

Вероятно, германская версия точнее: нападающей стороной у Ивисы были летчики, которые находились в добросовестном заблуждении.

С узко правовой точки зрения менее понятны действия летчиков при нападении на «Барлетту» и «Альбатроса», которые было легче отличить от националистических крейсеров. Но они более чем понятны с военной точки зрения.

Республиканцы потому систематически бомбили Балеарские острова, что на них находились морские и авиационные базы итальянцев и националистов. Об этих бомбежках имели сведения разведки и штабы всех заинтересованных стран. И «Альбатрос» и «Барлетта» были не вправе заходить в гавани охваченной войной Испании иначе как с разрешения тех или других органов власти. Испрашивая такое разрешение, их командиры должны были понимать, что рискуют оказаться под бомбежкой или обстрелом.

(Как раз перед названными инцидентами британский эсминец «Хантер» подорвался на mine у берегов Андалузии. Он порядочно пострадал и имел 22 убитых и раненых, но британское правительство протестов не заявляло.)

Каталонское восстание и особенно обстрел немцами Альмерии положили конец «апрельскому оптимизму» в правящих кругах Республики. 31 мая кабинет собрался в замешательстве. Одни министры страшились высадки германского десанта в Леванте, другие — вмешательства Франции и Англии. Третьи, во главе с военным министром Прието, не опасались ничего подобного, а мечтали о дальнейшей интернационализации войны.

Индалесио Прието заявил правительству, что Республика собственными силами все равно не победит. Поэтому чем больше опасность общеевропейской войны, тем лучше. Он предложил идею воздушного удара по всей германской эскадре в Средиземном море, чтобы Германия официально вступила в войну. Против выступили большинство министров и президент.

На другой день вскрылось положительное последствие драматических событий 29—31 мая. Исполком анархистской НКТ проголосовал 1 июня за «условную поддержку» правительства Негрина, которое сама же НКТ несколькими днями ранее предавала анафеме.

Не успели еще улечься международные страсти вокруг Ивисы и Альмерии, как 4 июня германский крейсер «Лейпциг» сообщил, что был безрезультатно атакован «красной подводной лодкой» севернее Орана (Алжир). Берлин вновь пригрозил ответными мерами, но не прибегнул к ним. Англо-французское предложение расследовать инцидент было отвергнуто Третьим рейхом.

К июлю 1937 года германская эскадра покинула Средиземное море. Было ли нападение на «Лейпциг» и если да, то кто его атаковал, осталось неустановленным. По нашему мнению, нападение было. В германском флоте наблюдение за морем и опознание встречных кораблей было налажено очень хорошо (китов и дельфинов с подводными лодками не путали), а лгать принято не было. Республиканские подводные лодки из-за скверного технического состояния никогда не действовали в столь отдаленном от Картахены (450 километров) районе. Подводные лодки национа-

листов, экипажи которых прошли обучение у германских офицеров, вряд ли могли столь грубо ошибиться. Да и они тоже почти никогда не появлялись в районе Орана.

Самым многочисленным в Средиземноморье был в то время итальянский подводный флот (около 90 единиц). Около сорока из них уже фактически участвовало в испанской войне, оказывая «дружеские услуги» националистам. На их счету было торпедирование «Мигеля Сервантеса» и ряда торговых судов. Возможно, что в атаку на немецкий крейсер по ошибке вышла одна из итальянских подводных лодок. Трехтрубный двухмачтовый легкий «Лейпциг» вполне можно было принять за республиканский «Мендес Нуньес», принадлежавший к тому же типу кораблей.

Раскрывать подоплеку инцидента Гитлеру и Муссолини не было смысла, тем более что торпеда прошла мимо «Лейпцига». Всевозможные же недоразумения и неувязки в итальянских вооруженных силах случались гораздо чаще, чем в большинстве других флотов.

Уход германских кораблей из Средиземноморья означал, что в запутанных условиях необъявленной испанской войны с участием нескольких государств фюрер менее чем дуче был готов рисковать малочисленными военными кораблями рейха. Отныне в борьбе на море возросла нагрузка на флоты националистов и итальянских фашистов.

Тем временем Хуан Негрин проявил качества одаренного политика и управленца. При нем республиканское правительство работало действеннее, чем при «испанском Ленине». Прието и Негрин превращали нестройные колонны дружинников в регулярную армию. Правительство обновило состав генштаба и назначило его начальником отличившегося при обороне Мадрида Рохо, произведя его в полковники. Были выделены большие средства на создание военной промышленности. В целях выручки Бискайи спешно начали готовить сразу две операции на Центральном фронте — одну северо-западнее Мадрида, под Сеговией, и вторую южнее столицы, у Брунете.

В Бискайе же перспективы Республики к июню заметно ухудшились. Сказывалось не только техническое превосходство националистов и грамотность действий Мола и Солчаги. В поли-

тике правительства Агирре появлялись все новые сомнительные ноты. Оно официально отделило вооруженные силы Бискайи от остального Северного фронта. Баскские командиры с согласия президента откровенно стремились поскорее отойти к «неприсутному» Железному поясу.

Астурийские отряды в такой обстановке сражались гораздо хуже, чем у себя на родине. Дополнительный вред обороне принесли и мятежи анархистов Бильбао, мстивших за подавление их каталонских собратьев. В тылу наступил голод. Республиканский фронт зловеще захрустел. Националисты ежедневно продвигались в среднем на 3 километра — вчетверо быстрее, чем в апреле.

В Валенсии Прието и работники военного министерства в суматохе готовили наступление на Сеговию. Общее руководство осуществлял Миаха. 27 мая три дивизии, сведенные в корпус под командованием генерала Доминго Морионеса, двинулись на северо-запад. Местность была очень неудобной при любом наступлении. Пехота, конница, артиллеристы путались среди ущелий и долин Гваддаррамского хребта. Правда, в первый день операции республиканцы все же отбросили заслоны оборонявшего Гваддарраму Варелы и продвинулись почти на 10 километров. До Сеговии оставалось еще 12. Но уже на второй день у Ла-Гранхи наступающие встретили плотную оборону и фланговые атаки войск Варелы.

Чувствовалось, что националистам известен замысел операции. Командир 35-й интернациональной дивизии генерал Вальтер поставил вопрос о свертывании наступления. Но приехавший на фронт Андре Марти приказал продолжать. Танковые силы в горах применить было немыслимо. В общей неразберихе из-за утренних туманов и плохой связи республиканская авиация несколько раз ошибочно атаковала своих, и те проклинали ее. Появившаяся же вскоре авиация Кинделана действовала гораздо точнее. Снова, как и в апрельском наступлении в Каса-дель-Кампо, авиация республики не смогла помочь наземным силам.

В довершение всего разразился конфликт между двумя дивизионными командирами — поляком Вальтером и французом Дюмоном. Дюмон обвинил Вальтера в «непонимании обстановки», а тот Дюмона — в бездарности. В дело вмешались поддержав-

шие Дюмона французские коммунисты во главе с Марти. На стороне Вальтера оказался главный советский военный советник Григорович (Г.М. Штерн), сменивший отозванного в Москву Берзина. В дальнейшем подобные межнациональные споры все чаще имели место на разных фронтах. Они, естественно, не шли на пользу настроению интербригадовцев и продуктивности их действий.

К 6 июня наступавшая сторона, понесшая большие и неоправданные потери, выдохлась. Потери Республики (около 30% состава) не оправдывали ничтожного территориального выигрыша — занятия нескольких малонаселенных склонов и долин, затерянных в глубине Гваддаррамы.

Генерал Варела оказался искуснее Миахи и Морионеса. Уступая противнику в живой силе, артиллерии и авиации, он удержал Сеговию и горные проходы, ведущие к ней. Он в зародыше парализовал стремление врага вырваться на оперативный простор Кастильской равнины. Варела отбил большинство неприятельских атак без помощи верховного командования с наименьшими потерями.

Хотя операции Солчаги на Севере были остановлены больше чем на неделю, Ла-Гранху приходится считать успехом националистов. В республиканских войсках громко говорили о предательстве.

В разгар сражений, грохотавших в Бискайе и Кастилии, погиб в авиационной катастрофе «человек, сотворивший генерала Франко» — Эмилио Мола. Его самолет, следовавший из Памплоны на Северный фронт, 3 июня в сильном утреннем тумане врезался в гору близ Бургоса.

Долгое время ходили слухи об «устранении» независимо державшегося Мولا по заданию германских нацистов или каудильо. Но у сторонников подобной версии не имеется доказательств. Достоверно известно только о «равнодушии», с которым Франко воспринял весть о гибели виднейшего соратника, которого он называл «упрямцем». Когда ему скорбно доложили о гибели «Директора», каудильо отстраненно произнес: *«Только и всего. Я уж подумал, что потоплен «Канарияс».* Известно и другое — все бумаги Мولا были немедленно опечатаны и доступ к ним закры-

ли на три года. А сам Франко более не совершал воздушных путешествий...

Гибель бывшего республиканца Мола оплакивали те, кем он командовал в течение года, кто под его руководством штурмовал Мадрид и оборонял Авила и Сеговию — монархисты Кастилии и наваррские рекете. Ему посвятил поминальное слово человек, никогда не встречавшийся с ним — Адольф Гитлер. Он говорил: *«Гибель Мола стала трагедией Испании. Мола — это настоящий мозг, настоящий вождь»*.

Смерть «Директора» мало повлияла на ход военных действий. Она не повлекла за собой растерянности. Националисты уже достигли высокого уровня военного планирования, а их вооруженные силы действовали со слаженностью часового механизма.

Другое наступление Республики последовало 10 июня на Арагонском фронте с целью овладеть Уэской, которая оставалась форпостом националистов в Нижнем Арагоне. Под общим руководством фронтового командующего генерала Посаса на Уэску наступали две дивизии и несколько бригад — не менее 15 000 штыков. Националистов насчитывалось в три-четыре раза меньше, но все они были коренными арагонцами. Защитники Уэски прекрасно знали местность, заранее пристрелялись на многих участках и подготовили для обороны тщательно выстроенные и замаскированные полевые укрепления с системой перекрестного огня.

Почти все участвовавшие в наступлении республиканские войска состояли из каталонских анархистов. Они привыкли «делать революцию», а не воевать. Их части поэтому отличались низкими боевыми качествами или же после майских событий в Каталонии были попросту ненадежны. Генерал Посас только что вступил в командование фронтом и ранее не воевал в Арагоне, но был запуган настолько, что не осмелился пререкаться с военным министерством и генштабом.

Исключение составляла разве что переброшенная с Центрального фронта дивизия, которой командовал герой Мадрида — Лукач. Но его солдаты имели опыт боев только в мадридском мегаполисе и совсем не знали условий каменистого и засушливого Арагона. Таланты же Лукача были сильно преувеличены репортерами. Он (как и Морионес и Посас) пренебрегал разведкой и

потому имел самые скудные и малодостоверные сведения о противнике.

Как и у Ла-Гранхи, атаковую сторону преследовали неудачи. На второй день безуспешного наступления прямым попаданием снаряда в штабной автомобиль был убит генерал Лукач и тяжело ранен его дивизионный советник Фриц (советский офицер П.И. Батов). Присланный из Валенсии на замену Лукачу генерал Клебер тоже не имел успеха.

Фронтовое командование и его советский военный советник Леонидов плохо спланировали операцию и не лучшим образом руководили ею. Они не смогли навести в каталонских анархистских бригадах элементарного порядка, поэтому, когда одни бригады кидались в атаку, другие безнаказанно отсиживались в траншеях.

В противоположность Моле, Вареле или Кейпо, Посас и Леонидов вникали решительно во все, не давая полевым командирам инициативы. Они шаблонно гнали войска в наступление именно там, где провалились все предыдущие атаки — августовские, декабрьские и апрельские. Их единственным аргументом было: *«Бильбао! Нужно выручить Бильбао!»*

Бои под Уэской затихли только к 23 июня. Республиканские войска потеряли почти 6000 ранеными и убитыми (до 40% состава) и были истощены. Потери же националистов были ничтожно малы. Не потребовав у верховного командования ни одной роты резервов, не имея бронетанковых сил и располагая малочисленной артиллерией, они полностью выиграли оборонительную операцию.

Северная армия Солчаги между тем пробивала путь к Железному поясу, ломая становой хребет баскских вооруженных сил. 6 июня после недельных боев националисты взяли важную высоту Пенья-Лемон. Затем Солчаге пришлось сделать паузу в связи с «неопределенностью» на Центральном фронте.

11—12 июня жесточайшая бомбежка республиканских линий, проведенная «Легионом Кондором» и «легионарной авиацией», возвестила о генеральном наступлении 40 000 националистов. Не успели еще рассеяться дым и пыль от бомбовых разрывов, не успели оглушенные обороняющиеся выйти из блиндажей, как в ата-

ку пошли «Т-1» и «Ансальдо», увлекая за собой пехоту. Так не на бумаге, а на поле боя появились на свет основы тактики «блицкрига», или «глубокой операции», ставшей позже основным оперативным приемом Второй мировой войны.

Теперь события в Бискайе шли ускоренным темпом: батальоны Агирре отступали на большей части фронта. 12—13 июня войска Алонсо Веги и Гарсиа Валино вышли ко внешнему обводу Железного пояса, но штурмовать начали только его неумело (или вредительно) оборудованные восточные сектора, безошибочно определяя их уязвимые места.

Плоды предательства Гойкоэча сразу дали о себе знать. Железный пояс был прорван. К 15 июня восточные укрепления «Синтурона» и часть пригородов Бильбао были в руках наступающих. До центра Бильбао им оставалось десять километров. Устье Нервиона — реки, на которой стоит Бильбао, оказалось под огнем артиллерии итальянской дивизии «Черные стрелы», наступавшей на северном фланге и обходившей теперь город со стороны моря.

Каудильо воспользовался моментом, чтобы назидательно заявить по радио Саламанки и Бургоса: *«То, что вы называли железным поясом, прорвано нашими войсками. Ничто не остановит победоносного, всепокрушающего наступления националистической армии... Если вы намерены сдаться, воспользуйтесь оставшимися у вас мгновениями».*

Правительство Агирре под нажимом Прието из Валенсии и местных коммунистов объявило о намерении отстаивать Бильбао и одновременно развернуло эвакуацию мирных жителей. Зажиточная публика стремилась добраться до Франции, прочие пешком и на подводах уходили на запад — в Сантандер.

Но эвакуация крайне затруднялась господством националистов на море и в воздухе. Корабли адмирала Виерны перешли к ближней блокаде и захватили часть пароходов с беженцами у самого устья Нервиона. Англия же с выходом националистов к Нервиону «временно» отозвала из Бискайского залива свой морской патруль, потому как «зона военных действий стала слишком плотной».

Коммунисты — Горев, Галан, Кристоаль и Сиутат, требуя на секретных совещаниях у Агирре отстаивать город, ссылались на

свежий пример Мадрида. Они словно не хотели замечать, что Бильбао взят в тесное полукольцо, Мадрид же в ноябре 1936 года сохранял сообщение с остальной страной. Странники сопротивления сверх того напоминали, что на позициях, занятых республиканцами 17 июня, Бильбао выдержал в XIX веке две осады. Однако тогда не существовало дальнобойной артиллерии и воздушных налетов...

Генералы Улибарри и Кабрера на подобных совещаниях угрюмо отмалчивались. Командир баскской артиллерии открыто предложил оставить Бильбао. Агирре согласился с мнением сторонников отстаивания города любой ценой. Но формальное согласие скользкого как угорь президента-предпринимателя мало что значило. Он саботировал оборону, а не укреплял ее.

Обессиленные боями и отступившие в «Синтурон» баскские батальоны чувствовали себя там не в укреплении, а в ловушке. Часть дружинников дезертировала, чего не случалось ранее. В прежние времена баски хладнокровно сражались и гибли. Теперь многие из них с таким же хладнокровием отказывались от продолжения борьбы, которая казалась им безнадежной.

19 июня националисты и итальянцы последовательным нажимом с востока и севера проникли в Бильбао. Повторения «мадридского чуда» не последовало. Часть жителей приветствовала победителей. На балконах многих домов развевались монархические флаги. 20 июня город был занят почти без боя. Остатки республиканских бригад отступали под прикрытием бронемашин. Автономия басков была отменена указом каудильо, а Бискайя объявлена «предательской провинцией».

Националисты Алонсо Веги и Гарсиа Валино продвинулись до западной, самой укрепленной половины Железного пояса и там перешли к обороне. Преследование противника, на котором настаивал Кинделан, было запрещено осторожным и расчетливым каудильо.

Потери обеих сторон были значительными: за три месяца националисты лишились почти 30 000 раненых и убитых, урон республиканцев составил свыше 50 000 человек (не считая потерь среди мирного населения). При отходе из Бильбао погиб доблес-

тний полевой командир республиканцев — герой Гвадалахарской битвы итальянец Нино Нинетти.

В трудной борьбе националисты одержали победу стратегического значения, взяв реванш за Гвадалахару и Пособланко. В их руки перешла индустриальная Бискайя — ключ ко всему Северному фронту. На очереди был Сантандер, в нем обосновалось правительство Агирре, ставшее, по сути, правительством в изгнании.

Тогда же республиканцы пережили новую утрату. 17 июня на стоявшем в Картахене линкоре «Король Хайме I» произошел внутренний взрыв. Корабль сел на дно. Над водой остались мачты, трубы и часть артиллерии. Погибло около 100 человек, ранено было в несколько раз больше. Республика лишилась крупнейшего корабля.

Катастрофу «Хайме I» расследовали. Буиса и Прието по горячим следам пришли к выводу, что в пороховом погребе линкора сработала заложенная «пятой колонной» адская машина. Вещественных доказательств тому обнаружить не удалось. Старший военно-морской советник Н.Г. Кузнецов подозревал, что причиной гибели корабля было беззаботное курение матросов во всех его помещениях, в том числе в пороховом погребе.

Современные зарубежные историки полагают иначе: корабль был сознательно и преднамеренно взорван, но не сторонниками националистов, а их врагами — матросами-анархистами. Они мстили командованию флота и Республике за подавление майского восстания в Каталонии и за использование линкора при доставке карателей в Барселону. Такая версия кажется наиболее близкой к истине, несмотря на то, что документальных доказательств ни одной из трех версий не обнаружено.

Гибель «Эспаньи» и «Хайме I» за короткое время подтвердила низкую конструктивную живучесть испанских дредноутов. В дальнейшем Испания уже не строила линейных кораблей и не заказывала их за границей.

Бильбао пал, когда основное внимание руководства Республики было поглощено борьбой с ПОУМом. Именно в эти дни правительство Негрина по настоянию советского посла распустило «марксистско-ленинскую рабочую партию» и провело массовые аресты ее активистов. Арестовали почти весь ЦК партии — око-

ло 40 функционеров, не предъявив им обвинений по статье закона. Штаб-квартиру ПОУМа в Барселоне служба безопасности превратила в место заключения. Операция проходила под верховным руководством уполномоченного НКВД в Испании Орлова-Фельдбина и генерального консула СССР в Каталонии Антонова-Овсеенко.

Тогда же таинственно исчез уже задержанный службой безопасности лидер партии Андрес Нин, что вызвало политический скандал. Работа правительства и министерств в течение нескольких суток была дезорганизована. Часть министров обвинила в исчезновении Нина компартию, коммунисты же утверждали, что ничего не знают о случившемся. Руководство МВД жаловалось, что его юрисдикцию ограничивают советские «помощники». Между Негрином, Прието и министрами-коммунистами происходили бурные сцены. Премьер-министр напрямую спрашивал Эрнандеса, что произошло с Нином. В городах ночью появлялись настенные надписи: «А где Нин?» и подписи: «Адрес — Саламанка или Берлин».

Впрочем, были и другие варианты. Эрнест Хемингуэй позже вспоминал разговор с корреспондентом «Правды» Кольцовым, формально не причастным к разгрому ПОУМа, но фактически замешанным в деле. На вопрос американца о Нине: «Где же он сейчас?» — человек из «Правды» не без загадочности ответил: «В Париже. Мы говорим, что он в Париже».

Ответ содержал мрачный подтекст, понятный только знатокам эзопова языка. Выражение «мы говорим» означало, что дело necessarily обстоит именно так. Кроме того, одно из известнейших мест Парижа — это Елисейские поля (Элизиум). А на языке античности «попасть в Элизиум» значило «быть на том свете»...

Описание этой сцены мы встречаем в романе «По ком звонит колокол». Только Кольцов в книге назван Карковым, а Хемингуэй выведен под маской американского добровольца Роберта Джордана. Скорее всего, разговор происходил, когда Кольцов уже имел точные сведения о судьбе Нина.

По данным современных авторов, подвергавший критике СССР и Коминтерн Андрес Нин находился в июне 1937 года в тайной тюрьме НКВД в мадридском пригороде Алькала-де-Эна-

рес. Он не дал показаний против себя и остальных и разделил участь многих испанцев, погибших от рук «бесконтрольных». Нина ночью вывезли из тюрьмы, убили и выбросили тело на обочину проселка. Ответственность за его судьбу нес тогдашний руководитель службы безопасности Мадрида коммунист Даниэль Ортега.

Документальных доказательств версии не обнаружено. Ясно только одно — после задержания Андреса Нина республиканскими службами безопасности его следы теряются.

Не без опоздания правительство Негрина развернуло приготовления к новой крупной наступательной операции. Основной ее задачей была выручка Севера, второстепенной — освобождение наполовину окруженного Мадрида. Местом ее проведения был избран Центральный фронт.

В отличие от фронтального апрельского наступления в Мадриде генштаб (Рохо) и штаб фронта (Матальяна) теперь спланировали фланговый удар. Основные силы должны были наступать параллельно западной окраине Мадрида в направлении с севера на юг (Эскориал — Брунете). По достижении Брунете им следовало повернуть на юго-восток. Навстречу ударной группировке из долины Харамы должна была выступить вспомогательная. Встреча группировок планировалась южнее Брунете, в районе Хетафе и горы Ангелов. Обеим группировкам следовало окружить и разбить националистическую Армию Центра или хотя бы отбросить ее от столицы.

К участию в операции были привлечены три корпуса — 5-й, 18-й и 21-й (девять дивизий) плюс части усиления — бронетанковые и артиллерийские. В совокупности это составляло 85 000 штыков, 220 орудий и минометов, до 200 самолетов. Танков и бронемашин насчитывалось 180. Таких бронетанковых сил Республика не выставляла ни до наступления, ни после.

В противоположность Северу и Арагону, в войсках велико было коммунистическое влияние. Коммунистами были комиссар Центрального фронта, один из двух корпусных командиров, оба корпусных комиссара, 5 из 6 дивизионных командиров, 3 из 6 дивизионных комиссаров и т.д.

Ударными силами группировок были три интернациональные бригады с преобладанием немцев, славян и французов. Прочие иностранные формирования находились на отдыхе и пополнении.

Впервые республиканцам удалось сохранить в тайне подготовку к наступлению. Националисты имели крайне сбивчивые сведения о месте удара и совершенно никаких — о его времени. Центральным фронтом националистов руководил старый, малоспособный и неавторитетный генерал Саликет. Он был успокоен недавними поражениями республиканцев в Каса-дель-Кампо и у Ла-Гранхи, слепо верил в мощь укрепленных поясов и не ждал сюрпризов. К тому же стояла жесточайшая 40-градусная жара. Считалось, что в таких условиях чье-либо наступление физически невозможно.

На избранном Рохо и Матальяной участке прорыва оборонялась 71-я пехотная дивизия — не более 10 000 штыков без танков. В ней был велик удельный вес фалангистов в отличие от наваррцев и марокканцев они считались неважными бойцами. Правда, дивизия рассчитывала на добротные долговременные укрепления: все селения были превращены в сильные опорные пункты, подготовленные к круговой обороне.

Наступление началось довольно многообещающе. На рассвете 5 июля республиканские войска неожиданным ударом прорвали фронт и за день отбросили ошеломленную 71-ю дивизию на 14—15 километров. Важнейшие точки националистов — Брунете, Кихорна, Вильянуэва-де-ла-Каньяда, Вильянуэва-дель-Пардильо были окружены. В штабе Саликета в Авиле и в ставке Франко отмечалось замешательство.

Получив известия о прорыве «красных» к Брунете, каудильо мгновенно почувствовал опасность и единственный раз за всю войну растерялся. Его офицеры позже вспоминали, что он вошел в штаб с взволнованным криком: «*Они разнесли на куски весь Центральный фронт, весь!*» Но хладнокровие быстро вернулось к каудильо. Зная цену скромному и лояльному, но ограниченному Саликету, Франко спешно назначил ему в помощники «ответственным за оборону и контрнаступление» честолюбца-монархиста Варелу. Ставка каудильо выделила Саликету и Вареле резервы — две наваррские бригады и «Легион Кондора».

Республиканские же газеты вышли с огромными ликующими заголовками: «*Наш успех у Брунете!*», «*Республика наступает на Брунете!*» Правительство в Валенсии собиралось отметить победу банкетом. Мероприятию воспрепятствовал скептик Асанья.

К вечеру 7 июля 5-й корпус Модесто приступом взял Брунете. За три дня он прорвал оборону неприятеля по всей глубине и прошел с боями около 30 километров. Авангарды Кампесино и Листера действовали южнее Брунете близ Хетафе и горы Ангелов. Мадридская группировка националистов была полностью охвачена с запада.

Военачальники-коммунисты начиная с Модесто позже уверяли, что корпус мог двигаться дальше — националисты не успели пустить в ход резервы и пока уступали наступающим в вооружении и количестве бойцов. Еще можно было совершить поворот на восток и обрушиться на тылы мадридской группировки Саликета.

Однако спланированный в тиши кабинетов генштаба поворот на 90 градусов так и не удалось совершить. Войск и техники оказалось слишком много. На малочисленных и плохих дорогах вокруг Брунете 8—9 июля образовались заторы. А из Валенсии и Мадрида как раз тогда поступили приказы Миахи и Матальяны — сначала овладеть всеми укрепленными селениями вокруг Брунете, хотя они и так находились в кольце и были обречены. Приказы эти преувеличивали опасность ударов во фланг и тыл наступающим дивизиям.

Эти приказы впоследствии одни участники Брунетской битвы называли ошибочными, а другие — вредительскими. Время и силы были бесцельно растрacены. Тем более что небольшие, состоявшие из молодых и неопытных добровольцев-фалангистов гарнизоны селений самоотверженно дрались с многочисленными республиканцами, нанося им существенный урон и лишая их свободы маневра. Спротивление последнего из них было подавлено только 15 июля.

9—10 июля в сражение вступили воздушные и наземные резервы националистов. Варела решительно и с нескольких сторон контратаковал республиканцев, нанося основные удары в самое уязвимое их место — под основание вбитого Модесто узкого кли-

на. Горловину прорыва стала почти насквозь простреливать артиллерия националистов. К 12 июля они окончательно остановили наступающих.

В воздухе господствовал «Легион Кондора». Он по нескольку раз в сутки большими силами бомбил тыловые дороги, срывая снабжение 5-го корпуса и громя республиканские силы, не успевшие вступить в бой. Вскоре взявшие Брунете республиканцы остались без питьевой воды и почти без боеприпасов. Сражение стали называть «битвой жажды». Доставку воды республиканское интендантство не предусмотрело. Как и у итальянского корпуса при Гвадалахаре, последовали самострелы, самоубийства, стало расти дезертирство и т.д. Часть бойцов, особенно раненых, из-за отсутствия питья и лекарств сошли с ума.

Попытки республиканских истребителей очистить небо от «тримоторес», несмотря на отдельные победы советских летчиков, общего успеха не принесли. Брунетское сражение стало предвестником заката могущества республиканских ВВС. Под огнем германской зенитной артиллерии они несли несоразмерно больший урон, и их активность шла на убыль.

Затем националисты перехватили инициативу в наземных боях. 18 июля Варела развернул общее наступление, намереваясь окружить и уничтожить обескровленные, лишённые пополнений и обезумевшие от жажды дивизии республиканцев севернее Брунете. Генерал Саликет тем временем предпринял атаки у Сеговии и Ла-Гранхи и тоже стал теснить противника. К 23 июля националисты вернули назад территорию, оставленную ими в конце мая.

На Брунетское направление прибыл встревоженный военный министр Прието. Но его поездка не изменила неуклонного развития событий в пользу националистов (хотя их военный министр не приезжал на передовую).

25 июля под натиском противника покатила на север разгромленная 11-я дивизия Листера, потерявшая к тому времени в боях 60% состава. По мнению ее командира, в поражении виновна была соседка — дивизия Кампесино, который оказался себялюбцем и самодуром. Потом без приказа отступил и Кампесино,

взвалив в свою очередь вину на всех прочих командиров и высшее командование.

Боеспособность к концу битвы сохранили только интернациональные войска Вальтера и Клебера, прикрывавшие отход или бегство остальных.

27 июля дымящиеся развалины Брунете снова оказались в руках националистов. Дважды за войну республиканцы брали Брунете и оба раза вскоре оставляли его.

Предприимчивый Варела намеревался эксплуатировать успех и преследовать противника до стен Мадрида. Вполне вероятное продолжение операции было запрещено Франко, считавшего главной задачей завоевание Севера. По другим данным, каудильо опасался роста славы Варелы и только поэтому воспрепятствовал его инициативе.

Впрочем, территориальный успех был на стороне Республики. Подобно Роатте при Гвадалахаре, Миаха отстоял более половины района, занятого к 8 июля. Север получил желанную передышку. Националисты почти на месяц отсрочили наступление на Сантандер, поэтому сторонники Республики назвали Брунетское сражение ее победой.

Однако снять осаду со столицы не удалось. Республиканское командование было не в состоянии выполнить собственный план двустороннего охвата войск Саликета. Оно атаковало их только с севера, запланированного же удара с востока не последовало. Сосредоточенный на Хараме 21-й корпус республиканцев (20 000 штыков) из-за сомнительных действий его командира — полковника Касадо фактически не принял участия в сражении.

Серьезную пользу брунетской группировке могли принести отвлекающие атаки республиканцев на Мансанаресе. Этого Миаха, Рохо и Прието тоже не сделали (да и не планировали), чем улучшили положение Саликета и Варелы.

Брунетская операция показала, что с введением обязательно призыва в армию качество республиканских войск стало ухудшаться. Доля прошедших Мадрид, Хараму и Гвадалахару добровольцев сильно снизилась. Подготовка же призывников оставалась на крайне низком уровне, и в бою они соответственно были нестойкими. При обострении обстановки многие новобранцы

легко поддавались националистической пропаганде, сразу настраивались на отступление, дезертирство или переход на сторону противника. Перебежчики часто оставляли записки: *«Не хотим, чтобы нами командовали иностранцы»*. Это заявление было камнем в огород интернациональных бригад и военных советников из СССР.

В свою очередь интербригадовцы после Харамы и Ла-Гранхи тоже стали сражаться хуже, ссылаясь на бездарное руководство, неналаженное снабжение и негативное отношение испанских солдатских масс. *«Фашисты лучше обработали наши войска, чем наш собственный политический аппарат»*, — озабоченно писал после Брунете генерал Клебер. Интербригадовцев пришлось спешно отправить в тыл «на переобучение», которое, помимо всего прочего, включало и репрессии.

Созданный республиканцами под Брунете сильный танковый и авиационный кулак не помог им победить. Они бездарно применяли многочисленные танки и бронев автомобили, разбросав их вдоль всего фронта прорыва и подчиняя их действия интересам батальонных и полковых пехотных командиров. Бронетехника медленно двигалась по неудобной, сильно пересеченной и не разведанной каменистой местности, застревая в оврагах и речных долинах с крутыми берегами, неся потери от ударов с воздуха. Ее принуждали в лоб штурмовать прекрасно укрепленные опорные пункты националистов, оснащенные противотанковой артиллерией. Наконец, много бронеединиц напрасно погибло на минных полях, которыми националисты искусно прикрыли промежутки между укрепленными деревнями. Уроки Харамского сражения не пошли впредь.

Соотношение потерь в живой силе и технике, как и при Ла-Гранхе и под Уэской, было в пользу грамотно действовавших националистов. Под Брунете они потеряли ранеными и убитыми 10 000 человек и 35 самолетов, Республика — почти 25 000 человек и около 100 машин ВВС. Все участвовавшие в сражении националистические дивизии сохранили кадровый костяк, а несколько республиканских дивизий пришлось потом создавать заново. Брунетское сражение — самое крупное наступление Республи-

ки — с редкой наглядностью выявило сильные и слабые стороны военного планирования обеих воюющих сторон.

Штаб каудильо вырубил генерала Саликета одной лишь дивизией «Наварра», не снимая с Северного фронта прочих войск. Быструю переброску националистами отборных наваррских бригад на грузовиках из Бискайи под Мадрид современные исследователи заслуженно именуют «шедевром военного планирования». Приказ о передислокации был отдан без промедления. Точно так же он и исполнялся. К перевозке заранее были приготовлены автомашины и запасы горючего.

Малочисленную бронетехнику Центрального фронта (30—40 машин) Саликет, Варела и их германский советник — генерал фон Тома применили грамотно: танковое командование не подчинялось пехотному. Танки вводили в бой не каждодневно, а только в моменты обострения ситуации, единой целью и только на подходящей, мало-мальски ровной местности. Тем более их не бросали на штурм опорных пунктов «красных».

Машины Вильгельма фон Тома совсем не участвовали в отражении танковых атак. Эту задачу националисты и немцы после «туманного сражения» целиком возложили на противотанковую артиллерию и минные поля. Такая тактика имела полный успех.

Планирование операций генштабом Республики оставалось на невысоком уровне. Как потом грустно писали советские военные историки, к повороту на 90 градусов к востоку «республиканские войска не были готовы». Другими словами, генштабисты брались разрабатывать операции, не зная возможностей собственной армии.

Прието и Рохо не продумали снабжения войсковых масс в наступлении, что привело к «битве жажды» и к падению боевого духа в войсках. Откровенно глупыми оказались расчеты стратегов Валенсии на низкие боевые качества фалангистов.

Сохранявшаяся у республиканцев почти дикарская вера во всемогущество тяжелого вооружения и его беспорное превосходство над средствами противодействия (ПТО и ПВО) привела к неоправданно большим потерям в бронетехнике и самолетах. Основной урон им нанесли именно средства противодействия —

германская противотанковая (37-мм) и зенитная (88-мм) артиллерия.

Вышедшие из милиции республиканские полевые командиры проиграли под Брунете по всем статьям (кроме смелости) офицерам-националистам и их германским советникам. Их действиями по-прежнему руководила безграмотная отважность ротных и батальонных командиров. Из всех испанских полевых командиров Республики под Брунете только Модесто умел читать карту местности, прочие не считали это необходимым.

Июльскую передышку власти Сантандера использовали для реорганизации и вооружения дружинников. Под ружьем числилось почти 90 000 человек, сведенных в 93 батальона и 30 бригад. Удалось восполнить потери в легком пехотном оружии. Продовольственное положение провинции было гораздо лучше, чем Астурии или Бискайи. Окрестности Сантандера считали районом развитого скотоводства.

Благодаря рабочим военных заводов к августу Армия Севера получила немного тяжелого вооружения, в том числе три десятка танков. Среди них были 20 старых французских «Рено» и восемь отечественных пулеметных машин «Трубия», изготовленных астурийцами в одноименном городе. (Почти все они были линейными танками, выпущенными Республикой за год войны...)

Но вооруженные силы Сантандера оставались недисциплинированным ополчением. Наполовину оно состояло из басков, порядком деморализованных крушением Железного пояса и падением Бильбао. Другую половину войск составляли сантандерцы — кастильцы, выступавшие против Народного фронта. Сантандерские дружинники вели себя подобно каталонцам — за год войны они приняли в боях минимальное участие. Если они и приходили на помощь Астурии и Бискайе, то каждый раз с большими проволочками.

В отличие от Бискайи, укреплений в Сантандере не строили. Как и полковник Вильяльба в Малаге, генерал Улибарри полагался на горную местность. Но горы защищают подступы к Сантандеру только с юга и запада, да и то не в такой степени, как Астурию или Эстремадуру. На востоке же тянутся плоскогорья, рельеф которых вполне допускает наступление. Небольшие мор-

ские силы Севера пополнились также в 1937 году несколькими вооруженными траулерами.

Националисты направили против Сантандера на суше 106 батальонов — до 50 000 штыков и сабель, 240 орудий, 60—70 танков и бронемашин, а на море — два крейсера, минный заградитель, эсминец и около десяти сторожевых судов. Среди войск Солчаги снова была дивизия «Наварра», овеванная славой боев под Бильбао и Брунете. Имелось также 30 батальонов кастильских добровольцев, прибывших отвоевывать у «красных» единственный морской порт Кастилии.

Вместе с испанцами готовились наступать три итальянские дивизии Этторе Бастико — «Литторио», «23 марта» и «Черное пламя». В сумме в них насчитывалось около 25 000 штыков. «Литторио» по-прежнему возглавлял талантливый полевой командир Аннибало Бергенцоли, не допустивший ее развала в дни Гвадалахары и любовно прозванный солдатами «Электрической бородой». Дивизии «23 марта» и «Черные перья» состояли преимущественно из солдат, присланных из Италии в апреле — мае и не успевших прочувствовать ужас разгрома при Гвадалахаре.

В воздухе господствовал «Легион Кондора», уцелевшие республиканские самолеты — менее 25 штук — еле успевали перелетать с одного аэродрома на другой.

На море после гибели «Эспаньи» борьба шла почти на равных. Националисты несли утомительную блокадную службу у Сантандера и Хихона, попадая под огонь береговых батарей, республиканцы упорными атаками на превосходящие силы врага старались снять блокаду.

В июле—августе 1937 года республиканские подводники потопили сторожевой корабль националистов и последовательными, хотя и неудачными торпедными атаками заставили адмирала Виерну отправить в Средиземное море «Канариаса». Подбитый береговыми артиллеристами и республиканскими летчиками «Альмиранте Сервера» на две недели ушел чиниться в Эль-Ферроль.

11 августа у берегов Астурии два республиканских эсминца навязали многочасовой бой кораблям Виерны — только что вернувшемуся в строй «Альмиранте Сервере» и «Юпитеру». У на-

ционалистов было преимущество в артиллерии и бронезащите, у республиканцев — в торпедном оружии и скорости.

Несмотря на материальный перевес националистов, они потерпели неудачу. Эсминцы подбили «Юпитер» и вынудили его уйти в ремонт в Бильбао. «Альмиранте Сервера» не смог уничтожить и вывести из строя ни одного из противников, хотя и имел дальнобойную шестидюймовую артиллерию. Националистическая блокада была прорвана — в порты Севера проскочили три больших транспорта. Они доставили 30 000 тонн необходимых ресурсов. Однако из опасения быть перехваченными сторожевыми Франко транспорты вынуждены были прийти в астурийский Хихон, что ухудшило отношение сантандерцев к астурийцам.

После ухода из Бильбао бывший начальник штаба Северного фронта майор Сиутат выступил с необычным для коммуниста предложением — сократить линию фронта, оставив опасный Рейносский выступ в верховьях Эбро. Выступ имел форму фигурной скобки, выгнутой к югу, и защищать его от хорошо оснащенного и подвижного врага было крайне неудобно.

Агирре и Улибарри решительно воспротивились идее очищения выступа, ссылаясь на необходимость Республики отстоять крупнейший в Испании Рейносский военный завод. В отличие от генерала Кабреры, обнажившего в свое время подступы к Малаге, руководители Сантандера в интересах обороны Рейносы стянули к ней большое количество войск, заполнив ими выступ. Позиция, занятая главным советником Северного фронта Горевым в этом споре, осталась нам неизвестной. Вероятно, он не поддержал Сиутата.

Наступление националистов и итальянцев на Севере возобновилось 14 августа мощным ударом с юго-востока. Неустойчивая оборона республиканцев была прорвана, сразу обозначилась угроза Рейносе. Но Улибарри продолжал удерживать выступ, рассчитывая оттуда ударить во фланг наваррцам и итальянцам, двинувшимся к Сантандеру.

Контрудар так и не состоялся. Дивизию «Черное пламя» на двое суток остановил у Корканти республиканский танковый батальон, неопытные водители которого ценой собственной жизни нанесли солидные потери итальянским танкам. Авангарды Ули-

барри были опрокинуты, Рейносский выступ срезан наступавшими в сходящихся направлениях наваррцами и кастильскими добровольцами. В мешке оказалось 25 батальонов из 93, очень немногим из них удалось пробиться к своим. Соотношение сил драматически изменилось в пользу Солчаги.

На третий день операции — 16 августа Рейноса была занята националистами. Отклонение плана Сиутата привело к тому, что республиканцы лишились и лучшей части войск, и важного стратегического пункта.

Силы Солчаги и Бастико стремительно выигрывали сражение. На пятый день после прорывов, осуществленных итальянскими дивизиями в центре и на приморском фланге, фронт рухнул. Националисты перешли к преследованию. Их войска заходили левым плечом вперед, отрезая таким образом Сантандер от Астурии.

Приказы Прието — отходить на запад к Хихону — стали в таких условиях невыполнимыми. К тому же баски и многие кастильцы вовсе не собирались пробиваться в голодающую шахтерскую Астурию. С 18 августа потрепанные республиканские батальоны начали сдаваться врагу (нередко — в полном составе) или без сопротивления отступали на север, к морю. На совещаниях, созываемых Хунтой Сантандера и баскским правительством, царил вполне понятный пессимизм. Горев, Галан, Кристобаль, которые двумя месяцами ранее требовали любой ценой отстаивать Бильбао, теперь отмалчивались. Будучи опытными военными, они не могли не понимать, что с массовым бегством дружинников, с прорывом врага к Бискайскому заливу и с гибелью танковой роты защита неукрепленного Сантандера немислима. Но заявить об этом во всеулышание — значило навлечь на себя доносы в Москву с обвинением в «пораженчестве»...

Наступление Республики на Арагонском фронте ничего не изменило в ходе Сантандерской операции. Франко и Солчага продолжали завоевание Севера. Штаб каудильо поставил задачу — ликвидировать Северный фронт до ноября, когда снег закроет перевалы в Кантабрийских горах и сделает операцию невозможной.

Баскское правительство Агирре и генерал Улибарри 25 августа вылетели во Францию, откуда потом направились в Барсело-

ну. Уезжая, они выставили у заводов, мостов, электростанций пулеметные отряды с приказом пресечь попытки взрыва или поджога объектов. Горев, советские офицеры и коммунисты на подводной лодке эвакуировались в Хихон. Вышла из подполья «пятая колонна», которая захватила несколько общественных зданий и открыто потребовала прекращения боев.

Тогда Хунта Сантандера установила связь с итальянскими полевыми командирами и договорилась с ними об условиях сдачи. Баскские батальоны сдали оружие и знамена и обязались поддерживать «общественный порядок». Всем бойцам гарантировали жизнь и свободу от политических преследований. Сантандерские власти обещали освободить всех политзаключенных. Лиц с баскскими паспортами, прежде всего политиков и чиновников, итальянцы обещали выпустить за рубеж на прибывших в Бискайский залив нескольких иностранных пароходах — «кораблях надежды». Условия были доложены генералу Бастико, затем Муссолини и одобрены ими. Однако итальянцы не согласовали их с каудильо...

Спротивление прекратилось. 26 августа националисты без боя вступили в Сантандер, где их приветствовала значительная часть гражданского населения. Из тюрем невредимыми вышли политзаключенные, «корабли надежды» начали грузить беженцев. Казалось, сражение завершится компромиссом.

Однако через два дня возмущенный Франко добился у Муссолини и Бастико аннулирования условий капитуляции баскских войск. Капитаны иностранных пароходов получили приказы национальных и итальянских военных властей очистить суда от беженцев. Несколько итальянских офицеров публично осудили вероломство вождей. Генерал Бастико пожаловался на вероломного каудильо вновь прибывшему в Испанию Роатте, но и тот ничего не смог изменить. Сантандерские фалангисты произвели тщательный осмотр английских пароходов, после которого капитанам было приказано немедленно покинуть испанские воды. В их трюмах удалось спрятаться ничтожно малому количеству басков, прочие 31 августа стали военнопленными. Немедленно заработали военные трибуналы. Один из английских пароходов — «Пенитель семи морей», смело совершивший ранее несколько гума-

нитарных рейсов в Бильбао, был арестован вместе с капитаном Робертсом и командой. Арест длился свыше месяца.

Количество доставшихся Франко пленных было наибольшим во всей войне — почти 60 000 человек. Потери победителей были незначительны, а добычей стали важный порт, неразрушенные экономические объекты и до 40 000 единиц стрелкового оружия. Разоруженные баски полностью перестали сопротивляться националистам. Римские газеты назвали Сантандерское сражение «выдающейся победой итальянцев».

Победы на Севере окрылили Франко и особенно — Муссолини. Его подводный флот и авиация развернули в августе 1937 года в Средиземноморье настоящую крейсерскую войну, стараясь перерезать каналы обеспечения неприятеля.

Нападения следовали почти ежедневно, обычно в нейтральных (международных) водах на огромных морских пространствах от Черноморских проливов до берегов Прованса и Каталонии. Лодки и самолеты действовали без опознавательных знаков и применяли торпеды и бомбы без предупреждения, за что были прозваны в международной печати «пиратами неизвестной национальности». Среди атакованных преобладали испанские республиканские транспорты, но были также британские, греческие, французские, советские, норвежские суда. О подводном нападении сообщал тогда даже итальянский торговый пароход.

Около половины атакованных судов погибло. Такова, в частности, была участь двух советских грузовых теплоходов — «Тимириязева» и «Благоева». Первый из них был 30 августа взорван торпедой на параллели Скироса (Южная Греция), второй пошел ко дну 2 сентября на меридиане Порт-Саида. В нашей научной литературе имеются указания, что из полусотни советских транспортов, доставлявших военные грузы в Республику, погибло только два и один повернул назад. Одним из двух погибших скорее всего был «Комсомол», перехваченный в 1936 году «Канариасом». Вторым же, вероятно, стал «Тимириязев» или «Благоев»...

Правительство Муссолини всецело отрицало свою причастность к инцидентам и оспаривало право других держав (особенно СССР) обвинять Италию, аргументируя свою позицию тем, что прямых улик против нападавших не было.

После происшествия с британским эсминцем «Хэвок» лопнуло терпение англичан и французов. Инцидент напоминал настоящий бой. Торпедированный «неизвестными» «Хэвок» остался на плаву и ответил на подобное подобным — применил глубинные бомбы. Подлодка тут же ушла. Причиной атаки могло послужить внешнее сходство «Хэвока» с республиканскими эсминцами «Альседо» и «Лассага».

Лондон и Париж предложили провести международную конференцию против средиземноморского пиратства. Конференция прошла в начале сентября в швейцарском городке Нионе без участия испанских националистов и республиканцев (которых не пригласили) и Италии и Германии, которые отказались прислать делегатов. Зато был приглашен СССР.

Нионская конференция за несколько дней выработала общий механизм противодействия «неизвестным». Всем средиземноморским и черноморским государствам разрешено было патрулировать международные воды военными кораблями и применять силу против любых неопознанных подводных лодок. Между побережьем Испании и Мальтой, где нападения «неизвестных» были особенно частыми, патрульные полномочия передавались командованию французского и английского флотов. Всем подводным лодкам в международных водах Средиземноморья предписывалось до окончания испанской войны следовать под угрозой уничтожения только в надводном положении и лишь в сопровождении надводных кораблей.

В дни работы Нионской конференции у берегов Алжира произошла схватка между националистами и республиканцами. Адмирал Виерна предпринял самую крупную за всю войну операцию на путях сообщения. Получив сведения о следовании из СССР двух военных транспортов, он направил крейсеры «Балеарес» и «Канариас» под охраной бомбардировщиков на их перехват.

Встреча произошла 7 сентября 1937 года. Националисты опоздали — транспорты уже находились под охраной двух республиканских крейсеров и восьми эсминцев капитана 1 ранга Буисы. Не испугавшись количественного превосходства врага в торпедном оружии, Виерна развязал бой, рассчитывая уничтожить суда.

В отличие от классических морских сражений Первой мировой войны бой у мыса Тенес происходил на очень высоких скоростях (около 30 узлов, или почти 55 километров в час). Потому он принял характер огневого поединка между самыми быстроходными кораблями противников — тяжелым «Балеаресом» и легким «Либертадом», на которых держали флаг оба командующих. Скоростные данные крейсеров были примерно одинаковыми.

Националисты имели превосходство в толщине брони, калибре орудий и весе снаряда, но оно было парализовано слабой артиллерийской подготовкой их команд, практически не имевших морской практики. Республиканцы хуже маневрировали, но стреляли чаще и точнее.

Всего в этот день прогремело около 1000 пушечных выстрелов. Восьмидюймовая артиллерия националистических крейсеров так и не поразила врага, тогда как шестидюймовые орудия «Либертада» добились нескольких прямых попаданий. На «Либертаде» шел советский офицер В.А. Алафузов, наладивший обучение своих артиллеристов.

Вечером Виерна вышел из боя и отступил в Малагу, преследуемый республиканскими ВВС. По данным международной печати, «Балеарес» получил несколько надводных пробоин. На нем находилось до 90 раненых и убитых. Для его ремонта понадобилось более месяца. Республиканцы, по их данным, потерь и повреждений не имели.

Тенесский бой показал качественное преимущество легких республиканских крейсеров над тяжелыми националистическими. Но он же вскрыл плохое взаимодействие крейсерских и торпедных сил капитана Буисы. Пока новый «Либертад» и устаревший «Мендес Нуньес» успешно вели артиллерийский бой с лучше защищенным и бронированным противником, многочисленные эсминцы Буисы не только не проявили инициативы и не попытались выйти в торпедные атаки, но и умудрились разлучиться с «игреками» — ценными транспортами. Оставленные без конвоя невооруженные транспорты под воздушными налетами неприятеля вынуждены были выброситься на берег во французских территориальных водах. Позже им удалось сняться и вернуться в СССР.

Неудачно действовала республиканская авиация. Укомплектованная сухопутными пилотами, она не могла найти противника, а найдя — опознать и атаковать его.

Адмирал Виерна с решительными командирами и не подготовленными экипажами проиграл артиллерийскую дуэль, но достиг оперативного успеха — доставка очередной партии советских военных грузов в Картахену была сорвана.

В то же время «показ флага» Республики в Центральном Средиземноморье и отступление Виерны перед Буисой отрезвляюще действовали на итальянских фашистов. После Нионской конференции и Тенесского боя итальянское правительство отдало секретный приказ подводному флоту воздержаться от дальнейших атак «до новых указаний». Нападения «неизвестных» на суда третьих стран в международных водах сразу прекратились. Морская война была в основном загнана в рамки территориальных вод. Но ограничения не коснулись воздушной войны. Нападения же на испанские пароходы обеих сторон продолжались.

С другой стороны, СССР после гибели «Тимирязева» и «Благогоева» надолго прекратил отправку транспортов в Республику. Каналом советской военной помощи с осени 1937 года стала Франция.

Отборные силы националистов еще не дошли до Сантандера, когда Франко пришлось отражать новые удары Республики. Прието и Рохо подготовили наступательные операции в Арагоне на широком фронте. Оперативное руководство доверили генералу Посасу.

Готовя наступление на националистов, Республика нанесла новый удар анархистам. В начале августа республиканские регулярные войска насильственно упразднили подчинявшийся только ФАИ — НКТ Арагонский совет, физически истребили часть «бесконтрольных» и распустили созданные анархистами сельскохозяйственные коммуны. Созданные ФАИ — НКТ тайные хранилища оружия были конфискованы, арестовано или задержано более 600 человек. Операция напоминала поход на внешнего врага. Руководил ей дивизионный командир подполковник Листер. Он действовал под контролем Прието и Негрина и под надзором во-

енных советников из СССР, многие из которых специально прибыли в Арагон.

Захваченные врасплох анархисты с их старыми винтовками и самодельными «танками» (грузовиками с броневым покрытием) вынужденно подчинились воле ненавистного им государства. Часть анархистских лидеров осудила действия Валенсии, часть промолчала, но никто из них не призвал массы к действию. Руководители ФАИ — НКТ страшились воссозданных Негрином органов госбезопасности (СИМ).

Республиканский тыл был формально укреплен и унифицирован. Как и в националистической Испании, государство наступало на «бесконтрольных», уничтожая их или заставляя подчиниться. Но на боеспособности анархистских военных частей августовские события в Арагоне (как и майские в Барселоне) сказались весьма отрицательно, да и обещанная помощь Северу была отсрочена на две недели.

В ходе расправы с арагонскими анархистами Республика развернула на фронте от Хаки до Теруэля силы, равноценные восьми дивизиям. В них числилось до 80 000 человек, около 200 орудий и 100 бронеединиц, 140 самолетов. Впервые республиканская армия располагала сотнями грузовиков, из них были сформированы группы моторизованной пехоты.

По размаху операция немногим уступала Брунетскому сражению. Со стороны республиканцев участвовали лучшие их военачальники — Вальтер, Кампесино, Клебер, Листер, Модесто. Их действия координировались штабами главного советского военного советника Григоровича и фронтового военного советника Леонидова. Танкисты и летчики являлись главным образом советскими гражданами, грузовики тоже были сплошь советского производства.

Силы националистов выглядели менее внушительно. Каудильо в интересах действий на других направлениях давно уже обнажил Арагон, сняв оттуда бронесилы, кавалерию, авиацию и почти всю артиллерию.

Наступающим противостояли генерал Понте (сменивший тяжело больного Кабанельяса) в Сарагоссе и два полковника — Уррутиа в Хаке и Муньос в Теруэле. В их распоряжении к сере-

дине августа имелось около 20 000 штыков, довольно много пулеметов и минометов, 80 орудий, несколько германских зенитных батарей и 40 старых бронеединиц, но только 15 истребителей и ни одного бомбардировщика.

Один-два полка были выделены генералом Понте в резерв, который перебрасывали на опасные участки. По оценкам националистических историков, укреплений на Арагонском фронте не хватало по причине недостатка саперов и общего невнимания Саламанки к данному фронту.

Штаб каудильо полагал, что каталонцы по-прежнему заняты политическими усобицами и в военном отношении не опасны, а республиканская регулярная армия надолго обессилена из-за только что завершившейся Брунетской битвы. На Арагонском фронте у националистов укреплены были три названных города и отдельные поселки, а также все важнейшие высоты. На подступах к Сарагоссе при участии германских военных инженеров Кабанельясу и Понте удалось за год создать укрепленный район.

В отличие от Ла-Гранхи и Брунете, республиканцы в целях секретности перешли в наступление без предварительной артиллерийской и авиационной подготовки. 22 августа они атаковали Хаку — форпост националистов в предгорьях Пиренеев. А 24 августа они начали проводить военные операции против Сарагоссы и Теруэля.

Центральной из них была Сарагосская. Захватом столицы Арагона республиканцы собирались компенсировать поражения на Севере, выручить Сантандер (в Валенсии ошибочно полагали, что это еще возможно) и создать угрозу твердыням националистической Испании — Старой Кастилии и Наварре.

Как и при Брунете, первые дни битвы принесли Республике большие тактические успехи. 11-я дивизия нашла незащищенное место в расположении неприятеля. Наступая по незнакомой безводной местности, дивизия продвинулась за сутки почти на 30 километров и подошла с юго-востока вплотную к Сарагоссе, вызвав панику среди жителей города. Колокола городских церквей по приказу Понте звонили целую ночь. 35-я интернациональная дивизия захватила Кинто, Кодо и Медиану и угрожала Сарагоссе с юго-востока. Прикрывавший Сарагоссу поселок Бельчите был

обойден и окружен. Дивизия Клебера с боями приблизилась к Сарагоссе с востока на 3 километра, овладев несколькими фортами в ее ближнем пригороде Вильямайор-де-Гальего. С северо-востока к городу пробивалась 16-тысячная каталонская коммунистическая дивизия полковника Труэбы. Однако сила республиканского наступления иссякла уже на третий день сражения.

Хотя темпы наступления у всех полевых командиров, кроме Листера, были умеренными — не более 10 километров в сутки, тылы отстали от фронтовых частей, и сообщение нарушилось. Авангарды наступающих несли серьезные потери от огня из укреплений националистов, превративших поселки в маленькие крепости с круговой обороной, железобетонными фортами (дотами) и убежищами, о чем республиканские войска до операции не подозревали.

Ставка каудильо между тем вовремя перебросила из Кастилии две обученные полнокровные дивизии. В воздухе появилась итало-германская авиация, беспрепятственно атаковавшая коммуникации «красных», не защищенные зенитной артиллерией.

Генерал Понте воспользовался этим и с 27 августа начал наносить контрудары по вырвавшимся вперед неприятельским бригадам. Он остановил противника и на ряде участков отбросил его назад.

Огорченный срывом общего наступления и преувеличивший возможности националистов, генерал Посас уже на пятый день сражения — 28 августа полностью перестал контролировать обстановку. Находясь в Барселоне, не разобравшись в ситуации, он приказал войскам закрепиться и не наступать на Сарагоссу до овладения решительно сопротивлявшимися Бельчите и Кинто. На непременно взятии Бельчите — оплота арагонских монархистов — настаивали также активисты всех партий Республики. Снова в военные действия вторгались сугубо политические требования.

Поселок с двумя тысячами населения стал таким же центром сражения, как Брунете месяцем ранее. Полуторатысячный монархический гарнизон Бельчите и сотня русских эмигрантов-добровольцев более недели противостояли намного превосходящему их противнику с танками и авиацией. Защитников поддерживала и

славная история Бельчите — поселок выдерживал несколько осад и никогда никем не был взят штурмом.

Республиканцы стянули к Бельчите половину артиллерии и все танки. Они наносили удары с воздуха и отвоевывали у защитников поселка метр за метром, как Солчага делал это в Бискайе. Атаки генерала Понте со стороны Медианы с целью выручить осажденных успеха не имели. Но Медиану и Вильямайор националисты все же отбили.

К 6 сентября израсходовавшие последние боеприпасы Бельчите и Кинто были взяты. Победителям достались развалины, скудные трофеи и несколько десятков пленных, остальные защитники погибли. В числе убитых были и до конца отстаивавшие поселок русские изгнанники во главе с полковником Фоком, капитаном Полухиным и штабс-капитаном Шинкаренко.

Все республиканские оперативные ресурсы были растрочены. Наступление на Сарагоссу, которое Посас «отложил», стало теперь невозможным. Местные бои у Теруэля и Хаки продлились еще несколько дней, но ничего не изменили в положении сторон. Западный Арагон остался за националистами.

Прието был разгневан «занятием нескольких деревень» и потребовал продолжения операции. Модесто сняли с командования корпусом, а Вальтер и Листер едва не лишились дивизионного командования. Часть войск отвели на отдых, другие снова пошли в бой, когда Франко развернул наступление в Астурии. Корпусным командиром был назначен полковник Касадо.

22—27 сентября Республика атаковала Хаку. Затем Посас и Касадо еще раз попытались взять Сарагоссу. Из СССР через Францию было получено подкрепление — партия скоростных колесно-гусеничных танков дальнего действия «БТ-5». Сконструированные по американскому образцу машины несли не уступающие «Т-26» вооружение и бронезащиту, но были вдвое быстрее (60 километров в час на шоссе) и обладали гораздо большим радиусом действия, чем любой другой действовавший в Испании танк.

На знаменитых танковых маневрах 1936 года в Белоруссии (о которых был снят целый хроникальный фильм «Ударом на удар») «БТ-5» показали непревзойденными крейсерскими машинами.

Они совершали многокилометровые броски без дозаправки горючим, преодолевали небольшие реки и даже прыгали. Подкупала также их способность двигаться как на гусеницах, так и на колесах (в последнем случае — со 100-километровой скоростью!). Уязвимые же стороны «БТ-5» — большой расход горючего, недоработанность агрегатов и пожароопасные моторы — игнорировались одними и замалчивались другими.

Наступление «БТ-5» при поддержке 11-й дивизии у Фуэнтес-де-Эбро 15—17 октября вошло в историю как последний аккорд Сарагосского сражения.

В бой вступили 50 машин — треть танкового корпуса Республики. Местность снова была выбрана неудачно: предстояла переправа через речку Синку и окружавшую ее систему оросительных каналов. Националисты открыли шлюзы, и засушливая арагонская равнина превратилась в озеро. Пехота и артиллерия немедленно отстали от «БТ-5» и вынуждены были в одиночку бороться с противотанковой артиллерией националистов.

Потеснив неприятеля, взяв деревню Фуэнтес и продвинувшись на один-два километра к Сарагоссе, республиканцы расплатились за сомнительные достижения жестоким уроном в живой силе и технике. За два дня погибло 20 новых республиканских танков и выбыло из строя около тысячи солдат. Участники операции единодушно возлагали вину за провал на корпусного командира Касадо. Но часть ответственности лежала и на советских военных, безрассудно санкционировавших применение малонадежных крейсерских танков на неподходящей территории, где уместнее были бы испытанные машины непосредственной поддержки пехоты — «Т-26».

Общее соотношение потерь во всем Сарагосском сражении было не в пользу Республики. Она лишилась 30 000 убитых, раненых и пропавших без вести и по крайней мере 70—80 танков, националисты — 20 000 человек. 35-ю республиканскую дивизию они уничтожили — в ней, по данным потерпевших, осталось всего 12% состава.

Существенный урон националисты понесли только в авиации. Республиканские ВВС в конце сражения неожиданно предприняли хорошо подготовленную атаку Гарапильниосского аэродрома

под Сарагоссой. По данным самих националистов, за полчаса на земле от бомб и зажигательных пуль погибло 40 германских и итальянских машин, по республиканским данным — было выведено из строя около ста самолетов. Кроме того, сгорели все военные склады Гарапильниоса.

Из тяжелого и длительного Сарагосского сражения победителями вышли националисты. Вопреки расчетам Валенсии, стратегически мысливший и последовательный в действиях каудильо не остановил завоевания Севера. Известие о вражеских атаках в Арагоне он воспринял хладнокровно. Ради ликвидации Северного фронта он готов был временно пожертвовать даже Сарагоссой. Сантандер был занят националистами именно в критические дни боев в сарагосских пригородах, Астурии же не суждено было получить передышки.

Как и в дни Брунете, Франко и Понте меньшими силами и ценой меньших потерь отразили опасный прорыв «красных». Замысел противника они разгадали быстро и так же быстро нашли средство его обезвредить. Несмотря на смятение, царившее в полуосажденной Сарагоссе генерал Понте определил, что при быстроте продвижения Вальтера, Кампесино и Листерера на флангах еще опаснее наступление дивизии Клебера в центре, и постарался взять ее в клещи. Оставив врагу часть укрепленного пояса, Понте сохранил за собой Сарагоссу, Хаку и Теруэль.

У националистов хорошо были налажены снабжение войск и эвакуация населения. По признанию республиканцев, во взятых с ходу Кодо и Медиане они не обнаружили ни одного мирного жителя. Несмотря на внезапность атаки, все были вывезены. Превосходно действовала противотанковая артиллерия националистов, республиканские источники отмечали ее меткий огонь.

К разочарованию сторонников Республики, Арагонский фронт националистической Испании остался непоколебимым. Затраты времени, оружия и человеческих жизней, на которые пошли республиканцы, не оправдали себя.

Оборону Бельчите националисты превратили в очередной героический миф. Защитники поселка вслед за защитниками Алькасара, Овьедо, Сарагоссы, Теруэля и Уэски стали героями националистической Испании.

Республиканское командование и его советники повторили все основные ошибки, допущенные ими в Брунетской операции. Добившись внезапности, они не сумели воспользоваться ею. Наступавшие войска крайне медленно подпитывались необходимыми ресурсами, и победоносные дивизии быстро выбивались из сил. Республиканцы жертвовали главными задачами сражения стратегического масштаба (Сарагосса) ради второстепенных (Бельчите, Кинто), неразумно расходуя на их взятие пехотные дивизии и ценнейшие танковые резервы.

Утратив первоначальный темп, республиканские штабы, вместо того чтобы прекратить сражение втянули войска в мучительную борьбу на измор. Они достигали локальных успехов, но оказались не в состоянии превратить их в оперативный прорыв. Как повелось со времен Харамы, танки и танкисты напрасно гибли при штурме прочных, размещенных в складках местности и хорошо вооруженных каменных и железобетонных укреплений неприятеля.

Созданную Республикой мотопехоту так толком и не удалось применить по прямому ее назначению — для действий в оперативной глубине. Причиной стало даже не сопротивление врага, а неблагоприятное направление в огонь штатских шоферов, только что взятых из глубокого тыла и не знавших условий Арагона с его бесчисленными холмами и ложбинами и отсутствием воды. Зато небольшие мотопехотные части генерала Понте хорошо знали свое дело. Именно они остановили прорыв дивизии Клебера к Сарагоссе.

Очень плохую службу Республике сослужил ее пропагандистский аппарат. Барселонские и валенсийские газеты накануне наступления, опираясь рассказы нескольких перебежчиков превратили в разрозненные беспорядки на улицах Сарагоссы в целое народное восстание. Подобные статьи настраивали наступающих на скорую и легкую победу.

Каса-дель-Кампо, Ла-Гранха, Уэска, Брунете и Сарагосса стали провозвестниками самых изнурительных и малорезультативных сражений Второй мировой войны — Ельни, Ржева, Гжатска, Великих Лук, Витебска ...

На ходе операции конечно сказалась усталость бойцов и командиров Республики. Почти все войска недавно вышли из брунетского пекла и не успели как следует отдохнуть. Дивизионные командиры были взвинчены, что усугубило ставшую уже традиционной несогласованность их действий, превратившуюся под стенами Сарагоссы в настоящие междоусобицы и откровенное интриганство. Кампесино и Листер позже рассказали об этом в воспоминаниях, Клебер — в служебном отчете, а Вальтер (советский офицер Кароль Сверчевский) — в отчете и в диссертации.

Сверчевский, в частности, писал: *«Командиры проявили крайнюю недисциплинированность... Многие действовали исключительно в собственных интересах. Листер вел себя как необузданный феодал... На Клебера мы тоже не смогли оказать нужного давления».*

Клебер и Листер со своей стороны на цифровом материале доказали, что за счет их частей дивизия Вальтера получила усиленное артиллерийское и авиационное сопровождение, чем и объяснялся ее успех под Бельчите. Сарагосское сражение положило конец карьере международного революционера Эмиля Клебера. Человека, в честь которого испанцы слагали стихи, сместили, отозвали в СССР и арестовали. Не помогли протесты его офицеров и солдат.

Способный и самостоятельно мыслящий полевой командир, сыгравший заметную роль в Мадридском сражении, Клебер оказался в немилости сразу у нескольких инстанций — у руководства интербригад, Рохо и Прието. В Москве, по доносам Марти и Лонго, Клебера обвинили в «троцкизме». Ему суждено было через 15 лет закончить дни в колымском концлагере. Правящие круги СССР официально реабилитировали Клебера в 1965 году. Но и поныне многие работы об испанской войне обходят его молчанием.

Пауза на Северном фронте между Сантандерской и Астурийской операциями продолжалась всего четыре дня. 1 сентября, когда республиканцы увязли в штурмах Сарагосского укрепленного пояса, Франко и Солчага начали решающее сражение за Астурию.

В численности войск силы сторон были почти равны. Итальянский корпус Бастико после победы при Сантандере находился

на отдыхе. Несколько резервных дивизий ставка Франко вынуждена была отправить в Арагон. Тем не менее националисты обладали серьезным техническим превосходством и лучше снабжались. Они выдвинули против астурийцев около 40 000 штыков, 250 орудий, до 100 бронеединиц и не менее 250 самолетов ВВС, среди которых были только что поступившие из Третьего рейха «Штуки» — новейшие пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87».

Астурийцы тоже насчитывали до 40 000 человек, 80 орудий, несколько самодельных бронемашин и 15—20 самолетов — преимущественно старых голландских «Фоккеров-21» и чехословацких «Колховенсов». Войска были сведены в 86 батальонов и два корпуса, а командование доверено полковнику Галану и майору Сиутату. В сражении участвовало несколько советских офицеров во главе с «Горисом».

Запасы продовольствия в сырой и неплодородной Астурии были ничтожными. Подвоз извне прекратился — националистический флот подверг гавани плотной блокаде. Последние транспорты с военными и гуманитарными грузами под мексиканским флагом прорвались в Хихон в августе. Надежды на помощь с воздуха или с моря больше не было. Порты и посадочные площадки находились под постоянным наблюдением и периодически подвергались бомбежкам.

Не собиравшийся — в отличие от Хунты Сантандера — сдаваться, Совет Астурии и Леона применил крайние средства, чтобы продолжить сопротивление: поголовную военизацию мужского населения до 50 лет и массовые аресты подозрительных лиц. Тюрьмы Хихона и Авилеса были переполнены. Решительно вся недвижимость была национализирована.

Республиканцы всегда любили поговорить о страданиях женщин и детей во время войны, охотно осуждали взятие заложников. Однако в Астурии арестовывали жителей без различия пола и возраста. Как утверждали очевидцы, *«забирали даже мальчишек старше двенадцати лет, если их отцы были не за Республику, и девочек старше шестнадцати, если они были смазливymi»*. Это очень напоминало взятие заложников.

Солчага наступал и с юга, и с востока. Аранда временами поддерживал его атаками из Овьедо. Материальное преимущество

националистов долго не приносило плодов. В условиях осенних туманов и частых дождей наступающим трудно было находить в горных расщелинах небольшие и хорошо приспособившиеся к местности отряды республиканцев, еще труднее было в такой местности применять бронетехнику.

Республиканская пехота умело применяла опробованную еще гверильясами 1808 года тактику — гибкую оборону с действиями из засад, отходом днем и атаками по ночам. Аснар отмечал: «Враг цепляется за каждую пядь земли с невероятным упорством. Воздушные бомбардировки оказываются малоэффективными...»

К пятой неделе сражения националисты углубились в Астурию всего на 10—12 километров. Темп их продвижения не достигал 1 километра в день. Пришлось начать наступление еще и с запада — из Галисии, но и это не сразу возымело действие.

Успех пришел к националистам, когда у астурийцев кончилось продовольствие и они дошли до физического изнеможения. 10—11 октября Солчага разрезал наконец оборону республиканцев на реке Селье. В последующие несколько дней он расширил прорыв, и к 17 октября националисты проникли в сердце Астурии.

Под непрерывными бомбежками оборона астурийцев распалась. Из Валенсии Прието приказал эвакуироваться морем. Одни батальоны гибли, другие отступали к гаваням, третьи — в Кантабрийские горы. Хихон шахтеры оставили без боя. Через несколько часов власть в городе перешла в руки «пятой колонны», которая по радио вызвала войска националистов.

В ночь с 20 на 21 октября все уцелевшие плавучие средства Астурии — военные, торговые и рыболовные, нагрузившись до отказа дружинниками и беженцами, снялись с якоря, рассчитывая пробиться во Францию. Добрая половина судов погибла или была захвачена националистами. Прочие достигли французских гаваней — Байонны, Бордо или Сен-Назера. Всего удалось спасти около 10 000 человек. Часть из них через Францию направилась в Каталонию.

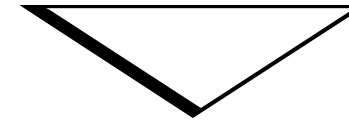
Совет Астурии и Леона и командование вывезли эсминец «Диес» и две подводные лодки. «Гориса» советские летчики вывезли по воздуху. Он спасся из окружения для того, чтобы быть отозванным в Москву, арестованным и расстрелянным.

Вечером 21 октября 1937 года националисты заняли Хихон. Организованное сопротивление на Северном фронте прекратилось. Фронт перестал существовать. Националисты одержали крупную стратегическую победу, овладев важным в военном и экономическом отношении Севером. В Саламанке, Бургосе, Вальядолиде, Памплоне торжествовали.

Астурия первой во всей Северной Испании вступила в борьбу с националистами и последней вышла из нее. В Астурии войска Солчаги взяли в плен 22 батальона, или около 10 000 человек, преимущественно раненых и больных. Не менее 35 батальонов — 18 000 человек ушли в горы, где продолжали сопротивление до февраля 1938 года, свыше 30 батальонов погибло ранее.

С апреля 1937 года воюющие стороны несли на Северном фронте внушительные потери. Республиканцы потеряли до 130 000 ранеными и убитыми и почти 100 000 пленными. Свыше половины пленных приходилось на Сантандерское сражение. Урон, причиненный националистам, тоже был значительным — почти 100 000 человек. Соотношение безвозвратных военных потерь составляло 1:3 в пользу националистов — 10 000 человек против 33 000 у «красных».

ГЛАВА 5

БУРЯ В ЛЕВАНТЕ

Левантом в Испании издавна называют восточную часть страны — Арагон, Каталонию и Валенсию. Во второй половине войны Леванту было суждено стать ареной главнейших битв, решивших исход всего конфликта.

После падения Астурии обе стороны нуждались в передышке. Затишье воцарилось на испанских фронтах. Более всего оно напоминало затишье перед бурей.

Победа националистов на Севере кристаллизовала изменения в ходе войны, подспудно накапливавшиеся с весны 1937 года. В руках Франко теперь находилось 60% испанской земли и около 50% населения. К продовольственным ресурсам «серой Испании» он прибавил индустриальные Бискайю и Астурию. На фронтах националистическая Испания располагал 350-тысячной хорошо обученной армией, в тылу — 300-тысячными подготовленными резервами, на море — активно действующим флотом. Войска были укомплектованы в три армии: Южную — Кейпо де Льяно, Центральную — Саликета и Северную — Солчаги.

Нравственной победой националистов стал осуществленный в ноябре 1937 года переезд правительства Негрина из Валенсии в Барселону, т.е. ближе к французской границе. Франко вытеснял республиканскую столицу с ее привычного места, подрывая авторитет Республики. Кроме того, неожиданный, не обговоренный с каталонцами переезд кабинета в «испанский Нью-Йорк» ухудшил отношения между центральной властью и Хенералидадом Компаниса. Столкновения двух разместившихся в одном городе правительств в дальнейшем искусно подогревала из-за кулис франкистская агентура.

В армии и флоте националистов не было межпартийных дрызг и царила твердая дисциплина. Управление войсками и контроль над поведением военнослужащих были очень четкими. Франко знал не только испанскую историю, но и историю гражданской войны в России и извлекал уроки из поражения, постигшего наше Белое движение.

В разгаре войны каудильо нашел время встретиться с делегацией офицеров-белоэмигрантов, приехавших сражаться на его стороне. *«Я много думал о вашей борьбе, — сказал он им. — Почему вы не победили?»* Ответы эмигрантов об огромном численном перевесе красных и их вероломстве не устроили его. Он покачал головой: *«Нет, причина в другом. У вас в тылу не было порядка. У меня этого не будет»*. И действительно — белоэмигранты отмечали, что в тыловых городах националистической Испании не было видно фланирующих по улицам или праздно сидящих в ресторанах штабных офицеров, которыми в свое время кишел колчаковский и деникинский тыл.

Все офицеры националистических войск имели право находиться в тылу не более трех суток подряд, независимо от причин (свадьбы, рождения ребенка, болезни близких и др.), иначе их немедленно доставляли в военный трибунал. Ставка каудильо в Саламанке, а затем в Бургосе размещалась не в лучшем здании города, а в обыкновенном, с виду и не особенно большом двухэтажном доме. Посетителей ставки поражало малое количество штабных офицеров. Националисты шаг за шагом «испанизировали» армию: численность марокканских войск и их роль в сражениях неуклонно снижались. К 1938 году на фронте и в тылу оставалось менее 40 000 арабских кавалеристов — менее десятой части всей армии. Состав итальянского корпуса был с согласия дуче наполовину разбавлен солдатами-испанцами.

(Заметим, что политика «испанизации» армии не мешала каудильо взять на службу наших белоэмигрантов. Им сразу разрешили вступить в Иностраный легион, причем не на общих основаниях, со званием не выше унтер-офицерского, а на льготных условиях — в лейтенантских званиях. При всем своем хваленном испанском великодержавии националисты уважили также просьбу

белогвардейцев о русскоязычных пропагандистских передачах, которые вскоре зазвучали из Саламанки и Хаки.)

К 1938 году Франко располагал отлично функционирующей военной разведкой, которой умело руководил полковник Хосе Унгриня. Полковник был застигнут войной в штабе 1-й дивизии в Мадриде, но позже бежал к националистам. Его назначение на ответственный пост свидетельствовало об отсутствии у каудильо приписываемой ему мании преследования.

Унгриня и его штаб постоянно поддерживали контакты с разветвленной 30-тысячной фалангистской и монархической агентурой в неприятельском тылу и оперативно осмысливали полученную отсюда информацию. Благодаря разведке националисты получили тщательно законспирированных агентов во многих республиканских органах — войсковых и флотских штабах, интенданствах, муниципалитетах.

Как следствие — националистическое командование всегда было в курсе межпартийных интриг в Республике и нередко находило способы поощрения политических размолвок. Оно хорошо знало планировку республиканских укрепленных рубежей, было неплохо осведомлено о местах выгрузки поступающего к республиканцам иностранного военного снаряжения, а иногда — даже о настоящих фамилиях советских офицеров, хотя все они действовали под псевдонимами «Вальтеров», «Куперов», «Лоти», «Мартинасов», «Николасов», «Петровичей» и т.д.

Каудильо все более овладевал стратегической инициативой. Корпус преданных ему германских военных советников оставался стабильным. Его состав Геринг и Гитлер почти не меняли. Так, главный танковый военный советник (он же командующий бронетанковыми силами «Легиона Кондора») Вильгельм фон Тома проработал на данном посту у националистов почти всю войну. Главного авиационного советника националистов и командующего «Легионом Кондора» немцы сменили только раз: вместо Рихтгофена к Франко прибыл Шперрле.

Все германские военные советники не опускались званием младше майора, многие были офицерами генштаба, что свидетельствовало об их широком кругозоре (резкий контраст с военными советниками из СССР, среди которых господствовали стро-

евые офицеры вроде бывших кавалеристов Кулика и Павлова, называвших себя «старыми боевыми конями» и откровенно презиравших «теоретиков»).

В марксистской литературе обычно подчеркивается, что Франко всецело зависел от военных поставок из-за границы и что их исправное прибытие позволяло каудильо постоянно наращивать мощность артиллерии, танков и авиации. На деле отношения националистической Испании и Третьего рейха развивались не так гладко.

Гитлер в обмен на вооружение настоял на допуске германских военных специалистов — саперов и артиллеристов на стратегически важные территории — Канарские острова и Марокко. Франко был вынужден согласиться. Затем Берлин стал добиваться принятия националистами «плана Монтана» — установления прямого контроля Третьего рейха над испанской добывающей промышленностью. Нацисты угрожали, что в ответ на отклонение плана Германия перестанет помогать националистам. Фактически они готовили Испании статус германской полукolonии. Из Саламанки и Бургоса после всевозможных отсрочек и отговорок (пропажи документации и т.п.) в сентябре 1937 года последовал решительный отказ. Франко объявил германскому послу: *«Ни за что. Лучше потерять все, чем отдать или заложить частицу национального богатства»*.

Когда же посол рейха намекнул, что без германского оружия и советников националисты рискуют проиграть войну, каудильо возразил почти в духе своего заклятого врага Ларго Кабальеро: «Уж лучше мы уйдем в горы и станем партизаниить». В отместку Гитлер и Геринг прекратили военные поставки из рейха и отказывались возобновить их в течение полугода — вплоть до начала 1938 года. Этот шаг не помешал националистам завершить завоевание Севера и отбить удары республиканцев в Арагоне. Оказалось, что националистическая Испания сильна вовсе не только германскими военными поставками.

С лета 1937 года к малоизвестному обозревателю «Дейли телеграф» Кардозо, уверенно предсказывавшему грядущую победу Франко, присоединились крупнейшие военные аналитики Запада вроде капитана Лиддела Гарта, полковника Шарля де Голля и

генералов Гейнца Гудериана и Джона Фуллера. Оптимизм же сочувствовавших Республике военных и политических обозревателей СССР, Мексики и США неизбежно снижался.

Имевшие только военное образование вожди националистов успешно разгадывали и экономические ребусы. В националистической Испании на основании военного положения власти решительно вмешались в экономические процессы. Они заморозили цены и зарплату, чем поддержали курс песеты и спасли население от тягот инфляции. Спекуляция сурово преследовалась и потому не прижилась на территории националистов.

Отсутствие золотого запаса они восполнили энергичной и жесткой финансовой и налоговой политикой. Как в тогдашнем СССР, населению националистической Испании предписывалось сдавать государству драгоценные металлы, иностранную валюту и ювелирные изделия в обмен на наличные деньги. Налоговое бремя правительство Франко упорядочило и перераспределило в ущерб высокооплачиваемым слоям. Были введены налоги на доходы свыше 60 000 песет в месяц и на питание в ресторанах (каждое блюдо надлежало оплачивать в тройном размере). Учреждены были также «налоги роскоши» — на табак, вино и на военные нужды. Их платили все слои общества, кроме духовенства.

Функции Испанского банка с успехом исполняли два его филиала в Бургосе и Севилье. К 1938 году националисты напечатали в Германии песеты нового образца и постепенно изыали из обращения прежние — республиканские. После этого, невзирая на отсутствие у националистов золотого запаса, на биржах Лондона, Парижа, Амстердама, Танжера за националистическую песету давали вдвое-втрое больше, чем за республиканскую.

Несмотря на мобилизацию, перебоев с поставкой в города и армию продовольствия, очередей в магазинах и т.д. не отмечалось. Нормы выдачи продовольствия по карточкам были заметно выше, чем в Республике.

Частный сектор был несколько сокращен конфискацией собственности сторонников Республики. В остальном отношении экономика контролировалась в основном несколькими фирмами. Националисты не занимались «коллективизацией» и «муниципализацией». Однако действия частных фирм, особенно экспорт-

но-импортные, находились под неусыпным контролем органов власти.

Тыл националистической Испании стал к 1938 году вполне спокойным. Большая часть фалангистов и монархистов перешла на положение младшего партнера каудильо, прочие внутренние оппозиционеры находились в тюрьмах или выехали за рубеж. Республиканских агентов на националистической территории было немного. Очагами партизанского движения оставались только Астурия и Эстремадура. И дело было не только в постоянных политических репрессиях, как уверяли противники Франко, репрессии активно применяла и Республика. Если на территории националистов за годы войны, по разным подсчетам, было истреблено от 72 000 до 88 000 человеческих жизней, то на республиканской погибло или пропало без вести от 70 000 до 86 000 человек.

Однако тыл националистов был прочнее и безопаснее республиканского. Ведь власти националистической Испании, в отличие от Республики, были безжалостны не только к политическим противникам, но и к уголовникам. Их сторонники каудильо не объявляли «жертвами бесчеловечного эксплуататорского общества» и не выпускали сотнями из тюрем. Националистический тыл был разоружен, а гражданская гвардия и фалангистская милиция исправно блюли правопорядок. Поддержанию одного и охране военной тайны способствовали запрещение проституции и спортивных состязаний и еще раньше — закрытие всех увеселительных заведений. Многочисленные административные ограничения не коснулись только любимой испанцами корриды.

Чудеса политико-управленческого искусства показал Кейпо де Льяно. «Севильский шут» и «палач Андалузии», как его называли враги, заключил серию экономических соглашений с Германией и Италией. Независимо от Бургоса он получал в обмен на сырье и продовольствие автомашины и стрелковое оружие. Он даже оказался реформатором: Кейпо до конца войны отменил на подвластной ему территории арендную плату, чем успокоил многочисленных и буйных андалузских бедняков.

Кроме того, Кейпо уговорил крупнейших землевладельцев Южной Испании (Луку де Тену, Мединасели, Романонесов и др.)

бесплатно уступить крестьянству часть земель и тем расширил массовый характер диктатуры.

Проще говоря, пьянице и солдафону Кейпо, болтавшему по радио — «Сегодня я упьюсь шерри-бренди, а завтра возьму Малагу», удалось то, что смогли сделать очень немногие политики всех времен и народов. А именно — он в условиях трудной войны существенно смягчил земельный вопрос, приглушил экономические противоречия в деревне и превратил немалую часть обездоленных из приверженцев Республики в сторонников националистов.

О политической стабилизации в националистической Испании говорила замена в январе 1938 года малочисленной и уже не справлявшейся с делами Государственной исполнительной хунты полноценным временным правительством из 12 человек. Трое из них, включая каудильо, были кадровыми военными, четыре — монархистами, два — фалангистами. И еще два были приятелями Франко, не имевшими определенных политических взглядов. Из 11 министров четверо, включая Серрано Суньера, ранее были узниками республиканских тюрем, из которых совершили побег. Они на собственном опыте познали, против кого ведут борьбу.

Генералитет в лице Франко возглавлял правительство. Генералы занимали посты военного министра (Давила), министра общественного порядка (Анидо), верховного комиссара Марокко. Монархисты получили посты министра иностранных дел (граф Гомес Хордана), финансов (Андрес Амадо), юстиции (Родесно), образования (Сайнс Родригес). Фалангистам каудильо доверил два второстепенных министерства — сельского хозяйства и труда. Важный пост министра внутренних дел занял родственник Франко, бывший правый республиканец Серрано Суньер. Местом пребывания правительства каудильо избрал Бургос, куда были переведены все правительственные ведомства. Националистическая Испания обрела временную столицу.

Победы на Северном фронте заметно укрепили международные позиции националистов. Все ведущие мировые державы (кроме СССР) перестали их называть мятежниками. К 1938 году с Франко поддерживали дипломатические отношения 26 государств

Латинской Америки и Европы. Помимо Германии, Италии и Португалии, так поступили Швейцария, Бельгия, Ватикан, Венгрия, Польша и около десятка латиноамериканских республик. Страны, не сделавшие этого, тем не менее стали открывать в националистической Испании консульства или торговые миссии.

Считавшая себя демократической страной Британия после падения Астурии, в ноябре 1937 года, направила в Саламанку своего официального агента, статус которого напоминал посольский. Аргументировалось это с характерной английской учтивостью защитой деловых интересов Британии и ее подданных *«в западных районах Испании, которые в настоящее время прочно заняты силами генерала Франко»*.

Вскоре Государственная исполнительная хунта заключила с британским агентом экономическое соглашение. В обмен на продолжение вывоза бискайской железной руды в Англию каудильо получил у лондонских банкиров заем на 1 000 000 фунтов стерлингов.

Английское правительство все чаще ставило перед Комитетом невмешательства вопрос о наделении Франко правами воюющей стороны, однако каждый раз решение вопроса упиралось в вето со стороны СССР и Франции. Правительство в Бургосе в свою очередь выражало возмущение происками «советского и французского империализма», а печать СССР клеймила «интриги лондонского Сити».

Между тем непризнание националистов воюющей стороной лишало Англию, Францию и СССР возможности требовать у Бургоса компенсаций и извинений при всевозможных инцидентах... (Ведь с точки зрения данных держав и Лиги Наций, националистической Испании юридически не существовало!) Кажется, сами националисты до конца не понимали выгод своего положения. В целом же националистическая Испания на втором году войны уверенно смотрела в будущее. Мятежники мало-помалу обрели облик законной власти.

К 1938 году главный штаб каудильо был занят подготовкой новых ударов по Республике. Германские советники рекомендовали наступать одновременно на Гвадарраме в Кастилии и под Теруэлем в Арагоне, но осторожный Франко не собирался распы-

лять силы и утвердил только операцию на Гвадарраме. Она должна была последовать в декабре, но ее пришлось отсрочить из-за борьбы с партизанами в недавно занятой Астурии.

Позиция же Республики выглядела не столь уверенной, как годом ранее. К ноябрю 1937 года республиканцев покинул былой оптимизм («августовский», «апрельский» и др.), и впервые ощутилась усталость от войны и внутренних конфликтов.

Сокрушить националистов на широком фронте ни разу не удалось. Многочисленные местные успехи — от Сесеньи и Гвадалахары и от Пособланко до Тенеса — не слились в общую победу, человеческие и материальные потери были гораздо больше, чем у врага.

Расшатанная беспечностью вождей и нетерпением масс республиканская экономика работала, не используя всех своих возможностей. Несмотря на бесконечные призывы партий и профсоюзов, производительность труда оставалась ниже, а трудовая дисциплина — хуже, чем в националистической Испании. Каталония давала вчетверо меньше военно-промышленной продукции, чем в 1914—1918 годах, когда ее заводы работали по французским подрядам, обслуживая Западный фронт Первой мировой войны.

На 15-м месяце испанской войны Кольцов мрачно отмечал: *«Сегодня Барселона не работает по случаю праздника (Дня независимости Каталонии. — С.Д.). Завтра — по случаю субботы. Послезавтра — по случаю воскресенья... Уравниловка носит издевательский характер. Чернорабочему платят 18 песет, квалифицированному рабочему — 18.25, инженеру — 18.50»*.

Народный фронт отверг довоенную аграрно-сырьевую и валютную политику, не приняв взамен никакой другой. Из-за непомерных военных расходов песета обесценивалась. В 1938 году на международных биржах за республиканскую песету давали в 4—5 раз меньше, чем за националистическую. Рыночные цены на питание угрожающе росли, зарплата же была повышена только в 1,5 раза. В глубоком тылу портились солидные запасы миндаля, пробки, калия, без движения лежали руды различных металлов и древесина. Многочисленные общественно-государственные комиссии произвольно налагали запреты на их вывоз, сами же ни-

чего не вывозили, ссылаясь на блокаду и бомбежки. Между тем частные предприниматели-каталонцы, имевшие смелость нарушать запреты, умудрялись продавать сырье за границу и получать выручку в инвалюте.

Хотя более половины населения Республики жило в деревне, продовольственные ресурсы за год войны были исчерпаны. Республика все более полагалась на поставки советского, американского, голландского и шведского продовольствия, но из-за морской блокады оно далеко не всегда прибывало вовремя и в нужном количестве.

На республиканцев надвигался голод. Карточные продовольственные нормы пришлось сильно урезать. К 1938 году мясо, рыба и даже хлеб стали предметами роскоши. Обращала на себя внимание нехватка рыбы в приморской Каталонии и мяса — в селах скотоводческой Кастилии, молоко полагалось только детям. Не хватало топлива, обуви, табака, стекла.

Советское вмешательство в испанские дела, запрещение ПОУМа, репрессии против анархистов несколько консолидировали тыл, но окрасили политическую жизнь Республики в сумеречные тона. Многопартийность напоминала декорацию, за которой скрывалось могущество служб безопасности и преобладание друзей СССР — социалистов Негрина и компартии. Левореспубликанские партии, каталонские и баскские националисты, многие социалисты не без оснований полагали, что скоро наступит их очередь. К тому же войне не было видно конца, а шансы на победу с каждым днем уменьшались.

В среде тех, кто не был согласен с продолжением войны и с влиянием СССР на Республику, все чаще стали раздаваться голоса в пользу мирного урегулирования. У Хулиана Бестейро появлялось теперь много единомышленников.

Осведомители различных рангов доносили в Москву, что осенью 1937 года в гостиницах Барселоны и Валенсии вполголоса шли разговоры о необходимости прекращения огня, об общеиспанских выборах под контролем Лиги Наций, которые помогут остановить разрушение страны и примирить испанцев. За рубежом закулисные попытки достичь мира по соглашению предпринимали баски, каталонцы, сторонники Прието, причем одни из них

допускали посредничество Англии, другие — Ватикана, а третьи — Италии.

Количество же союзников и доброжелателей Республики стало сокращаться. Уменьшалась численность интербригад, их вклад в вооруженную борьбу. Многие их члены стали самовольно переходить в анархистские дивизии или уезжать на родину, чего ранее не случалось. Мельчал сам контингент. С общим затягиванием войны в интербригадах усилились отлучки с передовой, пьянство, частыми стали хищения имущества, рукоприкладство командиров. Участились межнациональные конфликты. Немцы и англичане возмущались политическим засильем французов (читай — Андре Марти), поляки — засильем итальянцев (в благоволении к итальянцам обвиняли Пальмиро Тольятти и Луиджи Лонго). Все шире практиковалось тюремное заключение недовольных интербригадцев. Арестованных помещали в тайные тюрьмы, куда не имели доступа республиканские власти.

Давно было отмечено, что с середины 1937 года претерпела изменения советская политика в Испании. Руководивший однопартийным государством Сталин разочаровывался в многопартийной демократической Республике, далеко не все руководители которой слушали указания из Москвы. Ныне известно, что во время майского совещания 1937 года в Кремле с участием Кольцова и Кулика о ситуации в Испании немногословный Сталин бросил пессимистическую фразу о слабости республиканцев. И имелось в виду не только длительное отсутствие у них «чистых» военных побед, но и нежелание Народного фронта пресечь любую критику СССР. Особенно должна была раздражать Кремль терпимость Республики к полутроцкистскому ПОУМу.

Летом 1937 года к этому фактору прибавились другие. Средиземноморские коммуникации Республики оказались перерезанными Италией. Два транспорта с военными грузами погибли, два вернулись назад, не выполнив задания и едва избежав захвата. Власти тоталитарного СССР болезненно воспринимали каждое ущемление авторитета страны. Им было важно сохранить облик непобедимого и неуязвимого государства, и после гибели «Комсомола» они старались любой ценой предотвратить пленение оче-

редного советского экипажа. Ведь это так или иначе означало бы длительный контакт моряков с «капиталистическим окружением».

Советские правящие круги взяли курс на ограничение объема военной помощи Республике. Военные грузы стали направлять через Францию. Но это поставило советские поставки в прямую зависимость от «милости» или «немилости» часто менявшихся французских кабинетов, что тоже не могло не раздражать Кремль.

Советскому Союзу Хуан Негрин был удобнее, чем Ларго. Он передал СССР испанский золотой запас, разгромил ПОУМ (хотя неохотно и не до конца). Но и при Негрине много грязной работы пришлось выполнять советским советникам и «помощникам». Они теперь слишком хорошо знали о самых темных страницах испанской войны, и Кремль начал от них избавляться.

1937 год прошел под знаком массового отзыва на родину советских граждан, работавших в Республике с первых месяцев войны. Значительную их часть (далеко не всех!) в Москве ждали репрессии. Не только из Испании, но и из истории надолго исчезли Антонов-Овсеенко, Берзин, Гайкис, Горев, Клебер, Кольцов, Розенберг, Сташевский, Штерн. Под предлогом заботы о здоровье отзывали также советников среднего звена — Алафузова, Армана-Тылтыня, Батова, Воронова, Кузнецова, Мамсурова, Мерецкова, Павлова, Родимцева, которые в своей массе хорошо сработались с испанцами. (Возможно, это и стало истинной причиной их отзыва.)

Присылаемых им на смену новых советников и «помощников» Москва меняла каждые 3—5 месяцев. Главного военного советника в Испании до конца войны меняли трижды (Берзин — Штерн — Качанов — Шумилов). В СССР шли массовые аресты и перестановки кадров, особенно сильно это проявлялось в армии, службах безопасности и дипломатическом корпусе. Аресты усилили нервозность и неразбериху. Отбор кадров для работы в Испании окончательно стали производить по формально-анкетной системе.

Почти все направленные в Республику в 1938—1939 годах советские граждане не знали иностранных языков, не обладали должным военным и дипломатическим опытом и находились в

невысоких званиях. Например, если Горев был дивизионным командиром, Штерн — корпусным, а штатский Кольцов числился бригадным комиссаром, то вместо них в Республике появились полковые комиссары, комбаты и едва ли не ротные командиры в капитанских и лейтенантских званиях. Снизилось и качество подготовки «технических помощников» — танкистов, пилотов, артиллеристов, моряков, что опять же объяснялось политическими потрясениями в однопартийном, но отнюдь не монолитном СССР.

Из нескольких сот военных советников, прошедших через вторую половину испанской войны, положительный вклад в ход операций внесли только армейцы Р.Я. Малиновский и М.С. Шумилов, моряк Н.А. Питерский.

Конечно, при Негрине Республика официально создала регулярную армию большей, чем у противника, численности — свыше полумиллиона бойцов. Армия имела к 1938 году единое командование и постоянно действующий генштаб. Премьер-министр был популярен среди фронтовиков.

«Негрин нравился армии, — писал Генри Бакли. — Он был отзывчив, сообразителен, приветлив, оперативен, часто бывал в войсках. Он был мотором военных усилий, и солдаты понимали это».

Но сохранявшийся недостаток опытного командного состава заставлял терпеть на армейских и флотских постах множество малоспособных или сомнительных офицеров. Ими кишели, например, служба фортификации, интендантство и многие штабы — от полковых до высших. (Недаром фронтовики-республиканцы часто задавали риторический вопрос: «Где кончается неспособность и начинается предательство?» У националистов такого вопроса не возникало.)

Из-за предательства в конце сентября была сорвана намеченная Прието и Рохо крупная Каламочско-Теруэльская операция на стыке Кастилии и Арагона. Ожидали, что ее плодами станет выручка Астурии, уничтожение Теруэльского выступа, угрожавшего Валенсии, и коренное улучшение обстановки во всем обширном районе между Мадридом и Пиренеями. Но от операции пришлось отказаться, за несколько дней до ее начала посвященный в

план наступления командир кавалерийской бригады перешел на сторону националистов.

Имея на линии огня больше живой силы, чем противник, Республика на втором году борьбы в 3 раза уступала националистам в численности подготовленных резервов. Все это сказалось во время бури в Леванте, куда переместился центр тяжести военных действий.

Второй военной осенью полковник Рохо вернулся к планам принятия решительных мер на юго-западе Испании. По его предложению из лучших войск была создана 120-тысячная Армия маневра. Рохо настаивал на ее наступлении в Эстремадуре к португальской границе, во фланг армии Саликета. С выходом к этому рубежу армии надлежало круто повернуть на Рио-Тинто — Севилью — Кордову, разбить Южную армию националистов и овладеть плодородной Андалузией. Наступление, по мысли его разработчиков, открывало путь к полному разгрому Франко.

К декабрю подготовка к сражению была завершена. Часть дивизий уже находилась на исходных позициях, а несколько командиров во главе с эстремадурцем Кампесино в одежде пастухов побывали в тылу врага и провели серьезную разведывательную операцию. Однако вмешался военный министр, и наступление не состоялось.

Прието, все более думавший о компромиссе и примирении, вовсе не стремился к проигрышу войны. Но Эстремадурская операция казалась рискованной, а он не хотел ни большой победы, ни крупного поражения. Прието и его сторонники ориентировались на небольшой эффектный успех, который заставил бы националистов пойти на мирные переговоры. Поэтому было приказано вдвое уменьшить численность Армии маневра и перебросить ее с юго-запада на северо-восток. Местом сражения была избрана высокогорная провинция Теруэль и ее столица.

Действия военного министра впоследствии вызвали массу нареканий. Но недостаточно обоснован был и первоначальный вариант сражения, тоже страдавший надуманностью, присущей планам Висенте Рохо — теоретика, прирожденного лектора и военного историка. Рохо исходил из незыблемости международного права, указывающего, что отступившие на территорию нейтраль-

ного государства войска должны разоружиться и не участвовать более в военных действиях. Хорошо известная враждебность Португалии к Республике не принималась в расчет. А ведь даже при полном успехе удара в Эстремадуре войска Саликета скорее всего продолжали бы сражаться на португальской территории при содействии правительства Салазара, а Армия маневра получила бы в это время удар в тыл со стороны Кейпо де Льяно.

По-видимому, в тех условиях Республике правильнее всего было бы наступать непосредственно в Андалузии, несмотря на гористую местность (в конце концов на Северном фронте тоже была гористая местность). На Южном фронте были горные проходы и следовательно шансы на прорыв в «красную Испанию» и на поддержку горняцкого населения. В пастушеской Эстремадуре же было целесообразно ограничиться сковывающими действиями — скажем, перерезать автостраду Севилья — Саламанка. Наступление на Теруэль вводило республиканцев в горные кручи, в глубь «серой Испании» и к тому же к общеиспанскому полюсу холода. Кроме 60 000 солдат, в нем участвовало 240 орудий, около 100 бронеединиц и почти все республиканские ВВС — до 200 самолетов.

В ходе подготовки к сражению состоялось примирение приетистов с коммунистами. Хуану Модесто вернули командование корпусом. Вальтер, Листер, Кампесино остались на прежних постах. Командовать Армией маневра поставили малоспособного, зато лояльного к Прието и коммунистам старого служаку — генерала Сарабию.

Сильно поредевшие интербригады находились на отдыхе и в отличие от многих других битв, не должны были участвовать в наступлении. Теруэльское сражение по мысли Прието и Рохо должно было стать чисто испанской битвой. Операция была строго засекречена, войска сосредоточены скрытно, местность разведана агентурно и с воздуха. Наступление развернули в очень плохую погоду, что помогло достичь эффекта внезапности и поставило националистов в трудное положение.

15 декабря республиканцы, пользуясь морозом и густым снегопадом, без артобстрела и бомбежки перешли в атаку на флангах. Наступая по узким горным дорогам и метровым сугробам,

они с разных сторон обошли неприятеля. К 17 декабря республиканские клещи сомкнулись в долине реки Альфамбры севернее Теруэля. Его защитники, именовавшиеся 52-й дивизией (9000 солдат и гражданских гвардейцев военного губернатора провинции полковника Рея д'Аркура при 100 орудиях), оказались в мешке.

Малочисленные и не ожидавшие нападения заслоны националистов из-за метели не смогли определить даже примерной численности противника. Отвечая Сарабии непродуманными, беспорядочными контратаками, они отступили в расходящихся направлениях — частью в Кастилию, частью в Верхний Арагон. В ставке каудильо и штабах его армий чувствовалась растерянность. Несколько дней ушло на препирательства между испанцами и иностранными гражданами. Немцы во главе с фон Тома и Шперле требовали ответить на прорыв «красных» ранее намеченным ударом на Гвадарраме, уверяя, что Саликет может дойти до Мадрида. И снова каудильо не пошел на риск двух больших сражений сразу. Он не хотел смириться с потерей провинциальной столицы и окружением военного губернатора.

20 декабря Франко, вопреки позиции германских офицеров, отменил уже почти подготовленное наступление в Кастилии (до его начала оставалось 72 часа) и перенацелил сосредоточенные севернее Мадрида силы Саликета (восемь дивизий) на восток. Выручку окруженного Теруэля он доверил испытанным полевым командирам — победителю в долине Тахо Вареле и герою Овьедо Аранде.

В распоряжении высшего республиканского командования было два-три дня, чтобы ввести в бой резервы и, преследуя рассредоточенного противника, выйти на удобные естественные рубежи в 40—50 километрах северо-восточнее окруженного Теруэля. Тогда республиканцам удалось бы целиком срезать Теруэльский выступ, угрожавший Леванту, и занять исходные позиции для удара в тыл националистической цитадели — Сарагоссе. Но Прието не дал Сарабии и рвавшемуся вперед Модесто подкрепления и приказал им остановиться на невыгодных рубежах в 5—10 километрах от города. Главные силы Армии маневра военный министр сознательно бросил на выполнение узкой тактической за-

дачи — овладение стоящим на скале в малонаселенной местности Теруэлем с его 20-тысячным населением.

21 декабря республиканцы, несмотря на сильнейшую метель, ворвались в Теруэль и овладели большей его частью. Войска Рея д'Аркура и добровольцы-фалангисты стойко, но без уверенности в успехе держались в нескольких зданиях — губернаторском доме, казармах, монастыре и банке. Их судьба была решена. Однако Прието решил показать неприятелю и всему миру великодушие республиканцев и их готовность к примирению. Он приказал щадить город, беречь жизни женщин и детей и дать окруженной группировке возможность сдаться. По его настоянию по радио жителям Теруэля был гарантирован свободный выход — было разрешено эвакуироваться под белыми флагами группами по 25 человек на Сарагосском шоссе. (Предложением почти никто не воспользовался — теруэльцы опасались обмана.)

Все это готовило предпосылки к примирению, но затрудняло и затягивало военные действия. Поэтому бои в маленькой провинциальной столице стоили наступающим сначала потери темпа, а затем и инициативы и продолжались целых две недели. 26 декабря Прието и Рохо объявили в сводке о победоносном завершении сражения и стали снимать с передовой войска, отводя их на отдых. Но обещания Прието повисли в воздухе, националисты и не подумали вступить в мирные переговоры.

Двумя днями позже — 28-го, пользуясь улучшением погоды, Варела и Аранда пустили в ход превосходные силы авиации и перешли в наступление на внешнем фронте окружения.

Реалистически настроенный Рей д'Аркур умело оборонял город, но понимал, что огромное огневое и численное превосходство врага лишает его сопротивление перспектив. В отличие от полковника Москардо, он отвечал за 15 000 жизней мирных жителей. По телеграфу полковник просил разрешения сдаться, если положение станет безвыходным. Из ставки каудильо Рею д'Аркуру предписали «верить в Испанию, как она верит вам», надеяться на Варелу и Аранду и ни в коем случае не складывать оружие.

За три дня националисты отбросили неприятеля назад к стенам города. Новогодней ночью они достигли крупного тактичес-

кого успеха — прорвались в Теруэль, уже оставленный республиканской пехотой, и едва не овладели им. Этому воспрепятствовали советские танкисты. 1—2 января на линию огня вернулись остальные дивизии Армии маневра и оттеснили националистов на несколько километров к западу от города.

7 января 1938 года остатки теруэльского гарнизона, лишившиеся артиллерии, медикаментов и боеприпасов, сдались. Республиканские сводки сообщили о захвате 5000 пленных и 7000 винтовок. Среди пленных были Рей д'Аркур и епископ Теруэльский. Пленные были отправлены на принудительные работы, а полковник и епископ — в тюрьму. (Попытки Прието ограничиться высылкой епископа за границу не были поддержаны большинством министров, включая Негрина).

Хотя Рей д'Аркур сопротивлялся до последней возможности, Франко был рассержен. По его мнению, теруэльская капитуляция перечеркнула победы под Сантандером и в Хихоне. Единственный раз за всю войну его войска вышли к противнику с белым флагом и сложили оружие. Каудильо назвал полковника «паршивым предателем». Трибунал националистов заочно приговорил полковника к смертной казни.

В Республике царил очередной «январский оптимизм». Взятие захолустного Теруэля провозгласили «великой победой мирового значения». Газеты и радио славил «товарища Прието» и фронтовых командиров и внушали уверенность в скорой общей победе. Пораженческая пропаганда затихла. Активизировался республиканский флот, который стал каждую неделю выходить из Картахены на поиски националистических крейсеров.

В Италии Чиано сердито комментировал: *«Из Испании — неважные новости. Франко — великий батальонный командир. Стратегического плана у него нет. Он постоянно борется за территорию, а не за победу над вражескими войсками».*

Германский посол Эберхарт фон Шторер был осмотрительнее в выражениях, но сообщал в Берлин из Бургоса нечто похожее: *«Главный результат Теруэльской битвы — повышение боеспособности красных. У них улучшилось положение с дисциплиной, а также с боеприпасами, артиллерией, продовольствием. Если Франко не получит внешней поддержки, он не сможет выиграть войну».*

Гитлер и Геринг реагировали на сражение, во-первых, напоминанием каудильо о его растущих долгах Третьему рейху, во-вторых, очередным сухим требованием принять «план Монтана», а в-третьих — снятием негласного эмбарго на военные поставки в националистическую Испанию. Сходную позицию занял Муссолини.

Из сказанного видно, что взятие Теруэля привело многих (даже союзников Франко) к недооценке сил националистов и переоценке возможностей Республики. Повторялся феномен Мадрида и Гвадалахары.

17 января сражение под Теруэлем закипело с новой силой. Бои шли в самых непривычных для испанцев условиях — в глубоком снегу и при 20-градусной стуже. От них в равной степени страдали обе стороны. Обмороженные и заболевшие исчислялись тысячами. Теруэль стали называть «адским котлом». Автомобильные и танковые моторы часто отказывали, и тогда нарушалось снабжение. На шоссе Валенсия — Теруэль однажды завязла в сугробах огромная автоколонна из 400 грузовиков. Если при Брунете сражавшиеся проклинали кастильскую жару, то под Теруэлем — арагонский холод.

Инициативой прочно владели националисты, которые, преодолев массу трудностей, подтянули из Кастилии крупнокалиберную артиллерию. Прибыл также Иностраннный легион генерала Ягуэ. В небе появлялись уже не единицами, как ранее, а большими группами новинки авиационной техники — германские «Мессершмитты-109», «Дорнье-17» и «Юнкерсы-87», итальянские «Бреды-65» и «Фиаты-20». «Дорнье» и «Хейнкели» вели дальнюю разведку, «Юнкерсы», «Савойи» и «Бреды» сбрасывали бомбы, а «Мессершмитты» прикрывали их.

Германо-итальянские самолеты, поддерживая наземные войска, одновременно нанесли в январе серию неожиданных бомбовых ударов по республиканскому тылу. В первую очередь пострадали Барселона и Валенсия. Республиканские бомбовозы в отместку атаковали Вальядолид, Саламанку и Севилью.

Создав превосходство в огневых средствах, а затем и в количестве бойцов, националисты разрушали оборону врага и оттесняли его к востоку. Прието и Сарабия вынуждены были вызвать

из тыла интербригады, но их ввод в сражение ничего не изменил. Других пополнений республиканцы в январе—феврале не получили.

Генерал Сарабия стремился вернуть инициативу ударом в долине реки Альфамбры 25—29 января. Но усталые и плохо накормленные войска лишь потеснили неприятеля к западу на 3—5 километров, не разбив ни одной его бригады или дивизии. Линия фронта выгнулась в сторону националистов, облегчив им последующие фланговые удары.

Переутомление и холод, отсутствие смены вызвали бунты в нескольких республиканских дивизиях, где большинство составляли теплолюбивые каталонцы и андалузцы. У националистов бунтов не последовало, что говорило об их большой нравственной устойчивости.

Связав неприятеля у Теруэля, 7—8 февраля 1938 года националисты нанесли неожиданный комбинированный удар по выступу фронта в долине Альфамбры. Операцией руководили Аранда и Ягуэ. Кавалерия полковника Монастерио, с успехом заменившая танки, в тесном взаимодействии с ВВС прорвала оборону на флангах и постепенно окружала республиканцев, те в беспорядке отступали к Каталонии. У Альфамбры они продержались всего несколько суток. Сражение у Альфамбры стало последним в военной истории большим кавалерийским сражением. В последний раз большие массы конницы выполнили роль высокоподвижных войск, решивших исход операции.

Всего за два дня националисты при минимальных собственных потерях разбили две неприятельские дивизии, продвинулись на 40 километров, захватили 7000 пленных и сокрушили еще около 15 000 неприятелей.

Таким образом, Сарабия и Рохо впустую растратили последние резервы Армии маневра. Ее название теперь звучало как зловещая насмешка. Армия маневра истекала кровью в холодных траншеях.

Победа на Альфамбре окрылила националистов. 17 февраля они развернули пятое по счету наступление на Теруэль. Через три дня они охватили город с трех сторон и просочились в его пределы. Сарабия при непротивлении Прието и Рохо разрешил обескровленным войскам отступить.

Оставление Теруэля 22 февраля сопровождалось новыми ссорами между командирами-коммунистами. Три дивизии вовремя выскользнули из мешка, но оставили неприятелю массу военного имущества и умышленно покинули без поддержки 46-ю дивизию Кампесино (по его мнению). Остатки дивизии с трудом провалились через боевые порядки врага. Подозреваемые же — Листер и Модесто уверяли, что причиной окружения 46-й дивизии была заносчивость и неповоротливость Кампесино. Обвинения выдвигались также против главного военного советника из СССР — Штерна. Социалисты полагали, что он намеренно способствовал поражению Республики, чтобы скомпрометировать Прието.

Те и другие обвинения остаются недоказанными, хотя Штерн вскоре отозвали в Москву и направили на дальневосточную границу. Новым главным военным советником назначили К.М. Качанова, но он прибыл в Республику далеко не сразу.

Штерну предстояло изведать сражения на Халхин-Голе и в Финляндии, служебные понижения, арест и расстрел в 1941 году.

Потери сторон в «морозной битве» были жесточайшими. У националистов насчитывалось 14 000 погибших и пленных, 16 000 раненых и 17 000 обмороженных и больных — всего 47 000 человек. Республиканцы лишились почти 55 000 человек, из них около 20 000 — пленными, а также 60—70 орудий и 40—50 танков. Метели и туманы препятствовали воздушным боям. Тем не менее каждая из сторон потеряла по 50—60 самолетов.

Теруэльская победа сплотила националистов разных направлений. Ставке каудильо она позволила создать почву для дальнейшей успешной борьбы в Леванте. Наличие многочисленных обученных резервов и возобновление иностранных военных поставок помогли ему очень быстро восполнить потери.

К марту 1938 года высшее командование националистов стянуло в Арагон большое количество войск — до 300 000 человек. Между Теруэлем и Пиренеями на 300-километровом фронте Франко разместил пять испанских армейских корпусов («Галисия», «Кастилия», «Марокко», «Маэстраго», «Наварра») шестидивизионного состава каждый. Сюда же после смены состава и отдыха прибыл итальянский добровольческий корпус трехдивизионного

состава с новым командующим — генералом Марио Берти. Технические средства националистов, немцев и итальянцев насчитывали свыше 700 орудий и минометов, не менее 300 бронеединиц, до 800 самолетов ВВС.

Войскам была теперь поставлена решительная задача стратегического масштаба — «финальным ударом» разгромить врага в Арагоне, овладеть Каталонией и Валенсией и закончить войну. По обоснованным расчетам националистических и германских генштабистов, Республика, лишившись Каталонии и сухопутной связи с Францией, неминуемо сдалась бы.

Общая обстановка благоприятствовала националистам. Падение Теруэля, из-за обладания которым велась жестокая борьба, деморализовало республиканцев. Компартия потребовала найти виновников поражения. Прието на страницах «Эль социалиста» попытался их назвать: ими оказались коммунисты и анархисты, «не выполнившие до конца своего долга». Печать компартии мгновенно ответила кампанией против «пораженцев». Пока националистическая Испания праздновала победу и готовила «финальный удар», в Республике разгорелся сильнейший политический конфликт.

Зарубежные союзники националистов — Гитлер и Муссолини были на подъеме. Они увеличивали военную мощь и международное влияние, тогда как демократические державы находились в состоянии полной растерянности.

Но ранее запланированного в Бургосе решающего сражения на суше разыгралось большое морское сражение.

Ночью с 5 на 6 марта 1938 года из Пальмы вышла националистическая эскадра адмирала Виерны, состоящая из 3 крейсеров, 2 минных заградителей и 4 эсминцев с заданием выставить минные заграждения у вражеских берегов, а при появлении противника навязать ему бой.

Тогда же из Картахены на поиски неприятеля под флагом капитана 1 ранга Убиеты вышли 2 республиканских крейсера и 9 эсминцев с заданием морского министерства и адмирала Буисы — найти и разбить морские силы противника. После Тенесского боя эсминцы Буисы прошли основательную тренировку под руковод-

ством советских офицеров. Многие из них (Алафузов, Дроздов, Питерский) постоянно находились на кораблях.

Встреча эскадр произошла глубокой ночью почти в 100 километрах к востоку от мыса Палос. Националисты имели преимущество в количестве крейсеров, в эскадренном водоизмещении и в силе артиллерийского огня, республиканцы — в количестве кораблей и торпедных аппаратов. Скорость эскадр была почти одинаковой — около 30 узлов.

Артиллерийский огонь обеих сторон в темноте и на больших скоростях оказался безрезультатным. Убиета пытался маневрировать, стараясь прижать Виерну к берегу. Националисты, убедившись, что не в силах реализовать преимущество в количестве и качестве крейсеров, повернули к югу, в сторону Африки. Половина эсминцев Убиеты тщетно пыталась настигнуть неприятеля, найти противника помогли радипеленгаторные станции. По настоянию советских офицеров он взял курс на юго-запад, наперерез Виерне.

Адмирал Виерна после первой стычки не искал боя, но и не уклонялся от него. Вероятно, он из опыта Тенесской операции был уверен в беспомощности республиканских торпедных флотилий. Не отказался он и от плана постановки минных полей, поэтому в третьем часу ночи эскадры снова сблизились.

Крейсеры возобновили артиллерийский бой, но снова ни разу не попали друг в друга. Три эсминца Убиеты между тем вышли на дистанцию торпедного залпа, но их офицеры утверждали, что расстояние якобы слишком велико и стрелять бесполезно. Тогда приказы были отданы советскими офицерами. По их команде эсминец «Санчес» выпустил единым залпом 4 торпеды, «Лепанто» — пять и «Антекера» — еще три.

Две или три торпеды поразили «Балеареса». После взрывов 10000-тонный крейсер вспыхнул и стал погружаться. Огромный пожар осветил море на несколько километров в окружности. Еще одна торпеда попала в «Канариаса», заклинив его винт. Корабль лишился хода, и националистам пришлось буксировать его.

Эскадра националистов, ошеломленная гибелью флагмана, спешно оставила поле боя. Полуразрушенный «Балеарес» пошел ко дну утром 6 марта под бомбами республиканских ВВС. Вмес-

те с кораблем погибло свыше 700 человек, в том числе адмирал Виерна. Республиканцы потерь и повреждений не имели.

Республиканское правительство наградило многих участников сражения. Буиса, Убиета и советские офицеры были отмечены орденами.

Палосское морское сражение подтвердило могущество торпедного оружия и уязвимость больших надводных кораблей. Оно стало крупнейшей морской битвой межвоенного периода и первым сражением, в котором был потоплен крейсер нового («вашигтонского») поколения. Массовый торпедный залп 6 марта 1938 года стал первым в истории западных флотов.

Героями сражения стали матросы-торпедисты и советские офицеры, которые нанесли крупное поражение качественно сильнейшему врагу. Гибель новейшего крейсера вызвала болезненную реакцию в ставке каудильо. На ремонт «Канариаса» у националистов ушло несколько месяцев. Затем республиканские ВВС подбили в открытом море «Альмиранте Серверу». Все основное боевое ядро флота националистов было выведено из строя. Преемнику погибшего Виерна — адмиралу Морене пришлось вводить в бой стоявший в резерве старый крейсер «Наварру», чтобы уравновесить превосходство, обретенное Республикой на море. Однако националисты сохранили и упрочили преимущества на главном театре военных действий — сухопутном.

После поражения под Теруэлем Прието и Рохо рассчитывали поправить ситуацию наступлением в другом конце страны — в Андалузии. Директиву об этом Рохо подписал 22 февраля. Туда были переброшены почти все войска из Леванта.

Всего Республика имела в Арагоне в первой декаде марта 1938 года немало живой силы — около 200 000 человек при умеренном количестве техники (300 орудий, около 100 бронеединиц и 60 самолетов). При правильном образе действий этого могло хватить на длительные оборонительные бои с небольшим территориальным проигрышем.

Но в Арагоне у республиканцев не было ни плана действий, ни сплошной обороны. Многие дивизии, обескровленные Теруэльским сражением, не получили пополнения и отдыха. Половина бойцов не имела винтовок. Почти треть бронеединиц состав-

ляли самодельные танки и бронемашины, кустарно построенные каталонскими анархистами. В войсках ощущалась вражда между кастильцами и каталонцами.

Плохая оснащённость войск Арагонского фронта объяснялась болезненными потерями материальной части под Сарагоссой и Теруэлем. СССР, правда, выделил новую большую партию вооружения и боеприпасов, но французское правительство отказалось пропустить ее в Республику.

Что еще хуже — высшее командование и войска Республики нацелились на наступление. Они готовились наносить удары на юге, а не отражать их. В Арагоне республиканская оборона на всем 400-километровом Арагонском фронте оставалась недопустимо слабой. На втором году войны она по-прежнему состояла только из одной неглубокой прерывчатой полосы небрежно выполненных окопов и траншей. Долговременных бетонированных укреплений (фортов) так и не построили. Не было также колючей проволоки и мин, по-прежнему не хватало лопат.

Ни у войск, ни у фронтовых командующих — Миахи, Посаса, Сарабии и др., ни у военного министерства и генштаба не было также понимания, что Арагонский фронт становится основным и решающим. Главным очагом борьбы почти все по привычке считали Центральный фронт и ожидали вражеских подвохов в районе Мадрида.

9 марта 1938 года националисты сильнейшими артиллерийской и авиационной силами начали генеральное наступление в Арагоне южнее Эбро и взломали республиканские позиции. Военному равновесию наступил конец.

Две каталонские дивизии сразу обратились в бегство у Альканьиса, даже не дождавшись наземной атаки. Создалась брешь, в которую немедленно двинулись ударные части националистов — целых два корпуса. Им навстречу пришлось бросить не оправившийся от теруэльских потерь 5-й корпус Модесто. Более суток он удерживал позиции, а потом под угрозой окружения оставил их.

12—13 марта между рекой Эбро и Теруэлем республиканской обороны уже не существовало, лавина националистических дивизий двигалась к Средиземному морю. *«Вперед на всех парах!»* — торжествовал в Риме Чиано. Иностраннный легион Ягуэ

сметал все на своем пути. Под Бельчите и Каспе националисты умело применили дымовые завесы. Фронт до самого Монтальбана был полностью сокрушен. Националисты и итальянцы продвигались с огромной по испанским меркам скоростью — по 15—20 километров ежедневно.

Обращала на себя внимание осмотрительность националистического командования. Прорвав фронт и выйдя на оперативный простор, оно тут же заменило осуществившие прорыв бригады и дивизии свежими частями генералов Гарсиа Валино и Эскамеса. Ударные группировки поэтому постоянно сохраняли здоровый наступательный порыв, и наступление не выдыхалось.

Обнаружились плоды измены. В первые же дни битвы к националистам перешли многие высшие офицеры 10-го корпуса и начальник связи фронта. На основании подложного приказа республиканцы оставили крупный коммуникационный узел — Каспе. Бельчите, взятие которого стоило республиканцам тяжких потерь, тоже был занят националистами без борьбы, хотя его укрепления были восстановлены и усилены.

А население сел Арагона, уставшее от республиканского безбожия, произвола «бесконтрольных» и бюрократической неразберихи, встречало националистов колокольным звоном и фалангистским салютом. За неделю националисты прошли с боями до 65 километров, образовав в Нижнем Арагоне глубокий выступ и обойдя с юга группировку неприятеля на северном берегу Эбро. Республиканское командование, считая неудачи на юге кратковременными, запрещало сарагосской группировке отступать.

Воспользовавшись медлительностью и самонадеянностью неприятеля, националисты 16 марта обрушили на эту группировку удары в сходящихся направлениях. Наступление распространилось на север до Хаки, а затем до Пиренеев. Повсеместно националисты продолжали одерживать успехи.

Настроение в Барселоне все ухудшалось. Там готовились к походу на Сарагосу, а не к отступлению. Разгрома, который затмил поражения у Брунете, Сантандера и Теруэля, не ожидал никто. В военном министерстве царила растерянность. *«Фронт и тыл, казалось, рассыпались. Пораженчество проникло во все уголки. В такой обстановке было невозможно установить, где*

кончалась неспособность и начинались интриги вражеских агентов... Всем, кто хотел его слушать, Прието рассказывал о безнадежности ситуации. Он сообщал об оставлении даже тех пунктов, которые еще были в наших руках. Он ругал усталых полевых командиров, возлагая на них всю вину. Время от времени он восклицал с видом победителя: «Мы погибли!» — вспоминал Альварес дель Вайо.

В генштабе, напротив, сохранялось олимпийское спокойствие, вряд ли уместное в той ситуации. Советские штабные офицеры во главе с Малиновским настаивали на немедленном ответном ударе неприятелю во фланг — в направлении на узел дорог Ихар. Рохо не соглашался, ссылаясь на необходимость подождать прибытия сил и средств, и выгодный момент через несколько суток навсегда был упущен.

Не пытались Рохо и Посас прибегнуть к хорошо известному из военной истории приему — отскоку (отрыву от неприятеля). Этот прием применяли в разное время Ганнибал, Цезарь, Генрих IV, Барклай-де-Толли, Кутузов, Жоффр, он позволяет выиграть время и силы, жертвуя пространством.

Вместо встречного удара или отскока Рохо и Посас направляли в сражение фронтовые резервы, чтобы подпереть и остановить отступавшие дивизии, вводили резервные войска в дело мелкими порциями, стремясь не поразить ударные группировки врага, а только заткнуть дыры. Только что выгруженные из эшелонов и не знавшие местности солдаты усиливали общую путаницу и вместо подспорья оказывались обузой. Они несли неоправданные потери отставшими, втягивались в общий поток отступления и растворялись в нем, что увеличивало урон без существенной отдачи.

Вскоре генштабу пришлось требовать помощи у Центрального фронта генерала Миахи, у которого было много свободных войск. Но эгоистически настроенный и напуганный Миаха отказался направить их в Левант. Его штаб неверно оценивал намерения врага и полагал, что из Арагона Франко повернет к Мадриду. Центральный фронт ограничился несколькими демонстративными бесплодными атаками на Гвадарраме, на которые националистическое командование не отреагировало.

Продолжая натиск в Леванте, националисты усилили воздушные бомбардировки республиканского тыла. Серией последовательных налетов на Картахену авиация Кинделана и Шперрле вывела из строя два республиканских крейсера — «Либертад» и «Сервантес», частично взяв реванш за поражение Виерны при Палосе. Затем «легионарии» подбили несколько эсминцев.

16—18 марта были отмечены массированными налетами итальянской «легионарной авиации» на каталонскую столицу. Пользуясь слабостью каталонской ПВО, группы «Савой», «Капрони» и «Фиатов» бомбили город каждые три часа, совершенно не пытаясь попасть в военные объекты. Не знавший ранее налетов «испанский Нью-Йорк» за несколько дней разделил участь Мадрида — он был обезображен развалинами, разбитыми трамваями, поваленными столбами с обрывками проводов. Сброшенные на Каталонию листовки извещали, что такие бомбежки продолжатся до капитуляции Барселоны.

Первоисточники неоспоримо указывают, что разрушение Барселоны проводилось по прямому приказу из Рима, в обход ставки каудильо, что вызвало брожение в националистическом тылу и протесты со стороны Франко. Но с 19 марта бомбежки надолго прервались. Оказалось, что в события вмешался Негрин. Он через Францию передал в Рим, что прикажет флоту бомбардировать с моря ближайший к Каталонии итальянский порт — Геную.

21 марта вмешались «великие демократии». Французский посол в Барселоне Лабонн при согласии английского коллеги сообщил Асанье и Негрину, что им гарантируется политическое убежище во Франции, а республиканскому флоту — в Тулоне или Бизерте. Негрин отклонил предложение.

Между тем националисты наращивали успех. 25 марта их войска, занявшие весь Арагон, завязали бои на каталонской территории. На другой день Прието открыто заговорил о полной невозможности сопротивления. Он настаивал на мирных переговорах с противником.

Вскоре Прието, прозванного «сильным человеком Республики», открыто поддержали каталонский Хенералидад Компаниса, баскское правительство в изгнании, президент Республики и председатель кортесов. В Мадриде его был готов поддержать прежний

соперник — Бестейро. Наметились контуры возможной коалиции примирения, намеревавшейся прекратить разрушение Испании.

К апрелю 1938 года международная печать заговорила о победе националистов и о конце испанской войны как о решенном деле. «*Все мы тогда верили, что Каталония сдастся*», — писал позже всецело сочувствовавший Республике американский посол в Барселоне Клод Бауэрс.

Против компромисса и капитуляции выступил СССР, испанская компартия, анархисты и часть социалистов. Выразивший их настроения Негрин с подачи коммунистов призвал армию и народ продолжать сражаться. В крупных городах прошли демонстрации под лозунгами: «Нет компромисса, кроме разгрома Франко!», «Долой пораженцев!», «Долой министра обороны!» Премьер-министр в обход военного министерства приказал возводить укрепленные пояса, создавать новые молодежные дивизии из юношей и подростков.

Прието Негрин предложил покинуть пост военного министра. Ему были даны на выбор посты министра общественных работ и министра без портфеля. Прието, разумеется, не согласился, понимая, что его лишают власти и вытесняют из политики, сознательно оставляя в кабинете на положении заложника министерской солидарности. Он был решительно против допуска подростков в армию, справедливо видя в этом акт отчаяния и истребление потомства.

Затягивая время, Прието не уходил в отставку и отказывался от перемещения на другой пост. Военный кризис тесно сплелся с политическим. «У красных царит полный хаос», — деловито сообщал германский посол в Бургосе Эберхарт фон Шторер.

Мир по соглашению, к которому стремились Прието, Асанья, Агирре и Компанис, окончательно стал невозможным из-за позиции националистов. Как и в дни Теруэльской битвы, правительство Франко проводило курс на полную победу, а не на компромисс.

Перед лицом опасности анархисты пошли на сближение с коммунистами. 2 апреля НКТ сделала шаг, от которого отказывалась три года — присоединилась к Народному фронту, премьер-министр посулил ей место в кабинете. Фактически анархистское руководство подчинилось гегемонии компартии и Негрина.

В западной Каталонии националисты встретили очень сильное противодействие и вынуждены были остановиться в долине реки Сегре, протекающей с севера на юг. Но они все же заняли одну из баз каталонской энергетики — Тремп. Барселона и вся Каталония оказались на голодном электрическом пайке. Падение Тремпа стало предтечей будущего паралича каталонского индустриального сектора.

Предприимчивый генерал Ягуэ настаивал на марше вглубь Каталонии, к ее незащищенной столице. В Каталонии совсем не было укреплений. Однако каудильо резонно опасался военного вмешательства Франции и сильного сопротивления каталонцев на их родной земле. К тому же путь преграждали две глубокие реки — Эбро и Сегре, почти все мосты через которые были взорваны противником.

Ставка Франко запретила войскам приближаться к французской границе больше чем на 50 километров и приказала наступать не на север, а на юго-восток, к морю. Часть генералов-националистов (Аранда, Кинделан, Ягуэ) и часть историков считают это крупнейшим стратегическим промахом каудильо, существенно затянувшим войну.

Зато армейский аппарат националистов работал исправно. Исполняя волю вождя, националисты быстро перегруппировали силы, сосредоточили пехотно-моторизованный и танковый кулак южнее Эбро и вновь прорвали вражеский только что воссозданный фронт.

Как ранее в Бискайе и Астурии, в воздухе безраздельно царила авиация наступающих. Генералы Шперрле и Кинделан нашли новый способ увеличить численное превосходство ВВС над полем боя — они стали применять все машины, включая истребители, непосредственно в интересах пехоты и танков.

С республиканской стороны рухнувшего фронта из дивизии в дивизию колесил «альбасетский мясник» — Андре Марти, выискивавший и каравший предателей. Количество расстрелов перед строем, все чаще без следствия, росло с угрожающей быстротой, но результаты были противоположными. Интернациональные бригады, вместо того чтобы сплотиться, распались в прямом и переносном смысле. Несколько сотен их бойцов попало в

плен (ранее из интербригадцев в плену оказывались только единицы).

Националисты продолжили марш к морю. 1 апреля южнее Эбро они овладели Гандесой, а 4 апреля севернее Эбро, после недельных боев с 43-й дивизией Кампесино — Леридой. Войска Аранды уже видели с господствующих высот синь Средиземного моря.

Затем у горного кряжа Бесейте националисты опять остановились, подвергшись атакам во фронт и во фланг. В трудное положение попал итальянский корпус. *«Развернулись жаркие бои... Атаки итальянцев отбиты Листером... Отчаянная защита красными Тортосы... 11-я дивизия дралась с подлинным ожесточением. Дивизия держится под таким сокрушительным артиллерийским огнем, который теоретически выдержать невозможно... Наше наступление зашло в тупик»*, — рассказывает Мануэль Аснар.

По оценке участника «весеннего сражения» в Леванте Малиновского, у республиканцев в начале апреля еще сохранялась возможность не допустить расчленения Республики и помешать выходу противника к Средиземноморскому побережью. Негрин добился у Миахи переброски из Кастилии двух свежих дивизий, и они уже вступили в сражение. Прибывали каталонские рекруты. Массив Бесейте был удобен для обороны и создавал помехи наступающим националистам, коммуникации которых растянулись. С флангов и с тыла закрепившимся на кряже республиканцам ничто не угрожало. Техническое превосходство националистов в горах значило далеко не столь много, как на равнинах Арагона. Активная длительная оборона южнее Эбро стала не только возможной, но и необходимой.

Однако Рохо и Посас утратили стратегическое понимание событий и волю к победе. Находясь в шоке, который пришел на смену первоначальному слепому оптимизму, они думали только о спасении Каталонии. Защитникам кряжа Бесейте вскоре было приказано отходить на север, за Эбро. Валенсийское направление тем самым было обнажено. Националисты захватили южную часть Тортосы.

В разгаре боев на Бесеите получил разрешение бушевавший в республиканской столице глубокий политический кризис. Под нажимом республиканских служб безопасности наметившаяся была коалиция примирения распалась. Компанис, Агирре, Асанья отказали Прието в поддержке.

6 апреля попавший в политическую изоляцию Прието в знак протеста против действий Негрина, коммунистов и анархистов вышел в отставку. Его портфель премьер-министр взял себе. Однако Негрин не предал своего прежнего ментора суду и не позволил выдвинуть против него обвинений. Вскоре премьер-министр назначил Прието «специальным послом в Латинской Америке». Это несколько напоминало изгнание. По пути за океан Прието надолго остановился в Париже. Там он опубликовал серию статей «о причинах поражения Испанской Республики».

В составе кабинета последовала рокировка — компартия отозвала Эрнандеса, назначенного генеральным комиссаром армий Центра. Его министерский пост занял герой обороны Астурии, умеренный анархист Сегундо Бланко. В Париж отправили ноту, провозглашавшую «войну до победы».

15 апреля 1938 года наваррские дивизии полковника Алонсо Веги с боями вышли к Средиземному морю у рыбацкого городка Винароса и заняли 50-километровый участок побережья. Сражение приближалось к концу. Радостные солдаты входили в холодные морские волны до пояса, многие кропили себя водой. Армейские священники отслужили благодарственные молебны. Во всей националистической Испании звонили колокола. В Бургосе и Саламанке состоялись банкеты.

«Победоносный меч каудильо рассек надвое Испанию, еще остающуюся в руках красных», — ликующе писала националистическая газета «АБЦ».

В пятидневном «весеннем сражении в Леванте» националисты одержали крупную победу, ставшую переломным пунктом всей войны. Они окончательно овладели Арагоном, заняли часть Каталонии, вышли на подступы к Барселоне и Валенсии и разрезали республиканскую территорию надвое.

Военный перевес националистов очертился теперь с полной отчетливостью. Количество националистических провинций воз-

росло к маю 1938 года до 35, тогда как количество республиканских сократилось до 15. Остававшийся в руках республиканцев центр Испании был теперь отрезан от своего военно-промышленного каталонского арсенала и от французской границы. Координация действий республиканских армий отныне нарушена.

Республиканцы за пять недель битвы оставили врагу важные территории и потеряли не менее 50 000 ранеными и убитыми, более 35 000 пленными и свыше 60 000 дезертирами, то есть гораздо больше половины войск, имевшихся на Арагонском фронте к 9 марта. Они лишились также большей части участвовавшей в битве военной техники и почти половины автотранспорта. Интербригады получили роковой удар и фактически сошли со сцены. Армии Республики уже никогда не удавалось вооружить так же хорошо, как до «весеннего сражения в Леванте».

Правда, Негрин спешно вылетел в Париж, где добился открытия француско-каталонской границы. Советское вооружение по автострадам и железным дорогам снова стало поступать в Республику, но на его освоение рекрутами требовалось много недель. Часть легкого вооружения (винтовки, пулеметы) затем на подводных лодках и эсминцах переправили в центральную часть Республики.

Премьер-министр провел структурную замену военного руководства: Посаса и Сарабию перевели на менее заметные посты, уволили часть работников военного министерства. Повысили в званиях хорошо проявивших себя в Леванте Модесто, Листерера и Кампесино, против чего ранее упорно боролся Прието. Заместителем военного министра Негрин назначил коммуниста Антонио Кордона, произведя его в полковники.

Усваивая фортификационный опыт националистов, республиканцы стали возводить на подступах к Мадриду и Валенсии многополосные укрепленные рубежи.

Националисты в «весеннем сражении» потеряли не более 15 000—20 000 человек. Ущерб в технике был замечен, но подбитые орудия и бронеединицы остались на националистической территории и были отремонтированы.

Националисты победили противника не только количественным и качественным превосходством войск, с их стороны про-

грессировало военное искусство, их командование не уставало анализировать поражение войск противника. Захват территории считался делом второстепенным. В итоге националисты разгромили хотя и уступавшую им в силах и средствах, но все же большую — 200-тысячную группировку врага и заняли значительную территорию.

Республиканцы же умудрились повторить почти все азбучные ошибки, совершенные в предыдущих сражениях. Постоянное повторение одних и тех же ошибок указывало, во-первых, на органические пороки вооруженных сил Республики и, во-вторых, на уязвимые места в подготовке советского офицерства.

Республика вновь недооценила противника и переоценила собственные возможности. Далее, устремления командования по-прежнему направлялись на удержание населенных пунктов и высот, а не на поражение живой силы противника. Активная оборона оказалась потому республиканцам не по силам, хотя националисты показали очень удачные ее образцы при Хараме, Ла-Гранхе, Брунете, Сарагоссе и Теруэле. Штабы и высшее командование Республики по-прежнему действовали хуже фронтовиков. Им катастрофически не хватало гибкости, и они все время опаздывали.

Конечно, командованию и войскам было чрезвычайно трудно действовать в условиях вражеского господства в воздухе. Однако это означало, что командование и штабные службы не приняли во внимание уроков 6-месячной борьбы на Северном фронте. Численное превосходство неприятельских ВВС республиканцы по-прежнему старались компенсировать отвагой и искусством летчиков и требованием новых партий самолетов.

«Весеннее сражение в Леванте» обнажило недопустимую немощ республиканской противовоздушной обороны. Из-за плохой работы промышленности и близорукости генштаба Республика почти не производила жизненно необходимых ей зенитных орудий, и они насчитывались единицами. Имевшиеся образцы отличались низким качеством, начиная с малого калибра (20-мм) и ничтожной дальностью. Вероятно, слабость Республики в данном вопросе была зеркальным отражением неразвитости советской зенитной артиллерии. РККА тоже планировала отражать

воздушные атаки силами авиации и только к 1940 году стала получать первые партии современных 37-миллиметровых зениток.

Но республиканцы и Коминтерн имели возможности покупать через подставных лиц зенитные орудия в сопредельных странах с развитой частной военной промышленностью — особенно во Франции и Швейцарии. (Франция, например, к 1938 году уже имела хорошие образцы зениток 75-миллиметрового и даже 90-миллиметрового калибра.) Данные возможности до весны 1938 года почти не использовались.

Ссылки на политику «невмешательства» в данном вопросе ничего не объясняют. Ведь «невмешательство» не помешало Республике приобрести в Европе, Азии и Америке немалое количество разнообразного вооружения — например полевых орудий и гаубиц английского и японского производства, датских пулеметов, немецких и американских винтовок, американских авиамоторов и т.д.

Вполне естественно, что в подобных условиях «весеннее сражение в Леванте» стало триумфом германо-итальянской и националистической авиации. Она действовала на всю глубину фронта и тыла республики, нанося бомбовые и пулеметно-пушечные удары на пространствах от Сарагоссы до Барселоны и от Теруэля до Картахены.

Республиканские же ВВС с весны 1938 года обречены были вести «войну бедняков». Они несли огромные потери от многочисленной вражеской зенитной артиллерии и еще больше, чем в Мадридской или Брунетской операциях, должны были распылять и без того малочисленные силы и ресурсы.

Дилемму «помогать фронту или спасать тыл» авиационное командование Республики решило в 1938 году в пользу фронта. Отныне германо-итальянские «легионарии» безнаказанно терроризировали большую часть республиканского тыла.

Поражение республиканцев едва не стоило им советской военной поддержки. Весной 1938 года советский нарком иностранных дел Литвинов, безусловно выражая не только собственное мнение, дал понять Лиге Наций, что СССР прекратит вмешательство в испанские дела на условиях прекращения любой другой иностранной интервенции. Вскоре «Правда», подогревавшая ра-

нее ненависть к мятежникам и фалангистам, предложила не более и не менее как протянуть «руку примирения» националистам — «испанским патриотам».

В это же время Литвинов в частной беседе недовольно сказал одному из снабженцев Республики оружием — американскому журналисту Луису Фишеру: *«Вечные поражения, вечные отступления!»* Фишер возразил: *«Если вы пришлете им сразу пятьсот самолетов, они победят».* *«Столько авиации нам будет полезнее в Китае»*, — нравоучительно произнес Литвинов, напоминая, что СССР имеет опасных соседей на Дальнем Востоке, где Япония захватывала Китай.

Впрочем, СССР не покинул Республику, так же как Третий рейх и Италия не покинули националистов. Поставки советского продовольствия, горючего, медикаментов, одежды не прекращались, а вскоре после напряженного разговора Литвинова с Фишером советские пароходы доставили во Францию новую большую партию советского тяжелого вооружения, включавшего бронетехнику и авиатехнику улучшенных образцов.

Победы националистов приблизили окончание войны, но не ознаменовали его. Разрушение Испании продолжалось. В Республике виднейший сторонник примирения — Прието выбыл из строя. Но голоса в пользу прекращения войны теперь раздались среди националистов.

Много шуму наделала речь генерала Ягуэ на банкете фалангистов в Бургосе 19 апреля. Они собрались отпраздновать победу в Леванте, но решительный и безжалостный генерал, внесший заметный вклад в победу, заговорил не о радости и гордости, не о постыдном бегстве «красных», не о скором триумфальном въезде победителей в Мадрид, а совсем о другом. И начал свою речь с уважения к побежденным противникам.

«Ошибочно считать красных трусами, — заявил покоритель Эстремадуры, Кастилии и Арагона. — Нет, они стойко сражаются, упорно отстаивают каждую пядь земли и доблестно умирают. Ведь они рождены на священной испанской земле, которая закаляет сердца. Они — испанцы, следовательно, они отважны.»

Если я вступаю за обвиняемых в марксизме, за моих вчерашних врагов, то тем паче я должен вступить за основопо-

ложников нашего движения, за брошенных в тюрьмы фалангистов. Их нужно тотчас выпустить». Далее командующий Иностранным легионом предсказал: наступит день, когда испанцы — националисты и «красные» объединятся и освободят страну от иностранцев.

Ягуэ не остановился на сказанном и заговорил о широких политических репрессиях в националистической Испании. Генерал во всеуслышание осудил аресты и наказания испанцев только за то, что они раньше состояли в профсоюзах или давали платные объявления в социалистических газетах: *«Их следует немедленно освободить и вернуть их семьям. В их семьях — не только пустота и горе, в них закралось сомнение».* Он призвал освободить Эдилью и его соратников. Давно симпатизировавший Фаланге Ягуэ закончил речь фалангистским кличем *«Воспрянь, Испания!».*

Речь нашла отклик в сердцах собравшихся. Фалангисты восприняли ее серьезно и постановили напечатать. (Через несколько недель выдержки из речи появились даже в далеких от фалангизма московских «Известиях».) На другой день по предписанию каудильо генерала взяли под стражу и отвезли в Саламанку. Распространение текста речи немедленно запретили, Ягуэ грозил трибунал. Однако вмешались фалангисты-оппозиционеры, далеко не все из которых были запуганы судьбой Эдильи. Они осмелились напечатать речь в реквизированных ими типографиях Вальядолида. На стенах домов в националистической Испании появились листовки с коротким и решительным текстом: *«Воспрянь, Испания! Где генерал Ягуэ?»*

Через несколько дней после протестов фаланги Ягуэ без суда выпустили. Через несколько недель он снова командовал Иностранным легионом. Но Франко не приступил к освобождению политзаключенных и не вступил в мирные переговоры.

Призыв Ягуэ был услышан и по другую сторону фронта. Правительство Негрина провозгласило себя «правительством национального единства». О ненавистном националистам Народном фронте вспоминали все реже. Наследие изгнанного Прието не подавалось уничтожению.

1 мая 1938 года Негрин обнародовал «13 пунктов» — программу действий и одновременно основу мирных переговоров. Среди

них выделялись народный суверенитет, независимость Испании, вывод всех иностранных войск, свобода совести, социальное страхование, аграрная реформа, миролюбивая внешняя политика.

Со стороны республиканцев «13 пунктов» стали первым шагом к миру по соглашению и к общенациональному примирению. Ранее официально считалось, что война может завершиться только победой над националистами. Теперь же все республиканские партии, включая ранее непримиримых коммунистов и анархистов, выразили согласие с программой примирения. Затем ее одобрили кортесы.

Демонстрируя готовность к примирению, Негрин провозгласил отмену смертной казни. Он добился существенного смягчения гонений на церковь и религию. На свадьбах и похоронах, к неудовольствию анархистов и республиканцев, стали допускаться религиозные церемонии. Находившихся в Республике немногих священников Негрин пытался сделать посредниками на будущих мирных переговорах с противником. Таким образом, к концу второго года войны уставшие воюющие стороны стали пересматривать свои прежние экстремистские позиции.

Но «13 пунктов» не привели к прекращению огня и примирению. Обнаруженные Барселоной майские мирные предложения не вызвали положительной реакции огромного большинства националистов. Ведь «13 пунктов» слишком напоминали упрощенно-пропагандистский пересказ презираемой националистами демократической конституции 1931 года. Да и момент для мирной инициативы был выбран неудачно. Республика только что проиграла большое сражение. Гораздо вернее было бы сделать то же самое после военной победы — Гвадалахары, Пособланко или после взятия Теруэля.

Тогда Негрин и его министр иностранных дел Альварес дель Вайо продолжили линию, намеченную Прието. Они приступили к закулисным поискам мира по соглашению, настойчиво разыскивая посредников в Париже, Лондоне, Женеве и даже в Ватикане, в то же время рассчитывая на войну между великими державами.

Подобный курс Негрина отнюдь не радовал руководство СССР. Советские правящие круги были слишком настроены на

победу в любом деле, чтобы всерьез одобрить политику общенационального примирения. Ведь во время нашей гражданской войны красные вели против белых борьбу на уничтожение, до полной победы. Внутренние же трудности советского государства в 1937—1938 годах заставляли его руководителей сомневаться в целесообразности немедленной общеевропейской войны.

Все мирные авансы «красных» имели крайне ограниченные последствия. Франко летом 1938 года настоял на прекращении радиопередач Кейпо де Льяно, которые, по мнению ставки каудильо, ожесточали и сплачивали противника.

Кроме того, националисты стали демонстрировать рыцарское отношение к штатским республиканцам. ВВС генерала Кинделана принялись сбрасывать на голодавший Мадрид буханки хлеба и листовки, обещавшие сытую жизнь после падения Республики. При вступлении в каждый очередной город националисты раздавали жителям хлеб, сахар, рыбу, даже шоколад — правда только в течение одного дня.

Между тем уверенный в конечном успехе каудильо начал подготовку к новым военным действиям. Националисты частными операциями в Нижнем Арагоне и Маэстразго к концу мая расширили Винаросский клин, вбитый в апреле в территорию Республики, с 40 до 120 километров. А 7 июня 1938 года 15 националистических дивизий генерала Солчаги (свыше 150 000 человек) при 400 орудиях, 150 бронеединицах и 400 самолетах перешли в генеральное наступление на Валенсию. Им противостояло 40 000—50 000 слабо оснащенных республиканцев генерала Менендеса, имевших менее 100 орудий. Не хватало винтовок и гранат. На всю Республику имелось 200 самолетов. Но защитники Валенсии имели несколько тысяч советских и датских пулеметов и вдоволь патронов. На их стороне была природа — горные хребты севернее Валенсии протянулись с востока на запад, преграждая путь Солчаге и облегчая республиканцам оборону.

Верховный главнокомандующий Армии Центра Миаха почти не вмешивался в оперативные дела и тем приносил обороне пользу (его вмешательство при Брунете и в «весеннем сражении в Леванте» ничего хорошего республиканцам не принесло).

Несмотря на сильную жару, Валенсийское сражение вскоре стало таким же ожесточенным, как Астурийское или Теруэльское.

Генерал Солчага старался решить дело, как и в Арагоне, сильнейшим огнем с земли и с воздуха. Однако Валенсия недаром считалась цитаделью Республики. Республиканские войска большей частью состояли из добровольцев, а в противоположность каталонцам валенсианцы никогда не были пацифистами.

Защитники Валенсии умело опирались не только на горные хребты, но и на заранее построенные добротные укрепления, о возведении которых заблаговременно позаботился одаренный и добросовестный генерал Менендес. Валенсийский укрепленный пояс никогда не именовался «Железным» или «Несокрушимым», но его три линии укреплений были построены очень грамотно и удачно дополняли местный рельеф.

За полтора месяца сражений националисты оттеснили противника на 40—70 километров к югу, заняли несколько городков и поселков, захватили приморский Кастельон-де-ла-Плана, но нигде не сокрушили республиканской обороны. Республиканские дивизии отходили на юг медленно, сохраняя непрерывность фронта и каждый раз только после очень упорных боев.

Войска Солчаги теснили противника, отвоевывали у него территорию, но победителями себя не чувствовали. Им не доставалось ни трофеев, ни пленных, ни перебежчиков. Командиры националистов не без восхищения рапортовали: *«Красные защищаются с невиданной отвагой»*. Огонь массы размещенных в горах и хорошо защищенных республиканских пулеметов никак не удавалось до конца подавить. Валенсийское сражение стали называть «Пулеметной битвой».

В ходе сражения покоритель Севера и Арагона Солчага получил пять резервных дивизий. Ему прислали «Легион Кондора», в борьбе с которым изнемогали республиканские ВВС. Но Солчаге пришлось несколько раз, к неудовольствию каудильо, честно доносить в ставку: *«Резервов у меня снова нет. Все силы — в бою. Фронта не прорвал»*.

Ставка Франко предприняла отвлекающую операцию силами Южной армии. 2 июля войска Кейпо де Льяно (20 000 человек с

50 орудиями, 30 бронеединицами и полусотней самолетов генерала Кинделана) перешли в наступление на Эстремадурском фронте, стремясь срезать его далеко выдававшуюся на запад дугу у рудников Альмадена и Пеньяройи.

Националистам противостояли разбросанные на широком фронте 15-тысячные силы престарелого генерала Эскобара, равноценные одной дивизии. Их техническое оснащение состояло из стрелкового оружия, нескольких бронепоездов и десятка танков «Трубия». Авиации у Эскобара не было совсем — она была прикована к Леванту. Но как и в Астурии и в Валенсии, оборонявшиеся занимали удобные, давно освоенные позиции в горных проходах, обойти которые было невозможно.

Эскобар оказался не хуже Менендеса и лучше многих других генералов-республиканцев — Асенсио Торрадо, Посаса, Рикельме, Сарабии, Улибарри. Его штаб постоянно взаимодействовал с партизанами западной Эстремадуры, а командиры Эскобара неплохо применяли вверенные им скудные броневые силы. Республиканцы гибко вели сдерживающие бои, медленно отходя к востоку.

В годовщину восстания националистов — 18 июля Кейпо де Льяно ввел в бой резервы, но переломить ход сражения не смог. За три недели националисты, понеся ощутимые потери, продвинулись в глубь вражеской территории всего на 20—25 километров. Наступательный порыв Южной армии, как и войск Солчаги, угас. Второй малагской победы у Кейпо не получилось.

Пока Менендес и Эскобар отражали натиск Солчаги и Кейпо, в Каталонию прибывало советское оружие, включая пулеметы, танки, орудия и авиацию (200 советских истребителей и 50 американских многоцелевых самолетов «Грумман»). Поступило также немало продовольствия, купленного в добром десятке стран или присланного благотворительными организациями. Настроение каталонцев заметно улучшилось.

Прибыл и новый главный советник — комбриг К.М. Качанов. Вместе с Рохо они разработали план выручки Валенсии. Предполагалось преодоление не слишком широкой (150—200 метров), но быстротекущей и с крутыми берегами реки Эбро в ее низовьях с выходом в тыл группировки Солчаги.

К 25 июля наступление националистов в Валенсии и Эстремадуре выдохлось, националисты потерпели сразу две местные неудачи. Подобно республиканцам при Ла-Гранхе и Сарагоссе, за небольшие маловажные территориальные приобретения они расплатились солидными потерями. Войска Франко утратили около 30 000 ранеными, убитыми и больными плюс часть вооружения. Республиканцы потеряли вдвое меньше людей и оружия, уступили значительную территорию, но удержали большинство ключевых позиций в горных проходах. До Валенсии националистам оставалось около 50 километров, до Сагунто с его военным заводом — 23 километра.

Республике имело смысл еще несколько недель продолжать оборону, используя время для усиленного накопления и обучения войсковых резервов и дальнейшей покупки всего необходимого за рубежом.

Но военное министерство и генштаб в Барселоне, а также генерал Миаха в Мадриде оставались под гипнозом весенних поражений. Из-за плохой работы разведки они не знали о трудном положении противника. По их мнению, войска Менендеса держались из последних сил, фронт под Валенсией мог рухнуть. По их настоянию военный министр Негрин санкционировал план наступления на Эбро.

К операции была привлечена половина войск, имевшихся в Каталонии — трехкорпусная Армия Эбро, всего 60 000 человек, до 250 орудий и минометов и более половины каталонской бронетехники — 60 танков и около 100 бронемашин. В целях секретности операции участие ВВС в ней не планировалось. В резерве Армии Эбро оставался один корпус — 20 000 человек. Слишком мало было зенитной артиллерии и недостаточно — тяжелой и противотанковой.

Руководство армией было доверено Модесто. 5-м корпусом командовал 30-летний Листер, 15-м — самый молодой корпусной командир войны, 28-летний Мануэль Тагуэнья, артиллерию армии возглавлял беспартийный полковник Хурадо.

Местом удара после обработки данных войсковой и воздушной разведки с санкции генштаба был избран слабо охраняемый неприятелем гористый район излучины Эбро между Мекиненсиой

и Ампостой, откуда открывались два пути — на юг к Валенсии и на запад — в Арагон. Но для успешной атаки нужно было как минимум захватить узел местных дорог — Гандесу, расположенную в 40 километрах южнее реки.

В техническом отношении переправа через Эбро была хорошо продумана и подготовлена. Заранее были пристреляны многие цели на южном берегу реки, запасены понтоны и материалы для строительства временных мостов, реквизированы рыбацкие лодки, найдены проводники из местных жителей. Войска подтягивались к Эбро по ночам, тайно.

Ввиду большого размаха операции кое-какие сведения о ней все же просочились к разведке националистов и итальянцев. О возможном ударе «красных» в середине июля офицеры разведслужб доложили генералу Ягуэ, однако он счел сведения дезинформацией и не принял ответных мер. Генерал и его штаб рассчитывали на проволочные заграждения и пулеметные гнезда на южном берегу реки, которую к тому же националисты с господствующих высот держали под постоянным наблюдением и обстрелом, прекращая то и другое только в ночные часы...

Глубокой ночью с 24 на 25 июля 1938 года республиканцы после короткой, но продуктивной артиллерийской подготовки приступили к форсированию Эбро. Артиллерия била только по разведанным целям. Мощностъ и меткостъ артиллерийского огня получила высокую оценку строгих судей — германских штабных офицеров, служивших Франко, Вильгельма фон Тома и Риттера фон Ксиландера. Прибрежную оборону националистов Модесто, Листер и Хурадо подавили полностью и очень быстро.

Переправу пехоты развернули в темноте — в третьем часу утра и сразу во многих местах 50-километрового фронта, тем не менее она прошла организованно и имела полный успех на пяти из шести намеченных участков. Три республиканских корпуса хлынули через Эбро, захватив врасплох националистическое командование и солдат. Те впоследствии рассказывали: «*Противник свалился на нас словно горная лавина*». У Модесто было тройное преимущество в живой силе и двойное — в вооружении.

Республика вела свое крупнейшее наступление. За несколько дней две дивизии националистов были разгромлены. Они отсту-

пили, оставив неприятелю 11 000 раненых и убитых, 4000 плененых, около ста орудий и не менее 500 пулеметов, минометов и гранатометов. Единственный за всю войну раз марокканские войска Франко были обойдены и отрезаны, а их солдаты сдавались врагу сотнями. Находившийся на передовой генерал Ягуэ с трудом избежал гибели или пленения.

Снова отличился корпус Листера. Он стремительным броском прошел по сильно пересеченной местности в жару за два дня с боями почти 40 километров и достиг подступов к Гандесе. Прочие войска продвинулись на 15—25 километров.

В Республике под влиянием ликующих сводок генштаба царило лихорадочно-радостное возбуждение. Негрин, коммунисты и Альварес дель Вайо выглядели победителями. Даже Асанья, казалось, на несколько дней стал оптимистом. Газеты уверяли, что французский министр иностранных дел Жорж Боннэ, ненавидевший Республику, при известии о наступлении на Эбро слег в постель от огорчения.

В Риме Муссолини сердито заявил зятю — графу Чиано: *«Запомни этот день. Я предсказываю сегодня поражение Франко. Красные — бойцы, а Франко — нет».*

В таких твердых националистов, как Бургос, несколько дней царило замешательство и пораженческий настрой. Считавшийся побежденным неприятель вырвал инициативу. После Арагонской битвы это было трудно понять. «Новое государство» Франко получило самый тяжкий за всю войну удар на поле сражения. Впервые после Сарагосского сражения его войска отступали на широком фронте.

Правда, прорыв врага на Эбро и крайне неудачное начало новой, тяжелой и незапланированной в Бургосе битвы не привели к роковому смятению в руководстве националистов. Франко в Бургосе и Ягуэ на передовой сохранили самообладание и способность к трезвой оценке событий.

Каудильо многие считали коварным и злопамятным. Однако он не попытался свести счеты со строптивым и самоуверенным Ягуэ, взвалив на него ответственность за потери и отступление. Оставив Ягуэ на посту, он тем самым выразил ему полное доверие.

Каудильо немедленно санкционировал прекращение операций в Валенсии и Эстремадуре и направил сильные резервы к Эбро, снимая их со всех прочих направлений. Германо-итальянской «легионарной авиации» было предписано обрушиться не на авангарды Модесто, штурмовавшие Гандесу, а на республиканские переправы и тылы, дабы оставить Листера и Тагуэню без пополнений и снабжения.

Первоначально Франко даже собирался продолжить отвод войск Ягуэ на юг. Как прежде он был готов пожертвовать Сарагосой ради захвата Севера, так теперь он был готов смириться с временной потерей Гандесы и Альканьиса ради выигрыша сражения в целом. Каудильо на основании всего прежнего хода войны был уверен, что враг все равно продвинется ненамного, а затем его, лишённого снабжения, будет нетрудно в короткий срок отрезать и уничтожить фланговыми ударами южнее Эбро.

Предвидя большие трудности, каудильо вскоре направил в Берлин ходатайство о новой большой партии военных поставок. Он предусмотрительно заказал нацистам сотню полевых орудий, 2000 пулеметов, 50 000 винтовок, новые танки противоснарядного бронирования и «побольше снарядов к 88-миллиметровым зениткам».

В сроках и темпах наступления «красных» Франко и его штаб не ошиблись. Высшее республиканское командование снова, как в дни Брунете и Теруэля, было загипнотизировано успехом первого дня операции и уверовало в его продолжение по инерции. Оно напоминало заложника собственных победоносных сводок первого дня битвы. Генерал Рохо отказал прорвавшему оборону врага Модесто в резервах, а без них наступление стало выдыхаться уже на третий день операции.

Роковое последствие разгрома и бегства республиканцев в Арагоне — нехватка грузовиков — помешало оперативному применению введенных в сражение рекрутов, которым пришлось следовать к полю боя пешком.

Участники сражения и его историки отмечали, что наступление республиканских танков на первый-второй день операции могло вывести пехоту Модесто в глубь Арагона, к самому Альканьису (75 километров от излучины Эбро), то есть к предместьям

Сарагоссы. В восточном Арагоне националисты не имели укреплений и запасов. Но переправить через Эбро бронетехнику и артиллерию Барселона разрешила только на четвертый день битвы, когда было уже поздно — отброшенные от реки националисты успели прийти в себя, получить первые подкрепления и восстановить сплошную оборону.

К тому же танки и бронеавтомобили, скопившиеся у немногих переправ, стали удобной мишенью господствовавшей в воздухе «легионарной авиации». Не успев войти в контакт с противником, они несли совершенно напрасные потери. Впервые в военной истории ВВС оказались опасным противником бронетанкового оружия.

«Легионарии» наносили непрерывные удары по переправам. Правда, разрушить их оказалось трудным делом из-за небольших размеров целей и вражеского зенитного огня. Участники сражения подсчитали, что хорошо подготовленные германские пилоты затрачивали на разрушение каждой из переправ не менее 500 бомб. Итальянские и испанские летчики попадали в переправы еще реже, а работавшие круглые сутки республиканские саперы по многу раз восстанавливали разрушенное.

Между тем республиканскую авиацию Рохо и Негрин приказали перенацелить на помощь Модесто с огромным опозданием, только на восьмой (!) день сражения — 2 августа. Одни фронтовики считали это грубейшим просчетом, другие — плодом предательства в военном министерстве.

29—30 июля победоносно начавшееся наступление Армии Эбро было окончательно остановлено националистами. К Ягуэ прибыли резервы из Кастилии и Андалузии (в том числе наваррские бригады), и силы сторон уравнились. У перешедших к обороне Солчаги и Кейпо ставка Франко забрала в пользу фронта на Эбро всю бронетехнику и часть артиллерии.

Еще через несколько дней на стороне националистов было преимущество в живой силе и технике. На Эбро появились лучшие полевые командиры националистов — покорители Севера Алонсо Вега и Гарсиа Валино, штурмовавший Мадрид полковник Кастехон.

6 августа Ягуэ развернул ответные атаки против республиканского плацдарма, пытаясь отсечь Модесто от переправ. Ударам

пехоты и танков подвергся также вырвавшийся далеко на юг 5-й корпус. Отсечь всю Армию Эбро у националистов не получилось, но под их натиском Листер должен был отступить от Гандесы, которую он так и не взял. Теперь Рохо санкционировал ввод республиканских резервов. Однако, как и под Брунете, было уже слишком поздно.

Пользуясь недееспособностью лучших дивизий националистов на Эбро, республиканцы генерала Эскобара по приказу Негрина контратаковали 12 августа в Эстремадуре и за четыре дня отобрали у противника почти половину территории, занятой Кейпо в июле. Ртутные рудники Альмадена (50% мировой добычи ртути) остались у Республики.

Затем последовали местные успехи генерала Менендеса севернее Валенсии, атаки каталонцев у Лериды и Тремпа. Но Франко игнорировал эти разрозненные и несильные удары на отдаленных направлениях. Он лучше многих понимал, что уничтожение отборной вражеской армии важнее немедленного захвата рудников и что битва на Эбро становится решающим сражением войны.

С середины августа армия Модесто находилась в глухой обороне. Националисты наращивали силы и технические средства и вели бесконечные фронтальные и фланговые атаки. 6 сентября Ягуэ развернул второе наступление, 1 октября — третье, 30 октября — четвертое.

Особенно мучительными были многодневные бои на измор у высот Гаэты и Сьерра-Пандольса. Сражение все более напоминало крупнейшие битвы Первой мировой войны — Верден, Сомму, Пашендель с их низкими темпами развития операций, колоссальным расходом боеприпасов и громадными человеческими потерями в траншейных боях.

Многие пехотинцы обеих сторон глохли или сходили с ума от неумолчного грохота артиллерийских и авиационных ударов. Националисты сосредоточили на Эбро не менее 750 орудий (в том числе шестидюймовых), 150 бронеединиц. Над плацдармом действовало около 500 германо-итальянских самолетов и около 100 республиканских.

Тонны взрывчатки изменили даже рельеф окрестных гор. Но националисты топтались на месте или же продвигались поразительно медленно — в среднем по 300 метров в сутки. Гигантский перевес в силе огня давал им ничтожно малые плоды. «Красные» отвечали свирепыми приказами по войскам, расстрелами за самовольный отход, сильным пулеметным и гранатометным огнем, танковыми контратаками. Когда танков не стало, республиканцы оказались сильными противниками в штыковых и гранатных схватках.

«Это самый страшный фронт из всех, которые я видел, — говорил ветеран войны Модесто в разгаре сражения в сентябре 1938 года. — На четырехкилометровом участке наступает сотня танков и столько самолетов, сколько мне никогда еще не приходилось видеть в воздухе».

Позже выяснилось, что в атаках на Гаэту и Сьерру-Пандольс генерал Ягуэ применил на узком фронте 130 бронеединиц и 300 германо-итальянских самолетов, больше, чем насчитывалось тогда во всей республиканской армии. Атакам предшествовала кропотливая воздушная и войсковая разведка и многодневный массированный артиллерийский огонь. Однако республиканцы удержали высоты и в августе и в сентябре.

«Ликвидировать красных, укрепившихся на правом берегу Эбро, нелегко. Мы имеем дело не с оравами дружинников, а с крепко сколоченной и хорошо обученной армией», — писала в дни сражения италофашистская газета «Джорнале д'Италия».

О борьбе в воздухе над долиной Эбро республиканский летчик Франсиско Тарасона рассказывал в послевоенных воспоминаниях:

«Там, наверху, мы успевали только стрелять не целясь... Вражеской авиации было так много, что мы не видели неба. Ее самолеты даже мешали друг другу. Некоторые из них дежурили над нашими аэродромами, чтобы добить нас при возвращении из полета — с пустыми баками и без патронов».

Республиканское командование и Негрин требовали отстаивать постепенно сокращавшийся плацдарм южнее Эбро, рассчитывая на скорую общеевропейскую войну. Вероятность войны росла. Август — сентябрь 1938 года стали временем чехословацко-

го кризиса в международных отношениях. В четырех государствах прошли мобилизации и призыв запасных военных. В Бургосе опасались, что Гитлер и Муссолини должны будут сражаться с демократическими державами и оставят националистов без дальнейшей помощи.

Опасения дальновидного Франко были вполне обоснованными. В конце августа готовившиеся к борьбе с Чехословакией, Францией и СССР Гитлер и Геринг известили правительство Франко об эмбарго на вывоз оружия и боеприпасов из Третьего рейха.

По выкладкам германских и националистических штабистов, общеевропейский конфликт мог привести к крушению националистической Испании. Вступившая в войну Франция сразу атаковала бы Франко в Марокко и в Пиренеях, а Англия — на море. Озабоченный каудильо приказал спешно укреплять обе границы с Францией — в Европе и в Африке. На возведение укреплений было направлено 20 000 военнопленных.

Но общеевропейский военно-политический кризис на пике международной напряженности закончился известным четырехсторонним Мюнхенским соглашением 29—30 сентября. Формально посвященное только судьбе Чехословакии, оно нанесло тяжелый психологический удар всем сторонникам сопротивления тоталитаризму, в том числе Республике. Войны не последовало. Международная напряженность пошла на спад. Две «великие демократии» отступили перед диктаторами, расплатившись территорией и интересами третьей страны.

После Мюнхена в рядах испанских республиканцев стали неуклонно назревать деморализация и отчаяние, которые постепенно перерастали в паралич военного и политического руководства.

Многие прежние поборники борьбы с Франко — от Асаньи до анархистов, от Агирре и Компаниса до Бестейро осудили в 1938 году военные усилия Республики и довольно открыто стали помогать прекращению войны — в том числе ценой капитуляции. Часть социалистов даже перешла в оппозицию к продолжению войны. Сомнительными считались действия генштаба и его главы — Рохо, командования армий Центра во главе с Миахой и Матальяной.

Внимательный наблюдатель событий, находившийся в Испании свыше двух лет, Пальмиро Тольятти считал мотором тайного сопротивления и открытого саботажа масонов, к которым относились многие партийные политики, провинциальные губернаторы, кадровые офицеры и дипломаты. Надгосударственные связи соединяли их с масонством Западной Европы, которое с 1931 года поддерживало Республику, а после Мюнхена взяло курс на ее ликвидацию.

Тольятти в общей форме указал и еще на одну причину паралича власти — разложение и продажность партийно-профсоюзного и военного руководства. В секретном докладе он указывал на вовлеченность многих (включая коммунистов) в спекуляцию, вымогательства, разврат.

Из других источников известно, что в 1938 году по Республике стали ходить слухи о имеющихся у ее руководителей «секретных счетах в швейцарских банках». Естественно, что нажившиеся на войне администраторы, военные и политики с ухудшением военной обстановки стремились к чему угодно, только не к продолжению военных действий.

Косвенным подтверждением «мюнхенско-масонско-коррупционной» версии Тольятти служит следующее. Вплоть до сентября 1938 года армии Центра и Юга, несмотря на все трудности, оказывали помощь Каталонии операциями на трех фронтах. Наиболее настойчивы были Миаха и Матальяна в Эстремадуре, где активные бои шли с июня до сентября. Последнее наступление республиканцев на Эстремадурском фронте завершилось 15 сентября, на Теруэльском («пятое теруэльское сражение») — 21 сентября. Мюнхенская конференция Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье закрылась 30 сентября.

После этого имевшие большие (свыше 200 000 человек) резервы армии Центра и Юга, несмотря на приказы из Барселоны, уже не проводили по собственной инициативе ни одной заметной наступательной операции. Два с половиной месяца, пока националисты уничтожали Армию Эбро, на фронтах Центральной Испании царило полное затишье. Свернул операции и республиканский флот, лишь изредка высылавший к Менорке небольшие отряды малых кораблей — эсминцев и торпедных катеров. Меж-

ду тем как раз осенью 1938 года основное ядро флота снова было в строю — вышли из ремонта два крейсера, а националисты после гибели «Балеареса» и очередного выхода из строя «Серверы» действовали на море без прежнего напора.

На флоте творились любопытные события. Пока его до весны 1938 года курировал Индалесио Прието, имевший репутацию антикоммуниста, офицеры-антикоммунисты находились под подозрением и, как правило, отправлялись в отставку. А при «союзнике коммунистов» и стороннике «войны до победы» Негрине они один за другим получали в морском министерстве свидетельства о благонадежности и возвращались на корабли.

К 1939 году в высших слоях армии и флота преобладали личности, ориентированные на выход из войны. Нас теперь поражает, что многие из них в то же время поддерживали ровные отношения с Негрином, коммунистами и советскими офицерами. Нечто подобное наблюдалось и в политических кругах.

Диктаторство коммунистов принесло закономерные плоды: военные и политики, открыто прогивившиеся Негрину и компартии (Асенсио Торрадо, Бестейро, Кирога, Ларго, Мангада, Прието, Рикельме, Улибарри), лишились власти. Сохранили ее и даже повысили служебный статус лица, вовремя сделавшие выводы и не возражавшие премьер-министру и коммунистам — Буиса, Касадо, Компанис, Мартинес Баррио, Миаха, Посас, Рохо, Сарабия, Хираль, Эскобар.

Многие исследователи позже обсуждали «феномен Рохо». Консервативный выходец из чиновно-офицерской среды, религиозный человек, Висенте Рохо в социально-политическом плане был неотличим от заядлых врагов Негрина, СССР и компартии — Асенсио, Кабреры, Рикельме, Убиеты. Но компартия искала (и находила!) способы сместить подобных лиц с важных постов, открыто шельмуя их «сомнительными», «подозрительными элементами», «вражескими агентами».

Рохо же, никак не связанный с компартией, словно находился под ее покровительством. Он предлагал слишком замысловатые и трудноисполнимые планы операций, препятствовал созданию «беспольных» по его мнению укрепленных поясов (ссылаясь на опыт гражданской войны в России и тем льстя советским офице-

рам!). Он закулисно боролся против интербригад, однако коммунисты и советские офицеры никогда не называли его «подозрительным» и не требовали снятия его с ключевого поста начальника генштаба.

Напротив. Коммунистические газеты (даже «Правда»!) создавали Рохо рекламу. И первым рекламную кампанию в свое время начал недоверчивый по природе советский коммунист Кольцов.

Тольятти позже писал: *«Рохо всегда был загадкой. Но он умел с большим искусством культивировать отношения с компартией. Как ни странно, каждый раз перед какой-нибудь военной катастрофой Рохо делал шаг навстречу партии. Перед второй фазой Теруэля он заявил, что единственной партией, в которую он мог бы вступить, является коммунистическая. В 1938 году накануне фашистского наступления («весеннего сражения в Леванте». — С.Д.) его сын просил дать ему партбилет, а сам Рохо обращался к Негрину за разрешением вступить в компартию (Негрин ему отказал). В то же самое время он покрывал самые подозрительные элементы из всей армии — полковников Муэдру и Гаррихо, дезорганизовал генштаб... Во время боев в Леванте влияние Рохо было направлено в неверную сторону (неправильное размещение резервов, излишние перегруппировки, ввод войск мелкими пачками). Рохо несет прямую ответственность за провал операций в Эстремадуре.*

Его прокоммунистические заявления кажутся на таком фоне по меньшей мере странными».

С большинством выводов Тольятти приходится согласиться. Только по зрелом размышлении можно видеть, что странного тут мало, есть понятное и закономерное.

Тоталитарная партия, ориентированная на монополизацию власти, притягивает к себе больше карьеристов и подхалимов, чем любая другая. Рохо быстрее других понял, что такое компартия и как лучше подойти к коммунистам. Таланты Рохо состояли в усидчивости, притворстве и лести, умении обхаживать коммунистических функционеров и журналистов. Клебер считал его лицемером, Тольятти — подлецом (правда, задним числом). Тем не менее за два года он превратился из майора в генерала и занял второй по значению пост в иерархии республиканской армии.

Поучительна и карьера Сехисмундо Касадо. В противоположность принципиальным республиканцам Брандарису, Молеро, Нуньесу де Прадо, Сиснеросу он остался в республиканском лагере по стечению обстоятельств.

В отличие от хорошо образованного говоруна Рохо выходец из простонародья Касадо был неотесан и неуклюж. Он не читал лекций и не писал военно-исторических трудов. На его счету не числилось побед, зато были две крупные неудачи — у Брунете и под Сарагоссой. В Брунетском сражении он грубо нарушил дисциплину — после сердечного приступа самовольно оставил корпус и уехал в глубокий тыл.

Но Касадо установил хорошие связи сразу с двумя соперничавшими между собой политическими силами — сперва с ФАИ — НКТ, а затем с компартией. Этого хватило, чтобы болезненный и неудачливый командир, не пользовавшийся доверием солдат, из майора превратился в полковника и к 1939 году стал начальником штаба Армии Центра.

Эмиль Клебер в конце 1937 года писал:

«В начале войны республиканские органы имели подозрения, что Касадо связан с противником. Брат Касадо был арестован как активный фашист (националист. — С.Д.). Благодаря своим связям он остался работать в генштабе и окружил себя подозрительными типами — якобы анархистами... Некоторые товарищи считают, что Касадо может быть приближен к компартии. Я считаю ставку на Касадо опасной ошибкой со стороны наших товарищей».

Герой Мадридского сражения Миаха к 1939 году пафосно именовался «главнокомандующим сил Центра и Юга на суше, на море и в воздухе» и жил прежней славой. В оперативные дела генерал с весны 1937 года почти не вмешивался, тайно пьянствовал и даже вызывал подозрения в наркомании. Его втихомолку прозвали «свадебным генералом».

«Я команду только сушией, морем и воздухом, — ответил Миаха однажды советскому офицеру, старавшемуся что-то выяснить, — будьте добры обратиться к Негрину или к Матальяне».

Миаха сыграл негативную роль во время «весеннего сражения в Леванте», срывая выделение резервов на помощь Восточ-

ному фронту. Но он заблаговременно вступил во все партии Народного фронта. И в результате ни одна из них не потребовала сместить неработоспособного «свадебного генерала» с поста главнокомандующего армиями Центра и Юга. Молчали и кичившиеся своей принципиальностью коммунисты.

Вероятно, простонародное происхождение Касадо и Миахи плюс их скомпрометированность (Миаха был разбит в Андалузии, Касадо имел порочащие его связи) заставляли коммунистов думать, что подобных личностей легко держать в руках и направлять...

Зато преданные «войне до победы» военные деятели — Асканио, Брандарис, Галан, Кампесино, Клебер, Рекальде, Сиутат, Фонтана, Эстрада так и застряли в средних чинах на уровне майора или подполковника. Никому из них не было суждено стать командиром корпуса, тем более — армии. Асканио, Галану, Кампесино, Рекальде, Сиутату не помогла при этом их принадлежность к компартии, Брандарису и Эстраде — к социалистической партии. Генерала Энкомиенду отстранили от дел, переведя в разгар войны на безвластный тыловой пост. Немногим лучше была участь Хуана Модесто, которому доверили армию, когда война была, в сущности, проиграна. Энрике Листеру, чья преданность «войне до победы» не вызывала сомнений, одно время грозил военный суд.

Разложение вооруженных сил, вызванное длительным бездействием, превращалось из следствия в причину дальнейшего военного паралича Республики. К 1939 году на Андалузском и Центральном фронтах, а также во флоте большинство солдат и матросов уже откровенно не собиралось сражаться при потворстве многих командиров и гражданских властей.

Зато националисты были воодушевлены и нацелены на борьбу, несмотря на то что у непримиримого каудильо тоже были внутриполитические трудности — интриги Аранды, Кейпо, отдельных групп фалангистов, пользовавшихся усталостью населения на третьем году затяжной войны. Некоторые из них стали допускать возможность компромисса с «красными» ради скорейшего избавления Испании от германо-итальянских союзников. Сложно развивались и отношения каудильо с фюрером и дуче.

Летом 1938 года хорошо осведомленный фон Шторер доносил в Берлин о настроениях в высших слоях националистической Испании:

«Раздаются голоса, требующие окончания войны... В ставке происходят бурные разбирательства между Франко и некоторыми генералами, не выполняющими должным образом его приказов о наступлении... Выражают недовольство руководством войной, которая развивается медленно, нанося Испании большой ущерб... Требуют найти такую формулу, которая положила бы конец военным действиям».

Озабоченность судьбой страны, самоистреблением нации приняла форму требований национального примирения.

Франко недаром считал 1938 год, принесший националистам большие военные победы, «самым трудным военным годом».

Однако в миллионной армии националистов не было сопротивления и саботажа, и она оставалась опорой диктатора. Несмотря на общую усталость от гражданской войны, недовольство многих личностью высокомерного, коварного и отчужденного от публики каудильо и его образом действий, приказы Франко и его штаба по-прежнему выполнялись. Пресыщение войной в националистической Испании, как правило, не переходило в систематическое сопротивление органам власти.

При переходе же кем-либо этой грани каудильо и его ближайшее окружение (Варела, Кинделан, Мильян, Понте, Саликет, Хиль Юсте) действовали оперативно и безжалостно. Открытых оппозиционеров тут же объявляли заговорщиками и отправляли в трибуналы.

Осенью 1938 года такая участь постигла свыше 1000 активистов Фаланги. Трибуналы без весомых доказательств обвинили их в умысле против каудильо и в намерении помириться с «красными». Смертных приговоров не последовало, однако же все обвиняемые, подобно Эдиле и его двадцати соратникам, оказались за решеткой.

(Попутно отметим, что масонские ложи в националистической Испании были запрещены, а пребывание в них приравнивалось к тяжкому уголовному преступлению...)

Положение в Республике осенью 1938 года было иным. Личность приветливого и общительного Негрина не вызывала наре-

каний, но продолжение им войны и его зависимость от СССР и компартии стали объектом растущих нападков и причиной все большего неповиновения правительству на местах и в среднем звене аппарата.

Победивший ранее Ларго, Асанью, Компаниса и Прието, премьер-министр не мог не чувствовать, что теперь власть стала ускользать из его рук. Нахождение правительства в течение целого года вдали от основной территории Республики — в нелюбимой испанцами полуокруженной Каталонии укрепляло влияние и позиции его противников.

Пытаясь в очередной раз нащупать путь к почетному миру, Хуан Негрин в октябре 1938 года договорился с СССР и лондонским Комитетом невмешательства о роспуске созданных Коминтерном интернациональных бригад.

Через интербригады, по подсчетам националистов, за два года прошло до 125 000 иностранных граждан. Их существование вызывало раздражение многих испанцев по обе стороны фронта. Ранее покровительствовавшее Коминтерну и интербригадовцам руководство СССР к 1938 году охладело к обеим организациям, усматривая в них гнездо шпионажа.

К осени 1938 года военная ценность бригад была небольшой, и ими можно было пожертвовать. После тяжелых фронтовых потерь и дезертирства в интернациональных бригадах оставалось не более 10 000 человек, многие из которых были ранены, больны или разочаровались в Республике и так или иначе собирались ехать на родину.

28 октября 1938 года после прощального парада интербригадовцев в Барселоне бригады официально перестали существовать. Вместе с большинством их бойцов Испанию покинул и «альбасетский мясник» Марти. В обмен на упразднение интернациональных бригад Комитет невмешательства добился согласия Италии на эвакуацию из Испании такого же количества итальянских добровольцев. С ними отбыл и генерал Берти.

Однако правительство националистической Испании по-прежнему не искало мира по соглашению. Речь Негрина по Мадридскому радио 2 октября, когда он открыто говорил о необходимости понимания и мира между испанцами, его осуждение «ино-

странных вмешательств» и роспуск интербригад не произвели впечатления в Бургосе. Та же участь постигла обнародованное 2 декабря предложение Негрина растворить все партии и профцентры Республики в новой организации — Национальном фронте.

В сущности, Негрин собирался упразднить ненавистный националистам Народный фронт, компартию и даже собственную партию. Предложение вызвало некоторый интерес у отдельных групп фалангистов, но не у верховного вождя националистической Испании. Франко видел в инициативе Негрина только судорожные маневры стороны, загнанной в угол и обреченной на поражение.

К октябрю хорошо вооруженные националисты овладели половиной плацдарма, утраченного ими ранее за пять дней, и воздушными налетами уничтожили почти все неприятельские переправы. Они наращивали наступательные усилия. Армия Модесто мало что могла им противопоставить. Она расстреляла последние боеприпасы и была физически истощена. Из прежних 60 артиллерийских батарей уцелело только шесть. Наступил холод. В ноябре в долине Эбро выпал снег.

Правительство Негрина долго не санкционировало отступления с плацдарма. Оно надеялось истощить врага и склонить его к переговорам. Оборона плацдарма южнее Эбро давала Республике иллюзию если не грядущей победы, то хотя бы военного равновесия. Но надежды не были подкреплены трезвым оперативным расчетом. Силы республиканцев иссякали быстрее, чем силы националистов.

11 ноября Ягуэ двинул войска в пятое по счету наступление. 14 ноября Барселона разрешила Модесто эвакуировать то, что осталось от его войск. Переправ более не существовало. 15—16 ноября последние остатки Армии Эбро на лодках вернулись на северный берег реки.

В 113-дневном сражении на Эбро — самой продолжительной битве испанской войны — республиканцы потеряли, по их данным, от 50 000 до 70 000 человек ранеными, убитыми, больными и пропавшими без вести. Из этого количества почти 20 000 человек составили попавшие в плен (против 5000 пленных националистов).

Армия Модесто потеряла свыше половины живой силы, то есть была разгромлена. Девять ее дивизий фактически перестали существовать, она лишилась почти всей техники, с которой пересекла Эбро (в том числе трофеев, захваченных в первые дни битвы). Погибло не менее 130 самолетов республиканских ВВС.

Националистам на Эбро досталось немало трофеев — до 200 орудий и гранатометов, 2000 пулеметов, 35 танков, 24 000 винтовок. Большую добычу они ранее взяли только в Сантандерской операции. (Впрочем, большая часть захваченного вооружения была разбита или в неисправном состоянии.)

Нанесенный националистам урон тоже был велик — по официальным данным штаба Франко, они потеряли не менее 33 000 человек и (по республиканским оценкам) 214 самолетов.

Официальные данные тогдашних националистических сводок о собственных потерях на Эбро были скорее всего занижены. Возможно, в них сознательно не были включены пропавшие без вести, больные и легко раненные. Находившийся на стороне националистов и имевший доступ к закрытой статистике германский генштабист Риттер фон Ксиландер повысил цифру потерь Франко до 45 000 человек (т.е. почти на треть). Республиканцы и вслед за ними советские исследователи сообщали, что противник за 4 месяца потерял на Эбро до 80 000 человек.

Обе стороны сообщили о победе. Националисты говорили и писали об уничтожении войск Модесто и о скорой гибели «всех кремлевских марионеток, засевших в Мадриде и Барселоне». Республиканцы — о спасении Валенсии и об обескровливании неприятеля.

Республиканская армия в сражении на Эбро показала очень неплохой уровень военного и военно-инженерного искусства. Бывший сержант Модесто проявил себя настоящим полководцем. В действиях Модесто с июля до ноября 1938 года трудно найти ошибки. Ночное преодоление водной преграды и взлом вражеской заранее подготовленной обороны были осуществлены неожиданно, умело и дерзко. В отличие от Брунете и Сарагоссы, опорные пункты националистов (Ампоста, Мора-де-Эбро, Рибарроха, Файон, Черта) были обойдены первыми эшелонами пехоты и затем без особых потерь заняты второй волной наступающих.

Заслуживает высокой оценки выучка 5-го корпуса. Не имея 25—26 июля необходимой бронетехники, ни воздушного прикрытия, ни даже артиллерийского сопровождения, Листер и Тагуэнья тем не менее достигли внушительных успехов. Они, почти не понеся потерь, нанесли врагу большой урон и действительно преследовали его пехотой и кавалерией.

Еще более опасным противником Армия Эбро оказалась в оборонительной фазе битвы, о чем имеется множество свидетельств националистических командиров и нижних чинов. Почти не располагая противотанковой артиллерией и минометами, получая снабжение с постоянными перебоями, она все же сумела быстро построить прочную и глубокую противотанковую и противопехотную оборону.

Но перечисленные достоинства республиканцев были перечеркнуты их уязвимыми сторонами. Речь идет о пороках высшего командования. Слабость резервов, нерешительность их применения, роковое промедление с насущно важной авиационной поддержкой обесценили искусство саперов и пехотинцев и прекрасную артиллерийскую подготовку прорыва.

Действия различных родов войск остались несогласованными. В отличие от Мадридского, Гвадалахарского и Теруэльского сражений, республиканцы не смогли эффективно использовать бронетехнику. Ее не свели в бригаду, хотя была хорошая возможность. Значительная часть бронетехники Модесто была к тому же уничтожена вражескими ВВС у переправ, никак не повлияв на общий ход сражения.

По вине республиканских руководителей армия оставалась неважно оснащенной. Тяжелой артиллерии в Каталонии после «весеннего сражения» не было вовсе. Зенитной артиллерии на всю армию Модесто и на пять переправ, особенно нуждавшихся в прикрытии, имелось 27 стволов. Зенитных снарядов было очень мало. Противотанковых орудий почти не было. Малочисленные минометы молчали из-за отсутствия мин.

Каталонская промышленность почти не производила указанных видов вооружения, а об их заказе в СССР не позаботились ни военное министерство, ни генштаб. Вместо этого они заказывали танки, орудия, бомбовозы, торпедные катера...

Националисты тоже проявили ряд неосмотрительных действий. Штаб Ягуэ не смог верно оценить данных, добытых его же разведкой. Начальную фазу сражения националисты проиграли, около двух недель (25 июля — 5 августа) они должны были подчиняться воле хуже оснащенного и недавно разбитого ими в Арагоне неприятеля. Из-за высокомерия и самонадеянности они утратили шанс овладеть Валенсией.

Во второй фазе сражения командование националистов действовало настолько шаблонно, что напрашивается вывод о его оперативной безграмотности. Потерпев неудачу в окружении войск Модесто, Франко и Ягуэ затем три месяца штурмовали сильные вражеские позиции прямолинейно, в лоб, расплачиваясь тяжкими потерями. Они ухитрились повторить ошибки «красных» в Каса-дель-Кампо, у Ла-Гранхи, Уэски, Брунете и Сарагоссы. Верховному командованию националистов в августе 1938 года не пришла в голову мысль воспользоваться уходом лучших вражеских сил за Эбро и основной удар обрушить на Каталонию с запада — на плохо защищенном фронте в долине реки Сегре.

Однако националистические армии хорошо снабжались, а их войска удачно взаимодействовали на поле боя. Танки и авиация применялись массированно, всегда после разведки и в сопровождении артиллерии и не несли больших потерь. Тщательно согласованные во времени и по месту действия ВВС, артиллерии, пехоты и бронетехники, общее материальное превосходство позволили националистам к ноябрю 1938 года превратить поражение в конечный успех стратегического значения.

Пауза после битвы на Эбро была недолгой. Во время контр наступления Ягуэ и Модесто ставка Франко проработала планы дальнейших действий. Каудильо сперва вернулся к идее «финального удара» в Кастилии и занятия Мадрида. Но агентурная и воздушная разведка подтвердила, что город тщательно укреплен и прикрыт 200-тысячными силами. Поэтому 26 ноября решено было наступать на Каталонию.

Ни одну операцию за весь период войны Франко не готовил так тщательно, как Каталонскую. После огромного расхода военных материалов на Эбро и под Валенсией его армия нуждалась в перевооружении. Каудильо в ноябре пошел на громадную уступку

нацистской Германии — он утвердил «план Монтана», против которого возражал около двух лет.

Немцы получили право на контрольный пакет акций в большей части испанской добывающей индустрии — от 40 до 75 процентов основного капитала различных рудников. В Испанском Марокко процент германского капитала в добывающей промышленности разрешено было довести до 100%. На этом условии Гитлер и Муссолини сняли августовское эмбарго на вывоз оружия.

В ноябре — декабре националисты стянули на Каталонский фронт самые боеспособные силы, перегруппировали войска, заменив уставшие части свежими. Многие отличившиеся военачальники были повышены в званиях. В частности, Гарсиа Валино и Москардо стали корпусными командирами.

Подчеркивая важность нового наступления, каудильо вместе со штабом покинул Бургос и выехал в прифронтную полосу. Его ставка под кодовым названием «Вокзал» расположилась севернее Лериды.

Обновлено было оснащение армии. Из Германии и Италии поступило заказанное ранее иностранное вооружение. Кроме пулеметов, полевых, противотанковых и зенитных пушек, прибыли новинки танкостроения — только что сконструированные в Аугсбурге и Турине машины противоснарядного бронирования. Это было семейство танков нового поколения: 20-тонные германские «Т-111» и итальянские 11-тонные «М-39» и 24-тонные «П-40». Все они явились реакцией на рост могущества противотанкового оружия и на сражавшиеся в Испании советские легкие танки.

«М-11» и «П-40» уже мало чем напоминали компактного и проворного, но слабо вооруженного и тонкобронного предшественника — «Фиата-Ансальдо». Новые итальянские машины выдерживали попадания 20-миллиметровых снарядов и несли по пять расположенных тремя ярусами огневых точек вместо двух, в том числе 47-миллиметровые пушки.

«Т-111» в свою очередь был неизмеримо сильнее и совершеннее уже снятого с производства «Т-1». Он имел автоматическое 37-миллиметровое орудие, три пулемета, хорошую оптику, радиостанцию и обладал плавностью хода. Его 30-миллиметровая броня была не толще, чем у «П-40», но качественно лучше. Будучи

не тяжелее итальянского коллеги, «Т-111» далеко превосходил его в подвижности, живучести и надежности механизмов. Советские «Т-26» и «БТ-5» заметно уступали ему в бронезащите, в оптических приборах и в удобстве управления. Ему суждено было в дальнейшем стать «рабочей лошадкой» немецких танковых сил — «панцерваффе» и отличиться не только на полях Европы, но даже в пустынях Африки.

В преддверии Каталонской операции «Легион Кондора» и итальянский корпус, анализируя опыт битв в Леванте и на Эбро, обновили материальную часть. Немцы изъяли из фронтовых авиачастей неповоротливые и слабо вооруженные «тримоторес» «Юнкерсы-52», а итальянцы по тем же причинам — еще более древние «тримоторес» «Капрони-101» и «Савойи-81», переоборудовав их в грузопассажирские машины. Бомбардировочный парк «легионариев» пополнился подвижными и лучше защищенными двухмоторными «Юнкерсами-86», «Дорнье-17» и «Фиатами-20». Они были на уровне советских «СБ», как «Ю-86», или же превосходили их в дальности полета и в живучести, как «Дорнье».

К 1939 году в испанском небе прибавилось машин принципиально новой конструкции, одномоторных двухместных пикирующих бомбардировщиков — германских «Юнкерсов-87» и итальянских «Бреда-65», которые ранее в единичных экземплярах, начиная с фронтов Астурии и Леванта, с успехом поражали небольшие цели на поле боя.

Старые и легко воспламеняющиеся бипланы «ХЕ-51» немцы из истребителей превратили в штурмовики и легкие бомбардировщики. Итальянцы убрали с передовой хрупкие многоцелевые бипланы «Ромео-37», оставив за ними функции разведки и связи.

Место уходящих со сцены деревянно-полотняных бипланов занимали цельнометаллические монопланы. В «Легионе Кондора» почетное место занял будущий «король воздуха» — легкий универсальный истребитель «МЕ-109», впервые появившийся в Испании над Бискайей и Брунете, где из-за конструктивных недочетов, неопытности пилотов и слабого оснащения часто терпел поражения. Теперь он получил пушечное вооружение и улучшенный мотор, а его механизмы стали надежнее.

Его соперником среди «легионариев» стал к 1939 году однотипный с «Мессершмиттом» новый и очень неплохой итальян-

ский истребитель — моноплан «Фиат-50». Оба они по большинству показателей, кроме маневренности, превосходили «Чатос» и «Москас».

Наконец, осенью 1938 года Третий рейх прислал в Испанию несколько опытных, не завершивших испытаний образцов новейших самолетов. Среди них были скоростные истребители «Хейнкель-70» и «Хейнкель-112», многоцелевые машины «Юнкерс-88». Последние проектировались в качестве бомбардировщиков и дальних разведчиков, но в Испании смогли выполнять еще и функции истребителей сопровождения.

В общей сложности каудильо развернул против Каталонии на 140-километровом фронте от Пиренеев до Средиземного моря Северную армию из 340 000 солдат, до 1000 орудий и минометов, не менее 300 бронеединиц, около 500 исправных самолетов. Войска Северной армии подчинялись военному министру и через него — каудильо. Они были сведены в 31 дивизию, дивизии — в четыре испанских корпуса и в один смешанный итальяно-испанский. Последний, под командованием преемника Берти — бригадного генерала Гастоно Гамбары, имел отдельную артиллерию, танковую часть и «легионарную авиацию».

В отличие от «весеннего сражения в Леванте», республиканское руководство на сей раз было заранее осведомлено о близком генеральном наступлении противника. Его снабдила точными сведениями советская разведка, источником которой стала работавшая в Третьем рейхе знаменитая «Красная капелла» во главе с антинацистом капитаном люфтваффе Шульце-Бойзенем, который служил в штабе Геринга.

11 декабря в приказе по армии Хуан Негрин писал: *«Противник собирается атаковать на Восточном фронте. В наступление пойдет итальянский корпус. Испания призывает вас к новым усилиям...»*

Отражать наступление должны были войска непотопляемого генерала Сарабии, не выигравшего ни одного сражения, — «массона и идиота», по гневному определению Тольятти. Войска были сформированы в две армии, каждая из которых была не сильнее корпуса националистов, и в шесть корпусов, каждый по силе не более одной неприятельской дивизии.

Армии насчитывали 120 000 на передовой и 80 000 человек — в резерве. Оружие было только у каждого пятого бойца. Армии Сарабии занимали позиции вдоль естественных преград — рек Эбро и Сегре, все мосты через которые, кроме одного, были разрушены. Но основу армий Восточного фронта составляли дивизии, измученные многомесячными боями в Леванте, особенно же проигранной битвой на Эбро.

Положение с оружием было у защитников Каталонии откровенно катастрофическим, как годом ранее у защитников Астурии. Восточный фронт имел к концу 1938 года 37 000 исправных винтовок, около 250 орудий калибром от 20 до 75 миллиметров, 120 танков и броневых автомобилей, 106 самолетов. Снарядов было на две недели боев. К 46 зениткам швейцарского и советского производства боеприпасов не имелось совсем.

Значительная часть военной техники была неисправна, в первую очередь это относилось к бронетехнике. Артиллерия была изношена до предела, при выстрелах из орудий вылетали куски внутренней обшивки стволов. Тяжелой артиллерии калибром 105 миллиметров и выше не было совсем.

Милитаризованная в августе 1938 года каталонская индустрия располагала большим количеством станков и рабочих, советскими лицензиями и советскими инженерами, однако почти ничего не производила. Падение Тремпа лишило Каталонию основного источника электроэнергии. Из-за морской блокады почти не осталось сырья, горючего и запчастей к станкам и агрегатам.

Карточное снабжение стало к концу 1938 года нищенским — карточки все реже отоваривались. Исчезли из продажи натуральный кофе, рыба, картофель, сахар, многие сорта вин. Не стало топлива. Клиники, где осталось очень немного врачей, были переполнены больными, лекарств же не было. Голодные обмороки стали бытовым явлением. Частые воздушные налеты националистов прерывали все тыловые работы по 5—6 раз в день.

Все это привело к физическому и нервному истощению основной массы каталонцев и крушению промышленного потенциала края. Край охватило унылое оцепенение. Укреплений почти не строили. Вместо 7 оборонительных рубежей, запланированных Негрином и Компанисом в апреле, возвели только два. Из них

лишь рубеж вдоль Сегре мог считаться сплошным, второй был прерывчатым и неглубоким. Каталония в декабре была защищена хуже, чем Валенсия в июне. Сооружение прочих укрепленных поясов так и не начали.

Добровольцев становилось все меньше. О некогда активном и настойчивом Луисе Компанисе одни говорили, что он болеет, другие — что он помешался. Хенералидад, партии, профсоюзные центры сложа руки ожидали развязки.

Выполнение «научно обоснованных планов» выпуска отечественного вооружения и боеприпасов на 1938 год было сорвано. Заводы предместий Барселоны — Реуса, Сабаделя, Таррагоны в лучшем случае ремонтировали подбитую технику или выпускали ружейные патроны. Даже производство легкого стрелкового оружия, налаженное было при Ларго Кабальеро, теперь пришлось в упадок. Заводы давали ежемесячно 500—600 винтовок при проектной мощности в 2500 штук и при общей потребности вооруженных сил в 85 000 штук.

Еще хуже обстояло дело с производством тяжелого вооружения. За целый 1938 год каталонцам удалось выпустить... 6 артиллерийских орудий и несколько десятков бронемашин. Правда, удалось починить немало танков и самолетов.

На складах без действия стояло 170 построенных каталонцами истребителей «И-15» «Чатос». Они стали бы внушительным подспорьем каталонским ВВС, если бы к ним имелось вооружение (авиационные пулеметы) и прицелы. К тому же не хватало точных рабочих чертежей — именно на «И-15» СССР так и не прислал лицензий. Эти самолеты, которыми можно было укомплектовать по крайней мере шесть эскадрилий, так и не смогли вступить в бой.

Предвидя катастрофу с оружием, бывавший на предприятиях Негрин отчаянно пытался получить его извне. Во время сражения на Эбро он командировал в СССР необычного посла — командующего ВВС генерала Сиснероса. Это был официальный, но загадочный визит. О нем подробно рассказал через четверть века Сиснерос, о нем есть упоминания в мемуарах нескольких других участников войны. Но о миссии Сиснероса не найдено сведений в архивах нашей страны...

Если верить первоисточнику — Сиснеросу, которого не было оснований считать лгуном, то принимавшие его в Кремле Сталин, Ворошилов и Микоян, немного поспорив, согласились с просьбой Негрина продать в кредит большую партию военной техники: 150 000 винтовок, 4000 пулеметов Дегтярева и Максима (иногда указывают 10 000), 250 орудий средних и крупных калибров до 150 миллиметров, 250 танков, 500 самолетов (иногда указывают 650), две дюжины торпедных катеров — все это с боеприпасами.

Танки и самолеты были улучшенных конструкций — бронетехника с утолщенной броней и усовершенствованными прицелами, истребители «Суперчатос» и «Супермоскас» с дополнительными огневыми точками, повышенной скоростью и элементами бронезащиты.

Стоимость заключенной Сталиным и Сиснеросом сделки в мемуарной литературе колеблется от 60 до 103 миллионов долларов США (курс доллара тогда был втрое—вчетверо выше современного).

Семь советских транспортов доставили груз из Мурманска в Бордо. (Не совсем ясно, могли ли семь транспортов взять на борт груз подобного объема и веса...) Затем вооружение по суше благополучно доехало до Пиренеев.

Но задача становилась неразрешимой. Ведь после очередной смены кабинета Франция в июне 1938 года «ради мира и безопасности на Пиренеях» запретила транзит оружия в Испанию. Дважды выезжавший в Париж Альварес дель Вайо тщетно заклинал премьер-министра и военного министра Даладье открыть пиренейскую границу. Дель Вайо в качестве последнего слова готов был отказаться от тяжелого вооружения. Он указывал, что советских винтовок, пулеметов и патронов хватит, чтобы спасти Каталонию и Республику. Он напоминал, что в марте 1938 года именно Даладье на посту военного министра поддержал пропуск в Каталонию предыдущей партии вооружения и оказал содействие ее доставке к границе.

Но Эдуард Даладье в марте 1938 года был «ястребом» — считал, что следует хотя бы косвенно наказать Гитлера после захвата им Австрии. Теперь же, после Мюнхена, он числился мирот-

ворцем, в его честь была выбита медаль, и он не собирался получить репутацию «поджигателя войны». К тому же все дипломированные парижские военные аналитики предсказывали победу Франко. Оружие не было пропущено.

Негрин в очередной раз приказал армиям и флоту Центра провести отвлекающие операции в помощь Каталонии. Рохо написал армиям Центра и Юга наступать на западе, в Эстремадуре. Миаха и Матальяна настаивали на Андалузии. Получился план сложной смешанной операции: флот должен был между 8 и 11 декабря высадить десант в тылу врага у Мотриля и содействовать ему, а армия Юга — атаковать войска Кейпо де Льяно на всем фронте.

Флот под флагом «палосского победителя» Убиеты в назначенное время вступил в операцию. Но, продержавшись несколько дней в море и не дойдя до Мотриля, корабли повернули обратно. Убиета объяснил срыв операции «неясностью приказа». Морское министерство сместило Убиету (у националистов он немедленно пошел бы под трибунал) и... назначило саботажника комендантом Менорки, отозвав оттуда защитника острова — надежного и смелого полковника Брандариса. Командовать флотом стал адмирал Буиса.

Тогда Рохо настоял на эстремадурском варианте — неожиданным ударом перезать автостраду Севилья—Саламанка. Операцию назначили на 18 декабря. Когда войска (12 000 штыков без артиллерии, при 40 броневиках и нескольких танках «Трубия») были собраны в Эстремадуре, военное министерство и генштаб разрешили генералу Миахе самостоятельно выбрать место наступления. Тот высказался за Гренадское направление в 300 километрах к востоку.

Когда перегруппированные войска были готовы к удару под Гренадой, в Мадриде передумали и согласились с планом Рохо. Войска по плохим дорогам были переброшены обратно на запад. О неожиданности теперь было трудно говорить. Все это очень напоминало саботаж.

Наступление генерала Эскобара последовало только 5 января 1939 года. Оно доставило каудильо много неприятных минут. Отборные силы националистов и их ВВС находились в Каталонии,

укрепленных поясов в Эстремадуре не было, и создавшие на 30-километровом участке у Пеньяройи численный перевес республиканцы одержали тактический успех. Имея ничтожно мало техники и наступая в расходящихся направлениях — сразу на запад и на юг, они за пять дней почти без потерь отбросили врага на 20 километров, взяв несколько сотен пленных и трофеи — пулеметы и орудия.

В противоположность наступлениям в Каса-дель-Кампо, у Ла-Гранхи и под Уэской, Пеньяройская операция Республики развивалась на редкость успешно. Правда, Эскобар не дошел до Саламанкского шоссе, но зато наполовину окружил Пеньяройю с ее медными рудниками и электростанцией, питавшей энергией Южную Испанию. Требовалось бросить в прорыв резервы, но Мадрид отказал в них. Благоприятный момент был безвозвратно упущен.

К 11 января из Андалузии прибыли небольшие резервы националистов, тут же перешедшие в контратаку. Республиканцы уступили часть занятой территории.

К 20 января 1939 года бои затихли. В ставке каудильо вздохнули с облегчением. Ни одного батальона с Каталонского фронта снимать не пришлось. Первоначальная тактическая победа «красных» обернулась стратегическим поражением. Попыток выявить виновных и наказать их не последовало...

Не помогал обороне Каталонии в эти недели и главный военный советник республиканской армии К.М. Качанов. Безнадежно проигрывая давно отозванным в Москву «Горису», Малиновскому и даже Клеберу, он по уровню мышления напоминал ротного командира. Вероятно под влиянием Рохо он был настроен очень оптимистически («шапкозакидательски») и уверенно внушал окружающим, что националисты в ходе битв в Леванте и Эстремадуре обессилены, их тыл ненадежен, а каталонская оборона, напротив, сильна и Каталония даже без помощи извне продержится несколько месяцев.

Генеральное наступление националистической Северной армии в Каталонии началось морозным днем 23 декабря 1938 года. После воздушных налетов на 60-километровую глубину националисты атаковали на 200-километровом фронте от французской

границы до моря. Главный удар наносили наваррцы Москардо и итальянцы Гамбары в низовьях Сегре, отвлекающий — Гарсиа Валино у Тремпа и Иностраннный легион Ягуэ на Эбро.

Успех сопутствовал националистам в первый же день. Единственный уцелевший мост через Сегре охранялся неопытными штурмовыми гвардейцами, привыкшими проводить обыски и аресты в тылу. Их командир отдал приказ «Спасайся кто может» и скрылся. Приказ был выполнен, и националисты без боя заняли стратегически важный мост. Наваррцы и итальянцы двинулись на северо-восток. В первый же день битвы в неглубокую и неустойчивую оборону республиканцев был вбит клин.

Сарабия и Модесто закрыли брешь 5-м корпусом. Упорно дравшиеся войска Листера и Тагуэньи полторы недели сдерживали ударные части националистов, нанося им порядочные потери. Контратаками у Лериды они разряжали обстановку в наиболее опасные моменты.

Лобовые удары Москардо и Солчаги в центре и на юге захлебнулись. За сутки они продвигались на 2—3 километра. Но националисты действовали гибко. Прорвав оборону в низовьях Сегре, они решительно бросили во фланг и тыл корпусу свежие германо-итальянские моторизованные и танковые части — свыше ста машин, в том числе большую группу новых танков с противоснарядной бронезащитой. Это было сделано по инициативе новаторски мыслившего генерала фон Тома.

Пользуясь развитой дорожной сетью Каталонии и сухой морозной погодой, «Т-111», «Л-6» и «П-40» совершили самый глубокий за всю войну танковый рейд. Они без поддержки пехоты с боями прошли свыше 30 километров во вражеском тылу, громя командные пункты, обращая в бегство резервы, перерезая линии связи и коммуникаций. Их нападение на штаб 5-го корпуса вызвало переполох, хотя и было отбито.

Рохо и Сарабия снова, как и в Арагоне, лишь затыкали дыры в обороне. Имея около 100 тысяч резервистов, они даже не пытались использовать пересеченную местность для фланговых ударов по ударным группировкам врага.

На второй неделе сражения, 3—4 января, сильно поредевший 5-й корпус, уклоняясь от окружения, начал отступление к Таррагоне, которое удалось растянуть на неделю с лишним.

С севера на фланг и тылы корпуса большой массой стали выходить прорвавшиеся у Тремпа войска Гарсиа Валино, почти не встречавшие противодействия. Полковник Модесто санкционировал общее отступление армии.

Генри Бакли рассказывает: *«Мы, несколько военных корреспондентов, приехали 4 января в 5-й корпус к Листеру. Канада доносилась с двух сторон. Обычно приветливый и радостный, Листер на этот раз встретил нас крайне сухо и вместо сердечного приветствия мрачно буркнул: «Добрый день». Мы сразу почувствовали, что происходит что-то неладное».*

Москардо, Солчага и Гарсиа Валино согласованными атаками с двух направлений обескровили последние боеспособные дивизии «красных», разрушили целостный республиканский фронт и, не позволяя противнику оправиться, проникли в глубь Каталонии.

«Огромное поражение! Армия рассыпается. Еще хуже, чем в апреле», — вписал в дневник президент Асанья. Обладая техническим превосходством, националисты стали энергично двигаться вперед. Слабые надежды каталонцев на поддержку армий Центра и Юга таяли. Как мы знаем, Гренадская операция не состоялась, а Пеньярройское наступление «красных» Саликет остановил, не обращаясь за помощью к ставке. Правда, 15 января полковник Касадо на Центральном фронте у Брунете предпринял силами трех дивизий (почти 20 000 штыков) «неожиданную операцию», но она провалилась.

Длившиеся под проливным дождем восемь часов атаки республиканской пехоты и броневиков захлебнулись у первой же линии вражеской обороны. Сражение обошлось Республике в 1000 убитых и 6000 раненых и пропавших без вести. Националисты знали замысел операции в деталях. Разместившись в прочных долговременных укреплениях, они отразили наступление артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, даже без вызова авиации.

Тогда Рохо потребовал у Миахи прислать в Каталонию свежие войска. На эсминцах из Центра было переброшено несколько добровольческих пехотных бригад — 12 000 штыков. Но они принесли обороне только вред. Поскольку набирали доброволь-

цев, командиры отпускали только худших. В бригадах оказались сплошь солдаты-каталонцы, стремившиеся к родным. Развернутые длительным бездействием, сражаться они не собирались и не стали. Очень скоро они покинули вверенные им позиции и поголовно дезертировали, влившись в общий поток беженцев.

Советское вооружение, которого с нетерпением ждали на передовой, все не прибывало. Резервистов и новобранцев отправляли на фронт необученными и безоружными. В таком виде они были способны только сеять уныние. В действующей армии кончались снаряды, а тыловое население голодало.

Националисты, реализуя преимущество в технике, энергично развивали успех. Отдельные их прорывы постепенно слились в прорыв на 150-километровом фронте. Французский генерал Жорж Дюваль — наблюдатель событий со стороны националистов — позже писал в книге «Испания и испанцы»: *«В Каталонской битве Франко было легко применить формулу: «Артиллерия завоевывает территорию, а пехота только оккупирует ее».*

В военном отношении судьба Каталонии решилась 14—15 января. В этот день Ягуэ нанес сильнейший удар с юга и переправился через Эбро, а Москардо и Солчага прорвали вторую линию вражеской обороны, заняли Таррагону и окончательно вышли на оперативный простор. Военные действия из позиционных превратились в маневренные.

Республиканские войска, лишившиеся артиллерии и бронетехники, начали общий отход. Неукрепленная Барселона оказалась под ударом. Националистам осталось до нее 70 километров с юга и еще меньше с запада.

После падения Таррагоны и оптимист Качанов наконец сообразил, что «положение становится серьезным». А оно уже было катастрофическим.

Правительство Негрина и запуганный им Хенералидад, словно подражая Ларго Кабальеро, до последнего момента не объявляли эвакуации. Тогда население стихийно тысячами потянулось на север — на повозках и автомобилях, на ослах и пешком. Сотни тысяч беженцев запрудили все тыловые дороги и стали источниками болезней и панических слухов. «Красные» утратили последние шансы на затягивание военных действий.

Асанья, Мартинес Баррио и часть военных стали требовать у Негрина прекращения безнадежной борьбы и заключения почетного мира с противником. Вместо этого премьер-министр декретами 19 и 23 января ввел военное положение и объявил всеобщую мобилизацию. Главком Центра и Юга Миаха получил звание генералиссимуса. В условиях общего распада военного механизма подобные акты только подчеркнули слабость Республики.

Механизированные авангарды националистов и дивизия «Литторио» быстро обходили Барселону с запада и севера, охватывая ее в кольцо. Укреплений вокруг города не было. Сарабия отдал тайный приказ о сдаче Барселоны. 5-му корпусу, отходившему к каталонской столице, запрещено было «вмешиваться» в ее оборону.

С 23 января ВВС Франко более не бомбили Барселону, а нападали только на войска и беженцев. 24 января правительства Франции и Англии призвали Республику «положить конец военным действиям».

Судьба Барселоны оказалась схожей с судьбой Бильбао. 25 января остановились заводы, прекратили работу муниципальные службы. Центральное правительство, Хенералидад и партийные деятели покинули город. Бежали также все службы безопасности — СИМ, штурмовая гвардия, национально-республиканская гвардия, карабинеры и т.д. Остатки отступавшей армии обошли Барселону стороной. В четыре часа дня 26 января войска Ягуэ начали входить в полупустой, заваленный мусором «испанский Нью-Йорк» с севера — через холмы Тибидальбо и Монжуич.

Барселона в июле 1936 года раньше Мадрида разгромила восстание националистов. Теперь она раньше Мадрида оказалась во власти националистической Испании.

Новая власть отметила занятие города торжественной речью Ягуэ на площади Каталонии, отменой каталонской автономии, запрещением каталонского языка и объявлением розыска многочисленных «политических преступников». На первом месте среди них числился Компанис и все члены Хенералидада, на втором — вожди анархистов.

Приехавшему в Барселону директору пропагандистской службы Фаланги Дионисио Ридруэхо военные власти запретили произнести благонамеренную, выдержанную в националистическом духе речь о грядущем примирении испанцев.

Каудильо направил в Рим благодарственную телеграмму. Муссолини с присущей ему помпезностью провозгласил занятие Барселоны новой победой итальянского оружия и повысил Гамбару в звании.

Падение Барселоны имело сильный международный отзвук. С балкона Венецианского дворца дуче фашистской Италии обращался к римлянам: «*Наши славные легионеры победили сегодня не только правительство Негрина. Многие наши враги кусают сейчас локти от досады!*» На другой день чернорубашечники устроили демонстрации у французского посольства с криками «На Париж! На Корсику!» Французскому послу фашисты устроили обструкцию в театре. Теперь они требовали еще и Тунис.

Даладье и Чемберлен шли на сближение с диктаторами, чтобы обезопасить свои страны и отдалить новый общеевропейский конфликт. Но победы диктаторов в Испании неизбежно приближали Вторую мировую войну.

В Северной Каталонии тем временем разворачивалась трагедия сотен тысяч беженцев, ночевавших на морозе под открытым небом и без питания. Под нажимом различных политических сил Франция то открывала, то закрывала границу. Кроме пограничников и жандармерии, для ее охраны были присланы сенегальские стрелки. Обезумевшие от горя и страха тысячи каталонцев стали тем не менее прорываться на французскую территорию силой. 3 февраля границу наконец открыли, и беженцев начали размещать в наскоро созданных концентрационных лагерях, где многие из них очень скоро умерли.

По некоторым нуждающимся в уточнении данным, в начале февраля правительство Даладье пропустило в Каталонию часть находившегося у границы советского вооружения, в том числе две эскадрильи истребителей «Суперчатос». Однако к ним не было горячего и запчастей и почти не оставалось аэродромов, способных их разместить. Принять участие в боях эскадрильи так и не смогли. Через несколько дней командование ВВС разрешило

пилотам перегнать обе эскадрильи назад во Францию. Прочее вооружение тоже не успело попасть в войска — его некому было выгружать из вагонов и не на чем было везти к фронту, поэтому его пришлось взорвать прямо на железной дороге.

Наступление националистов ускорилось. Ежедневно они вместо 3 километров теперь проходили 8—10. Отступив под охраной остатков 5-го корпуса в старинный городок Фигерас в 25 километрах от французской границы, Негрин созвал сессию кортесов. На заседании присутствовали всего 62 депутата, прочие были казнены, убиты на фронтах или давно находились на территории националистов.

В полуразрушенном и полутемном Фигерасском замке в промежутке между воздушными налетами постаревший премьер-министр 1 февраля обнародовал три условия прекращения военных действий и национального примирения:

1. Удаление всех иностранных войск.
2. Право испанского народа избрать любой политический режим.
3. Отказ от всех репрессий после окончания войны.

Два фигерасских пункта повторяли соответствующие положения майских «13 пунктов» Негрина. Третий был совсем новым. Испанские республиканцы впервые были вправе отказаться от их любимой формы правления и демократического режима. Они теперь молчаливо допускали даже восстановление монархии.

Депутаты без прений одобрили пункты.

И снова момент для предложения врагу мира был крайне неудачным. Только что занявшие Барселону националисты чувствовали близость полной победы. И они и англо-французские политики расценили три Фигерасских пункта как шаг к грядущей капитуляции Республики. Основания к такому прочтению «трех пунктов» были. Один из участников Фигерасской сессии так описывал состояние премьер-министра ночью с 1 на 2 февраля:

«Подавленный, он говорил не столько с нами, сколько с собой... «Посмотрим, как нам удастся закончить вторую партию! Это будет куда труднее», — услышали мы. — Сомнений у нас не оставалось. Мы выходили из борьбы. Говоря об отступлении

в Центр и о «второй партии», Негрин думал только об одном — завершить проигранную войну с наименьшими потерями».

Через несколько дней после принятия Фигерасских пунктов над Фигерасом, как и над Барселоной, взвилось двухцветное знамя националистов. 5 февраля они заняли Жерону в 40 километрах от французской границы. Каталонская битва подходила к концу. Сопrotивление республиканских войск почти прекратилось. Они только прикрывали отход беженцев. Многие солдаты дезертировали.

Одновременно произошли интересные события в Средиземном море: после двухлетнего противостояния националистам пала Менорка — оплот Республики на Балеарах, остров с сильной береговой и зенитной артиллерией, ни разу не атакованный националистами.

8 февраля 1939 года к острову прибыл нейтральный военный корабль — английский крейсер «Девоншир», имея на борту уполномоченного Франко графа де Сен-Луиса. Тот провел секретные переговоры с комендантом Менорки капитаном Убиетой. Кто из них был инициатором переговоров, в точности не установлено.

Так или иначе, 9 февраля Убиета и Сен-Луис подписали акт о капитуляции Менорки. По радиостанции крейсера граф вызвал с Майорки националистические войска, оккупировавшие остров. В порядке «гуманитарной помощи» командир «Девоншира» взял на борт Убиету и еще 450 жителей Менорки. «Невмешательство» сменялось открытым вмешательством.

После решительных протестов республиканского посла в Лондоне правительство Чемберлена сначала возложило вину за произошедшее на «самовольного» командира крейсера, но несколько позже признало, что «Девоншир» действовал не только с согласия Лондона, но и по прямому приказу Адмиралтейства.

10—12 февраля 1939 года последние солдаты Восточного фронта и каталонские беженцы перешли пиренейскую границу. Хуан Негрин отдал свой пистолет французскому жандарму. Напоследок работники республиканской контрразведки расстреляли несколько сотен политических заключенных, которых конвоировали из тюрем более ста километров. Среди убитых были полковник Рей д'Аркур и епископ Теруэльский.

Всего во Франции оказалось 63 000 испанских военнослужащих (половина которых была безоружна) и не менее 400 000 гражданских лиц. Туда же перелетело 25 уцелевших республиканских самолетов.

Перейдя границу, навсегда распрощались президент и премьер Испанской Республики. Асанья выехал в Швейцарию, где у него была вилла. Путь Негрина лежал в Центральную Испанию, которую он покинул годом ранее.

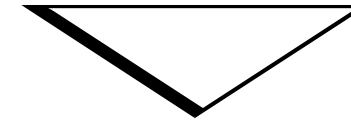
На всей франко-испанской границе стояли теперь националистические войска. Они выходили, паля в воздух с ликующими криками: «Есть Пиренеи, есть!»

Добычей националистов стали около 10 000 винтовок, большая часть артиллерии и бронетехники Восточного фронта, несколько сотен автомобилей. Они захватили почти 60 000 пленных. Потери националистов составили около 40 000 ранеными и убитыми, «красных» — не менее 50 000 человек.

Стратегия националистов оказалась верной. Они не захватили апельсиновых рощ и рисовых полей житочной фермерской Валенсии, но овладели гораздо более важной индустриальной Каталонией.

Война близилась к развязке.

ГЛАВА 6

МАРТОВСКИЙ ТРИУМФ

Зимняя победа Франко стала прелюдией к его конечной победе.

Исход Каталонской битвы подтвердил превосходство военной машины националистической Испании. Националисты теперь располагали 40 провинциями против 10 республиканских и крупнейшим городом страны. Под их властью находилось абсолютное большинство испанцев — 14 из 23 миллионов. Они контролировали обе государственные границы страны — французскую и португальскую. Потери Франко в Каталонской операции были невелики, и националисты по-прежнему располагали хотя и утомленной, но обученной и боеспособной миллионной армией. Их готовились признать Англия и Франция. В Бургос в конце января приехал уполномоченный Даладе сенатор Берар, вступивший с правительством Франко в переговоры о нормализации франко-испанских отношений.

Уверенные в победе националистическое правительство обнародовало 14 февраля ответ на три Фигерасских пункта Негрина — Закон о политической ответственности. Закон карал всех, кто начиная с 1934 года «действием или бездействием» препятствовал победе «крестового похода».

18 и 22 февраля каудильо прокомментировал Закон и прояснил свой образ действий после победы. «*Националисты победили, и республике следует безоговорочно капитулировать*». Он объявил, что гарантиями будущего мира в Испании будут его патриотизм и его честь. Наказание ждет только преступников. «*Репрессии чужды националистам, — заверил Франко. — Нечего опасться тем, чьи руки не обагрены кровью*».

14 февраля 1939 года Париж и Лондон адресовали Негрину новую ноту с рекомендацией о прекращении войны. Правительству Франко такой ноты не направили...

Обстановка в Республике после падения Каталонии и Менорки становилась все более мрачной. Республиканцы удерживали четверть страны с 9 миллионами жителей и исторической столицей — Мадридом. Благодаря постоянным мобилизациям они располагали 700-тысячной армией. На передовой находилось около 500 000 солдат, в резерве — еще 200 000 человек.

Стрелкового оружия (кроме пулеметов), патронов и гранат было достаточно. Военные предприятия пяти городов в конце 1938 года после установки необходимого оборудования (поступившего из СССР) приступили к производству отечественных орудий, бронетехники и самолетов. Республиканские позиции вокруг крупнейших городов — Мадрида и Валенсии были хорошо укреплены. Каждый укрепленный пояс включал несколько полос глубиной в 2—3 километра. Основная база флота — Картахена была неприступна с моря.

В феврале 1939 года некоторых республиканцев воодушевили сообщения международной печати о подготовке англо-франко-советского военного союза, направленного против Германии и Италии. Казалось, расчеты Прието и Негрина на скорый общеевропейский конфликт оправдываются. Остается только продержаться несколько месяцев — и Франко лишится союзников, а Республика их приобретет.

Однако Республике катастрофически недоставало тяжелого вооружения, горючего, электроэнергии, запасных частей и особенно — продовольствия. На 1500-километровом фронте в феврале 1939 года имелось всего 800 орудий, 70 танков (считая старые «Рено», «Трубии» и «Шнейдеры»), 140 бронепоездов и 95 самолетов ВВС, из которых ввиду всевозможных дефицитов летать была способна только половина.

При определении характеристик армий применяются разнообразные критерии, но как ни измеряй материальную мощь армий Республики — в пересчете на километр фронта или же на одного бойца, — ясен непреложный факт: Республика в 1939 году была оснащена военной техникой хуже, чем армия тогдашней

Польши (в которой имелось до 600 бронеединиц и свыше 700 самолетов). Между тем Польша считалась отсталой страной с весьма посредственной армией...

К тому же Республика к 1939 году утратила численное превосходство над противником, хотя и мобилизовала призывников 1941 года. Призыв 18-летних и даже 17-летних юношей не пошел на пользу качеству армии.

Кроме того, по деликатному высказыванию советских историков, «армия была плохо сколочена и не составляла единого целого».

В переводе на обыкновенный человеческий язык — большинство армейских частей на самых протяженных и пассивных фронтах — Центральном и Андалузском — утратили волю к победе, были неспособны и не хотели сражаться. Возобладали фаталистические и пораженческие настроения. Многие командиры и комиссары лишились влияния иплыли по течению. Между тем как раз на данных фронтах размещалась львиная доля республиканских сил. (Заметим, что и снабжение войск было именно здесь особенно никудышным.)

Устойчивость армии уменьшалась, боевой дух падал. По сравнению с 1936—1938 годами угрожающе выросло количество дезертиров и перебежчиков. Только в январе 1939 года к противнику перешло свыше 400 солдат и сержантов.

Бодрое боевое настроение сохраняли только не особенно многочисленные армии Леванта и Эстремадуры, достойно сражавшиеся в 1938 году.

«Хотя наша стратегия — оборонительная, наши войска не умеют ни отступать, ни контратаковать», — предупреждал премьер-министра в начале 1939 года генерал Матальяна.

Разложение вооруженных сил дальше всего зашло на флоте, жестоко страдавшем от нехватки боеприпасов и топлива и подвергавшемся непрерывным воздушным налетам в Картахене. С осени 1938 года на кораблях непрерывно шли будоражащие митинги. Положение флота все считали безнадежным. Одни матросы и старшины требовали ухода в нейтральные порты — Тулон или Бизерту, другие призывали увести корабли в СССР и интернироваться в Севастополе и почти никто не намеревался про-

должать борьбу, которую именовали «продолжением разрушения Испании».

У Республики становилось все меньше надежных военных кадров, количество советских офицеров продолжало уменьшаться. Аржанухин, Батов, Воронов, Горев, Грицевец, Кондратьев, Кривошеин, Кузнецов, Малиновский, Мерецков, Павлов, Питерский, Птухин, Рычагов, Сверчевский, Серов, Смушкевич, Хользунов, Шахт, Юдин, Якушин давно были отозваны. Некоторые из них успели погибнуть на родине. К марту 1939 года в Республике находилось не более 20 недавно присланных офицеров РККА. Авторитетом они не пользовались, а неприязнь вызывали.

Крайне плохой была ситуация с продовольствием, одеждой и обувью. Даже армия не могла по-зимнему экипировать призывников, и многие рядовые в любое время года ходили в летнем обмундировании и в сандалиях на веревочной подошве.

В тылу положение было еще хуже. Постоянно приходилось стоять в бесконечных очередях, карточки отоваривались все реже, иногда не удавалось получить даже 100 граммов трески. Жители Мадрида и его предместий уже больше года практически не видели хлеба и мяса.

Питались главным образом гороховой похлебкой, луком, чечевицей и апельсиновыми корками. Лица мирных жителей приобретали землистый цвет, покрывались струпьями и прыщами. Ходили в обносках, по улицам бродили оборванные и босые дети. Обувь нельзя было купить ни за какие деньги. Даже мыло стало предметом роскоши.

Народ был измотан воздушными налетами. Неприятельская авиация отказалась от массовых бомбежек. Она налетала в 1939 году небольшими группами — по 10—12 бомбардировщиков, но зато по 3—4 раза в день. Работать в таких условиях было почти невозможно.

Усталость и безразличие все больше овладевали населением.

Националистическое командование, благодаря «пятой колонне», было хорошо осведомлено о сквернейшем положении республиканцев. Начальник разведки националистов — полковник Унгрин шаг за шагом на протяжении многих месяцев через третьих лиц устанавливал контакты с республиканским командова-

нием, особенно со штабными офицерами Армии Центра и с окружением Миахи (полковники Гарихо, Касадо, Муэдра, генерал Матальяна). Им в общей форме давались гарантии безопасности. Посредниками чаще всего были работники британского посольства и консульств.

В середине февраля 1939 года Чиано с удовольствием записал в дневнике: *«Приехал Гамбара, сделал очень хороший доклад об испанских делах. Мадрид вскоре сдастся автоматически. Или же в конце марта пятая колонна нанесет удар, и это будет означать конец»*.

Гамбара и Чиано, по отзывам многих историков, не отличались особыми талантами, однако данный прогноз оправдался...

После разгрома в Каталонии очень многие республиканцы отказались вернуться в Центральную Испанию. Так поступили Агирре, Асанья, Компанис, Мартинес Баррио, Ларго Кабальеро, многие вожди анархистов, часть коммунистов и социалистов и немалая часть кадровых военных, в том числе генералы Посас, Рохо, Сарабия, Улибарри, Хурадо, Энкомиенда. Большинство депутатов республиканских кортесов не стали возвращаться из Франции. Там же, только в концлагерях, остались и 63 000 самых стойких и решительных солдат, часть которых, напротив, сохраняла желание вернуться на родину.

Каталонию верно называли «жизненным нервом Республики». Как любой живой организм Испанская Республика не могла существовать без него. Началась агония.

11 февраля, когда гремели последние выстрелы в Пиренеях, в Аликанте на французском пассажирском самолете вылетели Негрин с министрами и частью республиканских командиров, в том числе Листером, Модесто и Сиснеросом. 19 февраля правительство опубликовало декларацию о продолжении «антифашистской войны», напомнив народу о героической обороне Мадрида. Но вряд ли оно могло выглядеть убедительно, вернувшись на родину после трех проигранных битв, без главы государства, без надежных войск, без чиновников, без золота и без вооружения.

Проигравших, как известно, никто не уважает. Зарубежная печать писала, что генерал Миаха и полковник Касадо встретили министров Негрина очень непочтительно — словами: «Зачем вы

приехали? Ведь война проиграна». Такой прием не предвещал ничего хорошего.

Совет министров не поехал ни в Мадрид, ни в другой крупный город. Негрин не объявил временной столицы, а обосновался на вилле в городке Эльде в окрестностях Аликанте. Переутомленный, он тем не менее часто выезжал в отдаленные районы Республики. В Мадриде Негрин за полмесяца пробыл наездами всего несколько дней, между тем с середины февраля по городу уже циркулировали слухи, что руководители Армии Центра, расположенной вокруг Мадрида, намереваются сдать его противнику.

Многие потом писали, что премьер-министр уже ни во что более не верил и ни на что не надеялся и лишь по инерции говорил о необходимости и возможности сопротивления. Когда «последний оптимист Республики» Альварес дель Вайо сообщил ему, что Уинстон Черчилль переменяет отношение к республиканцам и сменил гнев на милость, когда-то бодрый и жизнелюбивый Негрин скорбно ответил: «Слишком поздно».

Скорее всего, Хуан Негрин искал повод для вынужденного ухода, поскольку добровольной отставки не допустили бы коммунисты. Из их опубликованных уже в наши дни тайных партийных отчетов видно, что в Эльде постоянно находились два-три члена ЦК компартии с охраной, неотступно наблюдавшие за главой правительства, их в свою очередь «курировал» фактический глава испанской компартии — уполномоченный Коминтерна — Тольятти со своей охраной.

Впрочем, многие коммунисты уже видели, что война проиграна, и готовились к бегству. Лидер партии Хосе Диас уже в 1938 году выехал во Францию, откуда был отозван в СССР — «на лечение». С января 1939 года на небольшом аэродроме в окрестностях Аликанте, находившемся в распоряжении исключительно компартии, «на всякий случай» дежурили три пассажирских самолета с полными бензобаками и со сменными экипажами, постоянно готовыми к взлету. Однако Негрина коммунисты не отпускали.

«Случай» явился раньше, чем предполагали многие свидетели испанской драмы. 27 февраля правительства Англии и Франции официально признали Франко и разорвали дипломатические

отношения с Республикой. Их примеру очень скоро последовали многие мелкие государства. Не сделали этого только СССР, США, Мексика и Швеция, хотя госдепартамент в тот же день официально сообщил, что «изучает вопрос о признании генерала Франко». Советские газеты осудили «буржуазную политику капитуляции перед диктаторами».

Днем позже вышел в отставку с президентского поста Асанья, уже месяц находившийся за пределами Испании — в Швейцарии. Крупнейшие газеты Запада комментировали: «Отсутствие г. Асаньи делает правительство Негрина противозаконным и антиконституционным... Есть надежда, что это обстоятельство положит конец испанской гражданской войне».

В такой обстановке Негрин 1 марта провел в Альбасете совещание высшего командования. Коммунистов на нем не было. Генералы Менендес из Армии Леванта и Эскобар (Эстремадурская армия) с оговорками поддержали продолжение войны. Но три командующих сухопутными войсками и руководитель флота адмирал Буиса решительно поставили вопрос о прекращении борьбы. Адмирал открыто пригрозил, что, если «почетного мира» в кратчайшее время не будет, флот уйдет за границу.

Остатки кортесов в Париже тем временем поступили по положениям конституции — они попросили Мартинеса Баррио стать временным президентом республики. 2 марта тот согласился, но поставил условие: совет министров должен поспешить с заключением «достойного мира». От Негрина, следовательно, требовали возобновить усилия там, где он терпел одни поражения — в примирении испанцев. Между тем Невиль Чемберлен уже заявил в британской палате общин, что правительство Негрина он рассматривает как незаконное.

Хуан Негрин пошел тогда на меру, которую всегда упоминают историки: 2 марта он подписал серию приказов по армии. При их анализе исследователи и публицисты обычно обращают внимание только на то, что карьерист и интриган Касадо получил новое повышение — чин генерала и пост начальника генштаба. Но повышение получил не только он, целая группа командиров-коммунистов, находившихся без дела после ухода из Каталонии, получила важные назначения. Листер был произведен в полков-

ники и стал командующим Андалузской армией, Галан назначен военным комендантом Картахены, Тагуэнья — военным комендантом Мурсии, Этельвино Вега — Аликанте. Коммунисты позже писали в закрытых материалах: «В Леванте Негрин дал нам самое важное». Модесто и Кордон стали генералами. Впервые в Западной Европе коммунисты достигли генеральских постов. Но и это еще не все.

Подозрительные в глазах коммунистов и советских офицеров полковники Муэдра и Гарихо переводились с понижением из штаба Армии Центра в распоряжение Миахи. Миаха же лишился поста верховного главнокомандующего Центра и Юга — им стал сам Негрин. Касадо лишился поста командующего Армией Центра (где ему подчинялось 200 000 солдат) и назначался начальником генерального штаба (где ему не подчинялось ни одной роты).

Передача под прямой военно-административный контроль коммунистов всей восточной части Республики — огромного треугольника Валенсия — Картахена — Альбасете могла иметь цель нанести решающий удар «пятой колонне», которая в начале 1939 года именно в Леванте уже постепенно выходила из подполья.

(Впрочем, с таким же успехом это могло означать другое — передачу в руки коммунистов гаваней и приморских коммуникаций, через которые могла и должна была проходить эвакуация за границу...)

Наконец, по настоянию коммунистов Негрин 1 или 2 марта приказал, во-первых, провести многочисленные аресты членов «пятой колонны» (за сутки было арестовано до 200 человек) и, во-вторых, создать 60-тысячные военизированные формирования. Их назвали Армией маневра, но создавались они не для фронтовых сражений, а «для противодействия попыткам государственного переворота» и должны были подчиняться герою Эбро Хуану Модесто. Как видно, Негрин и коммунисты более не доверяли службам безопасности. Коммунисты позже утверждали, что уже подозревали Буису, Касадо и Миаху в намерении совершить переворот и потому побуждали премьер-министра подавить его в зародыше.

Кадровые военные-антикоммунисты утверждали, что Негрин и компартия готовили «коммунистический государственный переворот» и тем толкнули их на вынужденные ответные действия.

Полковник Касадо отказался уйти с прежнего поста и совершил любопытнейший поступок — не принял генеральского звания. Негрин 3 марта пригласил его и нескольких других вызывающих сомнение военачальников на совещание в Эльду. Он предусмотрительно прислал за полковником свой самолет, но Касадо снова отказался повиноваться приказу. Он готовил переворот.

Полковника поддержал целый ряд военачальников-некоммунистов. Единомышленникам Касадо говорил, что штатские не в состоянии положить конец «разрушению Испании», что пора действовать военным, которые смогут добиться у националистов — таких же кадровых военных — мира по соглашению.

К заговору присоединились очень многие, в том числе руководство военной контрразведки (СИМ) и корпусной командир, герой Гвадалахары, анархист — подполковник Сиприано Мера. Готовился поддержать Касадо адмирал Буиса и комиссар флота социалист Бруно Аллонсо. После некоторых колебаний дал согласие генералиссимус Миаха, охотно присоединился отец-основатель Республики, муниципальный советник Мадрида Бестейро, давно уже призывавший к капитуляции. Все эти события произошли в считанные дни — между 20 февраля и 4 марта.

Сехисмундо Касадо впоследствии писал в воспоминаниях, что столь широкой базы заговора он не планировал и даже не мог ожидать. Это еще раз отчетливо показало, насколько ослабло основание Республики.

Между тем в ответ на назначение коммуниста Галана 4 марта восстали военные Картахены, захватившие береговые батареи и радиостанцию и вызвавшие по радио на помощь флот и ВВС националистов. Местных коммунистов они взяли под стражу. С этого дня в Республике развернулась «гражданская война внутри гражданской войны». Аналоги подобных событий изредка встречались в мировой истории, в частности в России, — это были восстания против красных в Ярославле, Кронштадте, на Тамбовщине и на Дону.

Несмотря на выгодную обстановку — раздоры в республиканском лагере, националистические адмиралы Морено и Серве-

ра не рискнули направить в Картахену свою эскадру. На помощь восставшим они опрометчиво послали только авиацию и десантное судно «Кастильо де Олите» с пехотной бригадой (3500 солдат) на борту. Бригада получила предписание занять важнейшие пункты Картахены. Сопrotивления не предусматривалось.

Имевший пехотную бригаду в 3000 штыков и несколько танкеток, Галан за полдня разгромил мятежников и вступил в командование военно-морской базой. Коммунисты из Эльды дали ему приказ подавить мятеж, не спрашивая медлившего премьер-министра и не согласуя операции с военным министерством. Поддержка националистов запоздала. Картахенские крепостные артиллеристы при появлении «Кастильо де Олите» на внешнем рейде несколькими залпами пустили почти невооруженный транспорт ко дну. Погибло 2300 солдат. Из-за самонадеянности и непредусмотрительности националистического морского командования целая бригада перестала существовать.

Но победа сторонников Негрина на суше сопровождалась «картахенским бедствием» на море. Пока шли бои на улицах Картахены, исправные корабли под бомбами «легионарской авиации» по приказу Буисы снялись с якоря и вытянулись на внешний рейд. Матросы и старшины, многие из которых давно стремились выйти из борьбы, выполнили внешне неожиданный, но отвечавший их чаяниям приказ адмирала — взяли под стражу флотских коммунистов.

Уходившие корабли — три крейсера и восемь эскадренных миноносцев теоретически могли принять на борт и вывезти из Испании по крайней мере 6—7 тысяч гражданских лиц. Именно так поступали морские силы нашего Белого движения при уходе из портов Черноморья и Севера. Первоисточники отмечали заслуги наших моряков 1919—1920 годов, самоотверженно управлявших чудовищно перегруженными кораблями.

Испанский же республиканский флот покинул театр военных действий, заботясь главным образом о собственном спасении. Буиса и Бруно Алонсо в Картахене поступили не лучше Убиеты на Менорке, они позволили погрузить на корабли всего 500—600 картыхенцев — рабочих порта, арсенала и их семьи. К вечеру 5 марта в картыхенской гавани остались четыре эсминца, че-

тыре подводные лодки и различные мелкие суда. Состояние их механизмов исключало дальний морской поход.

Вышедший из борьбы флот после бурных дискуссий о маршруте и конечном пункте похода направился в Северную Африку. Одна из подводных лодок отделилась по дороге и пошла прямо на Майорку, где сдалась националистам. 7 марта флот прибыл к берегам Туниса и был интернирован в Бизерте. Французские власти разрешили морякам выбрать между возвращением в националистическую Испанию и получением статуса беженцев во Франции, а корабли вскоре передали националистам.

Берега Республики теперь были открыты и беззащитны. Франко объявил тесную блокаду республиканских гаваней.

Напряжение в Республике росло. 5 марта Негрин дважды настойчиво вызывал Касадо в Эльду на совещание. Тот отказался явиться, ссылаясь на плохое самочувствие. Тогда премьер-министр задержал при себе прибывшего в Эльду генерала Матальяну, также замешанного в заговоре. Касадо по телефону пригрозил расстрелять шесть министров, находившихся в это время в Мадриде. Матальяне разрешили покинуть Эльду, а министров выпустили из Мадрида.

После освобождения Матальяны полковник Касадо вечером 5 марта приказал штабным офицерам спороть с мундиров красные звезды. Ночью с 5 на 6 марта в Мадриде Касадо и его сторонники совершили переворот. Войска 4-го корпуса Меры заняли главное управление безопасности, телефонную станцию, радиодетр, министерство финансов, МВД и Испанский банк. Сопrotивления они не встретили, поскольку уже полтора месяца действовали законы военного времени, и военные власти имели неограниченные полномочия.

В первом часу ночи 6 марта заговорщики передали по радио манифест о низложении правительства Негрина и о переходе власти к «временному правительству» — Хунте национальной обороны, задача которой — устранить всех сопротивляющихся «достойному и почетному миру» и достичь согласия с националистами. Председателем Хунты номинально стал Миаха, в ее состав вошло несколько второстепенных общественно-политических деятелей — социалистов, анархистов и республиканцев.

Премьер-министр не отдал приказов о подавлении касадистов. Он с согласия коммунистов пытался вступить в переговоры с Хунтой, чтобы предотвратить «раскол армии и народа», Негрин старался образумить Касадо по телефону. Но Хунта не вступала в переговоры. По свидетельству очевидцев, телефонный разговор Эльды с Мадридом 6 марта выглядел так:

Негрин: Что там у вас происходит?

Касадо: Только то, что мы восстали.

Негрин: Против кого?

Касадо: Против вас.

Негрин: Генерал Касадо...

Касадо: Я — полковник.

Негрин: Вы смещены.

Касадо: Я этого ожидал.

Полковник дал отбой и приказал с полного согласия Хунты арестовать членов совета министров и ЦК компартии. Подполковник Мера, который ровно двумя годами раньше доблестно защищал Республику при Гвадалахаре, теперь планировал доставить арестованного премьер-министра в Бургос, чтобы он предстал перед трибуналом националистов.

Тогда Негрин и большинство министров, безболезненно ускользнув из-под двойного контроля — испанских коммунистов и Тольятти, 6 марта на пассажирском самолете вылетели во Францию, туманно пообещав «продолжать борьбу из-за рубежа». Отъезд правительства лишил сторонников продолжения войны руководящего центра.

Вскоре решили покинуть страну и аккредитованные при правительстве Негрина советские офицеры во главе с Шумиловым. Сторонники Хунты сначала взяли их под стражу, затем по одному-два человека перевезли в Алжир.

Часть командиров-коммунистов во главе с полковниками Асканио и Рекальде выступила против Хунты. Другие (генерал Сиснерос, полковники Барсело, Буэно, Ортега, Энсисо и др.) бездействовали, ссылаясь сначала на отсутствие приказов премьер-министра, а затем на его бегство из Испании.

Часть командиров с членскими билетами компартии или считавшихся «близкими к партии», поддержала Касадо (генерал

Миаха, полковники Алонсо, Камачо, Прада). Командиры-некоммунисты (Менендес, Морионес, Эскобар) почти поголовно перешли на сторону Хунты. Генерал Менендес повел себя достойно — он не допустил расправы над арестованными коммунистами и даже выступил посредником между ними и Хунтой.

Последовала «кровавая мартовская неделя» — беспорядочные перестрелки в Мадриде, Валенсии и их окрестностях. Армия распалась — ее части вели бои друг с другом. Население воспринимало события безразлично. Касадисты несколько раз находились в опасной ситуации (8 марта под натиском коммунистических батальонов Хунта утратила большую часть Мадрида и отсиживалась в подzemелье министерства финансов), но их войска были устойчивее и постоянно пополнялись все новыми сторонниками — гражданскими губернаторами, авиационными командирами.

Политически и психологически касадисты с самого начала были в выигрышном положении. Ведь они обещали солдатам и народу мир, прекращение «разрушения Испании», а их противники — всего лишь продолжение братоубийственной войны. Серьезных боев поэтому не было, за «кровавую мартовскую неделю» с обеих сторон погибло около 100 человек.

К 14 марта сопротивление Хунте прекратилось. Ее противники частью были расстреляны на месте, большей же частью скрылись. Среди казненных без суда были коммунистические командиры и комиссары высокого ранга — командир 1-го корпуса Барсело и его комиссар Касорла (для Касорлы это было похоже на возмездие за его участие в массовых бессудных расстрелах под Мадридом в ноябре 1936 года). В то же время другие коммунисты — Каррильо и Тагуэнья при не совсем ясных обстоятельствах сумели выбраться из занятого касадистами Мадрида.

Всеобщая неразбериха позволила ускользнуть из-под стражи даже нескольким членам ЦК компартии и находившемуся с ними Тольятти, которых 7 марта без единого выстрела арестовала штурмовая гвардия провинции Аликанте. Как выяснилось только спустя 40 лет, от гибели их спасли малая известность, фальшивые документы и взятки долларовой валютой (сборник «Ленинградцы в Испании»). В конце марта они добрались до Алжира.

Тольятти позже писал, что будь при них самые известные коммунисты — вроде Листера или Модесто, всю компанию убили бы на месте. Листер и Модесто в это время вместе с Ибаррури (всю войну повторявшей на митингах «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!») при помощи бывшего командующего ВВС Сиснероса уже оказались в Тулузе. Коммунисты и их сторонники тоже проявили гуманность во время боев в Леванте, захватив Миаху, а затем отпустив его.

Без особого труда разгромив противников прекращения сопротивления, Хунта, однако, немногого достигла на прямых переговорах с националистами. Уполномоченных Касадо, дважды летавших в Бургос, каудильо и граф Хордана даже не приняли. Впрочем, Франко в середине марта 1939 года физически не мог никого принять. Когда каудильо получил достоверные сведения о расколе и развале в стане врага, он... свалился с сильнейшим гриппом.

Хунте пришлось вести переговоры с полковником Унгрией и его сотрудниками. Националисты подтвердили неизбежность немедленной капитуляции «без условий, без пунктов и без переговоров». Военным, «не замешанным в преступлениях», они гарантировали жизнь. Остальным жителям Республики Франко не обещал ничего. Он не уточнил, что следует понимать под преступлениями, отказался разъяснить, к какой ответственности привлечет виновных — к коллективной или только к индивидуальной.

Каудильо пошел на микроскопические уступки: он не возражал против выезда за рубеж на иностранных пароходах граждан, имеющих британские или французские визы. Он согласился также на беспрепятственный отъезд сторонников Хунты через два небольших левантийских порта — Аликанте и Гандию, запретив в то же время любую эвакуацию через гораздо лучше оборудованные гавани Валенсии и Картахены.

Касадо и Миаха не сразу приняли условия победителей. Хунта даже осмелилась критиковать по радио неуступчивость Франко и провозгласить: *«Испанский народ не выпустит из рук оружия, пока не получит гарантий мира без преступлений... Война продолжается и будет продолжаться»*. Тогда 26 марта националисты перешли в наступление в Андалузии, и фронт в одно мгновение рухнул.

Республиканские солдаты толпами покидали позиции, местами они вывешивали белые флаги. За день националисты без борьбы заняли Пособланко (под которым потерпели двумя годами раньше унижающее поражение) и взяли почти 30 000 пленных. Утром 27 марта они атаковали на Толедском направлении и беспрепятственно двинулись по долине реки Тахо в глубь Кастилии. Боев больше не было.

Касадо поручил только что порвавшему с компартией полковнику Альфонсо Праде оформить 27 марта капитуляцию Мадрида. Командиры войсковых частей получили приказы открыть врагу фронт. На позициях в Каса-дель-Кампо началось стихийное братание противников.

Касадо и большинство его приверженцев покинули столицу и выехали в Левант. Первым бежал Миаха, который еще в феврале получил у британского консула въездную визу. Всюду уезжавшие касадисты встречали одно и то же зрелище — массы стремившихся к Средиземному морю беженцев, сотни солдат без строя, без оружия и без командиров, разбредавшихся по домам...

В полупустом Мадриде остались только два участника заговора — штатский философ-социалист Бестейро и кадровый военный Матальяна. Оба они сделали это вполне сознательно. Очень скоро их взяли под стражу.

28 марта 1939 года националистические войска через Каса-дель-Кампо и Университетский городок вступили в Мадрид. Для вступления в столицу высшее командование националистов избрало войска генерала Эспиносы де лос Монтеро, который в начале войны должен был скрываться в республиканском тылу от расправы и позже был обменен.

Город, под стенами которого ранее шли жестокие бои, был занят на редкость спокойно. Часть националистических батальонов воспользовалась метро, чтобы доехать до центра столицы. Контролерши в метро приветствовали победителей фалангистским салютом.

Из-за туч, много недель закрывавших небо, в этот день выглянуло солнце. Пустые, обшарпанные улицы выдержавшего двухлетнюю осаду города наполнились публикой. На улице высыпали отсиживавшиеся в тайных убежищах бледные как привиде-

ния, но веселые члены «пятой колонны», срывали со стен последние республиканские плакаты и плясали на них. Они встречали победителей цветами и восторженными криками «Они прошли!». Однако громче всего звучало радостное скандирование «Франко! Фран-ко! Фран-ко!».

Чиано вписал в дневник о падении Мадрида: *«Огромная победа фашизма. Возможно, самая великая из одержанных до сих пор»*.

Националисты получили приветственные послания папы римского и германского рейхсканцлера. Советская печать скорбела о гибели Республики «под ударами международной реакции». А в это время в город въезжали грузовики с продовольствием. В этот день его раздавали бесплатно.

К 1 апреля националисты и итальянцы заняли города Кастилии и Леванта, принимая власть у вышедшей из подполья «пятой колонны». Всюду они брали трофеи и захватывали массу пленных.

Полковник Касадо сделал остановку в Валенсии. По телеграфу он убеждал правительства Франции и Мексики не отказывать в убежище испанским беженцам. По радио полковник призвал свой народ к спокойствию. Эта речь стала его последним публичным выступлением. На другой день члены валенсийской «пятой колонны» потребовали немедленного выезда Касадо. Он пробыл правителем «красной Испании» три недели. В Гандии полковник и его приближенные погрузились на британское госпитальное судно, а затем были пересажены на отправлявшийся в Портсмут крейсер «Галатея».

В Картахене солдаты и оставшиеся в базе моряки пустили ко дну четыре подводные лодки, не собираясь оставлять их противнику. Часть республиканцев, не желавших сдаваться, ушла в горы или покончила с собой. Особенно много самоубийств было в Аликанте, где свыше 50 000 солдат и беженцев напрасно ждали прихода иностранных пароходов.

1 апреля 1939 года золотисто-пурпурное знамя развевалось над всей Испанией. В последней военной сводке оправлявшийся от гриппа триумфатор Франко написал: «Война окончена».

На человечество надвинулась грозная туча Второй мировой войны.

7 апреля 1939 года Италия захватила Албанию.

14 апреля СССР, Франция и Англия вступили в официальные переговоры о союзе против тоталитарных государств.

27 апреля Англия ввела всеобщую воинскую повинность.

11 мая на Халхин-Голе в далекой Восточной Азии завязались бои между советскими и японскими войсками.

22 мая Гитлер и Муссолини заключили «Стальной пакт» — официальный военный союз.

23 августа был заключен пакт Молотова — Риббентропа.

1 сентября германские войска перешли границы Польши.

После окончания испанской гражданской войны прошло всего пять месяцев.

Гражданская война обошлась Испании в 450 000 загубленных человеческих жизней — убитых, замученных, умерших от голода, ран и болезней и пропавших без вести.

Испания потеряла 5% довоенного населения, свыше 10% мужского населения. Погибло почти 20% молодежи от 16 до 30 лет.

320 000 погибших испанцев составили республиканцы, 130 000 — националисты, каждый пятый из них стал жертвой политических репрессий по обе стороны фронта. В стране почти не осталось семей, не пострадавших от войны. Ларго Кабальеро и генерал Москардо лишились сыновей, Хосе Диас — дочери, Эмилио Мола и Франсиско Франко — братьев. Тяжело ранен был сын Хуана Негрина — Ромуло Негрин-Михайлов, сражавшийся в республиканских ВВС. Племянница Франко и сын Миахи по два года отсидели в тюрьмах — она у республиканцев, он — у националистов. Немало испанских семей оказалось надолго или навсегда разделенными сначала линией фронта, потом — государственными границами.

Основательно разрушенными оказались все крупные города, кроме Бильбао и Севильи, и целый ряд мелких — Бельчите, Гвадалахара, Герника, Дуранго, Касерес, Нулес, Сагунто, Сеговия, Теруэль, Толедо, Хихон. Сильнее всего пострадали дороги, мосты, коммунальное хозяйство и жилой фонд. После войны катаст-

рофически не хватало жилья и электричества. До конца 40-х годов свет во многих селах и мелких городах то и дело отключали.

Четверть миллиона строений была разрушена до основания, еще столько же зданий пострадало. 173 населенных пункта пришлось восстанавливать полностью (правда, крупнейшие заводы и фабрики уцелели).

Война обернулась изгнанием 600 000 испанцев, среди них большинство составляли лица свободных профессий, квалифицированные рабочие, военные. За рубежом оказались почти все видные испанские интеллектуалы — Мадарьяга, Ортега-и-Гассет, Пикассо. Родину тогда не покинул только молодой художник Сальвадор Дали.

С падением Республики за границей образовалась «другая Испания». У нее не было государственных границ, официальной столицы и гражданства, но были свой язык, культура, экономическая жизнь. Ее население составило свыше полумиллиона человек, а неофициальными столицами стали Тулуза во Франции, Мехико и Буэнос-Айрес — в Западном полушарии.

Больше всего испанских изгнанников приняли Мексика (150 000 человек), Франция (140 000) и Аргентина (60 000). Бразилия впустила к себе около 30 000 человек, СССР — около 20 000, США — менее 10 000. Великобритания приютила всего 200 человек. Прочие рассеялись по Чили, Уругваю, Кубе, Египту.

Основатель Республики Асанья умер в изгнании ранее других — в 1940 году. Перед смертью он примирился с католической церковью.

Арестованный нацистами во Франции «испанский Ленин» — Ларго Кабальеро выдержал три года германского концлагеря, был освобожден советскими войсками и умер в 1946 году в нужде и одиночестве в пролетарском предместье Парижа. После него остались короткие записки под названием «Письма к другу». Обосновавшийся в Мексике Мартинес Баррио вплоть до смерти в 1962 году оставался республиканским президентом в изгнании.

Эмигрировавший в Лондон и подозревавшийся многими в присвоении денег и ценностей Хуан Негрин оставался премьер-министром в изгнании до 1945 года, когда его сменил Хираль. Негрин перебрался во Францию, полностью отошел от полити-

ки, вел уединенную жизнь. Большая советская энциклопедия с неудовольствием отмечала во втором издании, что «Негрин отказался присоединиться к движению сторонников мира». Он умер в Париже в 1956 году и похоронен на кладбище революционеров Пер-Лашез.

«Сильный человек Республики» Индалесио Прието поселился сначала в Чили, потом в Мексике. В отличие от Асаньи и Негрина «дон Инда» продолжал активную политическую деятельность, даже когда ослеп. Он опубликовал двухтомные пронизанные горечью мемуары «Конвульсии Испании». Скончался Прието в один год с Мартинесом Баррио и Хиралем (1962).

Альварес дель Вайо вплоть до 1975 года жил в Соединенных Штатах, проявив себя плодовитым мемуаристом. Его воспоминания выходили на разных языках под четырьмя заглавиями — «Битва за свободу», «Война началась в Испании», «Последний оптимист», «Дайте мне битву».

Хосе Диас и Долорес Ибаррури нашли убежище в СССР. Диас в возрасте 47 лет умер в тбилисском санатории. Долорес после него в течение 18 лет возглавляла компартию, став первой в истории женщиной — партийным лидером. Ее единственный сын погиб под Сталинградом. Вынужденная в дальнейшем уступить место лидера серийному убийце — Каррильо, Долорес глубокой старухой смогла вернуться на родину. Читать ее написанные в духе партийной догматики воспоминания не слишком интересно. Столь же скучна и опубликованная под ее редакцией трехтомная «Война и революция в Испании».

В эмигрантских партиях шла жестокая внутренняя борьба. Многие видные деятели испанской компартии были после 1939 года исключены из нее (Клаудин, Эрнандес) по стандартному обвинению в «антипартийной деятельности» или сами порвали с ней (Дельгадо, Кампесино, Тагуэнья, Этельвино Вега). Конфликтами с партийным руководством прославился Листер. Социалистическая партия изгнала Альвареса дель Вайо за его «дружеские связи с коммунистами».

Рассеялись по земному шару республиканские военные. Генерал Миаха уехал в США и умер в Нью-Йорке в 1958 году. Рохо и Сиснерос жили в Мексике, Сиснерос закончил свои дни в Че-

хословакии. Адмирал Буиса поступил во французский Иностран- ный легион. Листер и Модесто после пребывания в СССР верну- лись в 1944 году во Францию, где и остались. Там же поселился и генерал Франсиско Льяно де ла Энкомиенда.

Анархист Сиприано Мера, до войны дорожный рабочий, во французской эмиграции стал каменщиком. Франсиско Сиутат за- кончил в Москве Академию Фрунзе, стал военным преподавате- лем и навсегда остался в Советском Союзе.

Все они, кроме Буисы и Энкомиенды, оставили воспомина- ния, самые известные из которых написаны Рохо, самые корот- кие — Сиутатом, а самые объемистые — Сиснеросом.

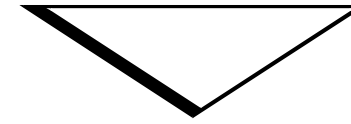
Фантастической была судьба Валентино Гонсалеса — Кампе- сино. Вместе с рядом других коммунистов он укрылся в СССР. Но очень скоро критиковавший советские порядки необузданный эстремадурец угодил в концлагерь. Оттуда Кампесино совершил головокружительный побег, в Иране был пойман англичанами и возвращен советским властям, снова бежал и обосновался в Мек- сике, откуда потом переехал в Бельгию.

Нашел пристанище в Латинской Америке руководитель Ба- леарской операции капитан Альфредо Байя. В Мексике он стал соратником Фиделя Кастро, помог ему подготовить десант на Кубу и позже получил звание генерала кубинской армии.

Испанские изгнанники активно участвовали во Второй миро- вой войне, сражаясь на различных ее театрах — от Франции и Северной Африки до Восточного фронта. Они сыграли заметную роль во французском Сопроотивлении в южных департаментах, сражались в 8-й британской армии в Ливии и Египте, участвова- ли в освобождении Парижа в 1944 году. В критические дни обо- роны Москвы от вермахта советское руководство доверило исп- панцам охрану Кремля. Около 25 000 изгнанников погибло в боях. Еще 16 000 человек — в концлагерях Третьего рейха.

Но при всех перипетиях судеб испанской республиканской эмиграции у всех изгнанников сохранялась общая черта — тоска по родине, которой их лишил исход войны...

ГЛАВА 7

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К МИРУ

Франсиско Франко достиг безграничной власти над страной. Соратники преподнесли ему звание генералиссимуса. Ему суж- дено было править Испанией около 40 лет.

18 мая 1939 года он торжественно въехал на подметенные ули- цы сверкавшего чистотой Мадрида на белом коне и немедленно отправился молиться в величественную церковь Святой Варва- ры. Каудильо молился о мире.

Идее мира противоречил грандиозный военный парад, про- веденный в столице 19 мая и растянувшийся на 25 километров. В нем участвовало свыше 200 000 победителей. Перед трибуна- ми прошли наваррские бригады, фалангистская милиция, анда- лузские ополченцы Кейпо, Иностраный легион, немецкие офи- церские колонны, итальянские дивизии, португальцы. Проехала бронетехника (в том числе трофейная советская) и мотопехота. В небе пронеслось 600 бомбардировщиков и истребителей — весь наличный состав авиации.

Уникальность параду придал его юридический компонент. На грузовиках провезли кипы уголовных и политических судебных дел, заведенных победителями на побежденных.

Затем в честь уезжавших на родину иностранных «легиона- риев» были устроены отдельные парады в Севилье, Сарагоссе, Леоне.

Повсюду победители возводили помпезные триумфальные арки. Открывались памятники вождям националистов, в том числе прижизненные, в их честь переименовывались улицы и площа- ди. Монумены Франко появились в центре сразу нескольких го- родов, начиная с Мадрида. Моле фалангисты воздвигли памят-

ник в Вальядолиде. В 1941 году власти приступили к сооружению огромного мемориала в Гвадаррамских горах близ Ла-Гранхи — «Долины павших». Его намеревались посвятить исключительно памяти погибших националистов.

С редкой пышностью националисты устроили перезахоронения нескольких человек, объявленных героями и мучениками. Останки Примо де Риверы, ставшего жертвой судебного произвола, много дней под звуки траурной музыки торжественно перевозили из Аликанте в Кастилию. Ночью гроб Примо сопровождали факельные шествия фалангистов. Во многих селениях при этом происходили насилия над бывшими республиканцами. Останки павших при обороне Мадрида советских летчиков и танкистов подверглись осквернению — их вырыли из могил и бульдозерами сбросили в овраг (правда, в других местах подобных актов не последовало).

Националисты восстановили отмененные Республикой старинные католические праздники и учредили новые идейно-политические праздники — День смелости, День стойкости, День скорби, День памяти. Днем смелости было объявлено 18 июля. 19 мая провозгласили Днем победы.

Повсеместно нагнетались ненависть и презрение к побежденным. Их огульно именовали скопищем уголовников и советско-французских агентов. Стены домов пестрели плакатами, изображавшими чудовищ, побеждаемых националистической Испанией. Рефреном всех новых праздников было «Победила Испания — проиграла анти-Испания». В школах и храмах славил «крестовый поход» против либералов, коммунистов и масонов и его успехи.

Каудильо награждал соратников. Он возобновил раздачу аристократических титулов, прекращенную Республикой. Герои националистической Испании — Кальво Сотело, Мола, Примо де Ривера — посмертно получили герцогские титулы. Маркизами при жизни стали Кейпо де Льяно, адмирал Морено, Саликет, посмертными маркизами — Варела, Кинделан и Ягуэ.

Кадровые военные заняли большинство высших государственных постов. Такие вожди «крестового похода», как Алонсо Вега, Варела и Ягуэ, стали в националистической Испании министрами, Гарсиа Валино — начальником генерального штаба.

Националисты изобрели также коллективные награды. Верная «крестовому походу» с первого часа католическая и монархическая Наварра была награждена орденом Святого Фердинанда. Он был внесен в ее старинный герб. Выдержавшие длительную осаду Авила, Бельчите, Овьедо, Сарагосса, Сеговия, Теруэль, Толедо получили статус городов-героев.

Победители — кадровые военные, монархисты и фалангисты — откровенно упивались военной победой. 1939 год был официально объявлен «годом победы».

Внутреннюю политику диктатуры иностранцы прозвали «политикой отщепености». Республиканская конституция была отменена, республиканский «Гимн Риэго» и трехцветный флаг запрещены. Та же участь постигла баскский и каталонский языки.

Драконовский закон о политической ответственности нашел широчайшее применение. Вплоть до 1941 года продолжались массовые казни. В среднем ежедневно приводилось в исполнение около 20 смертных приговоров. Расстрелов было столько, что даже италофашистский генерал Гамбара весной 1939 года заявил о своем протесте.

Кроме расстрела, националисты возродили старинную средневековую казнь при помощи гарроты, страшную варварскую традицию. Среди казненных были бывшие республиканские министры, глава каталонского Хенералидада в изгнании Компанис, немало профсоюзных деятелей, множество офицеров и комиссаров республиканской армии.

По приговору военного трибунала расстреляли генерала Эскобара, хотя он поддержал переворот Касадо и разгромил коммунистическое сопротивление в Эстремадурской армии, и генерала Кабреру — виновника падения Малаги, которого республиканцы подозревали в предательстве!

По меньшей мере 200 000 «красных» испанцев прошло через тюрьмы и ссылки. В тюрьмах гибли не только подлинные враги националистов вроде поэта и политкомиссара Мигеля Эрнандеса (получил пожизненное заключение, умер в 1942 году), но и сподвижник Касадо — антикоммунист генерал Матальяна (20 лет заключения, умер в 1952 году). Даже закоренелый антикоммунист и недруг СССР Хулиан Бестейро, два с половиной года призывав-

ший к капитуляции, ставший членом Хунты в марте 1939 года и имевший, казалось бы, заслуги перед националистами, получил 30 лет заключения (умер в 1940 году). Члены судившего Бестейро трибунала припомнили ему и составление конституции 1931 года, и членство в социалистической партии, и уклонение от «активной борьбы» против Республики. Тяжелая болезнь пожилого Бестейро — он был в последней стадии чахотки — не была сочтена смягчающим обстоятельством.

Свыше 300 000 бывших солдат Республики отправились на принудительные работы — дорожные, строительные, работы в шахтах. Их сроки колебались от года до 20 лет. Особенно славились тяжестью работы в «Долине павших». Там, в скалах, без каких-либо механизмов и без взрывчатки 22 000 пленных республиканцев возводили колоссальный мавзолей и крест. Им следовало ручным трудом «искупить вину перед отечеством». 14 000 человек погибло в ходе работ, длившихся 18 лет.

Победившие силы — армия и церковь запретили почти все разрешенное Республикой — политические партии, профсоюзы, светскую школу, забастовки, разводы, стриптиз, нудизм. Помещики получили назад большую часть конфискованных земель, у женщин отобрали политические и имущественные права.

Националисты прививали испанцам аскетизм. Восстановили предварительную цензуру, загнали в подполье проституцию, ограничили ввоз иностранных газет, книг и кинофильмов. Из голливудских фильмов вырезали объятия, поцелуи, декольте, бикини. Испанкам запретили носить короткие платья, открытые купальники, использовать косметику и даже курить (впрочем, мужские права тоже ограничили — испанцам запретили носить шорты).

Испания перестала быть конституционным государством. Упразднив конституцию 1931 года, победители не приняли другой. Они управляли страной отдельными органическими законами и многочисленными подзаконными актами.

На официальных церемониях теперь исполняли воспевавший самобытность Испании гимн Фаланги «Лицом к солнцу», монархический марш «Марча реал» и армейские походные марши. Националистическая Испания стала, таким образом, уникальным государством с несколькими гимнами.

Церковь была воссоединена с государством. В страну вернулись изгнанные Республикой иезуиты, школа отдана под опеку духовенства, университеты оказались под двуединой властью духовенства и фалангистов. Программы социальной помощи тоже осуществлялись только по каналам церкви и Фаланги.

Политическая демократия была полностью демонтирована. Правовые акты националистической Испании до 1944 года не содержали упоминания о каких-либо правах и свободах граждан.

Упразднена была многопартийная система. «Мы ненавидим и отвергаем все партии», — публично заявлял Франко. Единственной политической организацией осталось созданное в 1937 году на основе Фаланги Национальное движение. Декретами каудильо была утверждена его форма, ношение которой было обязательным — синяя фалангистская рубашка и красный монархический берет. Девизом и приветствием движения осталось фалангистское «Воспрянь, Испания!»

Претенденты на государственные и муниципальные посты в националистической Испании должны были предъявлять свидетельство о крещении. Занимавший государственный пост чиновник официально присягал на верность религиозному авторитарному государству. Служебная и военная присяга начиналась словами «Клянусь Богом, Испанией и Франко».

Во внешней политике победа националистов автоматически привела к полному разрыву отношений с поддерживавшими Республику державами — СССР, Мексикой, Чили и к усилению ориентации на тоталитарные государства — Германию и Италию и на авторитарные латиноамериканские режимы.

В годы Второй мировой войны Франко снабжал Германию стратегическим сырьем. Националистический режим перепродавал Третьему рейху продовольствие, купленное в США, хотя разрушенная Испания сама испытывала продовольственные трудности. На советско-германском фронте до 1943 года в составе «Голубой дивизии» сражалось несколько десятков тысяч испанских добровольцев.

Первые симптомы поворота испанцев к общенациональному примирению обозначились именно во время Второй мировой войны. Вызревали они крайне медленно и противоречиво.

Некая общая основа у победивших националистов и побежденных республиканцев обнаружилась впервые во внешнеполитических вопросах. Несмотря на обращенные к Мадриду призывы Гитлера открыто вступить в войну на стороне нацистско-фашистского блока, невзирая на выход победоносного вермахта в 1940 году к испанской границе, осторожный и предусмотрительный Франко официально остался нейтральным. Этому послужил ряд весомых причин.

Нацизм с его презрением к «неарийским» народам и слепым, нехристианским культом фюрера вызывал равную неприязнь у испанского духовенства, военных и фалангистов.

Опустошенность и обескровливание страны в ходе только что прогремевшего «крестового похода» вызвали у многих националистов справедливые опасения, что их отечество не выдержит участия во всемирном военном конфликте.

Заметную роль в сделанном Мадридом выборе сыграл руководитель абвера адмирал Канарис, который с 1938 года вел тайную политику против Гитлера и был настроен пессимистически. Во время очередного визита в Испанию в 1940 году Канарис настоятельно рекомендовал старому знакомому — каудильо не вступать в войну между великими державами. Он ссылался на слабость Третьего рейха на море, на нехватку у Гитлера топлива и продовольствия и на непроясненную позицию США. Прогнозы Канариса были приняты во внимание Франко. Поэтому последующие авансы Берлина — наградить «после войны» Испанию Гибралтаром, Французским Марокко и даже частью Алжира — не вызвали положительного отклика у хитрого каудильо и антигермански настроенного Серрано Суньера.

Чтобы сохранить терпимые отношения с Третьим рейхом, каудильо, не объявляя войны, направил на Восточный фронт «Голубую дивизию». Мстительный Гитлер загнал ее в гиблые болота Новгородчины. Дивизия не участвовала в больших сражениях, но понесла изрядные потери из-за болезней и обморожения. По возвращении дивизии в Испанию в 1943 году некоторые солдаты открыто заявляли, что сожалеют об участии в войне с Россией — их везли воевать с коммунизмом, «а заставили сражаться с обманутым русским народом». Таких пришлось отправить за

решетку. Уклонение Мадрида от открытого вступления во Вторую Мировую войну нашло понимание и одобрение у всех испанцев, включая эмигрантов.

Шаткость с трудом созданного националистического режима вынудила Франко к отдельным уступкам побежденным. В 1941—1944 годах в несколько этапов были освобождены политические заключенные, которые получили не более шести лет лишения свободы. Власти разрешили им выезд за границу, чем некоторые сразу же и воспользовались. Был выпущен из тюрьмы соперник Франко — Эдилья, которому, разумеется, не позволили вернуться к политической деятельности.

В 1942 году Франко воссоздал законодательный орган — кортесы, упраздненные им во время войны. Как и в Республике, орган был однопалатным, но депутаты националистических кортесов не избирались народом, а отбирались каудильо и Национальным движением из числа «благонадежных испанцев».

Импульсы к примирению и объединению исходили и из-за рубежа. Инициативу проявила монархическая часть эмиграции. 17 февраля 1945 года находившийся в изгнании сын умершего короля Альфонса XIII — граф Барселонский в манифесте к испанскому народу осудил диктатуру и обещал восстановить «демократические институты», не предпринимая формы правления. Манифест стал толчком к последующему преодолению застарелой идеологической вражды монархистов и республиканцев.

Закономерно, что манифест был поддержан прежде всего пытавшимся ранее закончить гражданскую войну социалистом Прието. В монархическом лагере сторонником компромисса с республиканцами под лозунгом «демократической монархии» объявил себя живший в Португалии Хиль Роблес.

Наведение мостов между различными течениями эмиграции и исход Второй мировой войны с крахом ряда авторитарных и тоталитарных режимов побудили каудильо к ответным действиям. 8 мая 1945 года — в день капитуляции Третьего рейха Франко опубликовал «Хартию испанцев», даровавшую сторонникам существующего строя гражданские и политические права. «Не замешанным в преступлениях» изгнанникам разрешалось вернуться на родину. Националисты вынесли Хартию на народное голосование, давшее свыше 85% голосов в ее поддержку.

Тогда же было отменено приветствие «Воспрянь, Испания!» и обязательное ношение фалангистами сине-красной униформы. Роль Национального движения в жизни страны, доминирующая в 1939—1944 годах, начала постепенно снижаться.

В конце 1945 года каудильо официально разрешил вернуться в Испанию эмигрантам, не участвовавшим в вооруженной борьбе против националистов. Разрешением воспользовались некоторые монархисты и отдельные консервативные республиканцы вроде престарелого Лерруса. По его словам, он вернулся умереть на родине. Затем вернулся также философ Ортега-и-Гассет.

В 1947 году кортесы одобрили внесенный правительством органический закон о восстановлении в Испании монархии — «временно без короля». Испания получила определенную форму правления. Каудильо долго выступал против такой меры, его гораздо больше устраивала собственная неограниченная власть. Но Франко вынужден был уступить учтивому, но постоянно усилившемуся давлению духовенства и монархистов.

Однако в главных чертах «политика отмщения» продолжалась. В испанских тюрьмах к 1946 году оставалось не менее 26 000 политических заключенных, на принудительных работах — не менее 10 000. В местах заключения продолжались физические пытки, выносились и приводились в исполнение смертные приговоры. Свыше половины политэмигрантов по-прежнему не имели легальной возможности возвращения на родину.

Мыслившие категориями общенационального примирения изгнанники во главе с дальновидными Прието и Роблесом были в 40—50-х годах XX века слишком малочисленны и маловлиятельны. Увлечь за собой преобладающую часть политически активных эмигрантов (анархистов, коммунистов, басков и др.) они были не в состоянии.

Распавшееся республиканское правительство было в 1945 году воссоздано в Мексике и функционировало еще около 20 лет. А в горах Астурии и Каталонии действовали республиканские партизаны, постепенно превращавшиеся в уголовников.

С территории Франции республиканцы-эмигранты устраивали вооруженные вторжения на родину. Делались попытки (при американской поддержке) засылки республиканских боевиков в

Испанию с моря и с воздуха. Подобные действия республиканской эмиграции на несколько лет накалили обстановку во всей Северной Испании.

Репрессии против партизан и подпольщиков вызвали протесты за рубежом, но одобрялись большинством испанцев, особенно в сельской местности. Страна устала от кровопролития, была настроена против внешнего вмешательства и видела теперь в националистах наименьшее из зол.

Нажим на Франко со стороны Большой четверки (недопущение Испании в ООН, дипломатический и экономический бойкот) болезненно задел гордость испанского общественного мнения и способствовал упрочению военной диктатуры.

Пассивная поддержка крестьянством и большей частью прочих социальных групп надпартийной военной диктатуры обрекла усилия непримиримой эмиграции и международного сообщества на провал.

Взывая к гордости испанцев, Франко официально провозгласил в конце 40-х годов автаркию, которая стала его ответом на дипломатический бойкот и санкции. (Фактически он проводил подобный курс с 1939 года.) Одновременно националисты организовали дешевое жилищное строительство, орошение засушливых земель и — впервые в испанской истории — ввели бесплатную медицинскую помощь.

Как мы видим, каудильо и его сторонники, нагнетавшие неприязнь к окружающему миру, тем не менее успешно использовали опыт социальных реформ в ряде зарубежных государств.

К 1951 году лишенное народной поддержки республиканское сопротивление внутри Испании было окончательно подавлено. Двадцать лет автаркии — «опоры на собственные силы» — позволили Испании залечить раны гражданской войны. Но осталась огромная застойная безработица, неразвитое сельское хозяйство, низкий уровень жизни, нехватка современных технологий. Осталась и проблема примирения. Тенденции к общенациональному примирению, заблокированные императивами автаркии, возродились после снятия международных санкций против Испании и ее допуска в ООН в 1955 году.

Последующий вынужденный отказ Мадрида от автаркии повлек за собой медленное размыwanie устоев военной диктатуры.

С середины 50-х годов националисты заметно сократили применение смертной казни. С 1963 года в результате международных протестов были прекращены казни на галлоте. После антифалангистских студенческих волнений власти стали допускать в вузы детей бывших республиканцев.

После празднования в 1956 году 20-й годовщины начала «крестового похода» Испания начала выдавать туристические визы потомкам политических эмигрантов. Испанские издательства стали публиковать воспоминания некоторых деятелей Республики — в том числе остававшегося в изгнании Прието (впрочем, из его многотомных мемуаров «Конвульсии Испании» опубликована была только меньшая часть — «Я и Москва»).

Официально прекратила существование сыгравшая большую роль в борьбе с республиканцами Испанская фаланга. Органическим законом 1958 года Франко переименовал ее в Национальное движение. Тем самым он устранил одну из нитей, связывавших диктатуру с «крестовым походом». А с 1967 года правовые акты Испании перестали содержать упоминания о Национальном движении.

Знаменательным явлением стало легальное возвращение в 1955 году на родину двух престарелых военных республиканцев — совершившего в 1939 году государственный переворот полковника Касадо и генерала Рохо. Оба они не подверглись репрессиям. Служивший Республике Рохо даже получил казенную квартиру в центре столицы, напротив военного министерства. Характерно, однако, что оба возвращенца никогда не появлялись на публике. (На наш взгляд, беспрепятственное возвращение Рохо и его безопасная жизнь в националистической Испании подтверждают, что он оказывал услуги националистам, тайно вредя Республике.)

Любопытный политический факт имел место после смерти в 1956 году последнего премьер-министра Республики — Негрина. Исходя из его завещания, сын покойного — в прошлом летчик-республиканец Ромуло Негрин-Михайлов — под присягой публично засвидетельствовал, что в 1936 году золотой запас Испании был с разрешения Ларго и при участии Негрина вывезен в СССР в счет оплаты советских военных поставок.

Поступок непримиримых эмигрантов показал, что они, в прошлом боровшиеся против «крестового похода», уже считали националистов не узурпаторами, а законным правительством Испании.

Поступок Негрина привел к затяжному испано-советскому конфликту. Мадридские дипломаты в кулуарах ООН и ЮНЕСКО стали требовать у советских коллег возвращения оставшегося после поставок золота. СССР официально в общей форме отвечал, что все золото ушло на оплату данных поставок, но не обнаружил относящейся к вопросу документации...

Конфликт не принял более острых форм ввиду отсутствия у националистической Испании и Советского Союза дипломатических отношений.

Движение к общенациональному примирению стимулировалось отсутствием в националистической Испании партийных догм. Ведь Национальное движение не обладало монополией на политическую жизнь страны. С ним постоянно соперничала сохранившая самостоятельность и влияние католическая церковь. А у Франко с возрастом обнаруживалось все больше качеств лидера-прагматика.

Новые значительные шаги к политической терпимости были сделаны диктатурой между двадцатой и тридцатой годовщинами победы «крестового похода» (1959—1969).

В 1959 году националисты торжественно открыли гигантский военный мемориал — «Долину павших»: каменный крест 100-метровой высоты, к подножию которого ведет лестница из 1000 ступеней, огромный мавзолей, монастырь и военное кладбище. Количество ступеней в лестнице соответствует числу дней гражданской войны.

Мемориал расположили в окрестностях Мадрида среди гор — там, где в мае—июне 1937 года между Варелой и Морионесом произошло одно из многих «ничейных» сражений гражданской войны, не принесшее победы ни одной из сторон. Его посвятили памяти всех павших в войне. По распоряжению правительства в «Долине павших» было перезахоронено около 20 000 погибших на разных фронтах воинов обеих сторон.

В открытии «Долины павших» наглядно проявилось изменение политического климата в стране. Мемориал, строившийся в

честь погибших националистов, был закончен и освящен уже в качестве памятника всем жертвам войны 1936—1939 годов.

Теперь диктатура прощала если не живых, то хотя бы мертвых республиканцев. Но даже прощение мертвых имело в перспективе положительные нравственные и политические плоды. Былая эмоциональная и идеологическая ненависть к побежденным постепенно уходила из жизни испанцев.

К 60-м годам XX века определилась и основная движущая сила общенационального примирения — католическое духовенство. Оно отказалось от непримиримости раньше, чем помещики или военные. Отказалось оно и от догмата о неучастии в политике.

После 1959 года, когда престарелый епископ Бильбао, законсерватор и соратник Франко Пла-и-Даниэль в очередной раз заявил: «Крестовый поход еще не закончен. Он продолжается», из рядов испанского духовенства более не прозвучало подобных суждений.

В высшей мере показательными стали политические дебаты во время церковного собора 1970 года в Сарагоссе. На нем группа священников предложила резолюцию: «Испанская церковь со склоненной головой просит прощения за то, что она во время «крестового похода» не пыталась примирить враждовавших». Резолюция не получила требуемых уставом собора двух третей голосов, но за нее проголосовала добрая половина присутствующих, тогда как во время войны или в 40-х годах никто не осмелился бы выставить подобной резолюции на голосование. Внесшая ранее существенный вклад в разжигание гражданской войны, испанская церковь медленно, но неуклонно шла к покаянию. К ее чести, она начала покаяние с себя.

Настроения духовенства, издавна уважаемого в Испании и потому обычно защищенного от репрессий, беспрепятственно передавались растущей испанской буржуазии по каналам школьного и вузовского образования. Между тем влияние деловых кругов неуклонно росло ввиду неизбежного втягивания открывшей границы Испании в международное разделение труда.

В 60-х годах это влияние превысило влияние армии. В правительстве Франко существенно возрос процент молодых штат-

ских министров в ущерб кадровым военным. Диктатура Франко не сразу перестала быть диктатурой военных, власть постепенно уходила из рук армии. Многих участников «крестового похода» — Варелы, Кейпо, Мильяна Астрыя, Саликета, Солчаги, Ягуэ уже не было в живых.

Штатские министры 60—70-х годов были выходцами из буржуазии и средних слоев, воспитанными духовенством и получившими экономическое или техническое образование. В большинстве своем они по возрасту не могли быть участниками гражданской войны и у них вызвала стихийное отторжение идейная ненависть к республиканцам, все еще нагнетавшаяся стареющими ветеранами «крестового похода». Наиболее видным из штатских «демократизаторов диктатуры» стал Фрага Ирибарне — министр информации и туризма.

К духовенству и технократии присоединились некоторые вольнодумные деятели Национального движения. Из них следует отметить Дионисио Ридруэхо. Сподвижник давно оттесненного от власти Эдильи, пропагандист гражданской войны, военный корреспондент «Голубой дивизии», Ридруэхо демонстративно порвал с движением в 1944 году, вернувшись из России.

В 50—60-х годах он все последовательнее отстаивал ограничение репрессий, открытие границ и прощение побежденных. Его выдержанная в духе покаяния и общенационального примирения книга «Написано в Испании», опубликованная в Аргентине в 1964 году, вызвала сильный положительный отклик в среде республиканской эмиграции. Она нелегально распространялась и в самой Испании.

Нам покажется невероятным, что откровенно критиковавший диктатуру и живший при диктатуре Ридруэхо не был подвергнут репрессиям. Напротив, к 70-м годам он стал уважаемой фигурой. (В обширной литературе об испанской войне мне так и не удалось найти основательного анализа безнаказанной деятельности Ридруэхо в националистической Испании. Привожу мало-мальски правдоподобные объяснения — Дионисио был образцовым католиком, он издавна был вхож в салоны сеньоры Франко и Николаса Франко, которые и стали его заступниками. Кроме того, он никогда не критиковал личность каудильо. — С.Д.)

Показательно, что никогда не воевавший Ирибарне и ветеран двух войн Ридруэхо при всех различиях их жизненного пути имели общую черту — оба исходили из христианской доктрины с ее установками о сострадании и терпимости.

Тяга к прекращению конфликта неуклонно росла и в среде эмиграции. К 60-м годам республиканское правительство в изгнании перестало существовать. А в 1962 году состоялось без преувеличения историческое событие. На встрече политиков-эмигрантов в Мюнхене монархисты, социалисты и коммунисты впервые согласовали нечто вроде программы общенационального демократического примирения. Заслуга в достижении исторического компромисса (тогда только в эмиграции) принадлежала после смерти Прието монархисту Роблесу (в прошлом — яркому антикоммунисту) и коммунисту Каррильо (ранее — убежденному республиканцу).

Внутри Испании Франко и его ближайшее окружение, прозванное «бункером», были вынуждены шаг за шагом уступать коалиции демократизировавшегося духовенства, фалангистов-диссидентов и прагматически мыслящих технократов.

В 1966 году, когда праздновалась тридцатая годовщина начала «крестового похода», каудильо объявил о прекращении преследования лиц, совершивших уголовные преступления во время гражданской войны. В 1969 году было прекращено преследование лиц, совершивших тогда же политические преступления.

В 1969 году был торжественно объявлен наследником престола находившийся в Испании с 1955 года 30-летний принц Хуан Карлос I Бурбон, внук свергнутого республиканцами Альфонса XIII и сын престарелого графа Барселонского. Испании суждено было обрести внепартийного главу государства, не запятнанного участием в гражданской войне и к тому же получившего воспитание и образование в демократических государствах.

Теперь общенациональное примирение стало получать импульсы сверху, а не только снизу. Эволюция испанского общества и государства пошла значительно быстрее.

Каудильо под нажимом гражданского общества медленно и неохотно совершал отдельные шаги к демократизации Испании. В 60-х годах был снят установленный в 1939 году железный за-

навес — испанцам был разрешен выезд за границу на работу, учебу, лечение и т.д. Этим разрешением тогда воспользовалось не менее 10% граждан Испании. Разрешен был воз иностранных книг, журналов, газет, ввоз и хранение иностранной валюты (но не расчеты в ней). Когда в 1972 году гражданин ранее ненавистного националистам СССР Владимир Высоцкий, имея лишь французскую визу и не имея испанской, попросил впустить его в Испанию в качестве туриста, испанские пограничники исполнили его просьбу — сцена, немыслимая на границе тогдашнего Советского Союза!

По настоянию Ирибарне в 1966 году была отменена предварительная цензура, замененная судебным преследованием периодики. Сняты многие ограничения на импорт капитала и новых технологий. Военные трибуналы — живучее наследие «крестового похода» к 1966 году были заменены обычными судами.

С первой половины 60-х годов по настоянию Хуана Карлоса, Ридруэхо и Ирибарне испанцы получили легальный доступ к исследованиям гражданской войны, написанным иностранцами, в том числе советскими авторами. Немало подобных работ было тогда переведено в Испании и поступило в свободную продажу.

Стали выходить в свет объемные военно-исторические хрестоматии, в которых присутствовали уже обе версии войны — националистическая и республиканская, широко цитировались военные сводки обеих сторон и т.д. Националистические историки на основе захваченных в конце войны республиканских архивов создали к 70-м годам многотомную, добросовестно написанную историю республиканской армии.

Изучение истории Республики привело некоторых армейских офицеров к отказу от авторитарных взглядов. В начале 70-х годов в испанской армии образовался полулегальный Демократический союз офицеров. Его создателями были кадровые военные, родители и родственники которых погибли во время «крестового похода» от рук республиканцев. Дети были готовы простить тех, кто губил их отцов и матерей. Демократические веяния проникли таким образом даже в вооруженные силы националистической Испании.

Несомненно, диктатура переживала эволюцию в либеральном и даже демократическом духе. К 70-м годам вследствие подобной эволюции Испания стала напоминать свергнутую Республику (кроме партийной системы и формы правления). Власть националистов обрела все больше сходства с властью деголлецев во Франции и британских консерваторов в Соединенном Королевстве. Испанское общество перестало быть патриархальным, деревенским. Уровень жизни стал несравненно выше, чем в 30-х годах, даже влияние церкви стало уменьшаться.

В частных разговорах престарелый Франко иногда с грустью говорил: «Кажется, созданный мною режим не переживет меня». Но он не отказывался от уже сделанных уступок, хотя внутренне не одобрял их.

Очень много написано о коварстве и двуличии каудильо, о его тщеславии и медлительности, об одолевавших его эдиповых комплексах. Пусть так. Но Франко был основательным и последовательным вождем государства. Он не метался из стороны в сторону, он не смешивал государственной политики с собственными бытовыми взглядами и вкусами. Католик и убежденный консерватор, диктатор иногда умел делать то, что в корне расходилось с привитым ему с детства миропониманием — например открывать границы, поддерживать терпимые отношения со многими светскими государствами — Германией, Францией, Швецией, даже с «марксистской» Кубой и т.д.

По многим очевидным причинам Франко терпеть не мог СССР, однако с конца 40-х годов негласно поддерживал с ним торговые отношения. Наша страна поставляла ему станки и промышленное оборудование, а испанские верфи строили по советским заказам торговые суда.

В 1964 году антикоммунист Франко даже явился на мадридский стадион на матч «Реала» с советской сборной. Впервые советские футболисты оказались на испанской земле. Правда, каудильо-генералиссимус угрожал уйти, если СССР выиграет, — он не собирался вставать при звуках советского гимна. Но матч выиграл «Реал».

Любопытен политический прогноз, данный Франко в 1953 году. После казни Берии каудильо поведал окружению: «Со-

ветский Союз судя по всему пойдет к демократии. Расстрелом Берии дело не ограничится». Это пророчество стало достоянием гласности через 27 лет, когда мало кто предвидел развитие событий в нашей стране. Прогноз, данный ярым врагом демократии, оправдался на наших глазах.

Дав слово, каудильо обычно выполнял его. Борясь с «красными», он посулил Испанскому Марокко независимость. Позже он год за годом оттягивал выполнение обещания, но когда вспыхнули антиколониальные волнения во Французском Марокко и в Тунисе, каудильо уступил — марокканцы в 1955 году получили независимость. Малочисленным жителям Марокко испанского происхождения было дано довольно времени, чтобы в спокойной обстановке продать недвижимость и уехать в метрополию.

Националистическая Испания ушла из Марокко вовремя — без новой колониальной войны и не бросая подданных на произвол судьбы, что было поддержано всеми испанцами. Каудильо еще раз проявил качества благоразумного государственного деятеля. Его рассуждения о любви к отечеству не стали пустой фразой.

С другой стороны, амнистии побежденным по-прежнему даровано не было. Закон о политической ответственности сохранял силу. Вернувшийся из-за рубежа республиканец мог быть предан суду за преступления, совершенные после окончания войны. Поэтому огромная часть эмигрантов и их детей оставалась в изгнании.

День восстания военных против Республики оставался государственным праздником, сопровождавшимся военным парадом в Мадриде и роскошным закрытым банкетом в дорогом ресторане «Ла Гранха».

Успехи националистической Испании в экономике — к 1975 году ООН перестала считать ее отсталой страной и перевела в графу развитых государств — только подчеркивали пережитки «крестового похода» в ее политической жизни.

Дверь к общенациональному примирению испанцы окончательно распахнули только со смертью Франко. Диктатор умирал долго и мучительно. Агония длилась свыше двух недель.

При вскрытии завещания каудильо в 1975 году оказалось, что он прощает всех врагов и сам просит у них прощения «от всего

сердца». Данный акт бывшего руководителя «крестового похода» во многом облегчил и ускорил последующие действия переходных (1976—1982) и демократических правительств. Каудильо завещал похоронить его в мавзолее «Долины павших», где покоился прах Примо де Риверы. Воля покойного была выполнена.

Сразу после похорон Франко министерство просвещения распорядилось печатать новые учебники истории. С тех пор в испанских школах изучается не «крестовый поход», а «национальная катастрофа 30-х годов».

Переименованы были многие государственные праздники. Так, День павших преобразован в День единства, а День победы — в День вооруженных сил.

По предложению короля планы общенационального демократического примирения были вынесены на всенародное голосование в виде законопроекта «О политической реформе». Законопроект был одобрен подавляющим большинством испанцев. Всего 3% избирателей голосовало против.

В 1976 году — к сорокалетию начала войны испанское правительство даровало амнистию всем бывшим республиканцам. Им разрешалось возвращение на родину в качестве равноправных граждан. Больше половины оставшихся в живых участников гражданской войны (Ибаррури, Каррильо, Листер, Роблес) и часть их потомков вернулись в Испанию. С этого времени в стране не стало победителей и побежденных.

К 1977 году переходное правительство легализовало одну за другой все запрещенные ранее политические партии, кроме террористических. (Укомплектованный правоверными националистами Верховный суд Испании отказался рассматривать данный вопрос, поэтому им занималось правительство и король.) В знак протеста в отставку ушло несколько крупных должностных лиц — начальник генштаба, морской министр, ряд судей и муниципальных советников, но это уже не могло изменить хода событий.

Не игравшее с 60-х годов заметной роли в жизни страны Национальное движение было в 1976 году распущено. Его функции передали министерству молодежи и спорта.

Первые за 42 года свободные выборы в 1978 году дали стране многопартийные кортесы. Среди депутатов было несколько

ветеранов гражданской войны — националистов и коммунистов. И теперь наследники двух воевавших друг с другом сторон нашли общий язык.

Благодаря слаженной работе партийных фракций, менее чем за год страна получила современную, юридически грамотную конституцию, основанную на согласии бывших победителей и бывших побежденных. Почти все прежние националисты согласились с принципами демократического и светского государства, а социалисты и коммунисты сняли возражения против монархической формы правления.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на природную пылкость испанцев, обе стороны отвергли идею отмщения. После 1976 года нигде не было отмечено насилия против оставшихся в живых палачей времен гражданской войны. «Окружающие горько и гневно говорят о них, вот и все», — свидетельствуют сами испанцы.

Фундаментальные перемены в массовом сознании испанцев наглядно раскрылись во время организованного группой гражданских гвардейцев (спецназа) военного мятежа 1981 года. Понесшая наибольшие процентные потери в «крестовом походе» гражданская гвардия, естественно, оказалась врагом примирения.

Но в отличие от 1931 и 1936 годов армия и госаппарат сохранили верность законной власти. Захватившие столичный телецентр и кортесы мятежники с их автоматическим оружием и бронетранспортерами оказались в пустоте. К ним решительно никто не присоединился. Все военные округа и командование столичной танковой дивизии «Брунете» подтвердили, что повинуются королю и правительству. Верные правительству войска вскоре освободили телецентр.

Хуан Карлос в противоположность своему деду действовал решительно. Он отверг совет начальника генерального штаба «передать власть». Вместо этого он в полной военной форме выехал в телецентр. Ночное телеобращение Хуана Карлоса, объявившего все приказы восставших недействительными, окончательно лишило мятежников дальнейших перспектив. Имея оружие, боеприпасы и заложников-депутатов, они наутро освободили их и сдались без боя.

Драматически вспыхнувший военный мятеж 1981 года был подавлен без единого убитого или раненого. Массовое отвращение современных испанцев к переворотам и революциям стало невидимым, но непреодолимым препятствием на пути мятежников. Руководители мятежа предстали перед судом и были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Король при полном одобрении публики не стал смягчать приговоров. В дальнейшем они не попали под амнистию...

В 1981 году обезвредившее вооруженных заговорщиков испанское общество попутно преодолело и еще один важный политико-психологический рубеж. Впервые за сорок с лишним лет не состоялось празднеств в честь 18 июля. Дата начала «крестового похода» прошла незамеченной.

А в 1982 году очередные парламентские выборы завершились крупным поражением правящего консервативного национального альянса, в рядах которого преобладали пожилые националисты. Большинство в кортесах и право на создание нового правительства завоевала социалистическая партия, находившаяся десятилетиями под запретом, партия Прието и Бестейро. Ее лидер Фелипе Гонсалес в молодости отбывал срок во франкистской тюрьме. С созданием социалистического правительства переходный период испанской истории закончился.

В современной Испании все ветераны гражданской войны получают равные пенсии и на законном основании носят военные награды. Памятники Франко не снесены, но убраны с центральных площадей в глубину кварталов. На бывшей республиканской территории воздвигнуты памятники республиканцам — Ларго, Компанису, Прието, Нину. В Мадриде памятник протестовавшему против репрессий Прието возвышается всего в ста метрах от монумента каудильо.

Основным магистралям крупнейших испанских городов возвращены их дофранкистские наименования. Вместе с тем часть мелких и средних городов сохраняет улицы имени Франко, Моля и Кейпо де Льяно (Бургос, Памплона, Касерес, Саламанка, Эль-Ферроль). Среди монахов монастыря «Долины павших» есть замаливающие свои и чужие грехи бывшие республиканцы и наци-

оналисты. Победители и побежденные стали в равной мере неотъемлемой частью национальной истории.

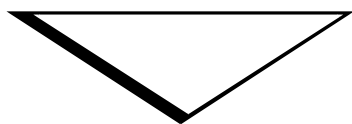
Еще один официальный акт в духе примирения сделан в 1996 году. Король Хуан Карлос даровал испанское гражданство всем иностранцам — участникам гражданской войны. На 50-летней годовщине сражения за Мадрид присутствовали поэтому бомбившие город ветераны «Легиона Кондора» из Германии и защищавшие Мадрид добровольцы из нашей страны. Много повидавшие и много перенесшие после 1939 года, а главное — многое осмыслившие пожилые участники испанской войны общались без всякого ожесточения или неприязни...

Победа националистов в 1939 году выглядит теперь в демократической светской Испании все более и более условной. Теперь она находит выражение только в конституционно-правовой сфере — в развевающемся над страной старинном золотисто-пурпурном знамени и в монархической форме правления.

Медленное и осторожное, но последовательное движение к общенациональному единению увенчалось в Испании полным успехом. В ходе длительной военной диктатуры и последующего примирения правые и левые экстремисты всюду (кроме Бискайи) лишились массовой опоры. К XXI столетию Испания перестала быть страной религиозного фанатизма и цитаделью всемирной анархии.

Исследователи разных стран пишут ныне об «испанском чуде» — переходе от диктатуры к современной демократии и внутреннему миру без иностранного вмешательства и глубоких политических потрясений, которые, казалось бы, неизбежно должен был произвести латинский темперамент «мстительных» испанцев.

Предпосылками чуда стало сохранение победившими в войне националистами трех важнейших опор общества и государства — религии, частной собственности и семьи, отбрасывание республиканского космополитизма (интернационализма) и поддержание национально-государственного сознания испанцев — их патриотизма.

ПОМИРИЛИСЬ ЛИ МЫ?

Вместо послесловия

Испанцы достигли общенационального примирения. Раны тяжелой братоубийственной войны они залечили полностью — физически, юридически и нравственно.

Удалось ли сделать то же самое нам, прошедшим через катастрофу гражданской войны раньше испанцев?

Увы, раны России, ее человеческие и нравственные потери оказались гораздо тяжелее и опаснее, нежели Испании.

За годы нашей гражданской войны мы лишились почти 16 миллионов жизней, что превышает потери Испании по крайней мере в 12 раз.

Только погибших в боях и умерших от ран (в основном — граждан в расцвете сил) в России насчитывалось не менее 1 миллиона человек — это почти равно совокупным потерям испанского общества. Несколько миллионов человек, в первую очередь стариков и малолетних детей, погибло от голода и болезней — тифа, дизентерии, гриппа. Несколько миллионов русских ушло в эмиграцию. Сотни тысяч наших сограждан пропали без вести. «Россией, кровью умытой» назвал нашу страну в 1920-х годах большевистский писатель Артем Веселый.

В пересчете на душу населения мы безвозвратно утратили 11 процентов человеческого потенциала, имевшегося у России к октябрю 1917 года. Жизненный уровень оставшихся в живых надолго снизился.

На международной арене Россия утратила не только ряд территорий — Финляндию, Прибалтику, Польшу, Западную Украину и др., но и обретенный в XVIII веке статус великой державы.

До середины 30-х годов XX века она оставалась вне Лиги Наций, до середины 50-х — вне многих других международных организаций.

Огромным, трудно поддающимся измерению был нравственный урон, понесенный нашей страной.

Длительность и ожесточенность братоубийственной войны, ее громадный пространственный размах, многократные наступления и отступления обеих воюющих сторон привели к крайне глубокому и болезненному расколу многих классов, сословий и социальных групп, к разрыву привычных человеческих связей. Распалась масса семей. Зачастую родные и друзья превращались во врагов. Из-за разрушения государственности и правопорядка необычайно возросла уголовная преступность, сбить волну которой не удавалось вплоть до 40—50-х годов XX века.

Переход целого ряда территорий страны (Украина, Южная Россия, Урал, Среднее Поволжье, Сибирь) по несколько раз из рук в руки стал питательной средой для массовой подозрительности, доноительства и духовной опустошенности. В подобных условиях выживали главным образом наиболее изворотливые и бесцеремонные, увековеченные в образе Остапа Бендера.

В годы братоубийственной борьбы в наше массовое сознание прочно и надолго внедрились черты казармы и поля битвы — бескомпромиссность, безжалостность, еще большее, чем ранее, бесправие отдельно взятой личности. На смену исторически сложившимся устоям общества с цельной системой нравственных запретов, пришел голый прагматизм с его крайне растяжимыми, во многом произвольными мерками «целесообразности» и «необходимости». В межлических и межгрупповых отношениях восторжествовал культ нажима и насилия. Упал авторитет образованных и образования.

Страна в итоге победы большевиков надолго превратилась в военный лагерь. К концу гражданской войны армия красных выросла до гигантских размеров, насчитывая 5 миллионов человек. Они привыкли воевать и реквизировать — и отвыкли от работы.

Нагнетавшийся сверху догматический культ пролетариата и безответственные обещания беззаботного «светлого будущего»

(чего не обещали испанцам националисты Франко) усугубили вызванное голодом и болезнями падение производительности труда во всех сферах нашей жизни и привели к нарастанию обмана, фальши и демагогии, к расцвету «пролетарского шовинизма», сопровождавшегося развалом трудовой этики.

Еще одной стороной общенациональной трагедии стал «исход» — массовое бегство из страны. Бежали через черноморские гавани и через Архангельск, уходили через границы Финляндии, стран Балтии, Румынии, Китая, Персии... Впервые в нашей истории страну массами покидали не только этнические или религиозные меньшинства (что было и раньше), но и собственно русские. Эмигрантами Россия потеряла тогда, по разным подсчетам, в 4—12 раз больше Испании. Эти потери нашего общества, тоже крайне болезненные, стали одновременно материально-физическими и духовными. Всего же в итоге гражданской войны Россия лишилась большей части потомственных горожан (буржуазии, квалифицированных рабочих и интеллигенции), а также огромной части дворянства и духовенства.

Доля горожан в населении, начавшая уменьшаться в 1918 году, продолжала в дальнейшем сокращаться еще десять лет — до конца 20-х годов XX века. С трудом созданная Российской империей и очень уязвимая при ломке социальных отношений городская культура испытала глубокий кризис. Ее жизненные силы были существенно подорваны.

Красными были целенаправленно уничтожены или крайне ослаблены очень многие традиционные скрепы и опоры общества — частная собственность, религия, семья, товарно-денежные отношения. Вся ткань гражданского общества пострадала неизмеримо сильнее, чем в Испании. Весь жизненный уклад страны с присущим ему ранее многообразием межчеловеческих отношений упростился и огрубел, стал однотоннее и примитивнее, чем до войны. Так, сошло со сцены старое духовенство. Было искусственно остановлено развитие финансового и индустриального предпринимательства. Интеллигенция утратила былую независимость от государственной власти.

Возрождение отдельных элементов традиционного жизненного уклада, на которых держится гражданское общество, стало

заметным только с 1930—40-х годов. И оно происходило сначала на основе массового разбавления полуразрушенной городской цивилизации не столь сложными, а потому более устойчивыми социально-психологическими ценностями деревни, меньше пострадавшей от потрясений. Деревня биологически спасала город, но пронизывала его при этом токами социального конформизма.

Наше общество к 40-м годам стихийно восстановило механизмы биологического самосохранения, но надолго утратило значительную (если не большую) часть накопленного к 1917 году умственного капитала и стало крайне зависимым от государственной власти. А это сопровождалось общим нарастанием узкого практицизма и техницизма в жизни страны, забвением правовой стороны любого дела, упрощенным и недальновидным подходом к узловым политическим и психологическим проблемам (в том числе к судьбе побежденных белых).

По всем этим причинам переход к общенациональному примирению оказался в России крайне затрудненным.

Правда, в России были предтечи и поборники, примирения. Среди них называют императора Николая II, который предпочел отказ от престола междоусобной борьбе; А.Ф. Керенского, которому удавалось в течение нескольких месяцев пребывания у власти избегать массового кровопролития. А ветеран четырех войн генерал А.Н. Куропаткин отказался служить как белым, так и красным и занимался преподаванием в сельской школе у себя на родине в Псковской губернии.

К примирению упорно и открыто призывал крупный общественный деятель В.Г. Короленко, направивший известные письма протеста члену большевистского Совнаркома А.В. Луначарскому.

Поборником примирения стал поэт Максимилиан Волошин. В отличие от Куропаткина и Короленко, он занял еще более активную позицию. Волошин боролся против зверств делом. Находясь все время братоубийственной войны в переходившем из рук в руки Крыму, он последовательно спасал от расправы то белых офицеров, то красных комиссаров, укрывая их в собственном доме.

В дни разгрома врангелевцев Волошину в 1920 году удалось совершить почти невозможное. Он добился у уполномоченных

Троцкого — Бела Куна и Землячки — доступа к спискам приговоренных к смерти с правом вычеркнуть каждую десятую фамилию. Благодаря его смелости несколько тысяч человеческих жизней — по крайней мере временно — были спасены от уничтожения. Насколько известно, никто из испанцев не совершил в дни крушения Республики ничего подобного.

В стихах этого периода Волошин осуждал зверства обеих сторон и выражал надежду, что противников в конце концов примирит новая, «праведная Русь», которой суждено возникнуть из хаоса войны.

К объединению полустихийно-полусознательно стремились некоторые формирования белых и красных в Поморье. Здесь в последние дни военных действий в 1920 году местами отмечалось братание противников — факт, не имевший места на других фронтах нашей гражданской войны, но знакомый Испании в дни падения Мадрида.

Нужно сказать, что победоносные красные, во всяком случае некоторые из них, сначала тоже не отвергали идеи примирения. Их толкала к этому первоначальная неустойчивость их власти, отсутствие уверенности в конечной победе (чем, заметим, не страдали испанские националисты).

В порядке частичных первомайских амнистий 1918 и 1920 годов красные выпустили из тюрем монархистов Маркова, Пуришкевича и Трубецкого, эсера Мельгунова, меньшевика Мартова. Некоторых своих идейных противников — меньшевиков Вышинского и Майского — красные тогда же взяли на работу в госаппарат. А.Я. Вышинский со временем стал генеральным прокурором СССР, И.И. Майский — советским послом. Бывший меньшевик (по другим данным — бундовец) Л.З. Мехлис позже занимал крупные посты в советском государстве.

М.В. Фрунзе перед штурмом Крыма предлагал белым капитуляцию при условии их прощения. И П.Н. Врангель не отклонил предложения — в дни отступления белых войск от Перекопа к морю он дал всем подчиненным свободу действий.

Высший орган государственной власти красных — ВЦИК официально предложил в 1921 году амнистию белым эмигрантам, которые вернутся на родину и примут участие в ее восстановле-

нии. В 1922 году аналогичный акт издал ЦИК Украины. (В украинской амнистии были изъятия — прощению не подлежали Деникин, Врангель, Махно, Петлюра, Савинков.)

Амнистиями воспользовалось около 10% эмигрантов. Среди них было несколько молодых белых генералов во главе с Я.А. Слащовым, некоторые атаманы украинских зеленых (Тютюнник), отдельные литераторы (А.Н. Толстой, И.Н. Соколов-Микитов) и многие кубанские казаки.

Тенденции к примирению можно найти и в таких актах красных, как официальная отмена Советской Россией смертной казни и существенное ограничение полномочий ненавистной белым ВЧК с его переименованием в ГПУ (1922).

Казалось, красные вовремя повернули на путь примирения с побежденными.

Однако накопившийся за годы братоубийственной войны груз подозрительности и ненависти уже успел стать материальной силой. Огромное большинство красных было решительно против любого снисхождения к побежденным белым. И это все отчетливее выявлялось по мере укрепления коммунистической власти.

Великодушие дальновидного Фрунзе не было поддержано Троцким и Лениным. Рискнувшие остаться в Крыму некоторые врангелевцы вскоре подверглись репрессиям.

Сфера действия двух указанных советских амнистий была тщательно сужена — победители ничего не гарантировали тем белым, которые не покидали родины.

В прямом противоречии с духом двух амнистий находилась осуществленная красными в 1922 году знаменитая бессудная высылка за рубеж почти 200 видных интеллектуалов, критиковавших большевизм, но не предпринимавших действий против большевистской власти.

С середины 1920-х годов красные в вопросе о примирении стали в отличие от последовательного Франко совершать попятное движение. Разрушив общественные институты дореволюционной России, вытеснив все прочие партии, они овладели всей полнотой власти. Находясь вдали от стран Запада, большевики в меньшей мере, чем Франко, испытывали воздействие европейской демократии. Поэтому СССР в довольно короткое время вернулся к «политике отмщения».

Многие бывшие участники Белого движения вскоре были арестованы и умерли в заключении или были казнены безо всякой огласки. Вернувшийся в Россию и приговоренный к тюремному заключению бывший эсер, «спортсмен революции» Б.В. Савинков через год — в 1925 году — уже был мертв (по официальным данным — покончил с собой). Слащов, преподававший тактику красным командирам, был застрелен на пороге собственной квартиры в 1929 году — участь, которой избежали в националистической Испании полковник Касадо и генерал Рохо.

С конца 1920-х годов все советские граждане обязаны были письменно (в анкетах) и устно разъяснять, не служили ли они в белых армиях и нет ли у них родственников за границей (читай — эмигрантов). Положительный ответ мог быть основанием к отказу в трудоустройстве, в принятии на учебу, в социальном пособии, поводом к служебному понижению, увольнению.

Неудивительно, что, например, ставший позже советским маршалом Л.А. Говоров десятки лет скрывал факт своей службы рядовым солдатом в войсках Колчака.

Однако это было только началом.

Амнистии начала 1920-х годов были вскоре фактически аннулированы тремя шумными политическими процессами 1928—1931 годов (Промпартии, Крестьянской партии и Союзного бюро меньшевиков), главными обвинениями на которых были контрреволюционные заговоры и связь с белой эмиграцией. Добавим, что в это же время ГПУ провело операцию «Гроза» (1930), во время которой арестовало почти всех служивших ранее офицерами в белых армиях — свыше 5000 человек. Лишь единицы были позже освобождены.

Откат к «политике отмщения» естественно и закономерно совпал с «великим переломом», индустриализацией и коллективизацией СССР, т.е. с новым сильнеешим натиском государства на наше гражданское общество.

Открытые и тайные политические репрессии, особенно заметные в 1929—1933 и 1936—1938 годах, очень напоминали новые выбросы гражданской войны, ее рецидивы. Однако они были только видимой частью айсберга.

Правящие круги шаг за шагом ужесточали цензуру. После 1931 года из советских открытых публикаций исчезают любые упоминания о каких-либо политических амнистиях, тем более — о прощении белых. В библиотеках расширяются закрытые «спехраны».

Власти прекращают издание белых мемуаров, а все ранее выпущенные изымают из продажи и из всех общедоступных библиотек. В частности на полвека с лишним стал секретным ценнейший первоисточник — пятитомный сборник воспоминаний «Гражданская война в воспоминаниях и описаниях белогвардейцев» (1927). Прекращается информация о белой эмиграции за рубежом. О русских общинах, русских школах, газетах, клубах и русских кладбищах в Париже, Ницце, Белграде, Харбине, Бизерте советской публике знать не полагалось.

Быстро был воссоздан смонтированный во время гражданской войны образ озверелого врага — деятеля Белого движения. Разветвленная советская пропаганда внушала ненависть к белым со школьной скамьи. Только что родившееся советское искусство специализировалось на плакатно поляризованном разоблачении коварных белогвардейцев и безудержном восхвалении бескорыстных и бесхитростных красных. Образцами надолго стали «Железный поток» Серафимовича, «Неделя» Либединского, «Виринея» Сейфуллиной, «Трагедийная ночь» Безыменского и «Оптимистическая трагедия» Вишневского. (Характерно, что почти все указанные книги были срочно включены в школьные программы, в которых тогда не было места Достоевскому, Толстому и уж тем более — Булгакову.)

Такое же сочетание клеветы на побежденных и преклонения перед победителями содержали и классические большевистские кинофильмы «Октябрь» (1927), «Чапаев» (1934) и «Мы из Кронштадта» (1936), многочисленные пьесы вроде «Пути к победе» (1938).

Предлагавшие более уравновешенный и глубокий взгляд на катастрофу гражданской войны произведения — «Тихий Дон» и «Хождение по мукам» — печатались, но гораздо меньшими тиражами, мало освещались критикой и не изучались в школах. А их экранизация последовала только в конце 1950-х годов.

Ныне широко известна драматическая судьба посвященных Белому движению глубоко психологических пьес «Дни Турбиных» и «Бег», в которых органы власти и театральная критика усмотрели «антисоветчину». Первую из них разрешили ставить только во МХАТе и затем неоднократно исключали из репертуара, а вторая была запрещена. В печати раздавались призывы репрессировать их автора как белогвардейца.

Не могло вести к общенациональному примирению похищение и физическое уничтожение советской разведкой руководителей эмигрантских военно-офицерских союзов генералов Кутепова (1930) и Миллера (1937). Такого рода деяниями, крайне возмущавшими многих русских эмигрантов, не занимался даже Франко.

Советская «политика отмщения» стала главной причиной отказа большей части белой эмиграции от попыток возвращения на родину. Умственный и физический потенциал эмигрантов и их потомков был со временем востребован не нашей страной, а ее соперниками — зарубежными государствами. Миллионы наших изгнанников оплодотворили хозяйственное и культурное развитие ряда стран.

Вкратце напомним в этой связи имена предпринимателей — Захарова (инвестиционный бизнес), Макарова (судостроение) и Смирнова (пищевая промышленность); инженеров-изобретателей — Зворыкина (телевидение), Северского и Сикорского (авиация); ученых Бердяева, Вернадского, Ильина, Карсавина, Леонтьева, Пригожина и Сорокина; композиторов — Гречанинова, Рахманинова и Стравинского; писателей — Аверченко, Бунина, Дрюона, Зайцева, Замятина, Мережковского, Набокова, Сименона (Семенова), Труайя (Тарасова), Тэффи и Шмелева; публицистов Мельгунова, Милюкова и Солоневича; деятелей театра и кино — Вадима (Племянникова), Вуд (Захаренко), Мозжухина, Оссеина, Устинова, М. Чехова, О. Чехову и Шаляпина; плеяду артистов балета и хореографов — Дягилева, Нижинского, Павлову, Фокина; политика, ставшего премьер-министром Франции — Пьера Береговуа (Берегового).

Отдельного упоминания заслуживает военная часть нашей эмиграции. Бывшее белое офицерство составило значительную

часть французского Иностранного легиона и персидской армии. В Болгарии оно помогло предотвратить коммунистический переворот 1920-х годов. В Латинской Америке группа белоэмигрантов помогла Парагваю выиграть войну с Боливией и заняла высокое положение в парагвайской элите.

То, что наши изгнанники оказались востребованными зарубежьем и стали служить другим государствам, никак не укрепляло позиций нашей страны.

Возвращение советской власти к «политике отмщения» со временем обернулось одним из фундаментальных просчетов большевистской верхушки. Оно усилило непримиримость той части белой эмиграции, которая мечтала о реванше и полном восстановлении старой России. В итоге часть военных кадров Белого движения и литераторов эмиграции закрепились не только на антибольшевистских, но и на антинациональных позициях. Генералы-эмигранты Бискупский, Лампе, Шкуро, атаманы Краснов и Семенов стали поклонниками Третьего рейха и Гитлера, а Семенов кроме того сотрудничал с Японией.

Поэтесса З. Гиппиус в эмиграции воспевала будущую расправу с красными — их казни через повешение. Престарелый литератор Д.С. Мережковский даже будучи тяжело больным выступал по германскому радио с предсказаниями военного разгрома СССР. А поэт Г. Иванов планировал возвращение на родину в обозе германских войск.

Испанская гражданская война, в которой советские граждане (до 5000 чел.) и белоэмигранты (менее 100 чел.) сражались во враждебных лагерях, позволила советским правящим кругам дополнительно нагнетать неприязнь к бывшим белым. Советская публика информировалась о службе некоторых офицеров-эмигрантов у Франко (пьеса и кинофильм «Парень из нашего города», 1939—1940). Их литературной основой послужили работы К.М. Симонова, делавшего карьеру в комсомольской и армейской печати.

Зато об участии других бывших белых в боях на стороне Республики (порядка 50 чел.) советские средства информации хранили молчание. Ведь белые давно были объявлены противниками прогресса и народных масс. Следовательно, никому из них «не полагалось» быть на стороне демократической Республики.

(Заметим, что именно в Испанской Республике красные — офицеры РККА и НКВД и отдельные белоэмигранты — впервые оказались в непривычной роли собратьев по оружию в борьбе против общего врага — испанских националистов.)

Путь к элементарному пониманию между бывшими красными и бывшими белыми открыла полная драматических парадоксов Вторая мировая война.

Если в Испании основы такого понимания были созданы уклонением Франко от вступления в войну, то в России и в русском зарубежье оно сложилось в ходе борьбы СССР против нацистской агрессии. Огромное большинство рассеянных по разным континентам русских эмигрантов отказалось после 22 июня 1941 года от сотрудничества с Германией и Японией и выразило в той или другой форме симпатию к Отечеству.

В Европе борцы Соппротивления русского происхождения погибали с именем родины на устах. Проклинавший ранее красных композитор Рахманинов теперь жертвовал гонорары за концерты в фонд помощи СССР. Престарелый генерал-эмигрант Деникин радовался победам Красной армии и публично изъявил готовность забыть распри с большевиками и даже вступить в советские войска рядовым. Бывший деятель Временного правительства адмирал Д.Н. Вердеревский бросил клич «Все на защиту СССР!»

Советская пропаганда в свою очередь основательно смягчила отношение к белым и к эмиграции. Опубликованная в годы войны коллективная «История дипломатии» (т. 2—3, 1945) освещала Белое движение очень скупно, но без всякой ненависти. Подготовленный тогда же коллективный вузовский учебник «История государства и права СССР» (1947) содержал даже завуалированную критику карательной политики красных.

Симптоматично фактическое переключивание этими изданиями виновности за Гражданскую войну с Белого движения на иностранцев — чехословаков, англичан, японцев, румын, поляков и др.

Вышедший на экраны в 1942 году кинофильм «Пархоменко» при стандартном восхищении перед красными показывал белых офицеров уже не палачами, а исправными службистами, уважающими законы войны.

Об угасании ненависти к бывшим врагам говорило и появление «Свадьбы в Малиновке» — единственной музыкальной комедии о гражданской войне, пьесы без убитых и раненых, без арестов и застенков. В комедии зеленые показаны не лишенными великодушия авантюристами, а имя белого вождя Врангеля впервые упомянуто в нейтральном контексте.

Не только о войне с Японией, но и о надклассовом патриотизме повествовал фильм «Крейсер «Варяг» (1946). Это — единственный за несколько десятилетий советский фильм, показавший во всю ширь экрана одну из главных эмблем былой России — Андреевский флаг, развевавшийся над кораблями царского и белого флота и потому ранее считавшийся «контрреволюционным» и «антинародным».

В годы крушения Третьего рейха и Японской империи СССР стал давать советское гражданство тысячам изгнанников в Европе и Азии (разумеется, после их просьб). Среди получивших его лиц фигурировали даже некоторые бывшие деятели Временного правительства, свергнутого красными.

Меньшая часть лиц, принявших советское гражданство — несколько десятков тысяч человек (в основном из Китая), добились разрешения вернуться на родину. Их расселили в городах Сибири, Урала и Поволжья.

В ответ на патриотические действия Рахманинова в СССР было разрешено исполнение его произведений, ранее находившихся под запретом.

У нашей страны в 1945 году снова была благоприятная возможность для открытого общенационального примирения. Ведь юридически продолжала действовать никем не отмененная амнистия 1921 года — ее оставалось подтвердить, несколько расширив сферу ее действия.

Жизненная необходимость и оправданность подобного шага теперь кажется очевидной. За рубежом находились несколько миллионов наших изгнанников и их потомков. Заметная их часть стремилась вернуться на родину. Наша разоренная, измученная страна, вторично лишившаяся цвета мужского населения, крайне нуждалась в их рабочих руках и умственных ресурсах.

Только что закончившаяся тяжелейшая война против Германии отодвинула вызванные гражданской войной страдания и эмоции далеко в глубину массового сознания, погасив внутри СССР былую зоологическую неприязнь к белым. Борьба Ленина с Колчаком и Деникиным стала казаться делом далекого прошлого. Всплеск общенациональной гордости, вызванный майским триумфом 1945 года, сплывал бывших победителей и бывших побежденных. Авторитет Сталина был громадным. Если бы он сразу после победы над Германией провозгласил прощение бывших белых и их потомков, это было бы понято и одобрено огромным большинством правящей партии и народа.

Отрадным фактом были и примирительные импульсы, исходившие из эмигрантского лагеря начиная с 1930-х годов. Позиции непримиримых антикоммунистов временами заметно слабели. Известно, что свергнутый большевиками и бежавший от них Керенский публично защищал сталинскую индустриализацию от нападков троцкистов и анархистов. Другой противник большевиков — Милюков с 1933 года призывал эмигрантов при нападении на СССР любой державы «быть на стороне родины». Ему было суждено дожить до 1943 года и приветствовать советские победы под Москвой и Сталинградом.

В лагере нашей эмиграции (как и испанской) медленно вызревал компромиссный подход к будущему родины и к тем, под чьей властью она оказалась.

«Нельзя оперировать раскрашенными картинками: красные — грабители и убийцы, белые — аскеты в белоснежных одеждах, — обращался к собратям на склоне лет видный эмигрант-монархист И. Солоневич (отсидевший в советском концлагере и в 1935 году бежавший оттуда). — У большевиков аскетизма было безмерно больше, как и изуверства».

Отвергая коммунизм и республику, Солоневич тем не менее подобно Милюкову делал вывод о неизбежности примирения. Он в полемике с непримиримыми эмигрантами (Бискупским, Гиппиус, Лампе, Мережковским, Шкуро) подчеркивал, подобно Волошину и Булгакову, что возврат к прежней России уже невозможен. «В страшном горниле выковывается новая Россия».

Оставшийся убежденным оппонентом социализма, Солоневич тем не менее указывал на отдельные достижения красных. Если

Керенский считал таковым индустриализацию России, то Солоневич — тягу советской городской молодежи к знаниям и к семейной жизни и уменьшение проституции.

И все же набравшие с обеих сторон силу тенденции к примирению были еще раз остановлены и разбиты.

Полное прощение белоэмигрантов и их потомков, вероятно, поставило бы СССР перед перспективой возвращения в его пределы большой человеческой массы порядка одного миллиона человек. (Еще несколько миллионов не стало бы возвращаться.) Страна с ее жилищной проблемой (не урегулированной до сих пор) физически не могла их принять. Это сильно отличало СССР от франкистской Испании.

Еще опаснее казалось другое обстоятельство. Прибытие сотен тысяч лиц из Западной Европы и Северной Америки с их многопартийностью и высоким уровнем жизни сулило некоторое повышение напряженности внутри СССР — подрыв авторитета государства и единственной партии, проникновение «чуждого образа жизни» и т.д.

События 1945—1946 годов показали, насколько тесно всевластие может соседствовать с параличом власти. Творилось нечто парадоксальное. Советское государство только что разгромило внешнего врага. Оно держало в руках всю экономику и духовную жизнь страны, слилось с единственной легальной партией, опиралось на разветвленные карательные органы, обладало внутри страны полной свободой действий. И это государство не пошло на примирение с когда-то побежденными политическими противниками из-за страха перед... трудностями, которые могло принести с собой примирение. Столь часто применявшийся большевиками лозунг «Мы не отступаем перед препятствиями, а преодолеваем их» в данной ситуации не имел действия.

В нашей стране, как и в Испании, примирение оказалось невозможным без основательных внутренних преобразований. Франко, официально не участвовавший в войне и боявшийся западных держав, как раз в 1944—1945 годах перешел к дозированным уступкам гражданскому обществу. Между тем наша победа над могучим внешним врагом — Германией породила у советского руководства сильнейшую политическую и психологическую самонадеянность, заблокировавшую либеральные реформы.

К этому добавилось действие другого фактора — холодной войны. Сотрудничество Сталина с Рузвельтом и Черчиллем сменилось к 1950-м годам новым противоборством СССР и Запада. Прощение связанных главным образом с Западом эмигрантов снова стало казаться правящим кругам СССР неуместным и политически вредным.

У этих факторов не оказалось противовесов, имевшихся в Испании. Гражданское общество даже в 1940-х годах не полностью оправилось от нанесенных ему ранее глубочайших политических и психологических травм. В Советском Союзе не было христианской доктрины и независимо мыслившего духовенства. И почти не осталось смелых и самостоятельных военных вроде Кейпо де Льяно и Ягуэ. Государственная политика оставалась слишком послушной каждому мановению руки очень узкой группы лиц, монополизировавших высшую власть.

К 50-м годам XX века СССР во многом вернулся к «политике отмщения», от которой тогда уже готовился отказаться Франко.

Немалая часть находившихся в Центральной Европе белоэмигрантов была арестована и репрессирована. Смертные приговоры получили в том числе сотрудничавшие с Германией и Японией бывшие военные деятели белых — Краснов, Семенов и Шкуро. Их подчеркнуто приговорили к повешению, что противоречило старинному праву офицера быть расстрелянным. Узаконенная в 1943 году в СССР смертная казнь через повешение была несомненным рецидивом гражданской войны.

Не было снисхождения и к штатским лицам, занимавшим в 1941—1945 годах патриотические позиции. Часть из них (философы-евразийцы во главе с С.В. Трубецким и Б.В. Энгельгардтом) погибла в концлагерях. Монархист В.В. Шульгин, давно отошедший от активной антибольшевистской борьбы, стремившийся на родину и добровольно явившийся в советскую комендатуру, испытал судьбу испанского интеллектуала Бестейро — он был в 1946 году приговорен советским судом к 25 годам заключения.

О добровольном возвращении десятков тысяч эмигрантов из Китая, о получении частью бывших врагов большевизма советского гражданства населению СССР официально не сообщалось. Концерты вернувшегося в Советский Союз в 1943 году А.Н. Вер-

тинского допускались только в отдаленных северных и восточных районах страны и никогда не комментировались печатью.

Строго засекречены (от собственного народа) были попытки советских писателей и дипломатов склонить к возвращению на родину получившего международное признание писателя, Нобелевского лауреата — эмигранта И.А. Бунина.

«Политика отмщения» обрела опасную инерцию. Поэтому последующее отступление советских властей от нее было тщательно дозированным и отличалось еще более низкими темпами, нежели в Испании.

В 1956 году советские правящие круги официально отказались от определения СССР как «диктатуры». Годом позже из 58-й статьи советского Уголовного кодекса был удален пункт о наказании за контрреволюционную деятельность. Пункт об участии в белых армиях был в 1960-х годах исключен из анкет.

День большевистской революции 7 ноября постепенно стал утрачивать функции главного государственного праздника. Примерно с 1975 года его роль перешла к общепатриотическому, лишенному классового содержания празднику — Дню Победы над Германией.

Некоторые уцелевшие в местах заключения белоэмигранты, начиная с Шульгина, были освобождены. Поселенный во Владимире Шульгин получил довольно высокий статус — ему разрешили давать интервью (изредка, строго отобранным лицам) и публиковать воспоминания, он стал персонажем публицистического фильма «Перед судом истории». Его даже снабдили гостевым билетом на XXII съезд КПСС.

Ненавистная эмигрантам большевистская революция юридически закончилась. Но бывшее участие в Белом движении осталось наказуемым по другому пункту той же статьи — об измене родине. Черта под гражданской войной по-прежнему не была подведена. «Революция продолжается» — таков был рефрен песни, часто гремевшей в 60—70-х годах по разным каналам радио и телевидения.

Изложение истории гражданской войны в школах и вузах СССР осталось политически пристрастным и потому крайне обедненным. Войну и ее последствия разрешали изучать только с по-

зиций победителей. Ее никогда не именовали катастрофой. Она преподносилась как время духовного подъема и даже роста народного благосостояния. Физические и нравственные страдания народа по обе стороны фронта, разрушение правопорядка и государственности, трагедии разделенных фронтами или границами семей, судьбы эмиграции и т.д. тщательно замалчивались.

Исследование Белого движения и жизни русского зарубежья даже в высокопоставленных исследовательских центрах — институтах Академии наук, Высшей партийной школе было вплоть до середины 1970-х годов невозможно. О написании фундаментальной истории белых армий нашим военным и гражданским аналитикам, в отличие от испанских, оставалось только мечтать.

Публицистический фильм «Перед судом истории» (1963), построенный в виде честной дискуссии между безымянным советским ученым и монархистом Шульгиным, мог стать заметной вехой в процессах общенационального примирения. Собственно, ради этого он и был снят. Но фильм демонстрировали только в одном столичном кинотеатре, а через несколько недель и вовсе изъяли из проката. Советский историк заметно проигрывал в полемике престарелому монархисту. К тому же с экрана впервые в СССР прозвучали непривычные слова о равной причастности красных и белых к казням и расправам. Лента пролежала в запасниках свыше трех десятилетий.

Начавшие выходить в свет с конца 1970-х годов крайне малочисленные работы о жизни наших изгнанников за рубежом («Полюнь в чужих полях» А. Афанасьева, «Агония белой эмиграции» Л. Шкаренкова) по-прежнему в одностороннем порядке возлагали вину за гражданскую войну на Белое движение.

Популярная тогда иллюстрированная «Неделя», давая понять, что участь изгнанников была горькой, тем не менее даже в 1978 году устами обозревателей В. Кассиса и Л. Колосова иезуитски спрашивала читателей о белоэмигрантах: «А кто им велел уезжать?» Обозреватели издевались над надгробной надписью ветеранов Дроздовской дивизии в Сен-Женевьев-де-Буа, мстительно напоминая читателям через полвека после событий, что белогвардейцы «жгли, угоняли скот, бесчинствовали».

Исследовать процессы общенационального примирения было разрешено только крайне малочисленным ученым-испанистам. Написанные ими тогда коллективные монографии «Испания XX века» (1967) и «Испания 1918—1972» (1975) исследовали эволюцию франкистской диктатуры и освещали переход страны от гражданской войны к примирению.

Характерно, что заниматься подобным анализом не разрешали гораздо более многочисленным советским американистам. В их работах примирение северян и южан в США, следовавшее за гражданской войной, всецело игнорировалось или же именовалось «предательством».

О сооружении памятников белым деятелям России не могло быть и речи. Их портреты отсутствовали в учебниках, монографиях, энциклопедиях. Их умерщвляли молчанием. (Автор этих строк впервые обнаружил фотографии Колчака и Деникина в 1970 году в венгерском иллюстрированном издании.) Не печатался замечательный примиритель Максимилиан Волошин. Под запретом оставались письма Короленко и «белый цикл» Цветаевой.

Марину Цветаеву, когда-то легально выехавшую из Советской России, от игнорирования при жизни и от длительного посмертного замалчивания не спасло даже ее добровольное легальное возвращение на родину. Не были востребованы в 1941 году и ее антигерманские настроения.

Массовые советские библиотеки, киноэкран и эфирное время заполнялись восторженными жизнеописаниями Блюхера, Тухачевского, Чапаева, Щорса, Ларисы Рейснер, «красных дьяволят», «великих голодранцев», «героев Первой Конной», «орлят Чапая», «неуловимых мстителей» и др.

И без того очерненные в печати образы белых еще более обеднялись и окарικатуривались при экранизации литературных произведений («Сердце Бонивура», «Тени исчезают в полдень», «Пароль не нужен»).

Даже в книгах, в сущности посвященных примирению («Два капитана», где герой — из стана победителей, а героиня — из лагеря побежденных), образы белых сугубо отрицательны.

Разрешенные к печати книги вернувшихся в СССР Александровского, Любимова не только тщательно цензурировались, но

и выходили ничтожно малыми — сравнительно со спросом на них — тиражами. Вполне верноподданнические воспоминания Вертинского вышли только посмертно, причем лишь в малодоступном широкому читателю журнальном варианте. Из более чем сотни песен Вертинского (сплошь лишенных политического содержания) разрешено было к исполнению всего 30.

Вопрос о цене победы красных в гражданской войне даже не ставился. Отваживавшиеся поднимать данный вопрос исследователи быстро лишались работы. В этом отношении СССР неумолимо отставал от Испании.

С 40-х до 80-х годов XX века советские СМИ никак не комментировали фактов возвращения на родину отдельных деятелей послереволюционной эмиграции — Вертинского, Коненкова, Цветаевой, Прокофьева и др. Скупые упоминания об этом были рассеяны по малотиражным или спецхрановским изданиям. Последним «возвращением», о приезде которого на родину сообщили газеты и кинохроника, был А.И. Куприн (1937).

О фактах героической гибели русских эмигрантов от рук нацистов в оккупированной Франции советские граждане стали узнавать с 20-летним опозданием — с 1965 года, когда некоторые борцы Сопrotивления русского происхождения были посмертно награждены советскими орденами.

В отличие от Испании, в Советском Союзе такие институты, как церковь и армия, даже во второй половине XX века не могли дать импульсов к общенациональному примирению. Со всей силой сказывались полное подавление свободы мнений в армии, политическое бессилие духовенства всех конфессий, придирчивая цензура на всех уровнях. Тем более не могли произвести подобных импульсов казенные профессиональные объединения, пронизанные подкупом, слежкой и доношением — союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов и др.

Во всем этом наглядно проявлялось роковое явление нашей истории XX века — сильнейшее разрушение ткани гражданского общества, которым сопровождалась наша революция и гражданская война.

Новая, третья по счету волна примирения стала поэтому плодом не государственной политики, а сугубо стихийных импуль-

сов, исходивших непосредственно из гражданского общества. Постепенно восстанавливавшее свои силы гражданское общество устало от постоянной борьбы с врагами, от «продолжения революции» и «повышения бдительности» (становившихся к тому же все более показушными). Оно стихийно и откровенно стремилось к гражданскому миру.

Третья волна примирения шла снизу. Она проистекала из менталитета городской интеллигенции — умственного авангарда общества, более всего пострадавшего от гражданской войны и ее последствий и более всего осмысливавшего ее.

Интеллигенция не в силу врожденных добродетелей, а в силу социально-профессионального положения имела наибольшие возможности освоения творчества литераторов, живших в белой России и послуживших соединительными звеньями между побежденными и победителями — Булгакова, Вертинского, Грина, Куприна, Паустовского, Толстого («красного графа»), Цветаевой, Шульгина.

Третья волна примирения стала заметной с конца 1950-х годов. Среди ее деятелей были отдельные литераторы, драматурги, кинорежиссеры. В отличие от двух первых волн, она не знала попыткого движения.

Необходимо отметить в этой связи повести «Жестокость» (1954) и «Пароль не нужен» (1965), пьесу «Однажды в двадцатом» (1967), кинофильмы «Служили два товарища» (1968) и «Бег» (1970), телесериалы «Адъютант его превосходительства» (1970) и «Дни Турбиных» (1976). Каждое из данных произведений становилось событием.

Ранней ласточкой третьей волны стала повесть П. Нилина «Жестокость» (вскоре экранизированная). Она довольно откровенно обвиняла в жестокости и вероломстве не белых и не зеленых, а красных.

Повесть Ю. Семенова «Пароль не нужен» подробно рассказывала о развитой политической демократии в занятом белыми Приморье и о сильных разногласиях в лагере белых, умело разжигавшихся красной агентурой. (В киноверсии повести эти мысли искусственно сглажены, а многозначительные слова одного из персонажей о мертвых белых и красных: «Все они — русские»

изъяты.) Знамением времени стала публикация повести в органе ЦК комсомола — журнале «Молодая гвардия».

Пьеса «Однажды в двадцатом» фактически ставит на одну доску красного политработника и белого офицера, высвечивая их общую принадлежность к неспособной на изуверство интеллигенции, и сосредотачивает критику на зеленых. Выведенная под псевдонимом Казачки Землячка и красный командир «чапаевского» типа не вызывают у автора симпатии. Написанная Н. Коржавиным пьеса имела успех, но немедленно вызвала протесты ветеранов гражданской войны и была снята после двадцатого спектакля.

Сценарий «Двух товарищей» Ю. Дунского и В. Фрида подвергся сильной цензурной переработке — художественный совет киностудии был против подробного показа жизненного пути одного из главных персонажей лишь потому, что он был белогвардейцем. Сценаристов заставили сделать главным героем картины благородного красного бойца. Но и в изуродованном виде фильм прозвучал протестом против близорукости и непримиримости обеих сторон.

В «Адъютанте его превосходительства» (сценаристы — И. Болгарин и Р. Северский) главное — уже не военные действия. Первенствующей темой стало единение красных и белых против откровенных бандитов — зеленых. В критическом свете показаны карательные органы обеих сторон — ВЧК красных и контрразведка белых.

В кинофильме «Достояние республики» (1970) в центре внимания — уже не красные, а колеблющийся благородный персонаж Маркиз и не запачканный ничьей кровью беспризорник Кешка. Главный удар направлен снова против зеленых, а не Белого движения.

Роман В. Пикуля «Моонзунд» (1973) с симпатией показал советскому читателю внутренний мир офицера-патриота — непримиримого противника большевиков. В книге впервые в СССР без всякой враждебности было рассказано об адмирале Колчаке. Такой подход казался тем более неожиданным, что Пикуль происходил из политически сверхблагонадежной семьи советского комиссара.

Парадоксом было то, что подобные книги, пьесы и сценарии писали (а фильмы ставили) члены огосударственных творческих союзов, уставы которых требовали «показывать жизнь в ее революционном развитии», т.е. восхвалять власть победителей или по крайней мере оправдывать ее. Нилина, Пикуля, Коржавина и других подвергали въедливым идеологическим проработкам, их часто вычеркивали из издательских планов, не допускали к некоторым бытовым привилегиям, не выпускали за границу и др., но не исключали из союзов и не предавали суду. С другой стороны, никто из названных личностей, кроме Ю. Семенова, не вошел в круг любимцев власти и не получил постов в руководстве союзов.

Руководство творческих союзов по-прежнему оставалось всецело преданным коммунистической власти. Но часть рядовых членов союзов уже мыслила самостоятельно и имела возможности влиять на читателей и зрителей в духе, мало желательном правящим кругам СССР.

Огромным успехом у советской публики пользовался «Бег», пронизательно названный большевиком Керженцевым в 1930 году апологией белогвардейщины и потому пробывший под запретом до 1958 года. (Фильм же появился еще 13 годами позже — режиссеры В. Алов и В. Наумов не сразу получили разрешение на постановку.) Жгучий интерес и сострадание публики вызвали сразу два белых военачальника — великодушный порывистый фронтовик Чарнота (генерал Барбович) и расчетливый безжалостный командующий Хлудов (генерал Слащов).

Запечатленное Булгаковым и постановщиками фильма обращение белого офицества к предпринимателям тоже нашло у советских зрителей полное понимание. Впервые в советском искусстве Белое движение было показано независимым от бизнеса.

Шаг за шагом происходило то, чему противились бывшие красные на разных уровнях власти. Гражданское общество (особенно городское) все более интересовалось не победителями, а побежденными и мало-помалу стало симпатизировать им. На советской сцене, в беллетристике и на экране красные становились все более однотонными, скучными, резонерскими фигурами, в то время как образы белых обретали живые и привлекательные черты.

Органы власти однопартийной диктатуры уже не могли изменить общего хода событий. Носителям власти в 70—80-х годах XX века не хватало неумолимой решительности и бесчеловечности, принесших ранее победу их предшественникам. Но их пассивное сопротивление, разумеется, сильно затянуло весь процесс.

Общенациональное примирение могло в таких условиях происходить только подспудно, окольными путями, благодаря инициативам отдельных личностей, не обладавших административной властью. Встречая множество препон, гражданское общество выполняло работу, которую гораздо быстрее могло выполнить государство. Значительный пласт времени был нашей страной безвозвратно утрачен.

Но ход событий уже стал необратимым.

В 70-х — начале 80-х годов знаменем времени стало увлечение советской городской молодежи анонимными тогда песнями и романсами, славившими неравную борьбу Белого движения и его страдания за рубежом. Исполнявшийся в неформальной обстановке в нескольких вариантах «Поручик Голицын» был обречен на успех.

Восхищение же красными вышло из моды и к 80-м годам окончательно стало признаком дурного вкуса. Восхвалявшие победителей книги Безыменского, Жарова, Сейфуллиной, Фадеева, Фурманова и сделанные по их мотивам спектакли и фильмы перестали находить спрос. Произведения большей части названных авторов были постепенно изъяты из школьных программ.

Любопытным феноменом стало отмежевание от красных преуспевавшего литератора-коммуниста В. Солоухина, получившего возможности общения с потомками белоэмигрантов. В прошлом комсомолец и кремлевский курсант, уверенно делавший карьеру в Союзе советских писателей, Солоухин в 1960-х годах вдруг стал монархистом, демонстративно носил перстень с изображением Николая II и опубликовал за рубежом брошюру, откровенно направленную против красных и их руководителей («Читая Ленина»). С 1976 года он тайно распространял среди знакомых антикоммунистическую публицистику, в которой защищал доброе имя Белого движения. Солоухина постигла судьба испанского примирителя Дионисио Ридруэхо — он не был ни арестован, ни исключен из партии и даже продолжал печататься.

Показательно, что в поисках выхода из положения Солоухин обратился к... действиям Франко. Мечтая с единомышленником об антибольшевистском перевороте, Солоухин назвал его датой 18 июля — день восстания испанских националистов.

К середине 80-х годов XX века плоды стихийного общенационального примирения снизу стали ощутимыми. Большинство советской молодежи отвернулось от ортодоксальных советских версий гражданской войны. Все более равнодушным или враждебным становилось отношение молодого поколения к неотъемлемым составным частям наследия большевиков — однопартийности, марксизму-ленинизму, монополю государственной собственности и т.д.

Красные (как и испанские националисты) выиграли гражданскую войну, но проиграли борьбу за собственных внуков. Это образovalo внешне малозаметный, но серьезный фактор распада и крушения однопартийной советской власти в 1985—1991 годах.

Как и в Испании, одержанная некогда военная победа не спасла в дальнейшем победителей в гражданской войне от политического и нравственного поражения. Подтвердилась старинная истина: «С идеями не воюют пушками».

Мы видим, что две волны общенационального примирения в России сопровождались только частичными успехами и каждый раз заканчивались движением вспять с отказом от многого, казалось бы уже достигнутого. Лишь третья волна переросла в прорыв и крушение многих догм нашего «крестового похода».

На восстановление разрушенной в 1917—1922 годах ткани гражданского общества у нас ушло свыше полувека. В эти полстолетия государство победителей располагало почти полной свободой действий. (О такой свободе мог только мечтать каудильо Франко.) Потому-то наше государство смогло дважды погасить многие освободительные и примирительные импульсы, исходившие, несмотря ни на что, из обескровленного и деморализованного общества.

Стихийно и подспудно продуцировавшее третьую волну примирения гражданское общество одержало в 80—90-х годах XX века победу над однопартийным государством. Это одна из немно-

гих позитивных побед, когда-либо одержанных гражданским обществом нашей страны над собственным государством.

Столь трудной, мучительной и извилистой дорога к примирению не была ни в США, ни в Испании. Завершив нашу гражданскую войну заметно раньше испанцев, мы в темпах общенационального примирения и в его результатах уступили им (хотя испанцы, а не русские издавна считались свирепым и мстительным народом). Вышло так, что не мы испанцам, а испанцы нам указали пути к преодолению вражды.

Только после 1991 года наше общество и государство в условиях свободы мнений пришли к сбалансированным оценкам плодов гражданской войны и ее издержек. Оптимистические и романтические мифы о ней ушли в прошлое. Восторжествовал гуманизированный подход к войне как к катастрофе, включающий скорбь о человеческих потерях и о судьбе обеих сторон.

К концу XX века мы выяснили, что в гражданской войне не оказалось победителей. Белые лишились родины, социального статуса и собственности. Красные расплатились потерей накопленного страной умственного капитала и оказались надолго зараженными нетерпимостью, экономической бесхозяйственностью и расточительностью, от которых мы не можем избавиться до сих пор.

Из многочисленных персонажей нашей гражданской войны наибольший интерес и уважение публики в наше время вызывают личности, решительно пытавшиеся уменьшить количество расправ, рискуя собственной жизнью (Волошин, Короленко); раскаявшиеся в злодеяниях (Слащов); принявшие смерть с достоинством (Гумилев, Колчак); не запятнавшие себя истреблением безоружных и беспомощных (Котовский, Миронов, матросы Кронштадта).

К началу XXI века былой культ красных сменился, особенно у студенчества, некоторым предпочтением белых.

Положительную политическую и нравственную функцию выполняют публичные церемонии в русле общенационального примирения — реабилитация властями Петербурга кронштадтских повстанцев (1994); увековечивание памяти жертв и деятелей гражданской войны — императора Николая II в Екатеринбурге и в

Подмосковье, Колчака — в Омске и Иркутске; перезахоронение Николая II в Петропавловском соборе (1998).

Основной большевистский праздник — день Октябрьской революции переименован в День примирения и согласия.

К XXI веку мы достигли компромисса в государственных эмблемах современной России. Если гимн остается советским, то герб и флаг страны теперь отражают символику Российской империи.

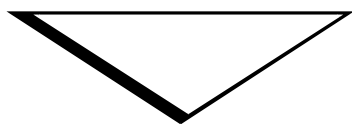
Ушли в прошлое запреты на ношение белогвардейской военной формы и наград, на исполнение и публикацию песен Белого движения.

Политически и нравственно деление России на победителей и побежденных перестало существовать.

Но общенациональному примирению недостает законченной правовой основы. После 1991 года не последовало официальной амнистии белых и зеленых. Оставшиеся в живых престарелые белоэмигранты не имеют в России даже номинального права на пенсию.

Наша страна — крупнейшая на земном шаре, а нашу гражданскую войну зарубежные исследователи приравнивают к Холокосту. Однако в огромной стране не существует ни одного совместного захоронения бывших противников, подобного Арлингтонскому национальному кладбищу в США или Долине павших в Испании. Нет у нас и мемориальных развалин гражданской войны, подобных испанскому городу Бельчите.

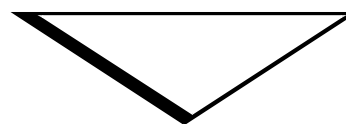
В массовом сознании нашего общества сохраняются тесно связанные с тоталитарным прошлым пустоты, питающие открытый вандализм в массовом поведении (хотя вовсе не являющиеся его единственной предпосылкой). Из четырех памятников зверски убитому последнему российскому императору Николаю II два уже разрушены при помощи взрывчатки. Эти пустоты порождены долгой эпохой ненависти и обмана, воздействие которой мы продолжаем ощущать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Количество военной техники, направленной в Испанию Германией, Италией и СССР

	Германия	Италия	СССР
Орудий	700	3456	1186
Танков и броневиков	200	950	410
Самолетов	600	763	647
Живой силы	16 000	72 000	5000

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- В.В. Гагин. Воздушная война в Испании. Воронеж. 2001.
Г. Гофман. Маннгейм — Мадрид — Москва. Воспоминания. М., 1982.
Испания 1918—1972. Исторический очерк. М., 1975.
Коллектив авторов. Испанские короли. Ростов. 1995.
В. Колпакиди, Е. Прудникова. Двойной заговор. М., 2000.
Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001.
Ленинградцы в Испании. Л., 1986.
Э. Листер. Наша война. Мемуары. М., 1969.
С.В. Любарский. Некоторые оперативно-тактические выводы из войны в Испании. М., 1939.
М.Т. Мещеряков. Испанская Республика и Коминтерн. М., 1981.
Морское соперничество и морские конфликты 1919—1939. М., 2003.
М.В. Новиков. СССР, Коминтерн и война в Испании. Ярославль, 1995.
Д. Оруэлл. Памяти Каталонии. М., 1998.
Проблемы испанской истории. М., 1992.
П.А. Смирнов. Прорыв укрепленной полосы. М., 1941.
П.А. Тулаев. Консервативная революция в Испании. М., 1994.
Уроки пакта Монклоа. М., 1991.
Э. Хемингуэй. По ком звонит колокол. Разные издания.
Е. Ходжес. Франко. М., 2003.
И.В. Шмелев. История танков. М., 1997.
А.В. Шталь. Малые войны 20-х — 30-х годов XX века. М., 2002.
Эбро и Сегре. М., 1940.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	5
Глава 1. НАКАНУНЕ ГРОЗЫ	7
Глава 2. «НАД ВСЕЙ ИСПАНИЕЙ НЕБО ЧИСТОЕ»	41
Глава 3. ОТ ГИБРАЛТАРА ДО МАДРИДА	58
Глава 4. БИТВА ЗА СЕВЕР	143
Глава 5. БУРЯ В ЛЕВАНТЕ	203
Глава 6. МАРТОВСКИЙ ТРИУМФ	279
Глава 7. ТРУДНЫЙ ПУТЬ К МИРУ	299
<i>Помирились ли мы? Вместо послесловия</i>	320
Приложение	346
Краткая библиография.....	347

Данилов С.Ю.
Д 18 **Гражданская война в Испании (1936 — 1939).** — М.: Вече,
2004. — 352 с. (Военные тайны XX века)

ISBN 5-9533-0225-8

Многие из событий 1930-х годов (вооруженная борьба в Китае, агрессия Италии против Эфиопии) давно канули в Лету, о них почти не вспоминают. Этого нельзя сказать о вспыхнувшей тогда же гражданской войне в Испании (1936—1939). Разразившаяся в небольшой, в тот период захолустной стране Европы, испанская война вскоре надолго приковала к себе внимание всего международного сообщества и стала затем неотъемлемой частью всемирной истории. Об испанской войне писали прославленные литераторы, ставили кинокартины «Мосфильм» и Голливуд, ей посвятили свои исследования гражданские и военные историки, социологи и журналисты разных стран.

Книга историка С.Ю. Данилова рассказывает, как и почему появилась «испанская легенда», в чем специфика испанской гражданской войны, а главное, как через много лет бывшие враги пришли к примирению и почему то же самое не произошло в России. Автору удалось в своей работе избежать идеологизированных штампов и схем, провести объективный анализ военно-политических событий, социально-экономических и культурных процессов в самой Испании и вокруг нее.

Сергей Юльевич Данилов
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ
(1936 — 1939)

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *И.Н. Качалова*
Корректор *С.И. Смирнова*
Верстка *И.В. Резниковой*
Разработка и подготовка к печати удешевленного
оформления — *Д.В. Грушин*

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
www.100top.ru

Подписано в печать 28.01.2004. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 11,0. Тираж 3 000 экз. Заказ .